В. И. БОЛДИН

КРУШЕНИЕ ПЬЕДЕСТАЛА

В. И. БОЛДИН КРУШЕНИЕ ПЬЕДЕСТАЛА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор книги, в прошлом руководитель аппарата Президента СССР, помощник генерального секретаря ЦК КПСС, более десяти лет работал с М. С. Горбачевым — до августа 1991 года. Он стал свидетелем многих драматических событий, развернувшихся в нашей стране, борьбы за власть и смены за короткий срок четырех лидеров партии. Размышляя о причинах развала Советского Союза, крушения КПСС, В. И. Болдин приводит многие малоизвестные факты деятельности руководителей партии, работы Политбюро и Секретариата ЦК. Он предлагает читателю свое собственное видение и оценку происшедшего, уделяя особое внимание восхождению к вершинам власти М. С. Горбачева. Точку зрения автора можно принимать или оспаривать, но она имеет право стать известной читателю.

- Валерий Иванович Болдин
  - Предисловие
  - Крымским спецрейс
  - Траурный этап развитого социализма
    - Встреча с Горбачевым
    - Экономика на грани развала
    - Как вызревала перестройка
    - Возвышение
    - Тревожное время
    - Канун больших перемен
    - Восхождение к вершинам
  - Поиск реформаторских идей
    -
    - Истоки
    - Поездки по стране, по пути перестройки
    - XXVII съезд КПСС
    - Зарубежные визиты
    - Демократические реформы
  - Кто и как осуществлял руководство партией и страной
    -
    - Чем занимался Секретариат ЦК
    - Главная политическая кухня
    - Борьба под кремлевскими коврами
    - Пленумы Центрального Комитета КПСС
    - Документы партии
  - Кое-что о привилегиях
    -

        - Жизнь в светлом будущем
        - Борьба с излишествами
        - Партийные лидеры: режим труда и отдыха
    - Закат перестройки
        -
        - Начало раскола партии
        - Демократизация по-горбачевски
        - Последний съезд КПСС
        - Хождение в президенты
        - Ново-огаревский тупик
        - Нет такой партии, нет такого государства
    - Итоги перестройки: успех или поражение?
        -
        - Три года спустя (Вместо послесловия)
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6

Валерий Иванович Болдин
Крушение пьедестала
Штрихи к портрету М. С. Горбачева

Предисловие

Последние страницы этой книги дописывались в дни, когда рушилась не только социалистическая система Советского Союза, но и его государственность. Никогда еще за многие столетия наша страна не переживала столь драматических событий, как в начале 90-х годов XX века. Ни мировые войны, ни революции, ни военно-экономическое противостояние двух могущественных блоков государств не могли сокрушить и расчленить великую державу. Советский Союз был взорван изнутри, разрушен небольшой группой влиятельных лидеров партии и государства, оппозиции, выдвинувших поначалу благородные лозунги и высокие цели — поднять могущество страны, реформировав все сферы общества на социалистической основе. Но в силу борьбы за лидерство, личных амбиций они довели производство до упадка; пожертвовали интересами государства и народа; привели страну к распаду, кровопролитию, обнищанию и растлению многих слоев общества; исходу русских с земель, на которых в прошлом десятилетиями и даже столетиями жили их предки, где остались могилы пращуров, святые храмы, отчие дома; деградации науки, прежде всего фундаментальной; обесценению интеллектуального потенциала государства, унижению культуры, подрыву многих основ образования, здравоохранения. Считаю своим моральным долгом рассказать о главном действующем лице и организаторе всего случившегося — М. С. Горбачеве, так как был в его команде и видел трансформацию его идей, мировоззрения, подмену провозглашаемых на словах лозунгов разрушительными практическими делами или преступным бездействием по реформированию общества. В книге рассказывается об истоках формирования Горбачева как политического лидера, о продвижении генсека по ступеням власти, борьбе за лидерство в Политбюро и Секретариате ЦК, в законодательных органах.

Когда 11 марта 1985 года М. С. Горбачев на внеочередном Пленуме ЦК был избран на пост генерального секретаря ЦК КПСС, он уже имел намерение осуществить реформы в жизни общества. Правда, в то время у него не существовало какой-то стройной и последовательной концепции перемен. Скорее намерения его носили косметический характер. И уж, конечно, это не была перестройка всех сторон жизни страны, которая позже показала всему миру свой словесный радикализм и практическую немощь. На страницах книги говорится о том, как вызревали идеи перестройки, кто стоял у ее истоков, выдвигал идеи реформирования общества, его демократизации, гласности.

Прежде всего я хотел рассказать о М. С. Горбачеве как о человеке, его характере, привычках, пристрастиях, симпатиях и антипатиях, личных качествах, методах его работы, усилиях по осуществлению перемен в обществе. Но книга все-таки не только о нем. Она рассказывает о деятельности партии, ее состоянии, работе высших органов КПСС, расстановке сил в Политбюро и постоянной борьбе за власть и влияние в обществе партийных лидеров. Ни Горбачеву, ни кому-то еще не удалось бы развалить страну, не будь партия ослабленной в результате условий ее формирования, деградации лидеров, потери темпов научно-технических преобразований в экономике страны. И конечно, эта обстановка благоприятствовала усилению позиций отечественных антагонистов социализма. Нельзя сбрасывать со счетов и влияние мощной подрывной пропагандистской работы западных спецслужб.

Неумело выпустив джина из бутылки, Горбачев не удержал в своих руках положение в партии и стране. Он вынужден был сдавать одну позицию за другой, не смея признаться, что делает это не столько по своей воле, сколько под натиском обстоятельств. И отражение этого периода представляет важный фрагмент в общей картине разрушения Советского Союза. Ново-Огаревский процесс, выработка нового Союзного договора, способствующего расчленению страны, всколыхнула силы, выступающие против такого хода дел. Настала пора открытой критики действий президента СССР, который не мог или боялся отстаивать свою позицию. Горбачев оказался в политическом тупике и изоляции. Иногда он сомневался в своих действиях, но безвольно плыл по течению, понимая, что новый Союзный договор лишает его сколько-нибудь серьезной самостоятельной власти, а мощное давление российского руководства делает проблематичным само президентство Горбачева. Поэтому всеми своими словами и действиями он подталкивал руководителей силовых министерств, партии к крайним мерам — введению чрезвычайного положения в основных регионах страны. Не был он удивлен и приездом известных ему людей, которые довели до его сведения мнение большинства членов Совета Безопасности о необходимости взять на себя ответственность за пресечение развала государства, экономики, армии. Именно так страна подошла к событиям августа 1991 года, о чем подробно читатель может узнать на страницах этой книги.

В основе ее лежат личные впечатления от общения с М. С. Горбачевым, другими лидерами партии и государства, многочисленные документы, мои дневниковые записи, беседы с людьми, хорошо знающими генсека по совместной работе в

Ставрополе и Москве.

Вряд ли эта книга была бы написана, если бы не те измышления, которые распространяют Горбачев и его окружение относительно событий минувшего времени, а также о многих бывших соратниках по партии и государству. Потребовалось восстановить истину, хотя книга не охватывает всех событий и фактов, касающихся деятельности генсека-президента. Для описания одних — не пришло время, или они составляют секреты государства, другие касаются лиц, которых я глубоко уважаю и не хотел бы всуе их упоминать, третьи столь неприглядны, что даже говорить о них безнравственно.

Как всякая работа подобного жанра, она не претендует на полноту изложения характеристик действующих лиц и движущих сил. *Я* не ставил своей целью строго соблюдать хронологию событий, и поэтому в ней немало отступлений исторического и иного порядка. Нельзя забывать и о том, что книга написана о главных лидерах партии и страны, о событиях, все еще остающихся в памяти многих людей, которые имеют свою субъективную точку зрения на все происшедшее.

Со времени крушения социализма минуло четыре года. Сейчас стало известно многое о деятельности тех, кто исподволь готовил переворот, подтачивая устои государства, содействовал подмене нравственных ценностей. Но мне не хотелось бы переделывать то, что было написано в экстремальные дни осени 1991 года. И потому максимально сохраняю дух, настроение, ход мыслей, которые были в тот период потрясений в нашей стране. Возможно, в последующем я уточню какие-то детали, суждения, углублю анализ причин драмы, которая разыгралась на великих просторах шестой части суши.

Я заранее прошу прощения у тех, чьи имена я упомянул без разрешения или недооценил их роли в истории перестройки. Не имел я корыстных, недобрых намерений и по отношению к тем, кого, может быть, незаслуженно обидел или превознес.

В заключение хочу выразить благодарность всем, кто счел возможным оказать мне помощь в подготовке и публикации этой работы.

Крымским спецрейс

Взвизгивает и скрежещет стальная дверь; меня вводят в камеру, и слышно, как в замке закрывшейся двери гремят ключи. Я остаюсь в полумраке и сразу не могу различить, что это. Тотчас наталкиваюсь на стальные нары. В полуметре умывальник и унитаз. Окна нет, лишь стальная пластина с просверленными отверстиями. Приглядевшись, вижу — одиночка три метра на два. Сажусь на нары, еще раз озирая свое новое узилище. Да, одиночка, впрочем, это и лучше. Видеть никого не хочу. Под мышкой еще держу вещички, которые мне оставили. Но ни ремня, ни галстука, ни шнурков нет. Документы, деньги изъяты. Оказалось, мне не нужно и многое другое. Ну что ж, им видней. Ложусь на стальные ленты нар и чувствую холодный металл. Часов через пять дверь отворяется и прямо в раковину ставят то, что они называют обедом. Я не притрагиваюсь к пище. Через час ведут куда-то наверх и скоро попадаю в камеру, где на меня с любопытством взирают две пары глаз. Видя мое состояние, люди уступают нижнее место, помогают расстелить матрас из свалявшейся ваты. Я укладываюсь, пытаясь согреться, но только верчусь от неудобства и боли. Что ж, это надо пережить — впереди только худшее.

Еще сегодня я лежал в больнице и под утро проснулся, услышав в коридоре сдавленный шепот. Затем дверь отворилась и заглянула сестра. «К вам врачи», — сказала она, и на лице женщины был столь явный испуг, что я все понял: это за мной. Халаты сброшены, мне протягивают ордер на арест, подписанный Трубиным, Генеральным прокурором СССР. Человек, показавший мне эту бумагу, удивительно похож на майора Томина из телевизионного сериала «Следствие ведут знатоки». У этого «знатока» то же интеллигентное лицо, хорошие манеры. Одеваюсь и скоро оказываюсь в «Жигуленке», который колесит по кривым переулкам. Водители они, как говорят, аховые. Москву знают плохо, поиски нужного дома отнимают немало времени, мы то и дело попадаем в какие-то тупики. Впрочем, улицы Москвы в этом районе сильно перекопаны, идет ремонт домов и коммуникаций. Наконец добираемся: «Матросская тишина», СИЗО-4.

И вот я здесь, обыскан, отобраны многие вещи. В голове крутятся события последних дней, тот путь, который привел меня, да и не только меня, в это «милое местечко».

…— Завтра в 14 часов из Чкаловской будет готов к полету самолет министра обороны. Надо быть вовремя, — так

закончился разговор 17 августа в Доме приемов КГБ, именуемом объектом АБЦ.

— Сможешь ли ты полететь? Президенту надо сказать всю правду о положении в стране. Подписание нового Союзного договора обострит обстановку, может привести к столкновениям и гражданской войне. Тебе он поверит.

Последнюю неделю я находился в больнице, где почти каждый день лежал с капельницей, самочувствие было тяжелым. Но озабоченность положением в стране, которая находилась на грани распада, заставляла пренебречь многим.

…И вот Чкаловская. Сегодня, 18 августа, День авиации. На аэродроме видны не только военные, но и штатские, видимо, были праздничные мероприятия у летчиков. Несколько черных «Волг» подкатывают к самолету. Здороваемся с летчиками, поднимаемся по узкой и крутой лестнице на борт самолета Ту-154. Обычного трапа здесь нет. Пилоты помогают войти в салон. О. Д. Бакланов, О. С. Шенин, В. И. Варенников и я размещаемся в салоне самолета министра обороны СССР. Большой стол посередине, широкие раздвигающиеся двери, по одну сторону диван, по другую — удобные кресла, сбоку подставные мягкие пуфики. Снимаем пиджаки. Мимо дверей проходят какие-то военные, люди в штатском и скрываются в чреве других салонов. В. И. Варенников дает команду на взлет.

Запускаются двигатели, самолет вздрагивает и выруливает на старт. Без задержки взлетает, легко отрываясь от земли, и я вижу родное Подмосковье, рощи, озера и вьющиеся змейки речушек, дачные поселки. Крутой подъем переходит в плавный набор высоты. Клочья облаков все больше закрывают землю, и потом она видна лишь с большой высоты: зелено-желтые поля, поселки и подмосковные сады и огороды. Впереди два с лишним часа лету. И мысленно начинаю обсуждать наш поступок. Зачем мы здесь? Что привело к необходимости сказать о тяжелом положении в стране?

Уже с января 1991 года разговор о нарастающих трудностях в кругу Горбачева шел регулярно. Политическая и экономическая обстановка в стране критическая. Президент был озабочен состоянием дел, поручал ряду членов Совета Безопасности подготовить предложения по введению чрезвычайного положения. Выслушивал их, но пока ничего не решал. Несколько раз он встречался с секретарями ЦК, Язовым, Крючковым, Тизяковым, Баклановым. Они, каждый со своей позиции, рисовали картину развала экономики, возможного распада государства. Новый проект Союзного договора игнорировал мнение народа, выраженное на состоявшемся референдуме, о

едином Союзе.

Центробежные силы в союзных республиках и прежде всего в России неудержимо вели к разобщению. Шла война законов. Республики принимали решения о приоритете своих законов над союзными, и правовой хаос быстро нарастал. Неспособность центра удержать власть и руководить государством становилась все более очевидной.

Тяжелое положение складывалось в армии и оборонном комплексе. Атомное оружие требовало контроля, постоянной проверки и своевременной замены боезарядов — иначе могло произойти непоправимое. Недостаточное внимание к оборонным заводам, занятым производством атомного сырья, созданием и заменой зарядов, вело к их остановке, квалифицированные люди уходили.

Группа известных академиков-атомщиков поставила в известность президента о небезопасности дальнейшего положения в атомной индустрии. Но особенно тяжело было в армии. Сокращение ее увеличило долю офицеров, социально не защищенных, не обеспеченных квартирами. Экономика продолжала катиться под гору. Разрывались связи с поставщиками сырья, комплектующих изделий, начался разгул бартерных операций. Сокращались добыча и поставка угля, нефти, руды и других видов сырья и топлива.

В то же время президент думал совсем о других вещах. Он беспокоился об упавшем почти до нуля авторитете и искал пути его повышения любыми средствами, готовил к изданию свою новую книгу, помогал в издании воспоминаний супруге, за которые по договору она должна сразу получить весьма крупную сумму в валюте, а там еще переиздания… Кроме того, книга должна была издаваться и у нас. Раиса Максимовна часто звонила, интересуясь, в каких издательствах лучше выпустить своего «первенца».

Семья президента готовилась пережить трудное время, запасаясь валютой. На счету Горбачева уже имелось в общей сложности свыше миллиона долларов, полученных за публикации за рубежом с помощью Всесоюзного агентства по авторским правам. Кроме того, были многочисленные подарки из драгоценных металлов, всевозможные валютные премии, другие ценности. Все это настораживало: может ли беспокоить президента судьба Родины, остается ли у него время заниматься государственными делами, экономикой, социальным положением людей?

В последнее время руководители многих отраслей, предприятий, депутаты писали о трудном положении, о

необходимости искать пути решения проблем. Они стучались в двери президента и нередко встречались с ним. Но кончалось все это ничем, он обычно говорил:

— Ищите, товарищи, решения. Все разумное будет принято. Да и вам никто не мешает работать. Действуйте.

Но чувствовалась неуверенность в его словах, боязнь принимать какие-либо серьезные меры. Все чаще круг встреч Горбачева ограничивался только беседами с иностранцами. Они похваливали президента и фотографировались с ним. На этом дело чаще всего и кончалось. Ни кредитов, ни иной помощи не было. Даже встреча в Лондоне с «семеркой» ничего, кроме благих намерений западных участников ее, не дала.

С начала 1991 года президента беспокоила личная непопулярность среди населения, а главное — неудержимый рост авторитета Ельцина. М. С. Горбачев в этой связи не раз собирал узкий круг доверенных лиц и обсуждал свое будущее: впереди возможны всенародные выборы президента СССР — какие можно принять меры по повышению популярности? Можно ли рассчитывать на победу? Насчет победы многие мялись, а что касается мер, то говорили определенно — наведение порядка в стране, борьба с преступностью, приостановка разгула национализма, этнических волнений и кровопролития, улучшение дел в сельском хозяйстве и промышленности. А главное — определенность: если рынок — тогда надо действовать, если прежние методы — надо придерживаться их. После таких встреч М. С. Горбачев вроде оживлялся, давал поручения.

Причем речь шла о конкретных вопросах. Одно из таких предложений президент поручил готовить Тизякову, Бакланову и некоторым другим хозяйственникам и экономистам из правительства. В. С. Павлову предлагалось разработать антикризисную программу. Собирались совещания, рассматривались предложения. Но все оставалось по-прежнему. Президент так и не осмелился принять программу улучшения дел в экономике и перехода к рынку ни за триста дней, ни за пятьсот дней. Его воля была парализована, и Горбачев уже не был способен принимать какие-либо ответственные решения. Сил едва хватало на встречи с политическими деятелями Запада, написание статей, подготовку интервью.

Однажды на одном из узких совещаний в рассуждениях о возможных выборах президента СССР проскользнула мысль, что поднять рейтинг Горбачева можно и за счет того, чтобы как-нибудь его «обидеть».

— У нас любят обиженных, убогих и сирых, — говорили

тогда. Мысль промелькнула и вроде была забыта.

Становилось все более очевидным, что борьба за спасение страны уже давно перешла в борьбу за выживание и популярность Горбачева. Но неспособность его к решительным переменам не могла принести положительных результатов.

Шла сдача позиции за позицией. Причем это не была линия на переход к рынку. Даже в этом деле не хватало силы и мужества занять твердую линию и последовательно ее проводить. Велась какая-то сложная игра.

Понимание Горбачевым рыночных отношений достигалось непросто. В 1984–1985 годах он вообще не воспринимал эти слова, пугался их и всячески избегал.

Какие дискуссии тогда проходили, чтобы объяснить, что рынок, товарно-денежные отношения есть и при социализме, хотя рынок ограничен рамками жесткой командно-административной системы! Многочасовые и многодневные споры постепенно продвинули его в понимании многих экономических категорий, но происходило это в основном после соответствующих публикаций в печати, которая по таким вопросам выступала смелее.

Вообще-то вопросы экономики поначалу давались Михаилу Сергеевичу весьма трудно. Хотя надо отдать должное: он, быстро схватывая многие идеи, начинал оперировать ими так активно, что лишь по некоторым высказываниям можно было обнаружить отсутствие систематических знаний в политэкономии.

По образованию юрист, он никогда не работал по специальности, и вся его жизнь связана с организационно-партийной и сельскохозяйственной деятельностью. Работая на Ставрополье, Горбачев, видимо, неплохо знал сельское хозяйство, окончил заочное отделение сельскохозяйственного института. Перейдя в центральные органы, он поначалу довольно свободно оперировал понятиями на уровне края и лишь позже, но довольно быстро поднялся в понимании дела до масштабов страны, хотя быстрое перепрыгивание через ступеньки оставляло большие пробелы в его знаниях и опыте работы. Когда в 1982 году в ЦК пришел Андропов и начал привлекать Горбачева к активной работе в Политбюро, он стал заниматься более широким кругом вопросов. Но и здесь, как я заметил, основную ставку Михаил Сергеевич делал на публикации, считая слово своим главным делом, одним из важнейших методов работы.

Вообще на все возникающие вопросы жизни, даже очень сложные, он говорил:

— Надо написать статью или книгу. Садитесь, готовьте предложения.

Даже вернувшись из Фороса, Горбачев сказал на пресс-конференции, что во время отдыха писал статью, где затрагивал вопросы попытки переворота. Впрочем, ему это было нетрудно сделать и до отпуска.

Все, кто знал Горбачева довольно близко, видели его колебания, понимали безысходность положения. Страна стояла на грани развала, гражданской войны, разрухи, и оздоровительные меры были просто необходимы. Президента СССР все больше загоняли в угол руководители России, других республик, они диктовали ему условия, оказывали влияние на выбор им кадров. Незадолго до отъезда в отпуск Горбачев неожиданно спросил меня:

— Ты знаешь о моей встрече с. Ельциным и Назарбаевым? Они настаивают на том, что Крючкова и Язова надо убирать с должностей: не тянут больше старики.

Я удивился не столько самой встрече, о которой ничего не знал, сколько тому, что сказал Горбачев.

— Я слышал другое — будто вы обсуждаете вопрос о назначении Бакатина на пост председателя КГБ.

Он удивленно взглянул на меня и быстро заговорил:

— Ни Крючкова, ни Язова этим вождям я не отдам. Скорее вместе уйдем с постов…

Я понял, что Горбачева очень волновало, знает ли о его разговоре с Ельциным и Назарбаевым Крючков. И если нет, то он, видимо, надеялся, что при случае я могу передать Крючкову слова Горбачева о его решимости отвергнуть предложения Ельцина и Назарбаева. Но моя реплика о том, что Крючкову уже подготовлена замена, заставила Горбачева страстно убеждать меня, что «Володя ему больше, чем друг», и эти домыслы подброшены, чтобы рассорить его со своими соратниками. Был дан и адрес, по которому председателю КГБ следовало обратить гнев.

Лишь спустя два или три года я узнал от Крючкова, что он ничего не знал о содержании разговора Горбачева, Ельцина и Назарбаева, как и не знал вообще, что президент СССР плетет против него интриги.

Мое замечание о возможном назначении Бакатина на место Крючкова вызвало поток заверений генсека в лживости информации. Главным его аргументом было то, что Бакатин бездарно работал в МВД, восстановив против себя многих опытных работников, потерял авторитет среди избирателей, которые поняли, что стоит этот человек.

— Нет и нет. Выброси это из головы, — убеждал меня Горбачев.

И чем он был красноречивее, тем больше я убеждался, что попал в точку и дыма без огня не бывает.

16 августа у меня состоялся телефонный разговор с Горбачевым. Шла активная подготовка к подписанию нового Союзного договора. Несмотря на болезненное состояние, я практически каждый день вынужден был приезжать и следить за подготовкой набора текста договора. Требовалась соответствующая атрибутика: бумага, папки, футляры, чернильные приборы и ручки, древки флагов, которых предстояло установить свыше 50. И в это время позвонил Горбачев; на повышенных тонах, раздраженный, стал расспрашивать о совещании в Алма-Ате руководителей республик. Ответить что-либо вразумительное на это я не мог. Во-первых, потому, что сам не знал об этом совещании, а во-вторых, у него были члены Совета Безопасности и помощники, которые специально занимались подобными делами.

— Ты понимаешь, как это называется. Сепаратно, проигнорировав мнение президента СССР, местечковые лидеры решают государственные вопросы. Это заговор. Так не оставлю дело. Надо немедля принимать меры…

Самолет стал снижаться. Внизу проплывали серо-желтые убранные поля. Редкие сельские поселки, покрытые седой пылью крыши предприятий, дорога с вереницей автомобилей. Затем открылось море. Я увидел его впервые за последние 12 лет. Самолет зашел на посадку, вздрогнул от выпущенных шасси.

Впереди открылся аэродром с выстроившимися военными тяжелыми самолетами. Ту-154 коснулся полосы, взревели на реверсном ходу двигатели, и мы подрулили к аэровокзалу. Это был военный аэродром Бельбек недалеко от Севастополя. Подали трап, и все спустились на землю. Встречал ряд военных флотских и авиационных чинов. Они что-то доложили Варенникову, коротко, почти не глядя, поздоровались с нами. Мы прошли в здание аэровокзала. Это была новая постройка — красиво оформленное небольшое помещение с рядом боковых комнат и огромным залом для приемов прилетающих на отдых высоких гостей.

— Вот здесь принимали недавно Горбачева, — сказал сопровождавший нас офицер, — и республиканское руководство.

Был пятый час, и надо было спешить. Подрулили несколько «Волг» черного и светло-серого цвета. Сели и двинулись в сторону Севастополя и дальше к Форосу.

В Севастополе и Форосе я был последний раз в году 1963—1964-м. С тех пор не видел этих мест. И вот знакомая дорога. Скалистые горы с вырубленными в них нишами, где в годы войны

были госпитали, склады, штабы. Погода стояла теплая, но солнца за плотной дымкой не было видно. И когда показалось море, то я не сразу различил, где начиналось небо и кончалась вода. Минут через 35 впереди в стороне моря показалась красная крыша строения.

Это и есть летняя резиденция президента СССР. С дороги свернули вправо и въехали на территорию. У ворот стояло несколько крепких парней охраны.

Подъехали к гостевому дому. Зашли в него. Двухэтажное здание, хорошо спланированное и основательно построенное. С просторным холлом, широкой лестницей, ведущей на второй этаж. Начальник 9-го управления КГБ Ю. С. Плеханов пошел доложить о нашем прибытии.

Однако в доме никого не было, или принимать нас не спешили. Лишь через полчаса мы прошли в холл дачи и стали ждать. Дача была огромной, на первом этаже слева и справа шли комнаты, широченная лестница вела на второй этаж. Здесь были просторные холлы, впереди с выходом к морю большой зал, затем личные апартаменты, столовая, зимний сад. Сделано все было добротно, под стать стоимости особняка, которая и по тем временам была огромна. Материалы использовали импортные, прежде мной невиданные. В общем Форосский замок являл собой «архитектурный шедевр» и побил, наверное, все рекорды по помпезности, стоимости и темпам строительства.

Минут через 10–15 появился Горбачев. Выглядел он болезненно, передвигался с трудом, на лице, багровом не столько от загара, сколько, видимо, от повышенного давления, выражалось чувство боли и недовольства. Он быстро со всеми поздоровался за руку и с гневом спросил, ни к кому не обращаясь:

— Что случилось? Почему без предупреждения? Почему не работают телефоны?

— Надо, Михаил Сергеевич, обсудить ряд вопросов.

— Каких вопросов?

Все это говорилось по пути в кабинет. Кабинет был небольшой и крайне неудобный. Маленький стол с окном за спиной сидящего, чуть правее другое окно. Напротив стояли у стены два стула. Горбачев сел в кресло за столом, О. С. Шенин и В. И. Варенников — на стулья. Остальные разместились на подоконниках и около окон, если не считать Плеханова, которого он довольно некорректно попросил выйти.

— Мы приехали, чтобы обсудить ряд вопросов о положении в стране, — начал О. С. Шенин.

— Кого вы представляете, от чьего имени говорите? — прервал Горбачев.

Такой реакции вряд ли кто мог ожидать, когда вчера обговаривалась тема доклада президенту. Все рассчитывали на взаимозаинтересованное обсуждение вопроса в духе аналогичных встреч в прошлом и поручений, которые давал Горбачев о готовности введения чрезвычайного положения в стране. И вот теперь с самого начала разговор не складывался. Я стоял у окна и смотрел на президента, лицо которого отображало мучивший его радикулит или остеохондроз и общее недомогание. Болезнь или другие причины, но в поведении президента за время его отдыха что-то резко изменилось. Может быть, неожиданным для него было появление В. И. Варенникова, который в прошлом не принимал участия в обсуждении вопросов о необходимости принятия чрезвычайных мер для стабилизации обстановки. Или его возмутило то, что в его, как он, может быть, считал, вилле появились незваные гости.

— Кого вы представляете, — повторил свой вопрос Горбачев, — и от чьего имени говорите?

Услышав, что речь идет о людях, большинство которых и раньше привлекались президентом для выработки мер в случае неблагоприятного стечения обстоятельств, Горбачев несколько смягчился.

— И это все? — спросил он.

— Да, это все.

Мне показалось, он боялся услышать, что прибывшие представляют руководство России. Больше всего его волновала предстоящая встреча глав союзных республик и, как он полагал, некий заговор.

— Ну что вы хотите сказать? — спросил он уже спокойнее.

— Я хотел бы начать с обстановки в стране, — начал О. Д. Бакланов. — Вы знаете, в каком трудном положении находятся сельское хозяйство и промышленность, а мы занимаемся сегодня не тем.

— Что ты мне говоришь? Я все это знаю, и знаю лучше вас.

Говорить Бакланову он не дает. В разговор вступает Варенников. С присущей ему решительностью он говорит о положении в стране и армии, о тяжелых испытаниях, ожидающих народ, офицерский корпус, всю армию, ее боеготовность, если не будут приняты чрезвычайные меры. Но и он прерван… Сказал и я о том, что Горбачев, по-видимому, не знал: правительство и Верховный Совет выступают против принятия не обсужденного ими нового договора.

— Конкретнее давайте.

Горбачеву предлагаются варианты, которые готовились по его поручению на случай критического состояния дел. Смысл их

состоял в том, чтобы президент принял чрезвычайные меры в ряде районов на время уборки урожая и для стабилизации экономики, точнее, для приостановки падения уровня производства, поручил осуществить эти меры если не кабинету министров, то тому, кому он доверяет. На эти слова реакции не последовало.

Президент думал о чем-то другом и неожиданно спросил, распространятся ли меры чрезвычайного положения на действия российского руководства. Услышав утвердительный ответ, он успокоился окончательно.

— Все, что вы предлагаете, лучше осуществить максимально демократическим путем, поэтому я советую, как можно сделать то, что намечается.

Дальше пошел спокойный и деловой разговор, смену тональности которого я не сразу понял. Михаил Сергеевич деловито говорил о том, как нужно решать предлагаемые вопросы, пояснял, почему он занимает такую позицию.

— Вы подумайте и передайте товарищам, — говорит он.

Пожимая на прощание руки, добавляет:

— Черт с вами, действуйте.

В холле сидит Раиса Максимовна с детьми и внучками.

— С хорошей ли вестью вы приехали? — спрашивает она Бакланова.

Он подходит и говорит, что приехали с добрыми намерениями и все будет хорошо. Ничего, кроме положения в стране, мы не обсуждали и, как ваши друзья, желаем, чтобы в вашем доме все было благополучно.

Мы выходим из особняка, удивленные ходом разговора.

— Но ведь он еще недавно считал введение чрезвычайного положения единственным выходом. Что же изменилось? — растерянно говорит О. Д. Бакланов.

— А вы что хотите, чтобы политик такого масштаба сказал прилюдно «да»?

Даже не по столь щекотливому вопросу Горбачев ни «да» ни «нет» никогда не говорил. Он обходился обычно междометиями, молчанием или переводил разговор на другую тему, чтобы не сковывать инициативу, — обмениваемся мы впечатлениями о встрече.

Машины поданы. О намерении искупаться приходится забыть — уже темнеет.

Машины выруливают на трассу. Дорога обратно показалась много короче.

В Бельбеке уже стоит самолет, готовый ко взлету. Сижу на скамейке рядом со зданием аэровокзала. Замечаю, что все уже в

самолете и военные, попрощавшись, уходят. Только тогда поднимаюсь на борт. Самолет долго выруливает, замирает на мгновение на старте и под рев двигателей срывается в короткий пробег.

Крутой взлет и долгий набор высоты. На высоте уже темнеет, да и земля неожиданно быстро покрылась мраком южной ночи. Лишь огоньки не то в море, не то на суше проблескивают неярким желтым светом.

Через два с лишним часа будем в Москве. Приносят чай, сухари, но есть и пить не могу.

… Когда приземлились в Москве, было уже темно, холодно и сыро. Садились в первые попавшиеся машины, которые были в аэропорту. Плеханов подгоняет водителя: жми. Но машины поехали разными дорогами. Где-то на Красносельской улице лопнула шина. Приехали. Водитель вывернул к тротуару и начал заниматься ремонтом. Впрочем, скоро подошла свободная машина, и мы пересели в нее. Еще 15–20 минут — и Кремль. Идем по второму этажу правительственного корпуса. В коридоре много людей, скорее всего охрана.

Захожу в кабинет. В тусклом свете высоких люстр вижу людей, сидящих за длинным, крытым зеленым сукном столом заседаний. Сначала вижу Янаева и только потом Крючкова, Павлова, Язова, Пуго. Сажусь с краю. Докладывает О. С. Шенин. Он приехал чуть раньше и уже включился в разговор. Официанты расставляют чай и бутерброды. Начинаю прислушиваться. О. С. Шенин говорит спокойно и обстоятельно, рассказывает все, как было. Г. И. Янаев просит желающих дополнить. О. Д. Бакланов добавляет несколько слов, но сути они не меняют. Нечего добавить и мне.

Среди собравшихся разгорается дискуссия, как быть, если Горбачев вдруг откажется от введения чрезвычайного положения. Мнения разделились. Слышны голоса:

— Раз президент не говорит ни да ни нет, то пусть остается все, как было.

— А вы хотите, чтобы он на весь мир протрубил о введении чрезвычайного положения? Наивно этого ожидать. Такие вещи так не делают.

— Но ведь и дальше нельзя терпеть развал страны. Отступать некуда. Может, даже лучше не подставлять Горбачева, чтобы не навредить его международному авторитету. Ответственность надо взять на себя.

В кабинет все время входят и из него выходят какие-то люди. Ведутся телефонные разговоры, кого-то ждут, чтобы спросить и посоветоваться, вызвать в Кремль.

Время движется к полночи, мое самочувствие ухудшается. В больнице наверняка паника из-за моего долгого отсутствия. Я встаю и уезжаю в больницу.

18 августа, День авиации, мой любимый праздник, закончился. Я засыпал, так и не зная, что решили предпринять. Не ведал я тогда, что это был последний относительно спокойный день в моей жизни. Не знал и многого другого — сколь велика ответственность людей за судьбу страны и народа и сколь велика низость тех, кто пытается лягнуть падающего, укусить ослабевшего.

Не испытав этого, нельзя никогда сказать, что ты знаешь жизнь и людей.

Я всегда был нетерпим к тем, кто пытался льстить, подыгрывать, умел угодить. Те, кто лизал или, вернее, мог лизать, были для меня и теми, кто мог лягнуть и укусить. Мог ли я не лететь в Форос? Конечно, мог. Я уже около недели находился в больнице и чувствовал себя скверно. Я мог легко и просто отказаться от всех затей. Но я знал положение в стране, приближающийся крах Союза и оставаться ко всему этому равнодушным не имел права. Постоянно встречаясь со сторонниками и противниками Горбачева, знал их настроение и помыслы, знал мнение тех людей, которым, как говорил Горбачев, он доверял больше, чем себе, и поручал мне встречаться с ними, содействовать их работе. Тем более когда обстановка накалилась докрасна.

Я поехал, полный уверенности, что визит не будет неожиданностью для Горбачева, тем более что он сам постоянно говорил о необходимости введения чрезвычайного положения. Узнав о встрече руководителей республик во главе с Ельциным в Алма-Ате, он расценил ее как заговор, намереваясь принять все необходимые меры.

Кроме того, намерения Горбачева проигнорировать результаты общесоюзного референдума и развалить СССР требовали самого серьезного обсуждения. И эту обстановку надо было действительно менять, чтобы не допустить развала Союза.

…Проснулся я с чувством тревоги. Включил телевизор и все понял. Был сформирован ГКЧП, и бразды правления взяли на себя вице-президент СССР Г. И. Янаев и другие члены Совета Безопасности страны. Диктор медленно и печально читал принятые документы.

Первый порыв — поехать на работу и все узнать, но сделать это оказалось непросто. Предстояли лечебные процедуры. Приехал на работу поздно. На улицах стояли БМП и танки. Узнал, что меня спрашивал Янаев. Я позвонил, но ответа не было; когда

зашел в приемную вице-президента СССР, там скопилось много народу.

Кого-то приглашали, кто-то выходил. Я без доклада зашел и сел с краю. На меня никто не обратил внимания. Разговор шел о дальнейших шагах в области экономики, но Павлова почему-то не было.

Г. И. Янаев постоянно выходил в другую комнату, с кем-то соединялся по телефону, кого-то принимал. Все были заняты, и спрашивать о предстоящих задачах было бессмысленно. У меня в приемной было также много народу, все время кто-то звонил. Собрал заведующих отделами аппарата и сказал, что надо работать так, как работали прежде.

По радио и телевидению передавалась какая-то печальная музыка. Я перебирал на столе горы бумаг, копии своих статей, писем, горбачевских речей, до которых у меня никак не доходили руки, чтобы сбросить их для уничтожения, направлял что-то в архив. Никто, видимо, кроме Крючкова, толком не знал, что происходит, а соединиться с ним было невозможно. Скоро я уехал в больницу. Наступали самые драматические минуты в деятельности ГКЧП, нашей страны. Характер передач на телевидении начинает меняться.

Узнаю, что Горбачев прерывает свой отпуск и возвращается из Фороса. «Освобождать» его летали Язов, Крючков, Лукьянов, Бакланов, Ивашко, затем российская делегация. Разыгрывается спектакль спасения президента. Сейчас у него роль обиженного узника. Выглядит он растерзанным, в какой-то затрапезной кофте, возможно, с чужого плеча, и я невольно думаю: уж не держали ли его в подвалах форосской виллы? И если он хотел выглядеть обиженным, то ему это удалось с блеском. А вот популярность, как скоро выяснилось, поднять ему оказалось не по силам. Видимо, генсек, его домочадцы несколько переиграли роли. Много неестественного было в его словах, фантастических рассказах всех членов дома Горбачевых, перепуганного бытописателя, следовавшего за семьей генсека даже в отпуск.

По ночам тайно готовилось послание из заточения Горбачева мировому сообществу. Одним из почтовых голубей должна была стать девушка-референт, которая для надежности, видимо, по совету многоопытной Раисы Максимовны время от времени перепрятывала составленный документ из одного сокровенного места в другое, еще более сокровенное, чтобы сбить с толку чекистов, возможно прознавших о страшной тайне хранения послания. Имелся и запасной вариант доставки тайного послания человеком-амфибией, способным проплыть до Ялты или Одессы и вручить его верным людям.

Только благодаря конспиративным мероприятиям народы мира и американский президент узнали о невиновности Горбачева в подготовке «заговора». Но, как стало скоро очевидно, не очень в это поверили.

Утром опять минимум информации по телевидению и отключенный телефон. Я понял, что час настал. Еще сутки отделяли меня от «Матросской тишины». Еще день и длинная предосенняя ночь.

Траурный этап развитого социализма

Встреча с Горбачевым

…Рой воспоминаний не позволяет забыться. Сознание яростно, до физической боли работает, выдавая из своих кладовых воспоминания. События чередой проходят передо мной, со всеми деталями, красками и нюансами. Я ясно вспоминаю мой первый день знакомства с Горбачевым — этим трагикомическим явлением нашей истории. Хорошо помню все, что связано с надеждой моей и миллионов людей на перемены в обществе. Все верили, что лучшей жизни можно добиться без межнациональных конфликтов и крови, без беженцев и нищеты, развала государства, распада армии, ожесточения и ненависти.

Я хорошо помню тот день, когда начался отсчет этой десятилетней работы с Горбачевым. И этот день вновь и вновь возникает передо мной. Все началось с телефонного звонка…

Снимаю трубку. Василий Петрович Попов, помощник главного редактора «Правды», коротко приветствуя, говорит:

— Виктор Григорьевич просит зайти.

Удивляюсь. Только что кончилась редколлегия. По материалам отдела замечаний не было. А говорить по душам Афанасьев не любил с тех пор, как стал главным редактором газеты. Здесь что-то иное. Да и по времени необычно. До трех часов он мало кого принимает вообще. В эти часы пишет свои книги, стоя за пюпитром, так как после травмы, полученной при катании на водных лыжах, и сидеть-то как следует не может — все время в корсете. Только стоит, быстро набрасывая страницу за страницей своим крупным почерком.

И вот теперь этот неурочный звонок и приглашение. Спускаюсь на четвертый этаж. Здесь, недалеко от лифта, уже многие десятилетия размещается кабинет главного редактора «Правды». Сюда два десятилетия назад пришел и я, студент четвертого курса экономического факультета Тимирязевки. Меня разыскали тогда кадровики, роясь в газетах-многотиражках. В «Тимирязевце» — так называлась студенческая газета — я возглавлял молодежный отдел, а это большая часть материалов многотиражки. Много писал сам, ездил по хозяйствам, где учились выпускники академии, рассказывал об их работе. Публиковался и в центральных газетах и журналах, других изданиях. В общем все время, что оставалось от занятий, отдавал делу, в которое был страшно влюблен.

И когда предложили сотрудничать в «Правде», воспринял это с благодарностью, большим трепетом и некоторой опаской — смогу ли? Но условие поставил сразу — пока не защищу диплом,

перейти на штатную работу не смогу. Впрочем, это совпало и с намерениями газеты. Им нужен был дипломированный специалист, умеющий писать.

И вот осенью 60-го года я пришел в «Правду» для беседы с главным редактором в тот самый кабинет, куда сейчас меня приглашал В. Г. Афанасьев. Тогда в нем был П. А. Сатюков. Приема пришлось ждать долго. Главного редактора не было, он работал в ЦК партии, где-то «сидел с Хрущевым над документами», объяснили мне. Лишь в первом часу ночи Павел Алексеевич Сатюков появился и вскоре пригласил зайти. Он изредка поглядывал на меня, задавая вопросы, которые больше относились к политике, чем к сельскому хозяйству и работе. Полистал мои публикации и коротко сказал;

— Знаю, что вы хотите обязательно завершить учебу, и одобряю это. Давайте мы зачислим вас литсотрудником в сельхозотдел, и вечерами, когда сможете, приходите в «Правду», вживайтесь.

Так начался мой путь в журналистику и большую политику.

…И вот я вновь вхожу в кабинет главного редактора, в котором мало что изменилось за долгие годы. Афанасьев стоит за своим пюпитром, на столе рядом стопка исписанных листов, он поднимает голову и говорит:

— Звонил Горбачев, просит, чтобы я отпустил тебя к нему помощником. Ты что, его знаешь?

Я с удивлением смотрю на Афанасьева:

— Нет, — отвечаю, — даже вблизи не видел, какой он — не знаю.

Афанасьев смотрит недоверчиво, ему непонятно, как это может быть.

— Наверное, на Ставрополье встречались, — предположил он.

— Да нет, в Ставрополе не был, а в Минводах, где приходилось отдыхать, встречать не довелось.

— Ну, все равно, — он морщит лоб, откидывает назад длинные седеющие волосы и решительно продолжает:

— Я сказал — не отпущу. С кем я останусь? Это уже какого человека выдергивают, скоро в «Правде» работать будет некому. Ты-то это понимаешь?

Он начинает перечислять фамилии журналистов, ушедших на повышение в другие газеты и журналы, на партийную работу.

— В общем, имей в виду, я тебя не отпускаю и, если надо, буду жаловаться.

Он подбирает имя, на кого бы сослаться. М. В. Зимянин не подходит — всего лишь секретарь ЦК, сказать Л. И. Брежневу —

так я не поверю, да он и сам понимает, что это несерьезно, учитывая болезненное состояние Леонида Ильича, о чем знал каждый правдист.

— Суслову, — вдруг выговаривает он, хотя я знаю, что с ним у Афанасьева никаких контактов не было, — или Кириленко, — для убедительности добавляет он и умолкает.

Я удивлен. Смотрю на Афанасьева и обдумываю сказанное. Горбачева я не знаю. Курортных секретарей — этих баловней судьбы — вообще не перевариваю. Знаю, что большинство из них приблатненные. Крутятся вокруг отдыхающего начальства и пользуются его благосклонностью. «Правду» люблю, журналистскую работу особенно, и идти в контору, как среди правдистов называли ЦК, не хочется. Я-то знаю, что это за адова работа помощника. Его больше всех нагружают работой, сильнее всех ругают, считая своей собственностью.

— Ты позвони Лущикову, это его помощник, и скажи, о чем договорились, — завершает разговор Афанасьев.

Он не продолжает, и я не пойму, что мне сказать. На всякий случай никуда не звоню и жду — может быть, вопрос отпадет сам собой. Однако не тут-то было.

Через несколько дней Лущиков звонит сам. Мы знакомы, хотя и не очень близко, но встречаться с ним мне приходилось. Иногда он, будучи еще помощником секретаря ЦК Ф. Д. Кулакова, звонил и просил, чтобы «Правда» по каким-то вопросам опубликовала статьи.

Анатолий Павлович вежливо здоровается, спрашивает, как идут дела, впрочем, ответ его не очень-то интересует. Он говорит, что у Горбачева был разговор с Афанасьевым о новом моем назначении, но тот отказывается отпустить. А что думаю я? Для меня ответ готов давно, он апробирован опытом многих партийных работников. И потому отвечаю: меня работа в газете устраивает, и менять ее не собираюсь, но если ЦК решит иначе, то мне трудно на чем-то настаивать. Лущиков молчит.

— Ну хорошо, — заключает он и прощается.

Восточные мудрецы правы: начальство не страшно.

Страшно, если оно тебя заметит.

Через несколько дней меня приглашают к Горбачеву. Старая площадь. Центральный Комитет КПСС. Подъезд № 6, восьмой этаж. Ждать мне не пришлось, и я захожу в небольшой кабинет секретаря ЦК с низкими потолками, жалюзи на окнах, каким-то невкусным искусственным воздухом. Запах синтетики пронизывает все помещение.

Навстречу мне поднимается человек среднего роста, с благообразным лицом, полными губами, карими, с каким-то

внутренним блеском глазами. Однако от шевелюры, видимо некогда пышной, остался седоватый венчик, обнажилось несколько багровых родимых пятен, брызнутых на лоб и стекающих к бровям. Больше ничего примечательного в его внешности не запомнилось.

Впрочем, кое-что еще осталось в памяти. Одет он с претензией на шик. Коричневых тонов костюм, сшитый хорошим мастером, импортная и, видимо, весьма дорогая кремовая сорочка, в тон коричневые галстук и полуботинки. Впечатление, что все сшито только вчера и еще не успело помяться.

Он протягивает, как награду, мягкую и безвольную руку, обходит меня.

— Мы, кажется… — начинает Горбачев, но я продолжаю:

— Не встречались, — снимая его сомнение.

Присаживаемся в кресла. Разговор носит общий характер, касающийся вопросов сельского хозяйства. Затем, как уже решенное, Михаил Сергеевич обсуждает, что он ждет от меня, какие вопросы надо вести. Я молчу, не зная, то ли Афанасьев сломался и дал согласие, то ли спрашивать его, а равно и меня просто не собираются. Во всяком случае, хочу зафиксировать некоторые свои желания. Я говорю, что по совместительству преподаю на Высших экономических курсах при Госплане и не хотел бы этого бросать, да и в издательстве у меня готовится книга, в работе ряд статей.

— Это хорошо, — соглашается он. — Это будет помогать делу.

Знал бы я тогда, что этого одобрения хватит всего на месяц и потом его ревнивые чувства никогда не позволят мне писать и тем более вести преподавательскую работу. Впрочем совместительство категорически не одобрялось в ЦК. Считалось, что все силы должны быть отданы одному делу, одной страсти.

Я уходил обескураженный, так и не дав согласия на работу. Вечером Афанасьев стеснительно сказал, что на него надавили, а утром на редколлегии произнес пламенную речь, что «Правду» растаскивают и что все это он так оставить не может. Но к кому он собирается апеллировать, уже не говорил. Во всяком случае, с Зимяниным он, видимо, советовался, но многоопытный Михаил Васильевич рекомендовал ему «не задираться» и понять, что кадрами делится не только «Правда», но и в «Правду» направляют людей, поработавших в ЦК.

Так завершился период моей работы в газете. Я всегда жалел об этом и надеялся, что когда-то положение изменится и я смогу вернуться в журналистику, причем вернуться в любом качестве, ибо творческую обстановку в «Правде» нельзя было сравнить ни с

какой иной работой. Впереди открывалось нечто неизвестное.

Но ни тогда, ни позже не думал, что будет так трудно жить в новой для меня среде со своими традиционными правилами, которые нарушать было невозможно. Единственное, что я осознавал в полном объеме, так это то, что впереди будут бури и бешеная борьба. Об этом свидетельствовала сама обстановка, та атмосфера недовольства, которая сгустилась в обществе, и очевидно, что гроза должна была сопровождаться дождем, если не ливнем. Можно ли будет уцелеть и с пользой для дела работать в этом потоке страстей?

Экономика на грани развала

…Проходит день, и наступает ночь. И мои мысли вертятся вокруг волшебных сновидений. Мне кажется, что это все сон и я скоро проснусь в своей постели дома и ужаснусь привидевшемуся кошмару. Я даже пытаюсь потрогать стену и железную стойку нар. Но нет никакого волшебства, как нет и преступления. Я лежу с открытыми невидящими глазами, а события мелькают в памяти, как кадры фильма.

…В мае 1981 года я начал ходить на новое место работы к девяти утра, а чаще и раньше. Поднимаюсь на восьмой этаж в маленькую с затхлым воздухом комнату, от пола до потолка обклеенную синтетикой. В эти теплые майские дни кондиционер гонит тяжелый воздух, как будто сотни людей уже дышали им и вот, наконец, кое-что досталось и мне. Я открываю четвертинку окна, хотя это и не рекомендуется, и берусь за бумаги. Надо влезть в детали сельскохозяйственного производства, в то, что мной порядочно подзабыто, поскольку я занимался вопросами экономики и политики, довольно удаленными от собственно сельскохозяйственного производства.

Теперь передо мной лежат таблицы со структурой посевных площадей различных культур, балансы кормов и многое другое, чем правильнее было бы заниматься в Министерстве сельского хозяйства, а еще лучше в его органах на местах. Но сельхозотдел ЦК — огромный аппарат, насчитывавший в своих рядах десятки агрономов, зоотехников, агрохимиков, экономистов, инженеров и других специалистов, которые сами долго работали в хозяйствах, а теперь давали советы крестьянам.

Возглавлял отдел В. А. Карлов, человек умудренный, битый и «ссылавшийся» в прошлом в Узбекистан, правда, вторым секретарем ЦК. Теперь он возглавляет этот маховик в ЦК КПСС и в значительной мере определяет аграрную политику на селе. Подвластный ему аппарат диктует все повороты и зигзаги в развитии сельского хозяйства, подбирает руководящие кадры во все земельные органы в центре и на местах, руководителей сельхозотделов в партийных структурах республик, краев и областей.

И я незаметно втягиваюсь в работу этой махины, увлеченный ее интересами, и несусь в фарватере решений, выпестованных за десятилетия существования ее структуры и кадров. Словно мелкая песчинка, скольжу за лавиной, пытаюсь сопротивляться, чтобы она не смяла и не уничтожила меня.

1981 год. Засуха, тяжелейшие последствия которой еще будут долго аукаться для наших людей. Она добила экономику села, да и всей страны, опустошила казну.

В Политбюро, Секретариате ЦК, Совете Министров СССР напряженная обстановка: изыскиваются средства для закупки зерна. А я покорно и не очень уверенно готовлю различные справки и документы. Контакта и взаимопонимания с Горбачевым пока нет. Он, как и многие другие, втянут аппаратом сельхозотдела в технологические тонкости сельскохозяйственного производства: возделывания культур, новых приемов вспашки, откорма скота, приготовления кормов, еще какие-то детали, которые мне кажутся несущественными. И здесь отсутствует взаимное понимание, по-моему, проскальзывает какое-то пренебрежительное отношение. У меня потому, что он копается в рационах свиней и кур, у него потому, что я считаю эту работу бесполезной тратой времени даже для себя, не говоря о члене Политбюро ЦК. Я видел другие причины неурядиц в развитии села.

Однажды в «Правде» меня пригласил Юрий Жуков, кандидат в члены ЦК, политический обозреватель газеты, на серьезный разговор о положении в сельском хозяйстве. Он получал много писем и спросил, почему остановился рост производства, почему люди уходят из села. Что нужно делать? Я согласился, что в деревне действительно работают не лучшим образом, нет должной заинтересованности у крестьян. Кроме того, не хватает почти всего, что нужно хлебопашцу, но главная причина не в сельском хозяйстве, а в состоянии экономики в целом, в экономической политике государства. Общество не заинтересовано в развитии производства, деньги, которые получает крестьянин, ему некуда деть. Он, например, не может купить или построить дом — не хватает стройматериалов. Селянин не в состоянии приобрести холодильник или надежно его использовать. Он продает хлеб, мясо и другие продукты себе в убыток, ибо такова политика цен.

Это суждение было подготовлено многими моими размышлениями и спорами. Один из них связан с публикацией в «Правде» письма Ф. Абрамова, известного писателя-деревенщика.

Посетив родные края в Пинежском районе Архангельской области, Ф. Абрамов не нашел ничего лучшего, как через печать «разделать» своих земляков за леность и тунеядство, безделье и равнодушие. Я настолько был шокирован этим письмом к землякам, что выступил на редколлегии с просьбой снять его и не позорить известного писателя. Говорил, что дело не в людях, что со времен Ломоносова они не стали хуже. Хуже сделали их мы,

отчуждая землю, отстраняя от живого интереса. Автор писал, что рядом люди в Финляндии получают в два-три раза больший урожай, надаивают много больше молока, завалены мясом, а крестьянин-пинежец едет за колбасой в город. Все это так и не так. Создайте условия для работы и интерес такой же, как у финнов, и вы увидите, что архангельский мужик работает не хуже.

По тому времени мое заявление было довольно смелым. Меня многие поддержали на редколлегии, однако письмо опубликовали. Единственное, что сделал Афанасьев, — смягчил критику Абрамова в адрес своих земляков. Это потом вызвало волну скандальной переписки между писателем и «Правдой». Но дело было сделано. Все это меня сильно раздосадовало. Я увидел бездну непонимания многими руководителями истинного положения дел и тогда, посоветовавшись с товарищами, которые разделяли мои мысли, решил организовать серию публикаций, в которых со всей определенностью говорилось, что производственные отношения, наше дремучее представление об экономике загнали деревню в безысходность.

Эти статьи были злы, откровенны и многими замечены.

Положение в экономике осложнялось и тем, что люди перестали верить своим руководителям. Что же произошло в стране буквально за пять лет деятельности нового руководства, сменившего Н. С. Хрущева?

Приход Брежнева на политическую арену, отказ от многих неплодотворных идей его предшественника позволил уже в первые годы работы нового генсека сделать довольно серьезный рывок в развитии экономики страны, повышении благосостояния людей. Давно подмечено, что смена лидеров, приход новой команды в аппарат управления способствует оздоровлению обстановки.

Так случилось и в 1964 году, когда были опрокинуты многие догмы. В ЦК КПСС и Совете Министров СССР, а также на местах появились достаточно инициативные люди, которые хорошо понимали современное производство, были готовы к осуществлению реформ. Многие из них, кстати, и сегодня сохраняют ключевые посты в экономике.

Прежде чем та или иная идея бывает материализована, она проходит сложный путь обкатки в умах ученых и специалистов. Вот почему в команде Косыгина созрели идеи хозяйственной реформы перевода предприятий на хозрасчет и самоокупаемость. Это была удивительная пора новаторских решений в экономике и социальной жизни общества. Особенно в сельском хозяйстве. Я бы и сегодня назвал мартовский Пленум ЦК 1965 года одним из

ключевых в подъеме сельского хозяйства, примером нового мышления в аграрной политике.

К сожалению, это была очень короткая пора своеобразного ренессанса. Буквально через несколько лет рост производства сначала замедлился, а потом и вовсе остановился. После событий в Чехословакии возобладали консервативные настроения. Выхолащивались идеи хозяйственной реформы.

Ради справедливости, разумеется, надо сказать, что застой и деградация производства были далеко не во всех регионах и не во всех отраслях. В эти же годы во многих областях быстро росло промышленное и сельскохозяйственное производство, активно велось жилищное и социально-бытовое строительство. Сооружался БАМ, новые атомные и гидроэлектростанции. По многим направлениям знаний наука добилась выдающихся результатов, развивалась культура, совершенствовалось образование. Как никогда стремительно росло производство в топливно-энергетических отраслях, добыче нефти и газа. К сожалению, развитие базовых отраслей не слишком улучшало показатели эффективности экономики.

Страна имела крайне запущенное финансовое хозяйство, значительная часть промышленных и строительно-монтажных организаций несли убытки. Техническое состояние парка машин было катастрофическим: более 40 процентов его имело степень износа свыше 50 процентов. Росла текучесть кадров, падала фондоотдача, в результате чего государство ежегодно теряло более чем на 1 миллиард рублей продукции. Царила бесхозяйственность и безответственность. В середине 80-х годов на промыслах ежегодно сжигалось в факелах и выбрасывалось в атмосферу свыше 13 миллиардов кубометров попутного газа. Росли объемы неустановленного отечественного и импортного оборудования, значительная часть которого уже потеряла всякие гарантии.

Дисциплина труда была крайне низка. Сотни тысяч человек ежедневно не выходили на работу. При этом надо сказать, что с каждым годом падало качество продукции, обесценивающее огромное количество трудовых и материальных ресурсов. Село получало технику в таком виде, что без дополнительных затрат труда не могло ее использовать. В результате потери продукции достигали трети биологического урожая.

Люди видели безобразие и бесхозяйственность, и это не прибавляло им энтузиазма в работе. Нехватка товаров, инфляционный процесс вели к тому, что рабочие и служащие больше тратили времени в поисках дефицита, чем работали на производстве. В стране складывалась ситуация, чреватая самыми

серьезными последствиями. Нужны были решительные и очень взвешенные меры, чтобы исправить положение, оздоровить экономику страны.

Но существующее руководство сделать ничего не могло. Все видели деградацию, беспомощность Брежнева и его окружения. Шел моральный распад, охвативший ряд крупных партийных организаций и даже некоторые слои общества. Тяжелые последствия повлекли принявшие массовый бесконтрольный характер застолья, сопровождавшиеся обильными возлияниями. Поездки мои по стране показывали, что любые гости были желанными. Для них организовывали застолья, не обращая внимания на приезжих, пили сами, дарили подарки, не забывая себя. Нельзя было быть уверенным, что после поездки в хозяйства в багажнике автомашины не окажется какой-то «привет» на память о посещении предприятия. М. С. Горбачев, уже будучи генсеком, не раз вспоминал, как было трудно принимать многочисленных гостей, прибывающих на отдых, и искать способы их ублажать и одаривать.

Бороться против нарушений законности становилось крайне трудно. Как-то к заседанию Секретариата ЦК была разослана записка Медунова, в которой он жаловался на прокуратуру, обвинив ее в предвзятости по отношению к кубанцам. Вопрос рассматривался на секретариате ЦК, и я, зная, что многие секретари склонны поддержать Медунова, по наивности пошел к Горбачеву и рассказал все, что знал о проделках руководства этого курортного края. Он выслушал меня, но ничего не сказал.

Все это он, несомненно, знал, но, как говорится, «высовываться» не хотел. Разумеется, обстановка в Краснодарском крае тогда была неблагополучной, и Прокуратура СССР во многом была права. Но поддержать ее члены Секретариата, и прежде всего Суслов, не хотели.

Эта история оставила тяжелый осадок, тем более, что через некоторое время подозрения относительно злоупотреблений в крае, взяточничества подтвердились. Такие явления наблюдались во многих областях и республиках и стали в последующем одной из причин потери доверия народа к партии.

В общем, в этих условиях был нужен поиск путей выхода из сложившегося положения. Требовались иные принципы работы, иные отношения.

Как вызревала перестройка

В конце 1981 года у меня состоялся откровенный разговор с Михаилом Сергеевичем. Был поздний вечер, он пригласил меня для доклада и, перебирая бумаги, говорил о трудностях в сельском хозяйстве, в экономике страны в целом. *Я* понял, что появился удобный случай сказать обо всем, что мучило меня в последние годы. Разговор шел о новых идеях и подходах в развитии общества. Горбачев откровенно высказывался сам и предложил подумать, кого можно было бы привлечь для выработки новых концепций развития экономики. Тогда был составлен список экономистов и хозяйственников. Многих из них я знал лично, знал и производственников, отличавшихся смелостью мышления. Правда, предупредил Горбачева, что такие встречи не останутся незамеченными и надо понимать, что подобная самодеятельность будет встречена в штыки: общеэкономические вопросы относились к сфере деятельности других членов Политбюро, и они ревниво следили за тем, чтобы никто не посягал на их дела. Так это потом и случилось. Но встречи с учеными и специалистами начались и продолжались довольно долго. Горбачев напрямую или через меня приглашал экономистов Госплана, Минфина, Комитета по труду и заработной плате, многих других специалистов. В общем, скоро подобные встречи вошли в практику, и собрания экономистов у Михаила Сергеевича стали своеобразным ритуалом. Почти все директора научно-исследовательских экономических институтов, академики, известные ученые вузов побывали тогда на таких беседах. Это была и своеобразная школа подготовки Горбачева, вхождения в проблематику умения оперировать терминологией политэкономов.

Тем временем ситуация в агропромышленном комплексе страны продолжала ухудшаться. М. С. Горбачев переживал складывающееся положение крайне болезненно и искал путь, который привел хотя бы к таким же результатам, какие были получены после мартовского (1965 года) Пленума ЦК. Заниматься широким кругом вопросов он уже не мог. Среди аграрников все явственнее начала вызревать идея разработки Продовольственной программы, подготовки Пленума ЦК, который рассмотрел бы важнейшие вопросы аграрной политики.

И вот началась работа. За составление проекта Продовольственной программы взялись многие специалисты Министерства сельского хозяйства, Госплана СССР, ученые ВАСХНИЛа. Обобщить результаты этой работы Горбачев поручил

академикам В. А. Тихонову, А. А. Никонову и И. И. Лукинову. Я считал, что это по существу пустопорожнее дело — создание видимости работы за громкими фразами. Работа эта была долгой и изнуряющей.

Главное, что как-то решало проблему, — это новая накачка средств в деревню, списание долгов, повышение закупочных цен. Здесь М. С. Горбачев проявил немало усилий в борьбе с Советом Министров СССР, и особенно с министром финансов Гарбузовым, которому доказывал, что, чем списывать ежегодно долги колхозов и совхозов, лучше эти суммы выплатить в виде надбавок к ценам — это хоть будет способствовать увеличению товарной продукции. Но в данном вопросе было полное непонимание, и Пленум кончился бы ничем, если бы Брежнев, когда до него дошла суть борьбы, не сказал тогдашнему Председателю Совета Министров СССР Косыгину:

— С пустым карманом я на трибуну Пленума ЦК не пойду.

Это изменило положение, но, как скоро показала практика, селу припарки уже не помогали.

По-прежнему шел поиск средств для закупок зерна в Америке, Канаде, Австралии. В 1981–1982 годах было закуплено столько пшеницы, что мировой рынок дрогнул. По всем странам прокатилась волна возмущения: Россия объедает действительно нуждающихся в хлебе.

Однако дело было сделано: втридорога, но закупки состоялись. По сложившейся традиции за подобную операцию работникам внешнеторговых организаций обильно посыпались высокие награды, в том числе присваивались звания Героев Социалистического Труда. И это в то время, когда иностранные и наши теплоходы стояли месяцами неразгруженные, хлеб гибнул и иногда выгружать было просто нечего.

Но денег тогда не считали, а полученные награды требовали умалчивания о случаях засоренности и зараженности купленного не по самым дешевым ценам зерна, гибели его значительных партий. Обо всем этом специальные службы регулярно докладывали руководству, но говорить было страшно, а молчать выгодно, иначе можно сесть на скамью подсудимых. А те, кто совершал преступления, выходили сухими из воды.

Шла осень 1982 года. Расчеты показывали, что своего зерна вновь не хватит. Горбачев был весь в проблемах сельского хозяйства, думал о новых закупках зерна за границей, поисках валюты. Это был его четвертый год работы секретарем ЦК по вопросам сельского хозяйства. Он все больше понимал, что ему не суждено добиться улучшения дел в деревне, избавиться от закупок продовольствия за рубежом. Более того, Горбачев

начинал осознавать, что неудачи аграрной политики навсегда похоронят его как политического лидера. Поэтому он стремился вырваться за рамки очерченного для него круга проблем, обратить на себя внимание как на личность творческую. У Горбачева была неутомимая жажда выступить публично, напечатать статью. Поэтому, когда от АПН поступил заказ написать книгу о том, что по уровню потребления продовольствия мы вышли или приблизились к таким странам, как Англия, Франция, Испания, а по калорийности их превосходим, я насторожился.

Действительно, за десятилетия в стране произошли серьезные подвижки в производстве продовольствия. Голод в России, случавшийся из-за недорода, прослеживался на протяжении многих веков. Был он и в этом веке. Помещики, крупные хлеботорговцы продавали зерно Европе, в то время как россияне страдали от недоедания, а порой и голодали. Так было, и правду здесь сокрыть нельзя. Но говорить о том, что дело поправлено и продовольственная программа приведет к новым высотам благосостояния, являлось по меньшей мере попыткой выдать желаемое за действительное. Ну а что касается сравнения уровня питания у нас и в Англии, то эту тему вообще было лучше не трогать.

Все это я высказал Горбачеву, но писать книгу все-таки он заставил. Пришлось собирать материалы, изучать литературу. Накатывались и многие другие дела. Михаил Сергеевич все активнее втягивал меня в работу по подготовке документов к совещаниям и заседаниям.

Я все чаще поражался тому, как долго он засиживался на работе. Горбачев читал множество записок и справок, различные документы и в то же время помнил десятки различных статистических данных. Неплохо оперировал всем, что слышал от ученых, специалистов. В те годы Горбачев рос довольно быстро. Прогрессировал он и в наиболее уязвимой его сфере — культуре. Семья, видимо, поставила задачу приобщаться к музам. Два-три раза в месяц супруги отправлялись в театр, посещали достопримечательности Золотого Кольца — древнейшие памятники вокруг Москвы. Но говорил он об этом редко, впечатлениями от увиденного, как правило, не делился. Оценок спектаклей и игры актеров не давал. И вообще домашние дела, простые человеческие отношения были им закрыты для всех на амбарный замок. Главным в жизни с 9 до 21 часа была работа, стремление подняться выше, получить признание.

М. С. Горбачев по-прежнему внимательно следил за своей внешностью, часто менял костюмы, тщательно подбирал сорочки,

модные галстуки и шикарную обувь. Эта забота о своей внешности нередко меня удивляла: как можно при таком объеме работы еще и ежедневно менять галстуки, не забыть тщательно подобрать их под костюм и сорочку. Во всем этом я видел проявление какой-то неудовлетворенной страсти бедной юности, жажду наверстать упущенное.

В начале ноября 1982 года обстановка в Центральном Комитете партии достигла вершины напряжения. В стране шли тревожные процессы. Несмотря на все усилия, многие решения Политбюро повисали в воздухе и не воплощались в жизнь. Люди разуверились, тщетно ожидая серьезных перемен.

Многие отлично понимали, что Л. И. Брежнев уже не может руководить партией и страной. На коротких заседаниях Политбюро ЦК, продолжительность которых все сокращалась, Брежнев сидел с отсутствующим видом, не совсем понимая, где он находится, кто и зачем собрался в зале. Чаще всего он читал подготовленную помощником записку, напечатанную очень крупными буквами на специально приспособленной для этого пишущей машинке. Иногда сбивался, произносил одни и те же фразы и, видимо сознавая свою беспомощность, жалостливо смотрел на людей. Чтобы скорее завершить эти мучения с выводами и предложениями, Черненко помогал закончить заседание, и все быстро соглашались, с тревогой покидая зал заседаний Политбюро.

Время меняет людей. Хорошо помню Брежнева еще Председателем Президиума Верховного Совета и в 1964 году, когда его избрали генеральным секретарем ЦК КПСС. Был это крепкий и сильный мужчина, веселый и остроумный человек, знавший наизусть много стихов и прибауток, большой жизнелюб.

Когда Д. Ф. Устинова в 1965 году избрали секретарем ЦК КПСС, Л. И. Брежнев неожиданно спустился из своего кабинета двумя этажами ниже и зашел посмотреть, как устроился на новом месте Д. Ф. Устинов. В практике тех лет такого еще не бывало, и все видевшие это были приятно удивлены демократичностью генсека. В то время Л. И. Брежнев, как говорили люди его окружения, вообще держался просто, часто звонил своим соратникам, секретарям ЦК компартий республик, крайкомов и обкомов. Был он терпим и доброжелателен со своим окружением — помощниками и секретарями. Еще работая в Казахстане, выезжал на природу, приглашая с собой семьи своих помощников и охранников. Да и позже до болезни был открыт для своих соратников.

Но болезни и старость подкосили его, хотя он, до конца не сознавая своего состояния, все еще играл роль генерального

секретаря, Председателя Президиума Верховного Совета, Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами страны и прочая и прочая. Скорее его роль играло окружение.

Увлечение иметь боевые награды превратилось в манию. Мне рассказывали хорошо знавшие Брежнева люди, что он в последние месяцы своей жизни заплакал, когда узнал, что его собираются наградить не «Золотой Звездой» Героя Советского Союза, так как такую награду уже получил недавно, а орденом. И пришлось высоким мужам на ходу перестраиваться, зачитывать якобы заранее подготовленный указ о высоком награждении, хотя перед этим все было решено иначе.

Роковую роль для партии и страны сыграло его пристрастие к снотворным препаратам. Я не могу утверждать, что это были наркотики, хотя некоторые специалисты говорили, что они оказывают схожее действие. Но то, что через некоторое время после их приема он впадал в заторможенное состояние, это факт. Сначала это было желание врачей улучшить его самочувствие, но скоро пристрастие к допингам стало постоянным, болезненным. Леонид Ильич требовал от медиков все больших доз лекарств. Ему говорили, сколь разрушительное воздействие они оказывают на здоровье, пытались обмануть, давая по форме и цвету похожие таблетки, не содержащие губительных веществ. Однако он, как кошка за валерьянкой, гонялся за настоящими препаратами. Видимо, в конце концов раскусив обман, стал искать другие пути их добычи. Ю. В. Андропов поручил службе безопасности выгребать из его карманов все лишние лекарства и следить за тем, что принимает их подопечный. Но Брежнев стал получать их от работников министерств иностранных дел, внешней торговли, а позже от Щелокова, Цвигуна, Тихонова, которые были готовы услужить ему во всем. Сонное, полусознательное состояние генсека видели все окружающие.

Впрочем состояние здоровья Л. И. Брежнева по-настоящему беспокоило далеко не всех. Его соратникам нужен был символ. И они, сговорившись, поддерживали и даже всемерно раздували его авторитет. Мои товарищи из сельхозотдела ЦК рассказали мне об отношении Брежнева в последний период жизни к написанным ему докладам. На одну тему готовилось два, а то и три варианта. Когда все было готово, авторские группы приглашались к Брежневу, и он начинал с того, что спрашивал, чья речь короче. Ее и брали за основу, читали текст вслух. Сам он читать не любил, да и замечаний делал мало. Короткая речь, как правило, принималась, и генсек шел с ней на трибуну. Участников подготовки речей и докладов Л. И. Брежнев как-то отмечал, благодарил, нередко делал символические подарки. В. Г.

Афанасьев показал мне однажды швейцарские часы из желтого металла с дарственной надписью Л. И. Брежнева на задней крышке. Таким подарком гордились, как памятью об участии в совместной работе.

Однажды участники подготовки доклада для М. С. Горбачева намекнули мне, что в память о нелегком многодневном труде неплохо бы принять «спичрайтеров» и поблагодарить за работу. Он отказался. Тогда я попросил подписать несколько экземпляров изданного доклада и подарить тем, кто вложил свои мысли, душу и сердце в большую работу. Он нехотя взял экземпляра четыре книги и небрежно написал: «Тов. /имя рек/ с уваж. М. Горбачев».

Трудно было придумать что-либо худшее и оскорбительное. Когда я, стесняясь, раздавал книжки, многие обиженно шутили: а уважение какое-то усеченное. Вроде уважает, но не полностью. Видать, доклад-то не понравился. За этими словами сквозила глубокая обида. Больше никогда и никто не просил подписать генсека какие-либо подготовленные ему книжки.

Л. И. Брежнев по характеру был другим человеком. Конечно, нельзя закрывать глаза на то, что многих он поддерживал и выдвигал на руководящие посты, не всегда за объективные деловые качества. Но не скупился на доброе слово, часто, как рассказывают, по-человечески интересовался домашними делами подчиненных. И эти знаки внимания ценили. Не случайно за него горой стояло большинство руководителей. Их устраивал его ровный и спокойный подход к делу, постоянная помощь, частые звонки. Люди чувствовали, что их помнят, им доверяют. Когда Медунова как-то довольно серьезно покритиковали на заседании Секретариата ЦК за превышение полномочий и ряд других прегрешений, то Брежнев вскоре позвонил в Краснодар и сказал ему:

— Ты не переживай и не очень обращай внимание на случившееся. Работай спокойно.

Об этом мне рассказывал сам Медунов, когда я был в крае. То, что Медунова наказали и предупредили на заседании Секретариата ЦК, осталось тайной для большинства местных коммунистов, а вот что ему позвонил Брежнев и поддержал — знали практически все. Такой метод Брежнев применял не раз и знал, что руководящие работники будут ему верны. В этом была прочность его позиций, разгадка долголетнего пребывания у власти, любви к нему чиновного люда. Но все хорошо в меру.

Вспоминаю 1974 год, когда отмечалось всей страной двадцатилетие начала освоения целинных и залежных земель в стране. В Алма-Ату съехались руководители всех республик, секретари обкомов и крайкомов. Готовилось грандиозное шоу.

Вечером, накануне торжественного заседания ждали прилета Брежнева. Люди в аэропорту собрались часа за два до прилета. Ко времени посадки Ил-62 одетые по-весеннему партийные, советские, хозяйственные чиновники замерли, потирали уши — март в Алма-Ате был с морозцем. Выстроенные огромным каре начальники терпеливо ждали прилета. Было уже темно, когда самолет приземлился и подрулил к встречавшим. Подали трап. Брежнев вышел под аплодисменты и гул приветствий. Он медленно спустился по трапу, поддерживаемый адъютантом, и попал в объятия Д. А. Кунаева, горячо расцеловавшись со своим старым и верным другом. И поток теплых объятий и поцелуев, мощный, как сель на Медео, не минул многих.

Эта маленькая и, полагаю, невинная склонность наших вождей к целованию стала достопримечательностью эпохи Брежнева и была заразительной, как гонконгский грипп. Целоваться стали все — секретари ЦК и крайкомов, обкомов и райкомов партии, руководители колхозов и совхозов, заводов и строек, советские и хозяйственные работники, военные и педагоги, пенсионеры и молодежь. Даже старые друзья, которые раньше ограничивались пожатием руки, теперь приникали к губам товарищей и наслаждались радостью общения. Это было какое-то поветрие и, пожалуй, одна из запоминающихся акций среди славных дел эпохи Л. И. Брежнева. Мода так быстро распространялась, что охватила страны социалистического содружества, проникла на восток от Монголии и Китая до Вьетнама и Камбоджи. Я не совсем теперь уверен, что объятия и руководителей Запада не зародились на доброй российской почве, зашагав и в Америку, и в Африку. Целовались все — белые, желтые, чернокожие, христиане и мусульмане, буддисты и атеисты.

Этим скромным искусством виртуозно владел М. С. Горбачев, желая продемонстрировать свое расположение к людям. Казалось, что всех руководителей покинули нормальные склонности и они собрались, чтобы показать, что ничто человеческое, если будет указание, им не чуждо.

Пристрастием Брежнева и его семьи были подарки, которые плыли тогда в руки генсека бессчетно. Эта традиция вручать сувениры пришла на нашу грешную землю из международной практики и нашла здесь такие благодатные условия, что расцвела махровым цветом. Благо привычки щедринских и гоголевских чиновников не исчезли. Как и поцелуями, сувенирами стали обмениваться все. Л. И. Брежнев и его команда, собираясь в командировку, запасались многочисленными дарами от часов до золотых и серебряных наборов, портсигаров и сервизов.

Управляющий делами ЦК Н. Е. Кручина показывал мне ведомости, в которых перечислялись подарки для местных руководителей и зарубежных деятелей. Стоимость их была внушительна. Для последней поездки Брежнева в Узбекистан были выписаны подарки на всех руководителей республики, их замов, замов замов, помов, стенографисток, машинисток и даже водителей машин, на которых ездили эти стенографистки. На это направлялись десятки, сотни тысяч партийных рублей.

С любопытством разглядывая накладные и описи того времени, я не мог не поразиться прозорливости хозяйственников. Уж если генсек, Председатель Президиума Верховного Совета, дарит стодь ценные подарки, то тут местному начальству лицом в грязь ударить нельзя. И в ответ шли драгоценные броши, колье, кольца, оружие в золотых и серебряных ножнах, золотые безделушки и многое другое, что, скорее всего, не попало в Гохран. Сдавать в Гохран такие пустяки тогда считалось не современным. Напротив. Из Гохрана брали и брали многие драгоценности по стоимости золотого и серебряного лома на вес. Впрочем, наверное, такой порядок распоряжения достоянием народа был и для гохрановцев не бескорыстен. Но это только предположение, и потребуется время, чтобы во всем этом разобраться.

Особая волна вручения подарков пришлась на семидесятилетие Брежнева, в конце 1976 года. Иностранные представительства считали своим долгом, зная нравы генсека, преподнести ему что-то нетленное. Не отставали и местные руководители. Не стану называть весь перечень картин, часов, кубков, дорогой видеотехники и прочих и прочих даров. Да всего я и не знаю. Но о судьбе одного подарка должен сказать. Речь идет о драгоценном чороне — якутском национальном сосуде для кумыса. Якуты решили преподнести Брежневу такой подарок, какой не мог сделать больше никто. Одновременно он должен был показать возможности Якутии, щедрость этого народа. Чорон изготовил народный художник РСФСР Т. Амосов. Работа над ним кипела не один месяц. Он выточил из редкого по величине бивня мамонта кубок, подготовил места, где должны быть вставлены бриллианты и другие драгоценные камни с серебряными оправами. Пять кристаллов природных алмазов редчайшей чистоты общим весом почти 12 карат отправили на ювелирный завод для гранения и изготовления оправы. Работу эту вели московские гранильщики, и из пяти камней сделали шесть бриллиантов. Кроме того, из обрезков камней были выточены бриллианты для 12 роз. На московской ювелирной фабрике изготовили три ножки для кубка и пластинчатый обруч. Отлили

из серебра шесть фигурных оправ, в которые было вставлено по бриллианту. В трех верхних оправах между бриллиантом и розами вставили по два альмандина — красных драгоценных камня. Чорон вручал Брежневу Г. Чиряев — первый секретарь Якутского обкома КПСС. На выставке подарков, как мне говорили, чорона не было. Брежнев отвез его домой.

Видимо, этот драгоценный дар и сейчас бы хранился в семье Брежнева, если бы им после его смерти не заинтересовался ЦК партии и секретари ЦК не поручили разыскать подарок. Он был возвращен государству и, надо надеяться, хранится в надежном месте.

Слухи о тяжелом состоянии здоровья, о получении драгоценных подарков во всех республиках, где бывал Брежнев, растекались в народе, будоражили общественное мнение, и только виновник всех волнений был спокоен и много спал. Он был жив, но, как считали врачи, не вполне реально осознавал и оценивал происходящее. Поэтому, когда после октябрьских праздников мне позвонил мой старый товарищ из Госплана и спросил: «Это правда, что Брежнев умер?» — я удивился. Во-первых, этого не знал, о чем сказал со всей определенностью, а во-вторых, такие слухи время от времени запускались уже не раз.

Но на этот раз слухи о смерти не были преувеличены. Брежнев тихо умер в своей постели 10 ноября 1982 года между восемью и десятью часами утра. И был обнаружен уже остывшим своим адъютантом, который пришел будить генсека. Хотя он был давно и серьезно болен, но почему-то ни служба охраны, ни медики не держали вблизи не только врачей, но даже медсестры, и реанимировать его взялись охранники, делая массаж большого старого сердца Брежнева, но было поздно. Прибывшие реаниматоры лишь констатировали смерть генсека на маленькой и неуютной его даче в Заречье, в пяти минутах езды от кольцевой автодороги.

Позже я осматривал эту дачу. Внешне она выглядела неказисто: низенькая, в два этажа, с маленькими залами и гостиной. И только пристроенный бассейн и сауна удлинили помещение. Из тех дач, где жили члены Политбюро и руководители правительства СССР, эта была, пожалуй, довольно скромная.

На первом этаже кроме холла была столовая метров 50, крутая лестница на второй этаж. Там несколько спаленок метров по 15–18 с небольшими туалетами и низкими потолками; здесь останавливались дети и внуки, когда им это разрешалось.

Спальня Брежнева была побольше, но ничего похожего на Форос тут не было. Кабинет Леонида Ильича был небольшой —

метров 20–25, скромный письменный стол, стеллажи вдоль стен. Небольшой диван. У стола телефонный пульт, по которому он мог связаться по прямой связи с членами Политбюро ЦК, некоторыми другими должностными лицами.

На стеллажах стояли книги главным образом времен середины 50 — начала 60-х годов. Много дарственных изданий, альбомы с фотографиями, различные буклеты, брошюры о боевых действиях 18-й армии, Малой земле и многое другое о той жизни, где была настоящая работа и истинные увлечения. В комнатах витал дух неухоженности, казенщины. Все напоминало временность пребывания здесь человека, мимолетность его жизни на земле. Больше всего поразили меня казенная мебель и чужие холодные стены, которые обитатели дома, и это знали все, начиная от Брежнева до его внуков, будут вынуждены рано или поздно покинуть.

Я походил по опустевшим комнатам, спустился вниз, размышляя, может ли быть хоть на миг счастлив в этой казенной, холодной обстановке, где не чувствовалось человеческого тепла, человек, и решил — никогда.

И еще, почему лидер, олицетворявший на протяжении многих лет великую страну, пусть не всегда хорошо, а может быть, когда-то и плохо, но все-таки внесший немалый вклад в развитие государства, укрепление его мощи, выкинут из памяти преемниками, осмеян, превращен в циркового петрушку? Да, были слабости у Брежнева, да, было чему удивляться и что ненавидеть. Но почему все молчали, ликуя, поклоняясь генсеку? Где те руководители, которые обязаны были сказать правду о состоянии дел и престарелому лидеру, и членам ЦК, и народу? Не камарилья ли трусов, обладавшая властью в центре и на местах, довела нашу страну «до ручки» и не они ли должны нести главную ответственность за то, что произошло с великой державой? Только когда не стало Брежнева, каждый, чтобы показать, вот какой он был смелый и оставался таким всегда, начал поносить своего кумира. Какую же надо было иметь беспринципность, нищету духа, чтобы молчать и таить от людей правду? Если бы существовал гражданский моральный суд, то он должен был наказать прежде всего этих трусов и приспособленцев, лгунов и рвачей.

Конечно, скажут мне бывшие соратники Брежнева, легкр сегодня быть смелым. Но попробуй выступить против генсека в те годы. Согласен, что для этого нужно быть человеком мужественным, человеком поступка. Но ведь и тогда не все молчали. А. Н. Шелепин не скрывал своего отношения к происходящему. Был и Егорычев. Да, за это они поплатились. Их

изгнали со всех ступенек власти и не подпустили больше к рычагам управления даже после ухода Брежнева. Не берусь судить, сколь бескорыстны были истинные помыслы людей, восставших против генсека. Но когда речь идет о судьбе Родины, о судьбе государства, сказать правду о том, что король голый, долг и обязанность каждого человека, тем более занимающего высокий официальный пост.

В ту пору я понимал, что умер не просто Брежнев, умерла эпоха, которая держалась на людях, воспитанных революцией, войной, сталинским видением социализма. Уже мы, следующее поколение страны, не воспринимаем все, как было, сомневаемся в целесообразности сделанных шагов, доказываем, как следовало бы поступать тогда. Конечно, смотреть на историю с позиций сегодняшнего дня — значит заведомо делать ошибку. Историю творят не только великие люди, совершающие великие поступки. Она создается из многих нюансов жизни миллионов, которые следующие поколения не ощущают и не принимают в расчет. И в этом кроется одна из причин вечных противоречий между отцами и детьми, между поколениями и эпохами. Именно эта причина лишает новые поколения морального права осуждать своих предшественников. Говорю это, полагая, что сказанное не может касаться виновников репрессий против безвинно погибших и пострадавших людей. В этом нет оправдания ни Петру I, ни Сталину.

Впрочем, как хочется иным поучать тех, кто жил в другие времена, поспешил с коллективизацией. Как хочется сказать, что надо было видеть подготовку Гитлера к войне, что нельзя было платить такую кровавую дань за взятие Берлина или Будапешта, Праги. Есть, к сожалению, неблагодарные люди. А некоторые и сегодня сожалеют, что немцы не разгромили нашу страну в 1941 году, не уничтожили тот строй, который отстоял народ в кровавой битве с фашизмом. О том, что тогда их не было бы на свете, они не думают. Не вспоминают они и о бесчисленных жертвах фашистского террора.

Размышляю об этом в полупустой столовой бывшего генсека ЦК, где некогда собиралась его семья и друзья. Теперь здесь запустение. Дачу готовились передать то ли детям, то ли пенсионерам. И я тогда не мог бы поверить, что спустя несколько лет в ней, как олицетворение новых веяний, будет размещена некая фирма или промышленный союз и на ее охрану станут нанятые за деньги ребята ОМОНа.

…Москва прощалась с Л. И. Брежневым. Газеты вышли в траурном обрамлении с обращением ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР к

коммунистической партии, к советскому народу. Опубликованы другие материалы официальных органов в связи со смертью Брежнева.

А в это время с 13 часов ровными, профильтрованными рядами представители трудящихся двинулись в Колонный зал Дома союзов. Вместе с другими был в этом зале и я. На высоком постаменте в цветах и венках лежал Брежнев. Люди, не задерживая шаг, скорбно проходили мимо, с любопытством взирая на бывшего лидера страны, которого при жизни так близко видеть не довелось. В полутемном углу я заметил в трауре родственников Леонида Ильича. Иногда к ним подходили знакомые выразить соболезнование. Так было 12, 13, 14 ноября, объявили всенародный траур и отменили занятия в школах.

А 15 ноября настал день похорон. Представители всех регионов, посланцы многих государств собрались, чтобы проводить, как говорят, в последний путь генсека, Маршала и многократного Героя Советского Союза, покинувшего народ в самый драматический период его жизни.

В марте 1953 года я, как тысячи других, рвался к Колонному залу, где лежал Сталин. Он тоже ушел, не назвав преемника. После него остались рассоренные лидеры-соратники, которые никому не верили и радовались только тому, что они еще живы и могут жить, потому что этого страшного, но почитаемого человека больше нет. Но тогда, в марте 1953 года, народ искренне оплакивал Сталина. Плакали те, кто возвысился при нем, и те, кто был растоптан им и унижен. Этот парадокс достался нам в наследие. Философам, историкам, социологам еще предстоит разгадывать эту странную загадку.

Когда хоронили Брежнева, не плакал никто, кроме родственников. И ко времени прощания уже не было вопроса, кто придет на смену Брежнева. Наш не избалованный информацией народ давно понял, что усопших заменяют те, как правило, кто возглавляет комиссию по похоронам. А там сказано все четко — Андропов.

Впрочем, эта ясность была лишь у тех, кто не очень знал кухню «возведения на трон». Перед окончательным решением о преемнике была короткая, но яростная схватка претендентов. Ближайшая правая рука Брежнева — член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Черненко с командой своих приближенных и тех, кто боялся крутых перемен, заявили о себе. Готовился сговор приближенных по выдвижению на первую роль К. У. Черненко. Однако против бывшего шефа КГБ Ю. В. Андропова, являвшегося в то время фактически вторым лицом в партии, идти было, как полагали, трудно и небезопасно. О сговоре стало известно

Андропову раньше, чем все разошлись по квартирам. Поэтому сторонники Черненко, смирившись, отступили, а Константин Устинович получил в благодарность должность второго секретаря — того, кто ведет Секретариат ЦК.

Пленум ЦК единодушно поддержал избрание Ю. В. Андропова генсеком. Был он, как я уже говорил, вторым человеком в партии, после смерти М. А. Суслова вел Секретариат ЦК. До этого много лет работал председателем КГБ СССР. Как личность незаурядная, имел обширные связи в кругах интеллигенции, военных. Широко был известен в компартиях стран социалистического содружества, одно время работал послом в Венгрии, а позже курировал отдел, занимавшийся связями с партиями этих государств. Имел хорошие контакты и с рядом международников, послов, дипломатических работников, первых лиц в ЦК компартий республик, крайкомах и обкомах КПСС. Назначение его генсеком не вызвало особой неожиданности. Более того, многие увидели в этом возможность навести порядок в стране, подтянуть дисциплину, развернуть борьбу с преступностью. Но было немало испугавшихся. После Пленума ЦК, избравшего Андропова генсеком, М. С. Горбачев ходил веселый и торжественный, как будто избрали его. А вечером, когда я зашел к нему с документами, не удержался и сказал:

— Ведь мы с Юрием Владимировичем старые друзья, семьями дружим. У нас было много доверительных разговоров, и наши позиции совпадают.

Из воспоминаний Горбачева хотелось бы привести лишь одно — о разговоре с ним во время приезда Юрия Владимировича на отдых на Кавказ. За «рюмкой чая» они говорили о том, что снедало печалью многих, — о положении в Политбюро, состоянии здоровья его членов, и прежде всего Брежнева. Было это в середине 70-х годов.

— Нельзя Политбюро ЦК формировать только из людей преклонного возраста, — сказал тогда Горбачев Андропову. — У хорошего леса всегда должен быть подлесок.

— Потом, — вспоминал Горбачев, — когда избрали меня в Политбюро ЦК, Андропов, поздравляя, сказал:

— Ну что, «подлесок», давай действуй.

Возвышение

Внешне положение Горбачева ни в чем не изменилось. Он по-прежнему курировал вопросы агропромышленного комплекса. Но истинное влияние его на решение вопросов поменялось существенно. Более того, стало заметно, что Горбачев медленно, но все увереннее становился влиятельнейшим членом Политбюро ЦК, тесня К. У. Черненко — второго человека в партии, ведущего Секретариат. Я замечал это по частым телефонным разговорам его с Андроповым, их характеру, по долгим доверительным встречам его с Юрием Владимировичем, выполнению поручений генсека, выходящих за официальную компетенцию Горбачева. Теперь он все чаще привлекался к решению широких экономических проблем, вопросов организационно-партийной, кадровой работы. И это осложняло отношения Горбачева с Черненко, которого Андропов недолюбливал, но считался с теми, кто стоял за его спиной, и выдвигал Константина Устиновича на передний план. Однако работать предпочитал с новыми людьми, все больше доверяя им сложные социально-экономические вопросы развития общества.

Надо сказать, что организационные и кадровые проблемы, пожалуй, меньше всего были знакомы и понятны Андропову. Но и Горбачев плохо знал кадры промышленников, экономистов и вынужден был все чаще обращаться за советами к разным, подчас случайным людям. Однако вопросы надо было решать, обстановка требовала обновления кадрового состава, и Ю. В. Андропов все больше доверял М. С. Горбачеву, все сильнее опирался на его помощь.

Как-то в начале весны 1983 года М. С. Горбачев спросил меня, знаю ли я Е. К. Лигачева, первого секретаря Томского обкома КПСС. Лично с Лигачевым я не был знаком, мне приходилось его видеть только в начале 60-х годов, но слышал о нем многое.

Какое-то время он работал в аппарате ЦК, занимаясь организационными и идеологическими вопросами в созданном в те годы бюро ЦК по Российской Федерации. Тогда агитпроповцы говорили о нем как о человеке решительном и въедливом. После избрания первым секретарем Томского обкома мои томские друзья рассказывали о больших переменах в области, которые произошли в значительной мере благодаря энергии Лигачева. Он много внимания уделял не только хозяйственным проблемам, но и развитию культуры, образования и науки.

Все это я и сказал Горбачеву.

— *Я* его знаю давно, — ответил Михаил Сергеевич.

— Мы с ним вместе были в Чехословакии.

В ту пору разговор о партийных работниках, экономистах, хозяйственниках происходил довольно часто. Горбачев спрашивал о людях неожиданно, видимо желая сверить свое мнение, узнать что-то новое. Поначалу я не придавал особого значения подобным вопросам. Однако скоро понял, что они не случайны. Где-то в апреле состоялось решение Политбюро ЦК о назначении Е. К. Лигачева заведующим отделом организационно-партийной работы. Это был важнейший участок всей работы ЦК КПСС, так как в его ведении были практически все кадры, назначение людей на должности не только в партии, но и во многих других организациях.

Теперь Горбачев вместе с Лигачевым занялись укреплением партийных структур новыми людьми, давали рекомендации Андропову по новым назначениям. Перед ними открывалась огромная возможность подтянуть на ключевые посты в партаппарате нужных, доверенных специалистов, хотя Горбачев не раз говорил, что выбирать не из кого. Кадровый вопрос в среднем звене партийных работников был запущен, вторые должности занимали люди менее компетентные и даже более старые, чем первые секретари обкомов, горкомов и райкомов КПСС.

— Да, на Ставрополье секретари райкомов партии сильнее многих, кто возглавляет сейчас областные и краевые комитеты, — нередко говорил Михаил Сергеевич, с удовлетворением вспоминая тех работников райкомов и райисполкомов, которых он успел подобрать для совместной работы.

А заменил он многих, сказав как-то, что за полтора года полностью обновил состав секретарей райкомов КПСС. Конечно, он и на посту секретаря ЦК опирался на ставропольцев. Те, с кем мне пришлось столкнуться, были, как правило, энергичные, грамотные и достойные люди.

Когда я пришел в ЦК на работу к М. С. Горбачеву, у меня вновь наладилась и укрепилась связь с А. Н. Яковлевым, которая прервалась с его отъездом в Канаду. Мы были знакомы с начала 60-х годов. Тогда он работал инструктором в отделе агитации и пропаганды ЦК, а я пришел на работу в аппарат секретаря ЦК Л. Ф. Ильичева. Нам часто приходилось с ним контактировать, решать некоторые вопросы. Л. Ф. Ильичев с уважением относился к А. Н. Яковлеву и всячески его выделял, доверяя наиболее деликатные поручения.

Судьба исполнения одного из них и сегодня находится в центре внимания общественности. В 1963 году к Н. С. Хрущеву обратились родственники чекиста, участвовавшего в охране, а

затем и расстреле семьи Николая Второго. Умирая, он завещал передать руководству страны два револьвера, из которых были расстреляны Романовы. Один наган предназначался Н. С. Хрущеву, второй — для Фиделя Кастро.

Хрущев не придумал ничего лучшего, как поручил рассмотреть этот вопрос агитпропу ЦК. Наверное, было бы правильнее, чтобы этим вопросом занялся КГБ, владеющий большей информацией и имеющий навыки рассмотрения таких дел. Может быть, Н. С. Хрущев хотел знать идеологическую подоплеку всей этой истории и ее последствия? Как бы то ни было, поручение есть поручение, и Л. Ф. Ильичев пригласил А. Н. Яковлева и дал задание разобраться во всей этой истории.

А. Н. Яковлев добросовестно взялся за работу и провел глубокое изучение вопроса. Он собрал всех оставшихся в живых участников и свидетелей тех драматических событий, происшедших на Урале. В ту пору их было еще немало. Попросил подробно рассказать, как все было, и записал их воспоминания на магнитную ленту. Александр Николаевич провел тщательный анализ действий участников расстрела и захоронения царской семьи, выяснил роль каждого, достоверность событий. Записку о выводах и предложениях он направил Л. Ф. Ильичеву.

Револьверы, как он сказал мне уже в 1988 году, были сданы им в КГБ, а все остальные документы, магнитная запись и ее расшифровка находились у Л. Ф. Ильичева. Я видел папку этих документов, читал стенограмму. В материалах говорилось о жизни и быте царской семьи во время заключения, характере и нравах каждого из них, причинах расстрела, его участниках, месте захоронения и многом другом. Правда, роковые события, как мне тогда запомнилось, происходили не в Екатеринбурге, а где-то в Перми. Но я мог и ошибиться.

Все материалы расследования А. Н. Яковлева были доложены Н. С. Хрущеву, но его они, видимо, не заинтересовали или было такое время, когда уделять внимание подобному вопросу первый секретарь ЦК не мог, а может быть, не хотел прикасаться к старой истории.

В 1988 году я поинтересовался в архиве этими документами, так как чувствовал, что некоторые факты стали известны авторам ряда работ и опубликованы в книгах. Ни магнитных записей, ни стенограммы их расшифровки я не нашел. Может быть, они хранились в другом месте или с ними произошло что-то еще, сказать трудно.

А. Н. Яковлеву приходилось в те годы выполнять и другие задания, не всегда относящиеся к его прямым служебным обязанностям. Впрочем, и служебные обязанности для него в ту

пору были сначала малопонятными. Его назначили заведующим сектором радио и телевидения идеологического отдела ЦК. По этому поводу А. Н. Яковлев зашел ко мне и, показывая на громкоговоритель, стоявший у меня на столе, сказал откровенно, но, видимо, не без преувеличения:

— Кроме того, что это радиоприемник, я ничего ни в радио, ни в телевидении не понимаю.

Мы посмеялись, но пришли к выводу, что это не главное. Ему предстоит заниматься политической, содержательной стороной деятельности этой организации. Так и случилось. Он овладел новым делом, а с приходом Л. И. Брежнева был возведен в ранг первого заместителя заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК и возглавлял идеологическое направление в работе партии до 1972 года, пока его не отправили послом в Канаду.

И вот теперь, во время одного из отпусков, когда Александр Николаевич приехал отдохнуть из Оттавы, мы встретились. Разговор шел о многих переменах, происходивших в стране, развитии сельского хозяйства.

А. Н. Яковлев просил уговорить М. С. Горбачева съездить и посмотреть сельское хозяйство в Канаде, которое Яковлев считал весьма эффективным, а методы труда — приемлемыми для нас. Я тоже полагал, что знакомство с агропромышленным сектором этой страны будет полезным для Горбачева. Скоро М. С. Горбачев принял Яковлева. После встречи было условлено, что Александр Николаевич договорится с канадским правительством и от его имени направит шифротелеграмму с приглашением М. С. Горбачеву посетить Канаду. Такая телеграмма вскоре пришла, и Ю. В. Андропов не без сомнений, но под напором Горбачева согласился отпустить Михаила Сергеевича на короткое время за океан.

Это была решающая поездка для понимания будущим автором «Перестройки и нового мышления» процессов, происходящих в западном мире, знакомства с иными точками зрения на развитие нашей страны, вопросами демократизации, свободы и гласности. Именно там, как делился в беседе со мной М. С. Горбачев, А. Н. Яковлев изложил свое видение развития СССР и мира, изложил пути, которые могут привести к оздоровлению нашего общества. Большое значение имела эта поездка и для дальнейшей судьбы А. Н. Яковлева, которого до поездки Горбачева не очень-то спешили вернуть в Россию.

А вернуться на Родину он стремился давно и предпринимал для этого немало усилий. Однако поездка Горбачева в Канаду не сразу привела к возвращению Яковлева. Нужно было, чтобы на

это согласился Андропов. А Юрий Владимирович почему-то не спешил. И однажды, отвечая на доводы Горбачева о необходимости возвращения Яковлева и похвалы в его адрес, Ю. В. Андропов сказал:

— Это верно, голова у него есть, и даже не одна. Поэтому надо все взвешивать и не спешить.

Что хотел сказать этим Юрий Владимирович, можно только догадываться. Лишь спустя десятилетие В. А. Крючков, работавший тогда в разведке, раскрыл некоторые факты, вызывавшие у Ю. В. Андропова сомнения в необходимости скорого возвращения Александра Николаевича на Родину.

Однако Горбачев был настойчив. И Яковлев готовился к переезду в Москву. В этом ему помогали и старые друзья, особенно академик Г. А. Арбатов, хотя отношения с ним складывались у Александра Николаевича на редкость неровно. Причины тому надо было искать в начале далеких 70-х годов.

Многим предложенным должностям А. Н. Яковлев предпочел тогда директорское кресло в Институте мировой экономики и международных отношений. Эта должность была в ученом мире международников всегда престижным местом. Директор института в последние годы входил в состав ЦК КПСС.

Помощь Горбачева, а также Черненко и К. М. Боголюбова, возглавлявшего в ту пору общий отдел ЦК КПСС, к которым заходил Александр Николаевич, формально довершила его переезд в Москву и назначение на новую работу, а Академия наук СССР, учитывая заслуги, а также пост директора института, вскоре избрала его своим членом-корреспондентом. У А. Н. Яковлева начался новый этап жизни.

Так в тот период подтягивались силы, возглавившие впоследствии перестройку, заложившие ее идеологическое обоснование и практическую реализацию.

Мало кто знал, но состояние здоровья Ю. В. Андропова было критическим. Он все чаще ложился в больницу, быстро слабел, все тише становился его голос. Однажды я увидел Юрия Владимировича после нескольких недель его отсутствия и был огорчен его внешним видом. Лицо его было серым, щеки и глаза запали, а главное — во всем облике была усталость и обреченность. Лет пятнадцать назад мне приходилось с ним довольно часто встречаться, когда он заходил к Л. Ф. Ильичеву, выполнять его некоторые просьбы. Сейчас он не узнал меня или не мог разговаривать. Он шел из своего кабинета к лифту, и два адъютанта поддерживали его с боков. Он печально посмотрел на меня и скрылся в лифте. В таком состоянии, я понимал, ему трудно было работать, да и не уверен, что новые обязанности и

огромная ответственность, выпавшие на долю Ю. В. Андропова, не сказались на состоянии здоровья.

Если в его планы входили серьезные изменения в экономике нашей страны, то сформулировать, выстроить в строгую логическую цепь свою концепцию он, полагаю, уже не мог. М. С. Горбачев не раз говорил мне, что рекомендовал генсеку опираться на Н. И. Рыжкова, избранного на ноябрьском Пленуме секретарем ЦК и назначенного заведующим вновь образованного экономического отдела в аппарате ЦК КПСС. Первые меры по наведению порядка в стране касались главным образом общего укрепления дисциплины, борьбы с коррупцией и правонарушениями. В те дни по кинотеатрам, музеям, магазинам шли облавы, которые выявляли чиновников, занимающихся в рабочее время личными делами. И это дало пусть не долговременный, но действенный эффект. Началось рассмотрение ряда крупных дел по коррупции и взяточничеству; отстранили от работы, а затем и исключили из состава ЦК первого секретаря Краснодарского крайкома партии Медунова и министра внутренних дел СССР Щелокова, сместили с постов многих других партийных и хозяйственных руководителей.

Однако этого заряда энергии хватило ненадолго. А главное — не затрагивало внутренних пружин, ведущих к стагнации экономики. Ю. В. Андропов готовил более серьезные меры на этот счет, но дни его были сочтены. Все понимали, что время работает против Юрия Владимировича.

— С коллективной помощью он выработал правильный подход в решении первоочередных задач, — говорил М. С. Горбачев, — но ведь генсек совсем не знает ни производства, ни финансов, не разбирается в должной степени в вопросах экономики. А ведь все упирается именно в это.

Тем временем секретарь ЦК КПСС Н. И. Рыжков еще только осваивал свою новую должность, как говорится, «набирал обороты».

В конце 1983 года должен был состояться Пленум ЦК. По традиции, установившейся еще при Л. И. Брежневе, предстояло подвести итоги работы за год, наметить пути решения проблем в будущем. Ю. В. Андропов активно готовился к выступлению. В больницу к нему все чаще приезжали помощники и консультанты. Это должна была быть его важнейшая речь, но состояние здоровья не позволило выступить, хотя ему так хотелось подвести итоги года, поставить задачи на будущее. Лишь за сутки он понял это окончательно и сказал Горбачеву, что обратится с письмом к Пленуму, а Михаил Сергеевич пусть произнесет короткую речь.

Тот факт, что Ю. В. Андропов поручал М. С. Горбачеву

произнести по существу вместо него речь на Пленуме, говорил членам ЦК, партийным работникам очень о многом. Фактически тяжелобольной генсек передавал эстафету власти своему молодому и энергичному воспитаннику. И это поняли все, знающие кухню высшего органа партийной и государственной власти. Но борьба за власть тогда только начиналась.

Декабрьским утром 1983 года М. С. Горбачев срочно пригласил меня, а позже и Яковлева к себе и поручил готовить выступление на Пленуме. Мы быстро набросали, как говорится, «болванку» и отшлифовали ее. Текст получился неплохой, но это был период, когда Горбачев еще не овладел в полной мере проблематикой, был неуверен и сильно нервничал. Он прочитал выступление и остался недоволен. Мы внесли поправки, сделали вставки, но Михаил Сергеевич отвергал вариант за вариантом, совсем, кстати, на наш взгляд, неплохие. Нервозность возрастала, М. С. Горбачев потерял уверенность, пытался править и писать сам, пока не понял, что выступление становится все хуже и хуже. И поздно ночью отправил нас дорабатывать выступление, сказав, чтобы к утру все было готово. Это стоило ночи, но речь была написана. М. С. Горбачев произнес ее, выпятив те вопросы, которые и в последующем играли большую роль в перестройке страны. После этого Пленума число его сторонников и противников возросло. Многие считали Горбачева выскочкой, не имевшим опыта работы и знания жизни, другие как могли поддерживали.

Как ни печально, но дни Ю. В. Андропова были сочтены. Практически он уже не мог вставать и все больше находился на постельном режиме.

В феврале 1983 года у него почти полностью отказали почки, и Юрий Владимирович находился на гемодиализе. Но искусственная почка давала возможность работать два-три дня в неделю. К нему приглашали лучших советских и зарубежных специалистов, но процесс был, уже необратим. В конце января 1984 года состояние резко ухудшилось, нарастали побочные болезни.

М. С. Горбачев ходил пасмурный. Он чувствовал, что конец Ю. В. Андропова близок, и понимал, что приход всякого нового лидера может стать крахом всех его надежд и планов. В эти минуты он бывал откровенен. Часто вспоминал начало своей комсомольской работы в Ставрополье, товарищей, с которыми вместе трудился. Говорил о том, что сделал для края, особенно в области специализации и концентрации сельскохозяйственного производства.

— Начал даже писать кандидатскую диссертацию на эту

тему, — признался он однажды, — публикации в печати уже имелись. В то время какая-то неуверенность была во всем, трудности в стране возрастали…

Я помнил, что это был период, когда партийные руководители, видя состояние здоровья Брежнева, неопределенность своего будущего, сами или с помощью доброхотов засели за научные диссертации, чтобы не утонуть в тех возможных волнах, которые захлестнули бы страну с приходом нового требовательного начальства.

Все эти мысли всплывали в памяти Горбачева опять, и было от чего. Вряд ли кто в Политбюро ЦК знал о подлинном состоянии здоровья Андропова так досконально, как он. Горбачев, по его словам, был одним из немногих, кого Ю. В. Андропов тогда принял и беседовал по текущим и перспективным вопросам развития страны. Он часто вспоминал эту поездку вместе с Лигачевым к генсеку, и члены Политбюро, старые соратники Андропова, не понимали, почему Юрий Владимирович предпочел им двух новичков. Это все подливало, как говорится, масла в огонь и делало отношения Горбачева с другими натянутыми.

Разумеется, об отношениях Горбачева и Андропова я сужу прежде всего по словам Михаила Сергеевича и по тем фактам, свидетелем которых был лично. Позже до меня доходили суждения людей, которые работали в аппарате Юрия Владимировича, были его доверенными или близкими товарищами. Их мнения расходятся с тем, что говорил о своих взаимоотношениях с Андроповым Горбачев. Прежде всего, как говорили, Юрий Владимирович ничем не выделял ставропольского агрария, но старался максимально использовать его возможности в решении тех или иных сложных проблем. Точно так же он доверял и поручал осуществлять многие свои замыслы другим секретарям ЦК. В этом соратники Андропова видели опыт и прозорливость способного лидера и хорошего организатора. Не меньше, чем с Горбачевым, генсек встречался и обсуждал проблемы с другими руководителями партии и государства. В этом отношении я хотел бы опереться на свидетельства Евгения Ивановича Калгина, много лет знавшего Ю. В. Андропова. В своих воспоминаниях в июньском номере «Независимой газеты» за 1994 год он отмечал: «Действительно ли именно Андропов способствовал восхождению на политический олимп Михаила Сергеевича Горбачева и правда ли, что незадолго до кончины в своем политическом завещании он назвал его своим преемником? Об этом я могу сказать следующее. То, что выделявшийся в то время из общей массы партийных руководителей областного звена Горбачев обратил на себя

внимание Андропова, часто отдыхавшего в Кисловодске, это факт. Но я бы не стал упрощать. Процедура отбора кадров для высшего партийного руководства была сложной и многоступенчатой, и от мнения одного человека, даже Андропова, не зависела. Хотя надо сказать, что Горбачев, имея хорошее образование и природные данные, умел произвести впечатление.

Сторонников версии о наличии какого-либо политического завещания Андропова я бы хотел разочаровать. Ни мне, ни другим членам «команды» Юрия Владимировича, в том числе Лаптеву, Крючкову и Шарапову, которым он на протяжении многих лет особенно доверял, о таком устном или письменном завещании ничего не известно. Хотя они и общались с ним буквально до последних минут его жизни.

В прессе также упоминалось о разочаровании Андропова в Горбачеве незадолго до кончины. Но я никогда не чувствовал какой-то особой близости между Юрием Владимировичем и Горбачевым. Знаю, что он строго спрашивал с него, «снимал стружку», как и с других руководителей, за упущения в работе. Могу привести такой факт: на последней незадолго до кончины встрече Андропова в больнице с членами Политбюро Горбачева не было».

К этому я могу добавить, что мне также ничего не известно о каком-то завещании Андропова, и этот слух появился либо по недоразумению, либо «запущен» с целью оказать моральную поддержку жаждущему власти Горбачеву. Была ли эта утка доморощенной или выпестована где-то еще, сказать трудно. В те годы начала великой смуты, активной борьбы за власть разных политических сил рождались и умирали многие подчас фантастические мифы, будоража умы людей, сбивая их с толку. О том, что завещание всего лишь неловкая выдумка, свидетельствует и поведение Горбачева, который, оказавшись на вершине пирамиды власти, постарался принизить роль Андропова.

А тогда время Андропова истекало.

9 февраля 1983 года в 16 часов 50 минут Ю. В. Андропов скончался. Он ушел из жизни, оставив о себе в целом положительное, хотя и противоречивое мнение. Его не критиковали, но говорить о том, что он добился каких-то позитивных результатов, было трудно. Скорее можно сказать, что у Андропова имелись добрые намерения, намечены вехи перестройки, но изменениям осуществиться не суждено было.

И еще. Скорая смерть генсека потрясла страну, всех коммунистов. Кончина еще одного старого и больного лидера КПСС поставила под сомнение многие авторитеты в партии.

Члены ЦК, заходя ко мне, с недоумением говорили:

— Ну разве не видно было, что Ю. В. Андропов болен. Зачем же Политбюро предлагало его ЦК? Так мы все доверие людей растеряем…

Что я мог сказать? Смотрели бы лучше, когда голосовали. Но все ли знали и знали ли вообще члены ЦК о здоровье своих лидеров? Конечно нет. Это была самая большая тайна, которую охраняли и медики, и спецслужбы. Тем более никто не ведал, что Пленум, партию, страну ждет еще одно испытание, и испытание это будет роковым.

Тревожное время

И снова Красная площадь замерла в скорбном молчании, прощаясь с лидером партии и государства. И снова руководители всех республик, краев и областей, представители зарубежных государств съехались, чтобы проститься с лидером великой державы, выразить свое уважение и соболезнование тем, кто встанет у руля страны после Ю. В. Андропова.

Звучат прощальные залпы артиллерийских орудий, вспугивая голубей на колокольне Ивана Великого, переминаются заморские гости, легко одетые для российских морозных дней. Еще мгновение — ив историю уйдет следующая неясная и загадочная страница возвышения больного лидера, борьбы за власть и быстрая смерть.

Который раз ловлю себя на мысли, что люди даже на пороге смерти не могут умерить свои амбиции, отказаться от непосильной ноши для сохранения спокойствия и благополучия страны. Думаю об этом, еще не зная всей сложности развернувшейся борьбы за утверждение нового генсека. Тот факт, что председателем комиссии по похоронам был К. У. Черненко, казался естественным, поскольку он был вторым человеком в партии, но, с другой стороны, это был сигнал столь обескураживающий, что еще не верилось: неужели этот не менее больной, немощный и косноязычный человек, тяжело, с придыханием произносящий короткие фразы, может стать новым лидером КПСС и огромного государства.

Я рассуждал об этом, еще не зная, что вопрос об избрании Черненко генсеком уже предрешен и происходило это совсем не на Пленуме ЦК. Пленумам по таким вопросам всегда отводилась роль оформителя тех или иных решений, принятых «руководящей группой» Политбюро ЦК. Говорю «руководящей», ибо не все из состава партийных патриархов обладали одинаковым авторитетом и реальной властью, влиянием, не все могли предложить имя нового генсека. Многие лишь участвовали в обсуждении выдвинутой кандидатуры при избрании лидера.

К тому времени в Политбюро одну из ведущих ролей играл Д. Ф. Устинов. Именно он в тот период был, пожалуй, главным из дирижеров расстановки кадров в руководстве. Именно от его поддержки во многом зависело, быть или не быть кому-то в Политбюро ЦК, возглавить тот или иной ключевой орган управления государством.

Я неплохо знал Д. Ф. Устинова, ибо еще в 1965 году по его просьбе некоторое время работал с ним, хотя тогда уже готовился

и сдавал экзамены для поступления в Академию общественных наук. Он попросил помочь ему, «пока будет входить в курс нового дела». В то время его избрали секретарем ЦК и он курировал вопросы оборонной промышленности и химии. Я видел его в работе. Он обладал тогда достаточно хорошим здоровьем, огромной работоспособностью, сохранившейся еще, видимо, с военных лет. Дмитрий Федорович ежедневно приходил к 8 часам утра и уходил после 12 ночи, а часто и позже. В его кабинете постоянно были люди, проходили большие совещания, приглашались крупнейшие ученые, военачальники, конструкторы. Именно тогда я смог увидеть Туполева и Миля, Королева и Челомея, Бармина и Янгеля, многих других выдающихся конструкторов и организаторов космической и оборонной промышленности, чьи имена стали известны советским людям спустя годы, а то и десятилетия.

На заседания, рассматривавшие важнейшие вопросы обороны, специалисты приглашались в строго определенном порядке. И не дай Бог, чтобы кто-то неприглашенный остался на следующий вопрос или пришел раньше времени. За этим внимательно следили, и я не раз был свидетелем, как из кабинета выдворялся то один, то другой «оборонщик», оказавшийся «лишним».

Тогда существовал строгий порядок, при котором секретность являлась условием успеха работы. Впрочем, по некоторым направлениям космической техники, авиастроения советские ученые в тот период действительно опережали США и нам было что охранять от нескромных глаз и ушей. Во всяком случае в ту пору я был в этом уверен. Многие конструкторы приходили с огромными схемами, опломбированными в больших тубусах, с макетами самолетов и вертолетов, танков, артиллерийских и ракетных систем.

Вел заседания Д. Ф. Устинов жестко, по-деловому, давал высказаться всем, но решения принимал сам или просил подготовить их для рассмотрения на Совете Обороны или в Политбюро ЦК. После таких многочасовых заседаний Дмитрий Федорович оставлял еще некоторых конструкторов и долго обсуждал конкретные вопросы, часто звонил на места, иногда в далекие восточные районы, несмотря на то что в Москве было 2–3 часа ночи. В результате огромной работы того периода и были заложены принципы и основы современной оборонной мощи и развития военно-промышленного комплекса. В последующем с переходом на работу в Министерство обороны Д. Ф. Устинов приобрел такой вес и поддержку среди военных и работников-оборонщиков, что являл собой по существу главную и

авторитетную фигуру в Политбюро, правительстве и государстве. Особенно ясно это стало после смерти Брежнева и Андропова.

…И вот тогда именно Д. Ф. Устинов, а также Н. А. Тихонов и А. А. Громыко поддержали кандидатуру К. У. Черненко на пост лидера партии. Возможно, не без внутренних колебаний, но дисциплинированно члены Пленума ЦК проголосовали за избрание Константина Устиновича генеральным секретарем ЦК КПСС. Впрочем, для большинства членов политического руководства, первых секретарей республиканских, краевых и областных партийных комитетов в ту пору это был наиболее приемлемый вариант. Недолгое правление Ю. В. Андропова настолько напугало многих своим радикализмом, попыткой изменить или поправить курс Л. И. Брежнева, что избрание К. У. Черненко генсеком стало желанным. Он был плоть от плоти сложившейся партийно-государственной иерархической системы.

Разумеется, авторитеты Политбюро понимали, что К. У. Черненко, мягко говоря, перезрел и нуждался в крепкой подпорке. Поддерживая избрание его генсеком, Д. Ф. Устинов обговорил и вопрос о том, что на вторые роли перейдет М. С. Горбачев.

— Ты действуй, Михаил, — успокаивал М. С. Горбачева Д. Ф. Устинов, — я договорился, что Секретариат ЦК будешь вести ты. Константин официально внесет это предложение на заседании Политбюро ЦК.

И К. У. Черненко действительно внес это предложение, несмотря на сомнение и даже сопротивление Н. А. Тихонова и некоторых других членов Политбюро.

Восхождение на вершину политической власти державы для К. У. Черненко стало временем и личного триумфа. Стечение обстоятельств позволило реализоваться несбыточной мечте. Трудно понять, как престарелый 73-летний человек, серьезно больной и немощный, мог решиться на такой отчаянно-безумный шаг. Он встал во главе многомиллионной партии, а по существу великой страны в дни ее критического состояния. Нормальная психика отказывается понять такое решение. Согласие на избрание К. У. Черненко генсеком можно объяснить только утратой чувства реальности, непомерной жаждой власти, которая, как оказалось, сильна даже в преклонном возрасте. Нельзя, разумеется, исключать и того, что Константина Устиновича уговорили его соратники занять этот высокий пост, дабы не пустить к власти людей, способных изменить соотношение сил и традиционный курс, выработанный многими деятелями действовавшего в ту пору Политбюро.

Как бы то ни было, но превращение К. У. Черненко в нового политического лидера стало большим праздником для всех

испуганных действиями Ю. В. Андропова. И среди радовавшихся приходу Константина Устиновича были не только его ближайшие помощники или приверженцы брежневских идей. Удовлетворение испытывали и многие партийные, советские, хозяйственные руководители, видные деятели культуры, идеологических учреждений. Были среди них и представители теневой экономики, не очень заметно, но активно и по-крупному зарабатывавшие на свое житье-бытье.

Возглавив КПСС, а вскоре и Президиум Верховного Совета СССР, К. У. Черненко понял, что нужно действовать. Он попытался занять, насколько позволяли его возможности, активную позицию, однако своей, «выношенной» программы действий не имел, и потому политика того времени по существу вернулась в прежнюю колею. Единственно, что мог Константин Устинович, — это оставаться и впредь тенью Брежнева, реализуя те решения, которые предлагал аппарат ЦК, Совмина, Госплана, министерств и ведомств. К. У. Черненко, несмотря на возвышение, остался всего лишь исполнителем и проводником чужих предложений. Творцом новых идей ему уже стать не было дано. Вряд ли он мог это сделать и в молодые годы. Уровень теоретической подготовки Константина Устиновича был невысок, а опыт работы ограничивался одной сферой деятельности — идеологической. Черненко никогда не возглавлял ни обкома партии, ни советские или хозяйственные органы. В Молдавии, когда там работал Л. И. Брежнев, ему помогали держаться помощники Леонида Ильича. Поддержку Черненко оказали и позже, когда Л. И. Брежнев перебрался в Москву. Поэтому для бывшего окружения Брежнева он даже в качестве генсека оставался всего лишь «Костей».

После смерти Леонида Ильича Политбюро приняло решение сохранить его помощников в аппарате ЦК. Для этого создали специальную группу советников при Секретариате ЦК. Особого дела у них не было, никто советов не просил, за консультациями не обращался, но независимое положение, знание тайных пружин назначения и возвышения многих лиц делали брежневских помощников неудобными. Я оказался свидетелем начала распада группы советников. В конце 1985 года М. С. Горбачеву позвонил К. У. Черненко и рассказал, что один из помощников Л. И. Брежнева в день его смерти и похорон находился в веселой компании в каком-то охотничьем хозяйстве в Подмосковье.

— Думаю, надо серьезно наказать его за такое безобразие, — предложил Черненко. — Подготовить решение и отправить на пенсию. Как ты считаешь? — спросил Константин Устинович у Горбачева.

— Согласен, — ответил принципиальный Михаил Сергеевич, — надо кончать со всей этой разболтанностью.

Конечно, было не очень логичным вспоминать, что случилось почти два года назад, и за это наказывать. Но решение генсека не оспаривают. И вот человек, способствовавший возвышению Черненко, был довольно бесцеремонно отправлен на пенсию. За ним последовали и некоторые другие помощники Леонида Ильича. Группу советников расформировали. Теперь свидетелей восхождения нового генсека и других лидеров к вершинам власти в аппарате ЦК практически не осталось.

Несколько месяцев после избрания генсеком К. У. Черненко пытался проявлять активность, собирал совещания, встречался с руководителями партийных и хозяйственных органов, готовил выступления, давал интервью. С 13 февраля по декабрь 1984 года Константин Устино-вич опубликовал более 80 различных материалов и речей, которые вошли в его собрание сочинений. Здесь были выступления по поводу смерти Андропова, награждений, приветствия в связи с юбилеями, беседы с политическими деятелями. И это, пожалуй, наиболее важный итог его работы. Но ясно это стало лишь через год после избрания К. У. Черненко генсеком. А вначале была надежда на действия, но этого не случилось.

С приходом К. У. Черненко к власти М. С. Горбачев стал задумчив, мрачен и встревожен. Видимо, тайно он все-таки надеялся встать во главе партии. И это можно было понять. Михаил Сергеевич был, по сравнению с Черненко, молод, достаточно образован, тщеславен. И вот снова он должен стоять в очереди и таскать каштаны из огня для кого-то другого.

А между тем вопрос о назначении вторым секретарем М. С. Горбачева продвигался туго. Вроде бы на Политбюро К. У. Черненко сказал, что вести Секретариат ЦК будет Горбачев, а это значило, что он становился вторым лицом в партии. Но решения Политбюро ЦК по этому вопросу не было принято, и он остался сидеть за столом заседаний Политбюро на том же месте. Его не пригласили пересесть по правую руку от генсека, напротив Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова. М. С. Горбачев это тяжело переживал, часто выдержка покидала его, и он в узком кругу отпускал колкости в адрес К. У. Черненко и всех политических стариков. Такое положение, полупризнание Горбачева вторым лицом приводило его в ярость. Он часто и подолгу беседовал с Д. Ф. Устиновым, изливая свои накопившиеся обиды. Д. Ф. Устинов поддерживал его и увещевал:

— Работай спокойно, все уладится. Я скажу Константину.

Однако отношение Черненко к нему было неопределенным.

Тихонов и некоторые другие члены Политбюро яростно сопротивлялись назначению Горбачева. В нем видели явную угрозу спокойному существованию и всячески, подчас мелко, унижали его. Горбачеву не могли простить и усиления его позиций, которое произошло при Ю. В. Андропове. Так продолжалось до тех пор, пока Д. Ф. Устинов не выдержал и не сказал на заседании Политбюро ЦК, что Горбачеву нужно садиться за стол заседаний на свое новое место. Как бы спохватившись, это подтвердил и Черненко, сомневающийся Громыко, многие другие, понимая, что вопрос с назначением второго секретаря все-таки решен. Противиться мнению Д. Ф. Устинова не решился никто. Не изменил позиции только Н. А. Тихонов. Он до конца своего пребывания на посту Председателя Совета Министров СССР, члена Политбюро негативно относился к Горбачеву. И только спустя года полтора, уже находясь на пенсии, направил ему покаянное письмо с объяснениями своей позиции и извинениями, о котором впоследствии, видимо, сильно сожалел.

М. С. Горбачев ознакомил руководство партии с этим письмом и был весьма удовлетворен покаянием человека, который чуть было не сломал его карьеру.

В общем вопрос, который так долго волновал Михаила Сергеевича, решился благополучно. Он даже изменился в лице, в нем прибавилось властности, а главное — Горбачев стал энергичнее работать.

Но остались и омрачающие жизнь ограничения. По-прежнему повестка заседания Секретариата апробировалась в аппарате К. У. Черненко. Не все вопросы выносились на обсуждение, на многих документах уже стояли визы генсека, определяющие, в каком направлении нужно решать те или иные проблемы. Во всем этом он сильно грешил на помощников Константина Устиновича и никому из них не простил переживаний тех дней, изгнав впоследствии их из аппарата ЦК КПСС или задвинув на второстепенные роли. Объектом большой неприязни оставался помощник Ю. В. Андропова и К. У. Черненко А. И. Вольский, которого М. С. Горбачев, видимо не решаясь изгнать, держал в «черном теле». На заседаниях Политбюро ЦК, совещаниях в унизительном тоне критиковал его, месяцами не принимал по важным вопросам, посылал в горячие точки страны в надежде на провал его миссии. Думаю, все это видел А. И. Вольский и смог составить о Горбачеве мнение, основанное на личном опыте. Отказывая А. И. Вольскому в приеме, не давая возможности уйти в отпуск в период его работы в Карабахе, Горбачев делал это в грубой, порой оскорбительной форме. И мне не раз приходилось сглаживать его оценки деятельности Аркадия Ивановича и

причины отказов в просьбах.

В ту пору возникли трудности и иного порядка. Приход Черненко вновь всколыхнул те силы, которые были верны Брежневу. Появились надежды на выживание у многих престарелых руководителей разных рангов, скомпрометированных непорядочными действиями. Кое-кто на пленумах, сидевший последнее время в задних рядах, вновь перебрался в передние кресла, оживились и другие руководители, утратившие влияние и власть при Ю. В. Андропове.

Некоторые журналисты связывали большие надежды «со своим человеком», который даст им ход и новые назначения, и в печати стали процветать люди, пользовавшиеся поддержкой К. У. Черненко. Активизировались и аппаратные чиновники. Кое-кто на партийных собраниях аппарата уже выступал за неизменность курса Л. И. Брежнева, за преемственность политической линии. Часть художественной интеллигенции примкнула к Черненко и прочно связывала с ним свое место под солнцем. В общем все шло так, как это было в «добрые старые времена».

Одной из первых акций нового генсека стало проведение совещания аппарата ЦК КПСС. Оно состоялось 6 марта 1984 года. Черненко провел его с руководителями, ответственными работниками отделов, собрав человек 150 в зале заседаний на пятом этаже. Речь Константина Устиновича была выступлением выдвиженца и покровителя аппарата. В благодарность за действия партийных чиновников он повышал их роль и значение, открывая новые горизонты в работе номенклатуры. Вряд ли была более мощная структура по руководству партией, чем аппарат в центре и на местах. Большую часть его составляли весьма квалифицированные и честные работники, пришедшие из низов, хорошо знающие жизнь. Но существовавшая система превращала этих людей в механизм исполнения решений руководства. Только спустя годы можно по-настоящему оценить все то, что позволяло руководить огромной армией коммунистов, большинство из которых вступали в ряды КПСС искренне. Это были, как правило, люди способные, честные, не знавшие всех перипетий, которые происходили «наверху».

В конце марта К. У. Черненко принял участие в экономическом совещании по проблемам агропромышленного комплекса, в апреле выступил на Пленуме ЦК, а затем сессии Верховного Совета СССР, которая избрала его Председателем Президиума. Позже состоялась встреча с рабочими московского металлургического завода «Серп и молот», писателями, народными контролерами. Практически этим и исчерпывается активная политическая деятельность. Остальные встречи были по

случаю награждений, разнообразных визитов и приемов.

М. С. Горбачев, прилагавший немало сил, чтобы продемонстрировать свое влияние, чувствовал нараставшую отчужденность в отношениях с генсеком. Его мало привлекали к решению важных вопросов, не было и той доверительности, к которой он привык, работая с Ю. В. Андроповым. Это беспокоило М. С. Горбачева. Он предпринимал усилия, чтобы как-то наладить отношения с генсеком, но холодок в них оставался. Как я уже говорил, не было взаимопонимания у Михаила Сергеевича и с Советом Министров СССР. М. С. Горбачев часто говорил о своей изоляции, пытался убедить всех, с кем общался, в преданности Черненко.

Скоро я узнал, что Е. К. Лигачев по просьбе Михаила Сергеевича провел переговоры с генсеком, стараясь убедить его в личной верности Горбачева. В результате ли этой беседы или по другим причинам, но холодок Черненко несколько ослаб. М. С. Горбачев стал чаще встречаться с генсеком. Несмотря на многие ограничения, начал последовательно воплощать в жизнь «задумки» Черненко. Мне он тогда признался:

— Вчера встретился с К. У. Черненко и сказал ему, что, несмотря ни на какие сплетни, на попытки нас столкнуть, буду активно поддерживать его, помогать в работе, делать все, что необходимо.

И для меня пояснил:

— Нельзя в партии разводить склоки, давать пищу слухам. С генсеком буду сотрудничать как положено.

Это его заявление, считал Горбачев, выбьет козыри у тех, кто видел в нем человека, мечтающего занять самое высокое место на политическом Олимпе. Не знаю, сколь откровенно были сказаны эти слова, но полной поддержки, конечно же, не было и не могло быть, ибо столкнулись не два человека, а две линии и идти в фарватере Черненко было бы для Горбачева губительно, уравняло бы их в понимании проблем и их решении.

Об этом я сказал Горбачеву. Он, как всегда, промолчал. Умение пропустить слова мимо ушей и оставлять вопросы без ответа было и осталось характерной чертой этого человека. Часто даже его «нет» означало согласие на действие. Иногда я обнаруживал, что, несмотря на молчание, высказанные ему кем-либо соображения и идеи не упали на бесплодную почву, а спустя время прорастали в действиях Горбачева как плод его размышлений. Некоторые идеи ждали не одного года, чтобы быть осознанными и вернуться в виде его собственного мнения. Умение присваивать чужие идеи развито у Горбачева до вершин совершенства. Но это никого не обижало, так как все отлично

понимали, что у людей его уровня так, наверное, и должно быть.

В круг обязанностей Горбачева опять стали входить новые вопросы. Наряду с сельским хозяйством он курировал химию, легкую промышленность, торговлю, вел заседания Секретариата ЦК, а это значит в немалой мере участвовал в расстановке партийных и хозяйственных кадров. О том, что ему хотелось держать под контролем все новые кадровые назначения, я понял по одной реплике. Как-то в сердцах Михаил Сергеевич высказал свою обиду на Лигачева, который кадровые вопросы часто шел решать прямо к Черненко.

— Не советуется, сначала «туда» бежит, — с горечью говорил он. — Не ожидал я такого от Егора…

Однако умел сдерживать себя и с Лигачевым поначалу старался ладить. Но в памяти все хранил и при первой возможности устранил Е. К. Лигачева от решения многих кадровых вопросов. Работа эта была поручена Г. П. Разумовскому, бывшему председателю Краснодарского краевого исполнительного комитета. Но это было позже, а с середины 1984 года М. С. Горбачев развернул довольно активную деятельность в аппарате ЦК. Он много работал сам и заставлял трудиться других. Решение все большего числа вопросов старался замкнуть на себя. Действовал энергично и круто, часто не выбирая методов и слов.

А в это время болезнь К. У. Черненко неудержимо прогрессировала, и становилось ясно, что так долго продолжаться не может. Константин Устинович говорил все непонятнее, короткими фразами, с частыми придыханиями, бледнея и краснея от удушья. Разговаривать с людьми, встречаться с руководителями, особенно с зарубежными деятелями, ему становилось все труднее, тем более принимать непростые решения, которые выдвигала жизнь. Он уже не читая подписывал многие бумаги, с трудом выслушивал посетителей, и люди возвращались с таких встреч обескураженные. Все большее число партийных и хозяйственных руководителей шло за решением вопросов к другим секретарям и в Совет Министров СССР. Иногда знакомые заходили ко мне, и тогда происходили довольно откровенные беседы.

Члены ЦК, руководство страны разделились тогда на два лагеря. Наиболее древняя и консервативная часть все еще тянулась к Черненко, понимая, что только с ним можно удержаться и что его позиция отвечает их умонастроению. К Горбачеву и другим относительно молодым лидерам тяготела работоспособная часть кадров и тех, кто всегда умел держать нос по ветру. Многие из них, как говорится, плели кружева вокруг

Горбачева или, как он выражался, «танцевали польку-бабочку». И это разделение кадров на сферы пристрастий и влияния в тот траурный этап развитого социализма мешало стране, компрометировало и без того терявшую авторитет партию. Вновь ухудшились дела в экономике, буксовало сельское хозяйство. Опять начались застолья, но теперь это напоминало пир во время чумы.

Канун больших перемен

Положение М. С. Горбачева оставалось неопределенным и неустойчивым. Окружение Черненко страшно боялось возвышения Михаила Сергеевича и делало все возможное, чтобы принизить его роль в партии. Во время болезни Черненко вести Политбюро Горбачеву по-прежнему не доверялось, хотя руководитель, возглавляющий Секретариат ЦК, мог председательствовать и на заседаниях Политбюро. В традициях партии это правило существовало многие годы. Теперь же заседания Политбюро откладывались, и лишь тогда, когда перерыв становился очень большим, Черненко в последнюю минуту звонил Горбачеву и просил провести заседание. Такая манера приводила в бешенство Горбачева. Он не был готов к ведению Политбюро, не знал вопросов во всей их глубине и искренне полагал, что подобные фокусы проделываются специально, чтобы поставить Горбачева в сложное положение, показать его некомпетентность. Не согласиться с ним в этом было трудно. Но Горбачев остывал и в конце концов был доволен, что может возглавить заседание и сесть на место председателя.

Перечень вопросов, выносимых в ту пору на заседания, определялся в значительной мере помощниками Черненко и К. М. Боголюбовым, возглавлявшим общий отдел ЦК. Учитывая болезненное состояние Константина Устиновича, повестки Политбюро готовились короткими, серьезные проблемы не выносились на обсуждение либо по ним не разворачивалась дискуссия. Заседания, как и во времена Брежнева, заканчивались за 30–40 минут принятием подготовленных резолюций. Во время своего председательствования на Политбюро Горбачев пока не менял практику, хотя уже и тогда старался обозначить глубину поставленных проблем, сложность их решения.

Близился август 1984 года. Погода стояла солнечная и жаркая, и врачи настоятельно рекомендовали Черненко уйти в отпуск. Е. И. Чазов, возглавлявший медицинскую службу обеспечения здоровья высшего руководства и связанный с Горбачевым давними приятельскими отношениями, постоянно докладывал ему о состоянии здоровья Константина Устиновича, других членов Политбюро, секретарей ЦК. Несколько раз я присутствовал при таких обсуждениях. Докладывая и в тот жаркий конец лета о необходимости отдыха и лечения Черненко, Чазов советовался с Горбачевым о трудностях, связанных с тем, куда ехать Константину Устиновичу. Одна из последних поездок Черненко к морю кончилась весьма плачевно. Он отравился

копченой рыбой, и врачам едва удалось спасти его жизнь. Но с тех пор здоровье его ухудшилось настолько, что он стал фактически полным инвалидом.

Как истинный ставрополец, Горбачев на этот раз рекомендовал отдых в Кисловодске. Место это для отдыха действительно отличное: чистый и свежий воздух, есть все условия и для прогулок, и для лечения. В Кисловодске была построена специальная дача, укромно укрытая посадками деревьев и холмами от взглядов многочисленных отдыхающих. Туда-то и было рекомендовано поехать К. У. Черненко.

Но, видимо, врачи не знали, что прозрачный воздух Кисловодска по вечерам и ночью становился прохладным: с вершин гор в долину спускались остывшие, пахнущие свежим снегом воздушные потоки. Через несколько дней у Черненко началось обострение болезни в связи с простудой. Как-то в августовский полдень он позвонил М. С. Горбачеву. Я в это время находился у Михаила Сергеевича и слышал разговор по усиленной правительственной связи. Голос К. У. Черненко был слаб, прерывист. Он произносил несколько слов и замолкал, набираясь сил. Затем вновь быстро и невнятно говорил. Смысл всего разговора был тревожный. Константин Устинович не скрывал, что чувствует себя плохо и советовался, что делать дальше. Михаил Сергеевич успокаивал Черненко, считая, что это обострение болезни быстро пройдет и не надо делать поспешных шагов.

Несмотря на уговоры М. С. Горбачева переждать обострение болезни, консилиум врачей принял решение срочно эвакуировать генсека из неблагоприятного для его здоровья места под более надежную опеку московских медиков. Основания для этого, как выяснилось, были весьма серьезные. Болезнь ослабила Черненко, он с трудом вставал с постели, не мог стоять на ногах и уж тем более самостоятельно двигаться. Перед врачами, службой охраны стояла непростая задача — переправить генсека в аэропорт и доставить в столицу. Слава Богу, что заботливые и перспективно мыслящие руководители медицины и КГБ еще для Брежнева поручили сконструировать специальный лифт-подъемник, своеобразную лестницу-чудесницу, которая позволяла без особого труда поднимать высокопоставленных пассажиров на борт самолета. Без такой разгрузочно-погрузочной машины было уже трудно ездить в командировки Л. И. Брежневу, особенно после трагедии, происшедшей на Ташкентском авиационном заводе, где желающие взглянуть на генсека взобрались на леса, и эти конструкции, не выдержавшие многочисленных любопытных, опрокинулись, серьезно повредив плечо Леонида Ильича. Факт

этот замалчивали, и о нем, видимо, мало кто знает, потому что в то время не считали случившееся специально подстроенным оппозицией покушением на лидера.

Во всяком случае, специалисты в спешном порядке создавали достойный наших руководителей самодвижущийся трап. То ли они долго проектировали, то ли не хватило каких-то деталей, но служба безопасности, чтобы не рисковать, приняла решение закупить подобный механизм за границей. Это импортное чудо техники и решили быстро перебросить на специальном самолете в Минеральные Воды. ВсеГ обошлось удачно и, главное, вовремя. Правительственные машины выруливали к взлетной полосе как раз в то время, когда заработал механический трап. Он поднял Черненко на необходимую высоту, и медики приняли больного в салоне правительственного лайнера.

Через несколько часов Константин Устинович оказался в больнице и началось его интенсивное лечение. Недели через две-три ему стало лучше. Он часто звонил Горбачеву, другим членам Политбюро, расспрашивал о делах, давал советы и поручения. Но холодок в отношениях его с Михаилом Сергеевичем оставался.

Болезнь Черненко серьезно повлияла на его работоспособность. Генсек вышел из больницы ослабленным и немощным.

Теперь на заседания Политбюро, как рассказывали, еще до того, как туда должны были войти его участники, К. У. Черненко часто практически вносили на руках, усаживали за стол председателя, пододвигали бумаги, затем приглашали занять места остальных. И он, задыхаясь и багровея, говорил несколько фраз, невнятно зачитывал то, что ему приготовили помощники. Время заседаний сократилось еще больше. Мне никогда не приходилось видеть среди членов Политбюро, секретарей ЦК столь панического настроения. Они предчувствовали исход болезни и понимали свою ответственность за рекомендацию Пленуму ЦК этой кандидатуры. Разговоры в ту пору среди них были откровенными, и многие из них мрачно смотрели на перспективу.

А в это время М. С. Горбачев разворачивал активную работу. Как второй секретарь ЦК, он хотел выступить на идеологической конференции, которая была определена решениями сентябрьского (1983 года) Пленума ЦК еще при Ю. В. Андропове. Такое выступление было важно для утверждения Михаила Сергеевича как второго человека в партии, как лидера, формирующего идеологию КПСС. Раньше на такой конференции должен был выступать К. У. Черненко, но ни по состоянию здоровья, ни по новому статусу генсеку было неудобно выходить

на трибуну с докладом на подобной конференции, и этим инициативно воспользовался М. С. Горбачев, полагая, что идеология партии должна находиться в руках второго человека в стране. Так было при М. А. Суслове, и эту традицию стремились сохранить.

Когда решение о подготовке доклада определилось окончательно, Михаил Сергеевич пригласил своих помощников и сказал, что следует подобрать группу идеологов и приступить к работе над докладом. Такая группа была сформирована и утверждена. В нее вошли руководитель группы консультантов отдела науки ЦК КПСС Н. Б. Биккенин, директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР А. Н. Яковлев, заведующий отделом науки ЦК В. А. Медведев, директор Института философии АН СССР Г. Л. Смирнов, работник Госплана СССР С. А. Ситарян и несколько инструкторов и консультантов идеологического отдела. На 19-й даче в Серебряном Бору эта команда осенью 1984 года приступила к работе.

Оценивая с сегодняшних позиций подготовленный тогда текст, можно сказать, что он включал ту философскую концепцию перестройки всех сфер нашего общества, которая была затем развернута на XXVII съезде партии. Я всегда считал, что наши трудности коренились в значительной мере в недостатках, присущих действовавшим у нас в ту пору принципам экономического развития, узости рам. ок производственных отношений, политической системы. Методология планирования недостаточно развитой дефицитной экономики, сложившаяся в 30-е годы, тиражировалась и продолжала действовать даже в условиях, изменивших лицо страны. Она не соответствовала новым условиям, не воспринимала научно-технический прогресс, более того, активно его отторгала. Концепции развития экономики, сложившиеся в послевоенные годы и заложенные в планы двадцатилетней программы партии, привели к тому, что мы с достойной лучшего применения настойчивостью продолжали наращивать арифметически производство стали, цемента, угля, нефти, минеральных удобрений. И по этим показателям в 1980 году выполнили или сильно приблизились к намеченному рубежу.

Если бы в мировой экономике главными были именно эти показатели, мы, видимо, могли сказать, что верно решаем поставленные задачи. Но время, достижения науки и техники, структурные сдвиги в экономике западных стран сыграли с нами роковую шутку. Если это представить графически, то СССР к 1980 году, как я говорил, должен быть в одной точке, где, как предполагалось, окажется и Америка, и мы к намеченной точке

приблизились, но США и ряд других капиталистических государств оказались совсем в другой стороне. Они не стали гнаться за валовыми показателями, а используя разделение труда, даже сократили производство многих видов продукции, таких, как уголь, нефть, металл, цемент, покупая это все за рубежом. Зато мощно нарастили электронную и химическую промышленность, развили аэрокосмический комплекс, добились многих других технологических преимуществ, особенно в машиностроении, за счет чего свели на нет все наши старания, обеспечив себе одновременно снижение затрат, повышение эффективности экономики, использование ресурсосберегающих принципов производства.

Советский Союз вел глобальное наступление по всему фронту хозяйственного строительства, а США вырвались вперед за счет своеобразных выбросов протуберанцев, на острие которых были достижения науки. Мы оказались не просто в тяжелом экономическом положении с отраслями-монстрами, требующими все новых и новых вложений. Экономика оказалась в отрыве от научно-технического прогресса. Наша модель развития с точки зрения эффективности экономики была тупиковой ветвью. Тем самым ЦК КПСС, Совмином СССР, планирующими органами, учеными-экономистами была совершена ошибка стратегического характера. Даже понимая неэффективность выбранного пути, руководители экономики не нашли в себе смелости сломать действующий принцип, использовать опыт капиталистических государств. Из критической оценки прошлого опыта и возникла идея структурной перестройки экономики, изменения принципов планирования, перехода на рельсы научно-технического прогресса. Нужно было экстренно решать эти проблемы, одновременно ускорив и социально-экономическое развитие страны, повышение уровня жизни народа.

Это была одна из идей, заложенных в докладе. Намечались там и некоторые пути решения проблем, те методы, которые позволили бы исправить положение. Между прочим, уже тогда был предложен метод более активного использования рыночных механизмов. Надо сказать, что в дискуссиях на эту тему в группе «спичрайтеров» выявились расхождения. Осторожно к этой идее относился и М. С. Горбачев, которому многократно приводились аргументы в пользу того, что рынок, товарно-денежные отношения существуют и при социализме и игнорировать такой метод в условиях кризиса в экономике нельзя. Но слишком глубоко засели тогда в сознании многие догмы, чтобы было легко от них отказаться.

М. С. Горбачев еще хорошо помнил все перипетии, которые

развернулись вокруг вопроса о рыночных механизмах в середине 60-х годов, и чем кончилось использование шиковских[1] методов. Он осторожничал. И его можно понять. Готовясь к новой должности, Горбачев, видимо, не хотел пугать тех, кто никогда не выговаривал слова «рынок» без бранных слов. А может быть, он действительно не знал этой проблемы и искренне верил, что развитой социализм уже не нуждается ни в каких рынках. Боюсь говорить здесь со всей определенностью, не зная точно, что созревало тогда в голове М. С. Горбачева, но полагаю, в отношении к рынку он исходил из многих вариантов, учитывая и свое будущее.

Доклад включал и другие концепции. Он опубликован и известен. Но вряд ли известны те трудности, которые возникли в связи с предстоящим выступлением М. С. Горбачева. Перед рассылкой документа секретарям ЦК, а такое правило тогда существовало и неизменно соблюдалось, М. С. Горбачев переговорил с К. У. Черненко. Константин Устинович, во-первых, встретил настороженно саму идею такого совещания, сказав, что в свое время был Пленум ЦК по этим вопросам и нет нужды их муссировать вновь. Но М. С. Горбачев был готов к такому повороту дела, ибо ему заранее стали известны аргументы, которые выдвигались окружением Черненко (а значит, и им самим) против выступления Горбачева на конференции. Михаил Сергеевич ответил тогда, что выполняет решения Пленума ЦК на этот счет, затем предложил, чтобы на конференции со вступительным словом выступил генсек. М. С. Горбачев умел уговаривать людей, тем более таких нестойких, как Черненко. Константин Устинович, насколько я его знал по работе в Верховном Совете СССР, а затем в ЦК КПСС, был неуверенным, колеблющимся человеком, который в глаза не любил или не мог отказывать.

Быстро сломался он и в данном случае, особенно когда речь зашла о его выступлении. Но на этом перипетии не кончились. Выступать Черненко, конечно, не мог, а направлять приветствие колебался. Кроме того, просмотрев доклад, к которому дали комментарии его помощники, он довольно откровенно высказался, что материал неудовлетворителен. В нем нет даже ссылки на выступление Черненко на сентябрьском (1983 года) Пленуме ЦК. Но и к этому Горбачев был готов. Он сказал, что считает необходимым цитировать Черненко не как бывшего руководителя идеологического фронта партии, а как нынешнего генсека. Были даны разъяснения и по некоторым другим позициям. Когда Горбачеву бывает что-то нужно, он выступает напористо, агрессивно и порой грубовато. Такой метод

оказывается действенным, особенно с людьми деликатными, не хамоватыми. В общем стало ясно, что конференция состоится и выступать с докладом будет М. С. Горбачев. Он посмотрел замечания Константина Устиновича в тексте, попросил учесть некоторые из них, не носящие принципиального характера, и пошел на трибуну.

Многократно анализируя итоги этой конференции, ее содержательную сторону и внешний эффект, все больше прихожу к выводу, что она сыграла важную роль в судьбе Горбачева. Его заметила партийно-хозяйственная элита, причем заметила не только как агрария.

На трибуну поднялся моложавый, энергичный, по-своему симпатичный человек и произнес вполне квалифицированный доклад, в котором было немало свежих мыслей, намечалась большая перспектива.

Люди, а на конференции присутствовали главным образом творческие работники, наглядевшиеся на Брежнева, Андропова, Черненко, вдруг поняли, что есть новые молодые силы в руководстве партии, которые смогут изменить положение в стране. Велико было значение и философско-экономических концепций доклада, которые в будущем в той или иной мере были приняты на вооружение.

В целом аудитория с удовлетворением восприняла выступление. Хотя действовали силы, которые в ходе обсуждения доклада и позже в печати пытались исказить, приуменьшить его значение. Горбачев это хорошо запомнил и спустя годы продолжал перечислять имена людей и названия газет, которые не очень-то поддерживали его выступление в ту пору. Это отношение к докладу Горбачева определило судьбы многих идеологических работников, и некоторые из них, несмотря на все старания в будущем, не могли поправить ошибки. Горбачев не забывал обид и никогда никому не прощал промахов.

В канун конференции умер Дмитрий Федорович Устинов, и Горбачев почувствовал себя особенно беззащитным. Это было серьезным ударом по планам Михаила Сергеевича. Он тяжело переживал утрату и опасался возможных изменений в его судьбе. Но тяжелая болезнь Черненко, хорошо прошедшая конференция уже не позволяли так просто отодвинуть Горбачева.

Через несколько дней после конференции Горбачев с Яковлевым улетели в Лондон, где состоялась его первая встреча с М. Тэтчер. Эта дама уже тогда прозорливо разглядела в своем госте перспективного лидера. Но дело, видимо, было не только в прозорливости леди, но и в ее хорошей информированности. Думаю, уже тогда определенные силы Запада остановили свой

выбор на Горбачеве как возможном лидере страны и по возможности поддерживали его.

Мне пришлось редактировать доклад для публикации, готовить другие материалы. Горбачев часто интересовался, как идут дела, давал различные новые поручения, тем более что политическая активность жизни общества нарастала. Приближались выборы в Верховные Советы Союза и РСФСР. Подготовка к этой кампании занимала много времени. Теперь я сидел за составлением предстоящих речей. В Верховный Совет СССР Горбачев дал согласие баллотироваться на Ставрополье, а в РСФСР положение для него поворачивалось по-новому. По установленному статусу второго лица в руководстве партией Михаил Сергеевич должен был избираться в Москве. И это его волновало, беспокоило и окружающих. Встреча с москвичами была ответственной: по существу должны состояться столичные смотрины «периферийного человека с перспективой». Ответственной была, разумеется, и поездка на Ставрополье.

Как второму лицу в партии, его выступлению отводилось больше половины полосы формата «Правды», тогда как просто члены Политбюро могли рассчитывать лишь на треть полосы. Это значило, что можно донести до читателя многие мысли, которые накопились у окружения Горбачева. Вскоре речь на встрече с избирателями была готова и назначена дата отлета в Ставропольский край.

А в это время накал «дворцовых» интриг и борьбы достиг апогея. Черненко болел и много времени проводил в больнице. Он чувствовал, как силы покидают его, а на горизонте мощно маячила непонятная, чуждая и даже враждебная для него и многих других моложавая фигура. Силы, группировавшиеся вокруг больного генсека, предпринимали последние попытки, чтобы не дать М. С. Горбачеву проявить себя как лидеру, идущему на смену К. У. Черненко. Если волей Д. Ф. Устинова удалось пересадить М. С. Горбачева за столом заседаний Политбюро на положенное место, то переход в кабинет второго лица пока не состоялся. Противникам М. С. Горбачева удавалось держать его в прежнем кабинете. Для тех, кто разбирался в партийной субординации, это был знак неполноценности второго секретаря ЦК. М. С. Горбачева все это сильно задевало. Формальным предлогом затягивания переезда было то, что К. У. Черненко, мол, еще не вывез из своего бывшего кабинета свои вещи. Сейчас он болен и ему не до того, чтобы разбираться, что взять, что оставить. Только в самый канун отъезда в Ставрополье неожиданно было получено согласие на переезд Горбачева в новый кабинет, расположенный на пятом этаже. В нем долгие

годы размещался главный идеолог партии М. А. Суслов. Отдав команду немедленно переезжать, Горбачев с легким сердцем улетел в Ставрополь. Но борьба за высоты власти не была еще выиграна. С отъездом Михаила Сергеевича предпринимались попытки остановить его продвижение, не дать закрепиться формально как второму лицу в партии и государстве.

Разместились мы в краевой резиденции — двухэтажной вилле в центре города. М. С. Горбачев решил еще раз взглянуть на текст выступления. Он нервничал, вставлял все новые и новые фрагменты, что-то вычеркивал. Я опасался, что текст серьезно пострадает и его трудно будет спасти. Эти вставки, сделанные, как говорится, на ходу, за пять минут до выступления, никогда ни к чему хорошему не приводили, а часто являлись источником ошибок и недоразумений.

И вот в момент напряженной работы пришел представитель ТАСС и сказал, что принято решение для публикации выступления Горбачеву отвести в газетах место, как остальным членам Политбюро ЦК. Это он воспринял как тревожный знак, свидетельствующий о том, что развернувшаяся борьба привела к перевесу противников Горбачева. По просьбе Михаила Сергеевича я позвонил в его приемную в Москве, стараясь узнать, что там происходит и не приостановлен ли переезд в новый кабинет, но там сказали, что перенос вещей идет и вроде все спокойно.

Доложил обо. всем Горбачеву. Он выслушал нервно, заводясь от каждого слова «с пол-оборота», срывал неудовольствие на присутствующих. Давно заметил, что он может оскорбить собеседника в момент раздражения, даже когда кто-то высказывает дельные мысли. Не любил Горбачев советчиков, имидж вечного лидера не позволял ему прислушиваться к кому-то, принимать «чу-жую» идею сразу. Иногда в ответ на какое-то предложение говорит, что так и собирался сделать и все продумал и нечего ему подсказывать, либо, углубляя мысль, начинает развивать и обосновывать ее, демонстрируя свое понимание проблемы. Как мне говорили многие, такая реакция Горбачева отбивала охоту давать ему какие-либо советы, не создавала условий для плодотворной совместной работы.

Позже на заседаниях Совета Федерации в Ново-Огарево эта тенденция проявилась особенно ярко. В то время Михаил Сергеевич, видимо, слабо знал обсуждавшуюся проблему и не мог в заключительном слове отделить главное от второстепенного, обобщить мнения выступавших. Поэтому часто он подхватывал мысль какого-то оратора, перебивал его и начинал доказывать, что он так и думал и вот почему эта мысль правильна. Однажды Б. Н. Ельцин не выдержал и сказал, что пусть Горбачев не мешает

и даст возможность завершить ему выступление. Сказано это было во всеуслышание и довольно резко. Впрочем, в 1991 году эти пощечины уже не обижали Горбачева. Он на минуту затихал, виновато смотрел большими карими увлажненными глазами на оппонента. Печально было наблюдать, как Михаил Сергеевич, человек, которому еще совсем недавно все внимали, все больше теряет лицо, заискивает и обосновывает свои суждения какими-то блеклыми неубедительными аргументами.

Вот и тогда, весной 1984 года, он, неуверенный и издерганный, упрекал в неспособности сделать выступление так, как нужно, хотя перед этим все было им одобрено. Впрочем, Михаил Сергеевич был отходчив, быстро менял настроение и не помнил те некорректности, а то и грубость, которые допускал по отношению к другим. Несмотря на это, я тогда старался все-таки высказывать ему свои соображения и что-то советовать. Мы серьезно еще в дни подготовки поездки разошлись с ним относительно программы посещения Ставропольского края. Он хотел побывать в самых дальних, самых глухих селах, на мелких фермах, где никогда не был. Я исходил из того, что Горбачев должен, напротив, встречаться с крупными коллективами, побывать на промышленных предприятиях среди рабочих, ибо селяне его знали лучше, посетить институт или что-то в этом роде. Такую мою линию, когда я ее изложил, поддерживал и В. С. Мураховский, первый секретарь крайкома партии, человек мудрый, опытный и доброжелательный, но Горбачев был упрям, и только после двух дней поездок, когда он встретился в дальних селах с 4–5 десятками животноводов и чабанов, свезенных для этого за десятки километров, Михаил Сергеевич понял, что совершает ошибку. Во-первых, народу собиралось немного, а во-вторых, газеты практически не могли быстро публиковать отчеты о его встречах в силу того, что это были отдаленные районы. Материалы задерживались, становились неактуальными. Только когда была изменена схема поездок, дело пошло лучше.

Во время посещения Горбачевым края он решил завернуть к матери. Мария Пантелеевна жила в селе Привольное Красногвардейского района. Дом ее был небольшим, но ухоженным, аккуратно оштукатуренным и покрашенным. Обустроен был и участок: заасфальтированные дорожки, добротные хозяйственные постройки. К приезду гостей в доме готовился ужин, на который были приглашены несколько человек — родные и близкие, секретарь райкома партии, похожий на Горбачева до такой степени, что можно было их спутать. Были приглашены я и начальник охраны. Остальные сопровождающие ужинали в другом помещении.

Это был ужин-ритуал. Приготовлены любимые крестьянские блюда, простые, но вкусные.

Подняли по рюмке водки, в том числе и Мария Пантелеевна, в которой чувствовалось еще крепкое здоровье и сила, проглядывали следы былой красоты.

Подходили все новые люди из села, здоровались, скромно присаживались за стол, вспоминали прошлое. Но я заметил одну деталь: никто не заискивал перед М. С. Горбачевым, никто не стремился сказать приятное. Крестьяне — люди солидные, и не в их нравах угождать, особенно тем, кого знали еще пацанами, бегающими «под стол пешком».

Дом, в котором мы ужинали, был построен сравнительно недавно. М. С. Горбачев вырос в другой, видимо, уже развалившейся хате. Но чувствовалось, что эта земля — гнездовье Горбачевых, их родственников и родственников их родственников. Из этих поездок, посещения дома, рассказов Горбачева и Раисы Максимовны, многих ставропольчан у меня складывалась довольно полная картина быта и нравов этого «святого семейства», его радостей и трагизма.

Эту поездку в Привольное я вспомнил, читая газетные публикации о дальнейшей судьбе дома и Марии Пантелеевны. Лишение Горбачева всех должностей, переход его на пенсию самым печальным образом отразились на жизни его матери. Местные власти перестали проявлять прежнюю заботу о Марии Пантелеевне, отвернулись от нее и многие соседи. К старшему сыну она ехать не могла и не хотела, хотя бы потому, что отношения ее с Раисой Максимовной были напряженные и неприязненные. Даже в пору серьезной болезни в конце 80-х годов Мария Пантелеевна отказалась лечиться в Москве, не желая видеть невестку. Наверное, все эти причины и вынудили Марию Пантелеевну принять опекунство от А. Разина, возглавляющего музыкальную студию «Ласковый май», и продать студии свой дом. Но одинокому старому человеку все равно было трудно, и скоро она переехала к младшему сыну Александру, хотя его жилищные условия были несравнимы с возможностями бывшего президента СССР.

В 1994 году Горбачев, гонимый то ли угрызениями совести, то ли нелестным общественным мнением, то ли потерей недвижимости, приехал в Ставрополь. Как мне рассказывали ставропольчане, это было печальное явление. Краевое начальство не встретило и не приняло его, не захотели увидеться с ним и многие старые знакомые. Люди, знавшие его, переходили на другую сторону улицы, чтобы не дать воли своему гневу. Михаил Сергеевич прошелся по городу в сопровождении своей охраны и

скоро уехал в Привольное. Он звонил руководителю «Ласкового мая», проявив в разговоре прежнюю напористость. То ли тон изменил ему, то ли время для такого тона прошло, но желаемого экс-президент не достиг и втянулся в судебную тяжбу: «Горбачев против «Ласко-вого мая».

…После выступления М. С. Горбачева перед избирателями, во время которого он сильно нервничал, ибо стояли камеры центрального телевидения и речь должна была прозвучать на всю страну, прощального ужина, когда все с облегчением расслабились, мы погрузились в самолет в надежде чуть-чуть отдохнуть и отвлечься.

Офицеры охраны, врач и я, как всегда, сидели вместе в одном из салонов самолета, пили чай. Никогда ни раньше, ни позже я не испытывал желания сидеть с четой Горбачевых и ужинать в их кругу. Это были обычно вымученные сидения, хотя не могу сказать, что кто-то из них когда-нибудь был негостеприимен. Раиса Максимовна старалась постоянно угощать, но что-то мешало чувствовать себя легко и раскованно. Не раз я слышал и от других, что между четой и гостями висел незримый занавес, царила неприязненная аура, господствовала обстановка отчужденности, отсутствовала простота в отношениях.

Неожиданно меня пригласили в салон Горбачевых. Михаил Сергеевич и Раиса Максимовна предложили сесть, угостили чаем. И вот тогда произошел разговор, который запомнился и покоробил меня, хотя я старался не подать виду. Мне было сказано, что я оправдываю надежды четы и что они решили оставить меня в качестве помощника. Были какие-то анкетные вопросы, какие-то советы и пожелания, но внутренне я весь негодовал, плохо слушал и слышал, а при первой возможности ушел.

Что же происходит? — думал я. Казалось, что мы делаем одно общее дело, а выходит, что мою аренду просто продлили. К Горбачеву я шел не за чинами, так как понимал, что буду работать плохо — выгонят, а хорошо — никуда не отпустят. Желание было одно — насколько можно помочь энергичному человеку в улучшении дел в стране, укреплении ее экономики, улучшении жизни людей. Я всегда гордился страной, в которой жил сам, жили мои предки, родные, друзья, знакомые. Гордился тем, что в великой стране у меня много друзей — и не только в Москве, но и в республиках — грузин, армян, узбеков, таджиков, украинцев, белорусов, молдован, казахов. И я искренне любил и уважал народы, которые в трудную военную годину встали плечом к плечу с русскими, белорусами, украинцами и отстояли нашу общую великую Родину от фашизма, принеся огромные

жертвы. С благоговением относился я к узбекам, казахам, туркменам, таджикам, всем, кто поделился хлебом, дал кров эвакуированным женщинам и детям из многих западных районов страны в годы войны, кто приютил и воспитал сирот. Я сам был в эвакуации и считал, что нет такой силы, которая заставила бы забыть об этом бескорыстном подвиге братства всех народов Советского Союза.

И я шел работать с одним из лидеров партии, чтобы помочь сделать страну столь же экономически мощной, сколь велика была ее духовность, отлично сознавая, что предстоит изнурительный труд. Но я не мог ни по характеру, ни по моим убеждениям превращаться в чью-то личную вещь да еще видеть, что твою судьбу определяют семейно. И если добросовестность в работе воспринята как покорность, то это была серьезная ошибка. Попытка устроить трехлетний экзамен, а потом величественно объявить, что мне разрешают и впредь работать по 16 часов в сутки, выглядела смешной. Тогда я серьезно задумался, смогу ли работать с человеком, который неверно истолковывает мое сотрудничество с ним, смотрит на подчиненных как на своих дворовых. Я искал объяснения такому поведению и все больше склонялся к мысли, что быстрый подъем этого крестьянского парня к вершинам власти опередил рост его культурного уровня, интеллигентности. Я и прежде замечал за Горбачевым какое-то чванство, проявление барственности, пренебрежение к подчиненным. В общем оправдывались слова, которые говорили о Горбачеве ставропольчане, хорошо изучившие этого человека: ты ему будешь нужен, пока полезен. Так сказал М. Михайлов, хорошо знавший Горбачева и с которым мне пришлось работать в начале 60-х годов.

Но общее дело, которое пойдет на благо нашей Родине, заставляло меня перешагнуть через личные обиды. И я старался стать выше, как тогда еще казалось, неловкости в выражении Горбачевым своих желаний. И тогда и позже я искренне, без колебаний отдавал все силы для улучшения дел в стране. 1988 год стал для меня годом прозрения. Я вдруг обнаружил, что судьба государства, рост его могущества — не главная цель Горбачева. На волне царившей тогда эйфории в его поведении начали просматриваться тенденции вождизма, себялюбия, корысти, популизма. Дела отходили все больше на второй план. Для меня это был сигнал, я внимательнее стал анализировать обстановку, но не меньше, чем прежде, трудиться, обязанности свои выполняя честно.

…Близилась весна 1985 года. Завершались последние акты драмы с участием еще одного лидера великой державы. К. У.

Черненко был настолько серьезно болен и слаб, что практически не мог стоять. А в это время начинались выборы в Верховный Совет РСФСР и Константину Устиновичу предстояло баллотироваться в Москве. Учитывая его состояние здоровья, все заботы по организации выборов взяли на себя лидеры партийной организации столицы. В. В. Гришин, первый секретарь горкома КПСС, сам занимался избирательной кампанией генсека, собирал представителей общественности Москвы. От имени Черненко зачитывалось его предвыборное выступление. Такая акция не успокаивала людей, а лишь порождала различные слухи о здоровье Константина Устиновича. Говорили, что Черненко уже недвижим. И это было недалеко от истины. — Тогда в больнице была организована запись его выступления по телевидению, вручение депутатского мандата. Рядом находился Гришин, некоторые другие партийные и советские работники Москвы. Эта телевизионная демонстрация «мощей», как злословили тогда, скорее напугала людей. Многие увидели не просто предвыборное выступление, а завещание Черненко, передачу им власти «по наследству», представление нового лидера — В. В. Гришина. Обеспокоило это и Горбачева, а также многих других геронтофобов, кто уже начал опасаться престарелых лидеров.

М. С. Горбачев и раньше хорошо представлял, что в Политбюро, аппарате ЦК имеются влиятельные силы, которые его не приемлют. Теперь это воспринималось уже как организованное действие, благословленное некоторыми авторитетами в Политбюро. Но если кто-то и надеялся выдвинуть Гришина на первую роль, то замысел такой был нереален. Еще минувшим летом авторитет московского лидера был подорван. Ему ставилось в вину вскрывшееся взяточничество некоторых руководителей столичной торговли, приписки в жилищном строительстве, о чем подробнее будет сказано дальше. Средства массовой информации сделали свое дело, и слухи о нечистоплотности руководства Москвы дошли до партийных организаций, всего населения столицы.

Как ни тяжело было физическое состояние К. У. Черненко, но ой то ли под давлением семьи, то ли с подачи подхалимов вдруг спешно начал заниматься личными делами. Н. Е. Кручина, управляющий делами ЦК, которого я знал много лет, не раз с озабоченностью говорил, что на него идет сильное давление по заселению генсеком и его детьми новых квартир. Константин Устинович решил перебраться в квартиру, построенную для Брежнева в доме на улице Щусева. Дома этого я не знал, хотя до меня доходили слухи, что брежневская квартира была великолепной и большой, с хорошей планировкой. В том же доме

жили М. С. Горбачев и некоторые другие руководители ЦК. Н. Е. Кручину беспокоило, что готовую квартиру теперь предстоит заново отделывать, обставлять мебелью из карельской березы, а это дорого и с материалом довольно трудно. Но поручение есть поручение, и он вынужден спешить, так как установленные сроки коротки. Знавший о заботах Кручины М. С. Горбачев был недоволен таким усердием управляющего делами ЦК и не раз с раздражением говорил, что Николай Ефимович лебезит перед Черненко и выполняет все причуды семьи.

— Видел, как Николай старается, землю роет, — говорил он иногда в сердцах.

А что было делать Н. Е. Кручине, человеку честному, исполнительному и в личном плане крайне щепетильному, если высшее руководство страны поручало ему обустроить квартиру генсека. Он и так переживал то, что видел в действиях московского руководства. Сам много лет проработав на целине практически от первой борозды и палатки до большого целиноградского хлеба, он слыл неприveредливым и честным, простым человеком. За долгие годы работы на партийных должностях не нажил себе добра. Жил скромно сам, в таком духе воспитал и своих детей. Единственной его страстью и заботой было сельское хозяйство. Работая управляющим делами ЦК в Москве, он продолжал, как прежде, вставать с восходом солнца, нередко звонил в Целиноград, где знал всех директоров совхозов и большинство бригадиров, и узнавал, как дело с урожаем, не выпал ли дождь, или сколько обмолочено пшеницы. У него всегда можно было узнать о положении в земледелии других районов страны. Он и ко мне заходил, прежде всего, чтобы поделиться мыслями о состоянии дел в сельском хозяйстве, затянувшейся засухе или делился радостью о прошедших где-то дождях.

И вот теперь на его плечи легла забота о хозяйственно-финансовых делах партии, выполнении поручений генсека, Политбюро ЦК. Конечно, такие поручения надо было выполнять. Николай Ефимович не говорил о затратах на устройство квартиры Черненко, но они были немалые и беспокоили Кручину потому, что ложились целиком на бюджет партии, так как с давних пор было заведено, что не только дачи, но и квартиры генсеков обустраиваются на партийные деньги.

Хозяйственники спешили с ремонтом квартиры, но въехать туда К. У. Черненко уже было не суждено. Наступила весна, и мир узнал о смерти очередного лидера Советского Союза. Константин Устинович умер 10 марта 1985 года в 19 часов 20 минут на 74-м году жизни.

Было воскресенье. Горбачев, информированный Чазовым о

близком кризисе, был готов к такому исходу. Он вспоминал, что известие о смерти застало его во время прогулки с Раисой Максимовной, которой он сказал, что, видимо, ему придется взять на себя ношу лидера и всю полноту ответственности за судьбу страны. Михаил Сергеевич попросил общий отдел ЦК КПСС сообщить всем членам и кандидатам в члены Политбюро, секретарям ЦК, чтобы они срочно приехали в Кремль.

В Ореховой комнате собрались члены Политбюро, все остальные ожидали их выхода в зале заседаний Политбюро и его приемной. Уход из жизни Черненко не был ни для кого неожиданностью, но на этот раз к избранию нового вождя, пожалуй, никто не был готов. Со смертью Д. Ф. Устинова, а теперь и Черненко распалась прежняя достаточно единая коалиция сторонников брежневского курса развития страны. Выдвигать еще одного престарелого лидера теперь было опасно. Да и число претендентов резко сократилось. Только А. А. Громыко и В. В. Гришин могли претендовать на этот пост, но их возраст перешагнул семидесятилетний рубеж. Оставался Горбачев. Лучшей кандидатуры ни по возрасту, ни по образованию в Политбюро тогда не было. Но значительная часть его членов не воспринимала Михаила Сергеевича как лидера партии и страны. Трудно сказать, что мешало старейшинам ареопага доверить ему судьбу государства. Были ли препятствием его малый опыт партийно-хозяйственной работы, низкий авторитет среди руководства, или умудренные жизнью политики уловили неискренность в действиях и словах Горбачева, его властолюбие, сказать с уверенностью трудно. Скорее можно предположить все, вместе взятое, и еще такой аргумент, как простая боязнь за свое будущее. При Горбачеве для всех них места на вершинах власти уже не было.

Вместе с тем эти люди понимали, что, упрямо выдвигая из своих рядов престарелых лидеров, они могут лишиться поддержки членов ЦК и народа. Общественное мнение в ту пору однозначно склонялось в пользу более молодого и энергичного генсека, с этим не считаться было нельзя. Может быть, поэтому все взвесивший В. В.

Гришин, как рассказывал Михаил Сергеевич, первый предложил на пост генсека Горбачева. Возможно, так и было. Возведенный столичными слухами в преемники Черненко, Виктор Васильевич хотел избавиться от подозрений в желании взять власть в свои руки. И это надо было сделать перед лицом всех членов Политбюро, так как телевизионная передача, в которой демонстрировалось, как Гришин вручает документы по выдвижению кандидата в депутаты Верховного Совета СССР

Черненко, произвела тогда неблагоприятное впечатление. Все это выглядело как благословение умирающим отцом сына на продолжение его дел и заветов. Надо отметить, что эта передача подстегнула волну неприязни к Виктору Васильевичу, с новой силой всколыхнула слухи о его причастности к различным нечистоплотным делишкам, творившимся в Москве. Нельзя, конечно, исключать и того, что в тот период в нем просто заговорила житейская мудрость. Он не знал, что, поддерживая Горбачева, в то же время обрекает себя на печальное будущее, завершившееся трагической смертью в очереди по переоформлению пенсии в районном собесе. Сердце старого человека, столь много сделавшего для Москвы, не выдержало и остановилось.

А тогда, 10 марта 1985 года, предложение Гришина повисло в воздухе. Его никто не поддержал. И эта заминка была плохим предвестником.

— Я тогда ответил, — вспоминал Михаил Сергеевич, — что не надо спешить. Утро вечера мудренее. Важно все обдумать и взвесить. Давайте решим вопрос завтра.

Горбачев предложил перейти из Ореховой комнаты в зал заседаний Политбюро и продолжить обсуждение в расширенном составе, где было больше его сторонников среди секретарей ЦК. Молчание членов Политбюро насторожило его, лишило уверенности, хотя он сел за стол председателя, но сдвинулся к краю его, и было не совсем понятно, где он сидит. Однако, набравшись сил, сказал несколько добрых слов о К. У. Черненко и попросил минутой молчания почтить память о нем. О причинах болезни и смерти докладывал Е. И. Чазов. Многие впервые узнали о перечне тяжелых недугов, которыми страдал избранный ими генсек: эмфиземе легких, отягощенной их склеротическими изменениями, нарушением проходимости бронхов и связанным со всем этим целым букетом» осложнений в деятельности сердца, многих других органов.

Шло обсуждение первоочередных мероприятий, но разговор этот был неконкретный и вязкий. Даже попытка Горбачева решить вопрос о председателе комиссии по похоронам, куда входили многие присутствовавшие на заседании руководители, был встречен членами Политбюро глухим молчанием. Так и не получив поддержки, Михаил Сергеевич настоял на том, чтобы заседание Политбюро и Пленум ЦК состоялись на следующий день, И марта. Это было приемлемое предложение для противников Горбачева, так как позволяло им консолидировать силы и попытаться договориться о другом лидере, отсутствие которого было основным слабым звеном в противостоянии

амбициям ставропольского агрария. Но эта оттяжка решения ключевой проблемы позволяла Горбачеву подтянуть своих сторонников, размыть ряды противников. В дальнейшем я еще скажу о расстановке сил в Политбюро и механизме формирования власти, методах действий Горбачева в этот переломный период жизни КПСС, всей нашей страны. Сейчас же отмечу, что его противники, главным образом из правительственных кругов, согласившись на оттяжку решения вопроса о преемнике Черненко, допустили грубейший промах. Они сделали ту же ошибку, которую допустил в свое время Маленков, считавший, что, возглавляя правительство СССР и председательствуя на заседаниях Политбюро, обладает абсолютной властью. Потому он легко доверил Хрущеву вести Секретариат ЦК с его огромным и всесильным аппаратом, тесно связанным с местными партийными комитетами и другими структурами, которые в неясные и трудные периоды больше ориентировались на ЦК и его аппарат, чем на руководство правительства и государства.

И в этот раз судьба нового генсека была в руках того, кто был ближе к республиканским, краевым и областным комитетам партии, кто владел всеми видами связи, включая шифровальную. Ни правительство, ни Верховный Совет практически не могли направить ни одной шифро-телеграммы, так как все аппараты и шифры находились в здании ЦК под контролем его структур. А на местах они были в райкомах, обкомах, крайкомах КПСС, ЦК союзных республик.

После окончания заседания Политбюро ЦК Горбачев, Лигачев, Чебриков и еще несколько работников общего и организационно-партийного отделов остались для подготовки всех необходимых документов к предстоящему Пленуму ЦК, рассылки шифро-телеграмм членам ЦК, в местные партийные комитеты с уведомлением о смерти генсека, созыве Пленума. Готовились и другие документы в связи с кончиной К. У. Черненко. Многим сотрудникам аппарата ЦК предстояла бессонная ночь, которая в значительной мере определила судьбу выбора нового генерального секретаря ЦК КПСС.

Утром М. С. Горбачев вызвал меня и сказал:

— В 17 часов Пленум ЦК, потребуется короткая, но емкая речь. Садись-ка за текст, позови Яковлева.

Сразу условились, что выступление не должно охватывать великие достоинства и дела усопшего, а смотреть вперед, намечать какие-то новые ориентиры. Такой речь и получилась.

С того памятного вечера, когда пришло известие о смерти Черненко, в руководстве партии наступила пора больших политических игр, маневров и компромиссов. Вряд ли какое-

нибудь другое назначение на пост генсека так прорабатывалось, обсуждалось и организационно обеспечивалось. И вряд ли тогда кто-нибудь знал, что подобная подготовка была прелюдией наступления новой эпохи в жизни Советского Союза — эпохи крушения мифов, развала государственности, армии, разлада среди народов некогда великой страны.

Восхождение к вершинам

И опять на Красной площади море людей, но теперь уже даже не пытающихся сделать скорбный вид. Опять на трибунах высокие гости из разных республик, краев и областей, зарубежные посланцы. Опять Маргарет Тэтчер постукивает модными туфельками нога об ногу, не привыкшая к нашей морозной погоде. Узкому кругу гостей у Мавзолея подают горячий грог, и его потягивают, чтобы согреться.

Похороны уже стали традиционными, и ритуальные команды хорошо знают свое дело. Отличие траурного митинга на этот раз только одно — на трибуну Мавзолея поднимается самый молодой за последние десятилетия и пока малоизвестный вновь избранный генеральный секретарь ЦК КПСС — М. С. Горбачев. У него в кармане короткий текст прощальной речи, в которой говорится не о том, как были велики дела усопшего и сколь он знаменит. Она и не только о том, как скорбят люди земли, мировое коммунистическое движение по безвременной утрате лидера. В речь заложены и положения о видении будущего, о тех путях, которые могут вывести страну из тяжелого положения. Я настоятельно советовал тогда заложить в текст именно эти идеи, чтобы сразу сказать о необходимости реформ, улучшении дел в стране. И такие слова прозвучали. Кто умел слушать, поняли, что впереди серьезная работа по укреплению мощи нашей экономики, улучшению жизни народа.

… Кончен траурный митинг. С Красной площади иду в здание ЦК на Старой площади. Впервые за последние три дня есть какое-то время для размышлений. События обрушились на всех, как снежная лавина с гор, и не оставалось минуты, чтобы спокойно обдумать случившееся.

И самому как-то не верится, что Горбачева избрали генсеком, а по существу вершителем судьбы партии, народа, страны. От него теперь во многом зависит и могущество страны, и благосостояние людей. Вопрос, которым задавался я в тот день и позже, один: сможет ли справиться этот человек с тем грузом ответственности, какой ложился на его плечи? Серьезно об этом прежде никогда не думал. Не верилось, что изберут когда-то Горбачева на этот пост, да и не таким я представлял себе лидера страны. У него, как мне казалось, не хватало масштабности, основательности. Зато было много суеты, мелочности. Впрочем, положение меняет людей, есть время поднабраться опыта. А потом, пожалуй, главное — из кого выбирать. Мнение у меня уже сложилось о многих лидерах той поры. Из оставшихся в

Политбюро даже по возрасту не было подходящих. Конечно, в следующих эшелонах были такие люди, но многие из них, как говорится, вещь в себе — малоизвестны. В общем, на безрыбье и рак рыба. Да и проходил Горбачев в генсеки с большим трудом.

На заседании 10 марта Политбюро не решило вопроса о преемнике Черненко. И это позволило ночь и до обеда следующего дня вести активную работу по вербовке сторонников Горбачева. Но, сколько ни агитируй местных руководителей, решающее слово за Громыко. К тому времени он остался по существу единственным широко известным в стране и уважаемым в народе лидером. Его слово решающее. Если он скажет — быть Горбачеву генсеком. Все поддержат, не осмелившись пойти на раскол в Политбюро. Значит, нужно договариваться с ним, обещать ему высокую должность Председателя Президиума Верховного Совета СССР. На этом посту его огромный опыт дипломата-международника, человека, знающего практически всех лидеров государств мира, пригодится. Тем более это важно, так как Михаил Сергеевич вопросами международной политики пока не очень владел. С таким предложением тайный посланник Горбачева и направился к Громыко. И скоро пришел ответ: для Андрея Андреевича представляет интерес заняться международными проблемами на новом уровне. Дело приобрело новый оборот, появилась реальная надежда на избрание генсеком Горбачева. Вслед за Е. К. Лигачевым и Н. И. Рыжковым Андрей Андреевич начал активно действовать в пользу Михаила Сергеевича.

Предстояло привлечь на свою сторону первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов, других членов ЦК. Хитроумный и осведомленный член Политбюро ЦК В. В. Щербицкий в этой неясной для него обстановке на Пленум не прибыл по формальной причине: в связи с командировкой в США. Хотя, по мнению авиаторов, успеть вернуться мог бы вполне. Правда, и Горбачев не очень-то хотел его возвращения, не зная, к кому примкнет первый секретарь ЦК КП Украины. Секретари ЦК будут решать судьбу генсека в зависимости от предложений Политбюро, но некоторые члены ЦК готовы выступить инициативно и предложить кандидатуру Горбачева независимо от мнения ареопага. Эти боевые штыки ждут команды, чтобы действовать и добиться избрания Михаила Сергеевича. Среди них назывался и Б. Н. Ельцин, первый секретарь Свердловского обкома КПСС. Но были и сомневающиеся в необходимости делать ставку на Горбачева. Это те, кто либо знал его личные качества или имел обиды, либо поддерживал позицию Н. А. Тихонова и некоторых других руководителей из правительства и

министерств.

… И вот наступило 11 марта 1985 года. Утро и день напряжены до предела. В ЦК КПСС идет активная подготовка к Пленуму. Е. К. Лигачев и Н. И. Рыжков принимают членов ЦК, секретарей обкомов и крайкомов партии, хозяйственных руководителей. О предстоящих выборах Горбачева генсеком говорится открытым текстом: нужно успеть выяснить мнение участников Пленума до 15 часов, обеспечить поддержку молодому претенденту. В 15 часов в Кремле начнется заседание Политбюро. Вопрос повестки дня один — избрание генерального секретаря ЦК КПСС. Все подготовлено за кулисами, но теперь следует избежать неожиданностей. Слово на заседании попросил Громыко. Он старейший член Политбюро, наиболее уважаемый авторитет в партии и народе. В нем Горбачев не сомневается, после доверительных договоренностей согласие в поддержке от него получено. И А. А. Громыко держит обещание, называет кандидатуру М. С. Горбачева в качестве нового лидера партии и просит разрешения выступить первым на Пленуме ЦК. Эти слова Андрея Андреевича внесли перелом в настроения членов Политбюро ЦК. Предложение министра иностранных дел поддерживают практически все. С этим решением члены Политбюро и готовятся идти на Пленум.

А в это время в зале пленумов собираются члены ЦК. Многие его участники пришли задолго до начала заседания. Они прохаживаются по шикарному мраморному вестибюлю, собираются группами, толпятся за столами буфета. У всех один тревожный вопрос: что происходит на Политбюро, кого предложат для избрания. Накануне многие секретари обкомов встречались с секретарями ЦК. Настроение у большинства членов ЦК однозначное — невозможно больше избирать престарелых лидеров. В партийных организациях это не поймут, а придет время — и спросят. Нельзя избирать генсеков-однодневок, которые не в силах работать, — нужны твердые, решительные руководители.

Я слышу откровенные суждения. Многие называют Горбачева, но и противники есть. Да, человек способный, но умудренные жизнью секретари обкомов считают, что у Михаила Сергеевича нет достаточного опыта, поверхностное знакомство с экономикой, не знает производства, трудовые коллективы.

… Зал пленумов наполняется, гремят звонки, возвещая начало работы Пленума. Члены ЦК рассаживаются на свои места, присаживаюсь и я ближе к двери, откуда при необходимости можно быстро уйти. Становится все тише, и скоро зал замирает. Слева на сцене открывается дверь и, понурив голову, первым

входит Горбачев, за ним по стажу в Политбюро и положению в партии и государстве идут другие руководители. Горбачев подходит к центру стола президиума, несколько мгновений молчит и говорит, что Политбюро поручило ему открыть внеочередной Пленум ЦК КПСС.

— Горестная весть настигла всех нас, — читает Горбачев по бумаге.

А я думаю, что эта фраза стала уже расхожей, и вести одна другой горше постигают партию, как будто в ней собрались люди, верящие в бессмертие престарелых и больных лидеров.

— Вчера в 19 часов 20 минут перестало биться сердце генерального секретаря ЦК нашей партии, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, нашего друга и товарища Константина Устиновича Черненко, — глухим голосом продолжает читать Горбачев.

На лице его печаль и нечеловеческое страдание от невосполнимой утраты. Он рассказывает о пройденном Черненко жизненном пути, его заслугах в строительстве социализма…

— Потеря товарища, друга, руководителя, — продолжает Михаил Сергеевич, — обязывает нас еще теснее сплотить ряды, с еще большей энергией продолжать наше общее дело во имя великих целей Коммунистической партии, во имя блага и счастья советского народа и прочного мира на земле.

Минутой молчания зал почтил память К. У. Черненко.

— На повестке дня Пленума один вопрос, — громким голосом говорит Горбачев, — избрание генерального секретаря ЦК КПСС. Слово от имени Политбюро ЦК предоставляется А. А. Громыко.

Зал замер. В оглушающей тишине слышно лишь дыхание собравшихся. Тысячи вопросов роятся в головах участников Пленума. Почему слово предоставлено министру иностранных дел? Не произошел ли поворот в политике, не претендует ли Громыко на новую роль? А тем временем Андрей Андреевич энергичным шагом вышел на трибуну и, высоко подняв голову, не глядя в текст, заговорил тягучим голосом:

— Мне поручено внести на рассмотрение Пленума ЦК предложение по вопросу о кандидатуре генерального секретаря ЦК КПСС. Единодушно Политбюро высказалось за то, чтобы рекомендовать избрать генеральным секретарем ЦК Михаила Сергеевича Горбачева.

Он еще не закончил произносить последние слова, когда в зале раздались аплодисменты. Напряжение ночи и утра было для многих снято этими словами. Взоры членов ЦК устремились в президиум, и Горбачев, какое-то время сидевший опустив голову,

поднял взгляд и сделал попытку остановить аплодисменты, но они вспыхнули от этого с новой силой.

Когда в зале стихло, А. А. Громыко начал пересказывать содержание обсуждения вопроса на Политбюро, говорил о той атмосфере, которая царила на заседании. Речь Громыко была необычной по форме, образной, с неожиданными эпитетами, нетрадиционными аргументами, логическими заходами. Андрей Андреевич утверждал, что Горбачев достоин избрания на этот пост, имеет огромный опыт партийной работы, бесценный дар руководителя — принципиальность, умение убеждать, обладает ленинской прямотой, владеет искусством анализа. А. А. Громыко перечисляет и другие достоинства нового генсека, его успехи в минувшем и настоящем. Все внимательно слушают.

Выступают другие члены Политбюро и ЦК. Смысл выступлений — решение правильное, Горбачев достойный продолжатель линии партии, дела Ленина. Наступает кульминационный момент Пленума — голосование. Выбирают единодушно, и после аплодисментов на трибуне новый генсек — Горбачев. Он подтверждает преемственность и неизменность стратегического курса XXVI съезда КПСС на ускорение социально-экономического развития страны, преобразование всех сторон жизни общества — материально-технической базы, общественных отношений на основе планового хозяйства, развитие демократии, повышение роли Советов, обязуется и впредь непоколебимо держать курс на сохранение мира, сотрудничество с коммунистическими и рабочими партиями, активное взаимодействие всех революционных сил. Он благодарит за доверие.

— Обещаю вам, товарищи, приложить все силы, чтобы верно служить нашей партии, нашему народу, великому ленинскому делу.

Этой речью новый генсек завершил тот знаменательный Пленум ЦК, который поставил точку на траурном этапе развитого социализма и открыл новый, разрушающий этап. Он поднялся на олимп партийной и государственной власти, чтобы служить народу, заботиться о процветании и могуществе Родины. И никто не думал тогда и вряд ли кто мог представить, что через несколько лет генсек нарушит эту свою первую клятву.

Участники Пленума расходились, но каждый считал своим долгом еще раз лично поздравить нового генсека. М. С. Горбачев парил в ореоле лестных слов, восхитительных эпитетов. Я заглянул в приемную его кабинета и слышал, как, уже не таясь, каждый со всей прямотой говорил о большой удаче выбора, о новых планах и делах, о необходимости разогнать брежневских

прихлебателей. В приемной ожидали секретари обкомов и крайкомов партии, чтобы еще раз пожать руку, сказать о поддержке, просить совета.

Я понял, что сегодня уже никому не нужен, и скоро ушел к себе. По-новому смотрел я на все происшедшее, и мне казалось, что я участвовал в какой-то невероятной буффонаде и лицедействе, где все играли заученные роли: поздравляли и славословили и те, кто внутренне ненавидел «выскочку». Конечно, приход молодого лидера на пост генсека — дело перспективное. Как минимум он оборвет гуляющий по Москве анекдот, что каждый член Политбюро решил умереть генсеком. Но это шутка. А главное в другом: справится ли Горбачев с обязанностями? Я знал многие его положительные качества, но были и серьезные недостатки. Это пустяки, что речь его пока косноязычна, засорена и представляет своеобразный суржик — смесь украинского с русским языком. Все это, может, и удастся преодолеть. А не удастся — не беда. Люди быстро привыкают к говору великих и, не замечая, сами начинают следовать их манере. Говорил же практически весь народ и даже некоторые дикторы радио и телевидения вслед за Хрущевым «коммунизьм». Ну, а почему нельзя перенять горбачевские новации — называть Азербайджан — Азебарджаном, ставить ударение в словах вкривь и вкось. Не в этом трагедия, не все лидеры достаточно грамотны, и практически все из первого поколения интеллигенции. Вопрос серьезнее — хватит ли характера, твердости, решительности. Вот в этом были сомнения уже тогда, хотя я и отгонял подобные мысли. И все же сомневался: не произошел ли 11 марта 1985 года исторический и политический фукс?

Но думать об этом поздно, да и зачем гадать. Тогда я ни за что бы не поверил, что к власти может прийти человек, оказавшийся духом слабее предшествующих лидеров и более четырех лет раскачивавший державный корабль из стороны в сторону.

…Я подходил к Старой площади, и первым, кого встретил, был А. Н. Яковлев. Мы поднялись в кабинет, заказали чаю и долго молчали.

— Вот только теперь и начнется работа, — наконец сказал Яковлев. — До одурения. Я тебе не завидую.

— Что делать, сам впрягся в эту упряжку, потому что видел — катимся в пропасть, — отвечал я. — Надо улучшать ситуацию в стране. Для этого сил жалеть не стоит. Не знаю только, что мне будет дозволено делать и что я смогу решать. Дорога предстоит дальняя и трудная, но работать буду на совесть.

— Сейчас идеи нужны добротные, будет линия — вытянем,

иначе — беда. На старых концепциях далеко не уедешь, — размышлял Александр Николаевич.

Так завершился этот траурный этап развитого социализма. Страна вступила в новую, неизведанную полосу своего развития. Все говорили о лучшей доле, но добрыми помыслами, как известно, была вымощена дорога и в ад.

Поиск реформаторских идей

М. С. Горбачев не затянул с переездом в новый, генсековский кабинет, который на пятом этаже главного здания ЦК числился под номером 6. Этот кабинет представлялся ему подлинным символом власти и давно манил, как некогда трон, скипетр и держава великих правителей Российской империи. Буквально за одну ночь хозяйственники привели в порядок помещение, сменили ковровые дорожки, натерли полы, освежили лак орехового гарнитура. Несколько больше предстояло сделать в комнате отдыха, но это не остановило генсека, и он принимал посетителей уже в новых апартаментах.

Кабинет был просторным. Пятый этаж здания ЦК тем и отличался от других, что здесь кабинеты были просторными, размещались лишь по одну сторону коридора. Справа от входа были широкие окна, выходящие в переулок к торцу здания МГК КПСС. Окна постоянно занавешены батистовыми «французскими» шторами. У противоположной от входа двери, ближе к окнам стоял массивный письменный стол с большой столешницей и кожаным «генсековским» креслом на вращающейся подставке. По существовавшим в ЦК порядкам — над ним портрет В. И. Ленина.

Слева от кресла — пульт связи. Это массивная ореховая тумба, обильно начиненная электронными системами, многочисленными проводами. Сверху на ней размещались аппараты междугородной засекреченной и особо секретной связи, клавиши демофона, который связывал с руководством страны. К нему были подключены все кабинеты членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК, секретарей ЦК, заместителей Председателя Совета Министров СССР, руководства Верховного Совета СССР, а также ряда министров, возглавлявших наиболее важные и курируемые генсеком участки государственной деятельности — КГБ, обороны, иностранных и внутренних дел, Генштаба, военно-промышленной комиссии, редактора «Правды», а также помощников и советников М. С. Горбачева. У членов Политбюро ЦК, помощников и ряда других лиц связь была двусторонней. Все они в любую минуту могли связаться с генсеком, и он практически всегда поднимал трубку.

К письменному столу генсека были приставлены небольшой столик и два кресла для посетителей. В кабинете имелся и большой стол заседаний, в торце которого обычно садился генсек в небольшое вращающееся кресло. По левую руку у него были два телефона правительственной связи. В конце стола заседаний у стены стоял большой книжный шкаф, наполненный собраниями

сочинений классиков марксизма-ленинизма, энциклопедиями, справочниками и другой литературой постоянного пользования. Пол в кабинете был набран из дубовой дощечки и инкрустирован более темными породами дерева. От двери к письменному столу вела салатовая ковровая дорожка, она застилала и все пространство вокруг стола заседаний. В кабинете стояли несколько небольших столиков для воды, газет, книг и напротив окон — ряд стульев. Недалеко от письменного стола имелась дверь, ведущая в комнату отдыха. Там был письменный стол с телефонами, обеденный стол, кушетка, трюмо, около которого работали парикмахеры. У стены напротив громоздкий книжный шкаф и сейф отечественного производства, где хранились некоторые документы особой важности и личные вещи.

Вся мебель, двери, подоконники кабинета и комнаты отдыха были сделаны из темного орехового дерева, а рамы — из светлого дуба. Стены оклеены слегка тонированными под дерево красивыми обоями.

М. С. Горбачев хорошо «вписался» в новую обстановку, и по всему чувствовалось, что ему нравятся эти апартаменты, пульт связи, который давал возможность соединиться не только с любым абонентом в нашей стране, но и всего мира, руководителями других государств. Из этого кабинета позже он часто разговаривал с президентами Франции, США, руководителями социалистических стран, которых он поздравлял с днем рождения или с национальными праздниками.

Впрочем, не все устраивало Михаила Сергеевича в этом кабинете. Он сковывал его широкую натуру, и мне приходилось быть участником совещаний в связи с необходимостью расширения помещения генсека. Он выдвигал идею отвести под личные апартаменты, «свою» телестудию, весь пятый этаж. Н. Е. Кручина ходил тогда озабоченный, часто заглядывал ко мне. Он не знал, где теперь придется размещать зал заседаний Секретариата ЦК, куда переводить из кабинета на пятом этаже Е. К. Лигачева. Но скоро было принято решение переоборудовать под зал заседаний Секретариата кинозал в примыкающем здании, а Е. К. Лигачева переместить на третий этаж, где был оборудован новый кабинет. Проекты всей этой реконструкции были уже составлены, когда М. С. Горбачева избрали Председателем Верховного Совета СССР, а затем и президентом СССР. Теперь центр пребывания генсека переместился в Кремль. До этого переезда пройдет еще много времени, а тогда, весной 1985 года, у всех была большая надежда на добрые перемены и предстояла огромная работа.

Выполнив необходимые формальности в связи с избранием

на пост генсека и решив ряд неотложных вопросов, М. С: Горбачев серьезно задумался о тех шагах в своей политической деятельности, которые необходимо было предпринять, чтобы изменить ситуацию в стране и доказать серьезность своих намерений. Сколько бы ни было обсуждений предстоящих перемен до избрания М. С. Горбачева генсеком, жизнь показывала, что они, соприкоснувшись с практикой, представляли собой труднореализуемые проекты. Конечно, соратники М. С. Горбачева приблизительно знали, что нужно сделать. Но никто из них не ведал, «как это сделать», с чего начать. Надо ли говорить, что приход нового лидера вовсе не означал серьезности предстоящих реформ, наличие у него сколько-нибудь стройной системы преобразований во всех сферах жизни общества. Он был обречен действовать методом проб и ошибок. Генсека серьезно это беспокоило. Он сознавал, что на нем лежал груз ответственности за судьбу страны. Закулисные действия и дворцовые интриги больше помочь не могли. Люди ждали реальных перемен. И условия для них были на редкость благоприятные. Но оказалось, что власть взять легче, чем удержать ее.

Вскоре после своего избрания генсеком М. С. Горбачев пригласил к себе некоторых секретарей ЦК, помощников, других доверенных ему людей для обсуждения предстоящих практических действий нового руководства. Насколько я помню, все рассуждения тогда свелись к трем позициям. Первая — ускорить обновление кадров, заменить тех руководителей, которые были тесно связаны с предшествующими генсеками и не способны возглавлять участки работы, где требовались безотлагательные меры по улучшению дел. По существу, под этим предлогом выдавался карт-бланш для любых кадровых перемен. Вторая позиция состояла в том, чтобы продолжить курс на ускорение научно-технического прогресса в стране, приоритетного развития машиностроения как основы всех преобразований в производстве. С некоторых пор М. С. Горбачев полагал, что все наши беды заключены в слаборазвитом машиностроении, и тогда взял энергичный курс на обновление активных производственных фондов, двух-трехсменную работу парка станков, применение роторных комплексов.

И наконец, в третью группу вопросов выделялись все поездки генсека по стране, посещение трудовых коллективов. Разумеется, в обсуждении всплывали и другие проблемы, касающиеся развития сельского хозяйства, строительства, но их тогда отнесли для дальнейшей проработки и внесения предложений.

Первый свой визит М. С. Горбачев решил нанести на

промышленное предприятие столицы. Он попросил меня подготовить такую поездку, но сделать это так, чтобы до поры до времени о ней мало кто знал. Генсек хотел побывать на автозаводе имени Лихачева, в районной больнице, школе, магазине. *Я* подготовил такой маршрут, но неожиданной поездка не получилась, так как М. С. Горбачев рассказал о своем намерении В. В. Гришину, в ту пору секретарю московского городского комитета партии. Естественно, к приезду генсека все было готово. И если на заводе трудно что-то изменить за несколько дней, то в больнице были разительные перемены по сравнению с тем, что я видел прежде. Тротуары, дорожки и подъездная часть дороги у больницы были заново асфальтированы и еще источали горячие запахи гудрона. На том этаже, где мы были, больным запретили выходить из палат в коридор. В те две или три палаты, куда генсеку предложено было зайти, как мне позже сказали люди из его охраны, лежали офицеры службы безопасности, этакие краснощекие коротко стриженные молодцы, которые тепло отзывались о медперсонале, харчах и затруднились дать четкий ответ только по поводу своих болезней. В этом они путались, отчего врачи бледнели, не зная, чем все это может кончиться.

Потемкинские деревни нам показали кое-где еще, в частности пригласив «в первую попавшуюся» квартиру новосела, «рядового рабочего», у которого «случайно» нашлись великолепные закуски, конфеты, печенье и прочее, по многим атрибутам выдававшее их происхождение из спеццехов, поставляющих продукцию службе охраны. После этого нельзя было исключать, что и ковры на стене, другая утварь были тоже заимствованы для высокой встречи. М. С. Горбачев тепло побеседовал с рабочим, узнал о его производственных и семейных делах, тепло пожал руку и пожелал дальнейшего счастья и успехов на трудовом поприще.

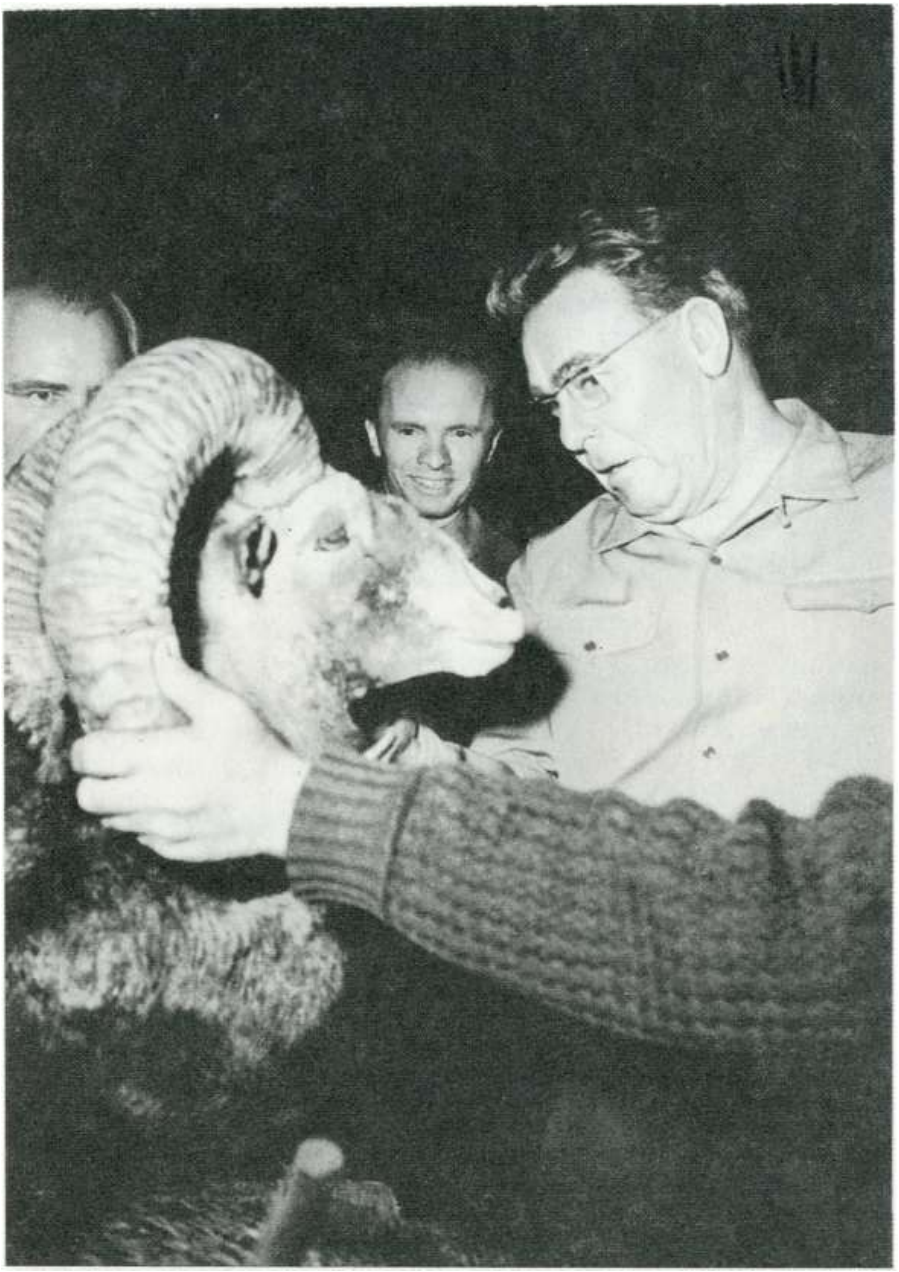
Однако дело было не в маленьких хитростях, а в том, что М. С. Горбачев, наверняка чувствуя большие и малые подлоги, принял эту игру, позволил корреспондентам заснять ложь, согласился играть в этом спектакле. Вскоре, возвращаясь после одной из поездок генсека по стране, я в самолете вспомнил эту историю и рассказал в присутствии М. С. Горбачева Раисе Максимовне об этом злополучном визите в Москве, полагая, что правда заставит задуматься. Внутренне я, конечно, рассчитывал, что от подобного обмана надо отмежеваться и строго спросить с тех, кто пытается ввести в заблуждение генсека. Но реакция Раисы Максимовны была неожиданной:

— А что вы хотели? Разве когда вы приглашаете гостей, не убираетесь в квартире и не достаете все лучшее?

Тут трудно что-либо возразить. Я действительно убирался в квартире, если ждал гостей. Но у меня бывали не те гости, да и квартира — не больница или иное государственное предприятие. Речь шла о политическом визите, а не о встрече за «рюмкой чая» старых друзей. Конечно, мне хотелось сказать и о том, что генсек не гость, а скорее хозяин, руководитель страны. Но я ничего не сказал, боясь быть неправильно понятым. Во всяком случае, стало очевидным, что подобные спектакли приемлемы и могут повторяться впредь. Но я не думал, что вся жизнь скоро станет подмостками театра одного актера.

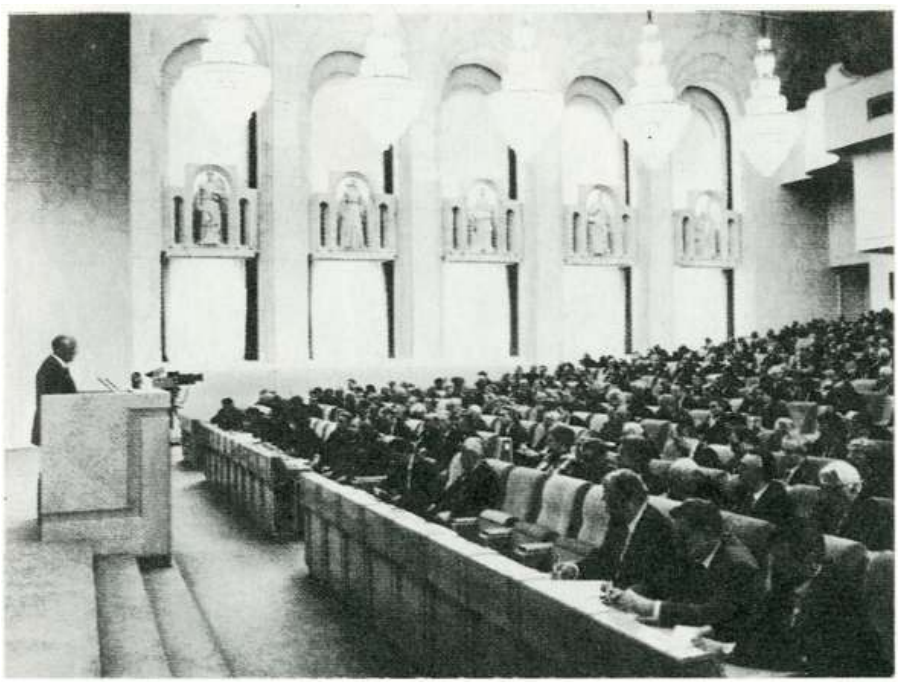
Юбилей Л. И. Брежнева (в центре жена Л. И. Брежнева — Виктория Петровна)

Л. И. Брежнев и А. Н. Косыгин среди молодежи

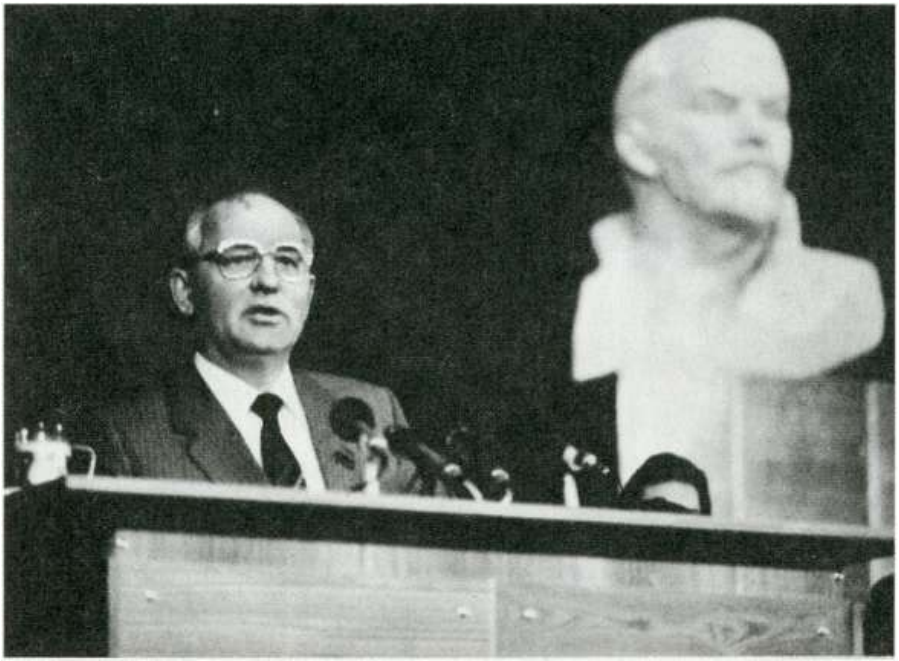


После охоты

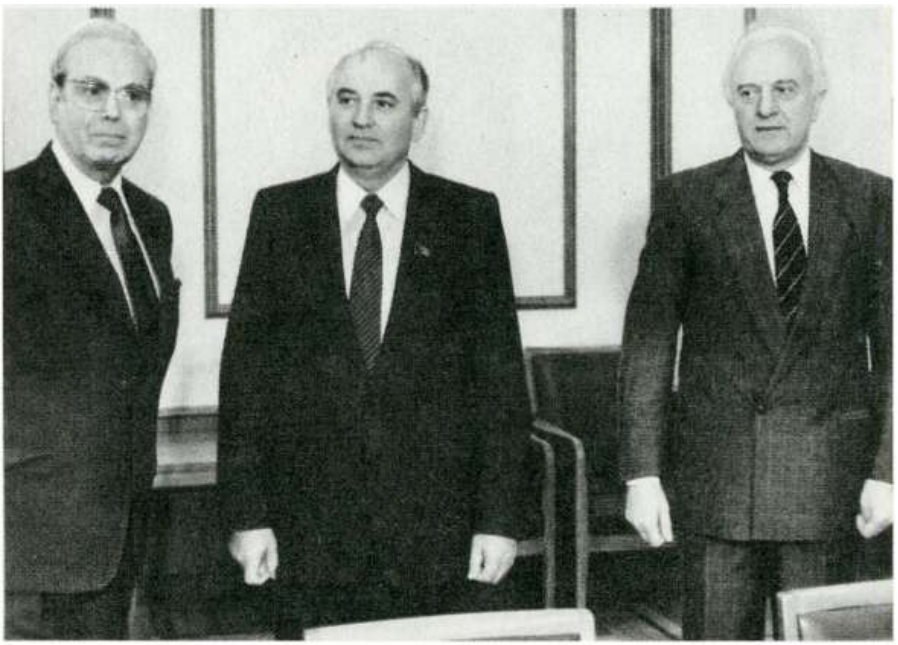
Похороны Л. И. Брежнева. В первом ряду (слева направо) — Ю. В. Андропов, К. У. Черненко, Н. А. Тихонов. А. А. Громыко



М. С. Горбачев выступает на Пленуме ЦК КПСС



На встрече с трудящимися г. Тольятти



Генеральный секретарь ООН Х. Перес де Куэльяр, М. С. Горбачев и Э. А. Шеварднадзе

Стоят (слева направо): А. И. Лукьянов, Н. Е. Кручина, А. Н. Яковлев, С. А. Лосев

М. С. Горбачев и Б. Н. Ельцин

М. С. Горбачев и президент США Р. Рейган

Р. М. Горбачева и Н. Рейган

М. С. Горбачев беседует с папой римским Иоанном Павлом II

А. И. Лукьянов и М. С. Горбачев на Съезде народных депутатов СССР

М. С. Горбачев на трибуне

Готовя ту первую поездку нового лидера партии и страны на московский автозавод, я вообще полагал, что, если М. С. Горбачев действительно хочет узнать условия труда и жизни рабочих, надо ехать на завод так, как добираются они сами — на автобусе, метро, троллейбусе, чтобы с самого начала увидеть все сложности, с которыми сталкивается трудовой люд. Предлагал от завода добраться на автобусе и до районной больницы, а далее до жилого квартала новостроек, где живет немало зиловцев. Лидеру

партии рабочих, всего народа, нечего бояться неожиданных встреч с людьми. Но М. С. Горбачев отверг все мои предложения и, вероятно, смотрел на меня как на чудака или несерьезного человека. Я понимал, что в бронированном «ЗИЛе» спокойнее, но что можно увидеть за пуленепробиваемыми стеклами? В общем, в ту первую поездку генсеку удалось увидеть то, что ему показали, а местному начальству показать то, что оно хотело. А желало оно продемонстрировать, что Москва — образцовый город и отцы его денно и нощно пекутся о благе столицы и ее жителей. Впрочем, все относительно, и нетерпимое вчера сегодня было бы воспринято многими с благодарностью. Да и вряд ли тогда вообще что-то полезное хотел узнать для себя генсек. Важны были сообщения, что он побывал у столичных рабочих.

… На том узком совещании у М. С. Горбачева высказывались и иные предложения по первоочередным мерам в политике и экономике, которые в той или иной форме в дальнейшем были воплощены в жизнь. Но они носили характер экспромтов, не затрагивали всей глубины необходимых реформ. А люди ждали перемен.

Сколько семей мечтало об улучшении своего положения, хотело более обеспеченной жизни, больших свобод, лучшего жилья. Никто не знал в ту пору, чем кончится для страны, всех ее народов эксперимент, начатый в первые весенние дни 1985 года. Но у большинства инициаторов и сторонников перестройки было тогда искреннее желание быстрее исправить положение, скорее достичь положительных результатов.

После вступления в новую должность М. С. Горбачев энергично взялся за дело. Одно из первых его поручений Рыжкову (попросил он об этом и меня) состояло в том, чтобы определить круг первоочередных вопросов, решения которых ждет народ. С Николаем Ивановичем у меня сложились добрые отношения. Был он демократичен, приветлив, по-товарищески прост. Мы с ним быстро рассмотрели круг наиболее актуальных вопросов и наметили, что надо решать в первую очередь. Ничего нового, особенно с точки зрения сегодняшнего дня, мы не предлагали. Но главное, на чем сошлись и на чем я всегда настаивал, работая еще в «Правде», — дать землю людям, обеспечить всех желающих горожан участками. Тогда я, как аграрник, знающий московских руководителей, добился, чтобы коллективу редакции выделили участок земли под садово-огородный кооператив. Не без трудностей, но землю выделили из наделов совхоза им. 50-летия Октября. Кооператив этот и сегодня развивается, и многие правдисты проводят там время с пользой для себя и семьи.

Пропагандировал я идею наделения всех желающих землей и

через газету, предлагал выделить пустующие земли коллективам предприятий, передать им так называемые «вымирающие» деревни. Дело двигалось, но с приходом Ю. В. Андропова многое повернулось вспять, началось преследование за разбазаривание земли, нарушения в строительстве дач, а кончилось тем, что запретили выделять землю кому бы то ни было. И вот теперь Н. И. Рыжков и я предлагали вернуться к доброй идее. Предложили мы тогда, как улучшить дело с жильем, обеспечением медицинской помощью и т. п. Потом эти идеи начали оформляться конкретными решениями и постепенно реализовываться.

Наряду с мерами, рассчитанными на решение текущих вопросов, удовлетворение ряда первоочередных потребностей населения, Политбюро ЦК и правительство подготовили и приняли ряд постановлений, обеспечивающих ускорение социально-экономического развития страны. К ним относятся постановления об интенсификации производства, росте его эффективности, повышении технического уровня и преимущественного развития машиностроения и энергетики, реконструкции черной металлургии, улучшении проектного дела, капитального строительства, внедрении новых технологий, вычислительной техники. Началась реализация решения по совершенствованию управления группами однородных отраслей, использованию трудовых ресурсов.

Если внимательно проанализировать перечень и содержание принятых в ту пору постановлений, то можно легко обнаружить, что они мало чем отличались от того, что делалось в прошлом. Это были по существу все те же меры по затыканию дыр в щелях корабля, который все больше погружался в пучину. Каждая поездка М. С. Горбачева по регионам страны вынуждала принимать все больше постановлений о развитии экономики тех или иных регионов. Это распыляло средства, снижало эффективность вложений. И хотя по стране уже гуляло слово «перестройка», но глобальной концепции преобразований в обществе все еще не было. Первые довольно импульсивные шаги по реформированию экономики быстро натолкнулись на преграды и ограничения. Выбор приоритетов в развитии народного хозяйства был случаен. Генсеку неоднократно говорили, что, не создав единой концепции развития и не решив общих вопросов, невозможно добиться позитивных результатов в частностях. Нужна серьезная теоретическая основа для перемен, обоснованные и последовательные шаги преобразований. И делать это следовало незамедлительно, тем более что все предпосылки объективного и субъективного характера к тому были.

Нельзя забывать, что общество на протяжении ряда лет накопило мощный взрывной заряд недовольства, который мог воспламениться в любой момент. Это достаточно хорошо понимали многие, и прежде всего передовая часть общественности — ученые, специалисты различных отраслей экономики, структур управления, ряд военачальников, творческая интеллигенция, по существу, все, кто составляет интеллектуальную элиту, которая всегда являлась генератором и носителем прогрессивных идей. К середине 80-х годов в этой среде накопилось немало предложений, направленных на совершенствование общественных отношений, демократизацию страны, создание условий для более энергичного движения вперед по пути научно-технического прогресса.

Запас реформаторских концепций копился в нашей стране давно, но он не был затребован. Хрущевская оттепель, устранение боязни физического исчезновения за крамольные мысли позволили выдвинуться многим нашим ученым-обществоведам, предлагать меры по реформированию общества. В ЦК КПСС, правительство тогда поступала громадная почта с предложениями по осуществлению перемен в стране. Именно эти люди, а также более молодая поросль интеллектуалов стояли у истоков многих косыгинских экономических реформ в середине 60-х годов. В значительной мере их идеи легли и в основу преобразований, начавшихся в 80-е годы.

Мне приходилось достаточно часто встречаться с видными учеными различных отраслей знаний, деятелями культуры, образования, писателями. Это были люди весьма прогрессивных взглядов, видевшие пороки нашей системы, недостатки в руководстве обществом. В откровенных беседах, которые состоялись в те годы, затрагивались не только вопросы экономического и политического характера. Собеседники отлично понимали, что препятствия осуществлению многих идей таятся в заскорузлости руководства. Партийно-государственная верхушка была настолько стара, что оказалась не в состоянии смотреть вперед, думать о перспективах развития Отечества. После XXVI съезда КПСС стало очевидным, что большинство членов Политбюро ЦК имело мизерные шансы дожить до очередного съезда. Это отлично понимали те интеллектуалы, которые давно и с тревогой следили за расстановкой сил в руководстве, знали возможности практически каждого члена Политбюро ЦК.

Вот почему появление М. С. Горбачева на политической арене привлекло внимание мыслящей интеллигенции. Конечно, в нем видели первое время агрария, что само по себе ограничивало его перспективу, так как к деятелям этой сферы издавна

существовало в стране недоброжелательное отношение, как к людям, не способным решить продовольственные вопросы государства. Но постепенно в нем стали видеть и некоторые обнадеживающие штрихи. М. С. Горбачев был человеком сравнительно новой генерации, достаточно образован, при желании обаятелен, не лишенный дара вдохновить людей, давно искавших энергичного лидера, на которого можно было надежно опереться в реализации тех реформаторских идей, которые имелись в обществе. И эти люди, правда не все сразу и не без колебаний, сделали ставку на М. С. Горбачева, помогали в его популяризации, продвижении по лабиринтам власти.

Избрание нового генсека активизировало творческую мысль прогрессивно настроенной части общества. Общее желание перемен было столь велико, что ученые, специалисты, работники органов управления охотно несли М. С. Горбачеву, его окружению свои предложения по преобразованию в стране. Они месяцами просиживали на закрытых партийных и государственных дачах, дорабатывая новые концепции экономической реформы, демократизации общества, совершенствования политической системы, международных отношений.

Огромную работу вела команда Н. И. Рыжкова, готовя предложения по перестройке экономических отношений. В общем конструктивных идей было более чем достаточно, и с некоторыми из них новый генсек выходил на трибуну. Но целостной концепции так и не сложилось. Этому активно противился М. С. Горбачев, полагая, что в делах перестройки логика может только помешать делу. Сегодня очевидна другая, подлинная причина такого нежелания. Просьбы многих, в том числе с трибуны съезда и партконференции, сказать, куда мы идем, удовлетворены не были.

Широкая поддержка М. С. Горбачева продолжалась до 1988 года, до тех пор, пока в действиях нового лидера не появились шараханье, неуверенность и маневрирование. Затем ручеек идей начал пересыхать, многие ученые как-то стали сторониться генсека. И он был вынужден все время взбадривать свои команды, часто меняя помощников, состав лиц, привлеченных для подготовки его докладов, речей, выступлений, интервью.

Большую роль в формировании концепций перестройки, подборе кадров для команды М. С. Горбачева играл А. Н. Яковлев. Он имел незаурядный опыт подобной работы еще во времена Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева. За время пребывания на дипломатической работе в Канаде, как я понимал, у него сложилась определенная программа преобразований в нашей стране, охватывающая ряд ключевых направлений. Возглавив

мозговой центр М. С. Горбачева, А. Н. Яковлев привлек многих специалистов и, обобщив материалы, сформулировал систему понятий перестройки общества, а также обозначил те практические меры, которые необходимо было осуществить, чтобы добиться реальных перемен в стране. Он постоянно возглавлял бригады «спичрайтеров» и по существу был генератором основных формулировок докладов и выступлений генсека. Наряду с ним в мозговой центр входили такие известные ученые-обществоведы, как В. А. Медведев, Л. И. Абалкин, А. Г. Аганбегян, А. Н. Анчишкин, С. А. Ситарян, Н. Б. Биккенин, С. С. Шаталин, Н. Я. Петраков, В. П. Можин. К работе часто привлекались многие специалисты различных научно-исследовательских институтов экономики, международных отношений, МИД, ЦК КПСС, Совмина СССР, других министерств и ведомств. В этой команде зарождались основные идеи перестройки, обобщалось многое ценное, что предлагали мыслящие люди для улучшения дел в стране. На заключительной стадии работы над докладами и выступлениями подключался М. С. Горбачев и его некоторые помощники. Круг их определял генсек и с ними уединялся либо в своем кабинете, либо на госдачах в Новом Огареве или Волынском.

Несмотря на большую и заинтересованную команду высококвалифицированных специалистов, способных предложить последовательную концепцию преобразований в стране, такого заказа никогда не поступало. Несколько моих попыток начать подобную работу натолкнулись на непонимание. И было ограничено только анализом ситуации, сложившейся в партии и стране к середине 80-х годов. Время было упущено. Многое делалось по наитию, вслепую, без оценок последствий. Люди выполняли поручения генсека, наивно полагая, что он знает, что нужно делать в первую очередь. А в первую очередь из глобальных проблем М. С. Горбачев с приходом к власти считал необходимым ускорить движение вперед за счет развития научно-технического прогресса.

Как уже говорилось, Михаил Сергеевич, много наслышанный о некогда готовившемся пленуме по научнотехническому прогрессу, решил вновь вернуться к этой проблеме. Он тогда вообще считал, что все беды страны кроются в плохом развитии машиностроения. И это было то звено, потянув за которое он хотел вытащить всю цепь. Отсюда и пристрастие к машиностроительной проблематике. На июнь 1985 года было намечено крупное совещание в ЦК по этому вопросу, и скоро началась подготовка к этому мероприятию. Требовался соответствующий доклад. Теперь бригада специалистов,

производственников, идеологов выехала на дачу Волынское-второе и там в течение двух месяцев готовила материал.

Совещание состоялось в зале заседаний пленумов ЦК. Помещение это сравнительно недавно было пристроено к имеющемуся зданию Верховного Совета СССР и представляло некий архитектурный шедевр, хотя и неудобный. Мраморные скульптуры рабочих, крестьян, воинов украшают карнизы. Мрамор для помещения, как мне говорили, завозился из Италии, другое оборудование собиралось со всего мира. Все кресла, столы выполнены из карельской березы. Они удобны, оборудованы усилителями, располагают к хорошему отдыху, и нередко в зале заседаний приходилось слышать похрапывание, особенно когда шли рутинные доклады. Отличные холлы с мраморными полами и стенами, просторный обеденный зал. Помещение было хорошо спланировано и удачно вписалось в комплекс зданий в Кремле. Принимавшим участие в разработке и строительстве этого зала были присуждены Ленинские премии.

И вот в этом зале впервые собрались ученые, руководители промышленных предприятий, министры, члены ЦК. Доклад Горбачеву был подготовлен неплохой, слушали его внимательно, горячо и остро выступали, что можно было видеть по телевидению. Этот телевизионный показ произвел тогда первую сенсацию в стране. Люди увидели, как свободно, многие вообще без текста, говорили о наболевших вопросах. Новый генсек производил хорошее впечатление, отличаясь от прежних подвижностью и способностью отрывать глаза от текста, хотя и делал это он в тот раз еще не слишком смело.

В партии, среди народа стало расти доверие к деловитости и раскованности нового руководства. В тот период это было крайне важно, ибо за минувшие годы слова слишком обесценились.

Хочу еще и еще раз подтвердить мысль, что выступления Горбачева в 1985–1987 годах базировались на твердом понимании того, что социализм в нашей стране — большое завоевание народа, строительство его следует продолжать. Социалистические принципы незыблемы, и впереди достижение основополагающей цели — построение коммунистического общества. Поначалу эти постулаты были твердой основой всех концепций Горбачева, и, я полагаю, он тогда и не видел ничего иного. Такое отношение к наследию прошлого, бесспорно, устраивало большинство. Все население страны действительно хотело перемен, причем перемен радикальных. Люди ждали серьезных изменений в области экономики, внешней политики, демократизации общества. Они надеялись на новые методы стимулирования, снятие оков с деятельности партийных

комитетов и организаций, но они хотели и социальных гарантий, к которым давно привыкли. Партия поддерживала начинания Горбачева, тем более что он говорил о сохранении социалистических ценностей и достижений.

Но скоро произошло несколько другое. Практика уже первого года работы показала, что быстрого результата достичь не удается. Одно из заявлений Горбачева — как только снимем оковы с сельского хозяйства, дадим свободу использования различных форм аренды всем желающим, то уже через один-два года придем к изобилию продовольствия — показывало всю глубину оторванности его от жизни.

Когда он решил вставить этот тезис в доклад, я попробовал возразить, что это нереально. Михаил Сергеевич вскипел:

— Ты ничего не понимаешь в характере крестьянина. Посмотри, как быстро пошло дело в Китае, а мы не хуже их.

Впрочем, срок наступления изобилия в своем тексте он продлил до двух-трех лет.

Столь наивное представление о возможностях перестройки привело к принятию скоропалительных решений, использованию не апробированных методов в управлении экономикой, в стимулировании и организации производства. И самое главное — началась поспешная замена кадров. Она велась на всех уровнях управления, затронула и окружение Горбачева. Не реализовав предложения одной группы специалистов, М. С. Горбачев хватался за идеи других. В том калейдоскопе перемен идей и людей чувствовалось паническое состояние генсека. Чтобы ускорить развитие экономики страны, выдвигались все новые концепции, но с каждой переменой чувствовалось, что дело клонится к элементарному переходу на методы капиталистического развития. Причем его наиболее незрелых первоначальных форм. И хотя продолжался разговор о построении социализма с человеческим лицом, о коммунистической перспективе, это были слова, напоминающие фиговый листок, прикрывавший идейную наготу, шараханье от курса, который одобрялся пленумами и съездами партии.

Теоретическое метание являлось еще и следствием характера М. С. Горбачева. С ранних лет, от школьных времен до института, комсомола, работы в партии он привык следовать выработанной в центре линии, как должное воспринимал успехи, одобрение своей деятельности и аплодисменты. В 16 лет его награждают правительственной наградой, он с отличием оканчивает школу, возглавляя там комсомольскую организацию, без экзаменов поступает в МГУ, возглавляет и там комсомольскую организацию, оканчивает факультет с отличием. Все эти годы Горбачева

сопровождают добрые слова, поддержка, а часто и восхищение способностями. Это проявилось и по окончании МГУ, когда Горбачев вместо прокурорского кресла и текущей юридической работы, в которой проявить себя крайне непросто, проходит путь наверх через комсомол и партийную работу. Работа в общественных организациях позволяет держаться на виду. Но он не прошел производственной, практической школы. Наверное, не вина, а беда Горбачева в том, что фактически всю жизнь ему пришлось заниматься аппаратной работой. А это позволило выработать «гибкий» позвоночник, но не твердый, настойчивый характер. В результате, столкнувшись с трудностями в практическом осуществлении реформ, Михаил Сергеевич терял к ним интерес, переключался на другие дела. Не случайно очень скоро основным полем его деятельности остались лишь выступления в печати и на телевидении, а также поездки на Запад, где он как представитель страны был почитаем и желанен.

А ведь, возглавив Политбюро, М. С. Горбачев впервые взвалил на свои плечи ответственность за судьбу не только партии, но и страны, благополучие миллионов. Люди ждали от нового лидера не красивых слов — их уже было сказано больше, чем нужно. Они ждали четко выработанного курса, обозначения целей движения, реального улучшения жизни, во всяком случае не ее ухудшения.

Ветер перемен витал над страной. Люди ждали их, хотели больше свободы, гласности, возможности говорить открыто о самых трудных вопросах. И к этой откровенности народ потянулся, он видел в М. С. Горбачеве своего защитника и надежду. Настороженность партийных, хозяйственных и советских органов была захлестнута общим ликованием. На имя генсека шел поток писем из всех районов страны и из-за рубежа. Люди слагали стихи, сравнивали М. С. Горбачева с мессией.

Я просматривал эти письма, докладывал о них Горбачеву. Он любил такую почту, часами сидел, перечитывая вслух понравившиеся места, цитируя строки из откликов, поступавших из-за рубежа.

— А вот еще, послушай, — говорит он, начиная читать закрытую информацию ТАСС, которая готовилась только для него в одном экземпляре. — конструктивные преобразования в России, начатые ее лидером Горбачевым, находят все больший отклик в странах восточного блока. И вряд ли их руководители справятся с возрастающей волной перемен, которых требуют народы».

Не знаю, кто первый заметил пристрастие Горбачева к чтению сообщений, восхваляющих его, — западные спецслужбы или наши послы. Но эготизм генсека был использован, как

говорится, на сто процентов. Со всех сторон поступала информация, возвышавшая нового лидера. Каждый наш представитель за рубежом считал своим долгом лично привести какую-то вырезку из западной газеты или журнала, где говорилось о великих делах Михаила Горбачева, сами старались сказать, как его любят в зарубежных странах лидеры и «простые люди».

Почта из-за рубежа действительно многократно увеличилась. Многие присылали Горбачеву какие-то сувениры, домашние реликвии, деньги и драгоценности. За границей в честь Михаила Сергеевича в разных странах отливались увесистые медали из золота, серебра, платины, чеканились монеты. И он принимал многие из них искренне веря, что это ему дается за все, что он сделал. В это генсек верил даже тогда, когда люди отвернулись от него, понимая, что Горбачев заботится не столько о стране и народе, сколько о своем реноме.

И все же я чувствовал, как состояние дел все больше угнетало Михаила Сергеевича. Реальное положение в экономике с 1988 года, с начала широких экспериментов, становилось все хуже. За словами не последовали реальные дела, Политбюро, партия, люди видели, что кредит доверия иссякает. Понимал это и Горбачев. Его самолюбие было уязвлено. Стараясь поправить дело, он мечется в поисках чуда, выдвигает все новые и новые методы достижения целей. В этот период ему начинают подсовывать предложения, как говорили, апробированные во многих странах. Сначала это был путь Венгрии, затем Швеции и Австрии.

Само по себе ничего плохого в этом нет. Капитализм с успехом перенял у социализма очень многое. Но у нас трудно использовать чуждые механизмы управления, не осуществив глубоких перемен в системе в целом. Поэтому выхватывание из системы отдельных методов обеспокоило хозяйственников, увидевших в этом причину разбалансировки экономики.

Не добившись успехов в экономике и рискуя потерять власть, Горбачев, чтобы устранить хозяйственников, партийных руководителей, не согласных с его линией, начал поспешную подготовку Демократизации» на производстве. Сначала было предложено избрать директоров заводов, руководителей предприятий, что дало возможность избавиться от части строптивых хозяйственников.

Затем Горбачев предложил ударить по «штабам» и расправиться с непослушными организаторами экономики в партии и государстве, поменять чиновничество в аппаратах управления всех уровней. Но и замена не принесла успеха.

Это испугало Горбачева, он понял, что партия, ЦК насторожились, и генсек сник. Он уже не мог пользоваться прежними методами работы, ибо тогда ждать перемен вообще не приходилось. Но и постепенного перехода на рыночные рельсы Михаил Сергеевич остерегался. Колебания стали сутью его политики в 1988–1991 годах. У него не хватало смелости двигаться ни вперед, ни назад. И эта неуверенность отталкивала от него многие радикальные силы, но не объединяла и те, что стояли на старых позициях. Не видя определенности, продвижения по пути перемен, руководители партии во всех звеньях перестали доверять Горбачеву. Они поняли, что с ним при его склонности к зигзагам и маневрированию можно прийти в никуда. Отхлынула от генсека и демократически настроенная публика. Это была трагедия Горбачева, но это была и трагедия партии, всего нашего народа. В конце концов он остался один, презираемый его партией, насмехающейся над ним демократической частью общественности, и лишь поющий ему «аллилуйя» Запад, не забывший, что сделал для него Горбачев, всячески поддерживал экс-президента.

Все эти события произойдут еще через четыре года. А тогда подходы к перестройке всех структур общества еще только вырабатывались.

Истоки

…Минует еще один день и еще ночь. И все повторяется снова. Я почти не замечаю своих сокамерников и не сразу осознаю, что одного уже нет. Его перевели куда-то еще. Второй парень, Дима, два с лишним года доказывающий свою невиновность, был интеллигентен и приятен, старался помочь, видя мое состояние, и делал все, что можно, отстаивая мои права.

— Здесь бороться не будешь — пропадешь, — говорил он. — Это ведь выдумки насчет презумпции невиновности. Все знают, что ты преступник, и относятся к тебе, как к убийце, насильнику, врагу народа. Поэтому не давай себя в обиду. Защищать тебя некому.

… К. У. Черненко еще только разворачивал предвыборную кампанию за место депутата Верховного Совета СССР от Москвы, а аналитики посольств и спецслужб западных стран уже докладывали, что дни его сочтены, и называли возможных претендентов на пост Генсека. Среди них был и Горбачев, хотя и не на первом месте. Впереди стояли более опытные и умудренные политики. Но как только на небосклоне реально засияла звезда Горбачева, он стал объектом самого пристального их внимания. Тщательно рассматривался не только его моральный облик, но и склонности, работоспособность, здоровье, образование, профессиональная подготовка, семейные отношения, сильные и слабые стороны.

Когда новый генсек начал энергично, раскованно, с очаровательной улыбкой завоевывать умы и сердца людей у нас и за рубежом, руководители западных стран, журналисты интересовались: где вырос Горбачев, откуда он вышел на вершины, определяющие кремлевскую политику? То ли это была похвала тем местам, где родился, жил и трудился крестьянский сын, то ли самому Горбачеву, сумевшему подняться, окрепнуть и засверкать в далекой ставропольской степи где-то на границе с Ростовской областью.

Что же сформировало характер, нравственные позиции, определило работоспособность и методы действия Горбачева?

Десятилетний период работы с ним позволяет мне сделать ряд выводов, тем более что и сам генсек говорил о том, что способствовало формированию его характера, становлению как политического лидера. Прежде всего надо сказать о том генетическом наследии, которое досталось Михаилу Сергеевичу от двух пересекшихся линий — черниговских Гопкало по матери и воронежских Горбачевых по отцу, чему он придавал большое

значение. Трудно судить, что стало с предками этого семейства, но известно, что деды прожили трудную, временами трагическую жизнь, стояли у истоков колхозного движения и конфликтовали с советской властью. Все это, несомненно, сказалось на характере Михаила.

Дед его по отцовской линии Андрей Моисеевич был человек угрюмый и нелюдимый, яростно выступавший против всякой ликвидации частного хозяйства и сопротивлявшийся обобществлению производства, созданию колхозов. Видимо, это неприятие новой жизни и привело его в ссылку, по одним сведениям, — на лесоповал, где он несколько лет валил сибирские кедры и пихты, по другим — на Магнитку. Вернувшись в родные края, он замкнулся, оставаясь таким же нелюдимым и упрямым, работал на фермах вдали от села и родных.

Совсем иным был его дед по матери — Пантелей Ефимович. Новая власть пришлась ему по душе, позволила раскрыться таланту организатора и краснобая. Всю свою энергию он употребил на организацию колхозной жизни. Но в 1937 году был арестован и больше года провел в тюрьме, однако вскоре его освободили, восстановили в партии и вновь избрали председателем колхоза. Война разметала семью. Отца, работавшего механизатором в МТС, призвали в армию, дед Пантелей подался с колхозным стадом в предгорья Кавказа, а дед Андрей остался в селе.

Михаил Сергеевич часто вспоминал те тяжелые годы, но не очень любил говорить о том, как останавливавшиеся в их доме оккупанты заставляли готовить для них пищу, и Михаилу приходилось часами ощипывать гусей, уток и кур для стола гитлеровцев. О зверствах фашистов Горбачев не говорил, а вот то, что сотрудничавший с немцами калмык выстегал его нагайкой, врезалось в его память, и он часто вспоминал этот недружественный акт по отношению к будущему президенту СССР.

Михаил наследовал от дедов и родителей противоречивый характер. В нем сочетались неуверенность, мягкость, дар организатора и краснобая, крестьянская сметливость и скаредность. Даже в должности генсека он не мог отказаться от любого подношения.

В крестьянской семье Горбачев вырос трудолюбивым и работоспособным. Природой ему была дана светлая голова, отличная память и немалая хитрость, которая с годами была доведена до высот совершенства, хотя для тех, кто знал его ближе, комбинации, изобретаемые им, были довольно просты, легко разгадывались. Что больше всего поражало — так это

умение не просто обыгрывать противника, а стараться создавать беспроигрышную ситуацию при любом обороте дела. И разобраться в этих хитросплетенных комбинациях новому человеку было довольно сложно. Он умел навязывать оппоненту линию беседы, свою позицию и ставил того в положение обороняющегося.

Эту черту характера Горбачева раскусили помощники Рейгана еще при встрече в Женеве и всячески советовали американскому Президенту не принимать навязанный Горбачевым план бесед, перечень вопросов для обсуждения, уходить от них на переговорах, либо чаще менять темы. Совершенства подобная тактика достигла у Горбачева на посту генсека, но корни ее, безусловно, тянулись вглубь, закладывались в период политического возмужания в годы работы на Ставрополье.

Уже в детские и юношеские годы в Горбачеве чувствовался лидер. В школе он возглавил пионерско-комсомольскую организацию, верховодил во всех юношеских мероприятиях, участвовал в самодеятельности и сам выступал со сцены. Вспоминая тот период, Горбачев сказал, что однажды сорвал в школе занятия, выведя всех учащихся на встречу воды, пришедшей по каналам в выжженную солнцем степь. Для тех засушливых мест вода — событие неординарное. Вот почему срыв занятий сошел ему с рук, ибо его политическое чутье, возможно, уже тогда было выше, чем у школьных учителей, не догадавшихся отметить это мероприятие, имевшее в то время не только хозяйственное, но и политическое значение. Прощалось многое Горбачеву еще и потому, что был он отличником, учеником-общественником, а в последующие годы и добрым помощником отца, работавшим в машинно-тракторной станции, которая выполняла все механизированные работы на колхозных полях.

Как и многие в тех местах, Горбачев рано начал трудиться в поле. Впрочем, это было характерно для тех трудных военных лет: деревня обезлюдела. Война нанесла серьезные раны селу. Оставила она глубокий след и в характере Михаила. Он часто вспоминал о той поре, рассказывал, как прятался на дальних фермах от угона в фашистскую Германию. Конечно, это были не те зверства, которые немцы чинили в Белоруссии и многих западных российских районах, но и они оставили свою метину в характере Горбачева.

В послевоенные годы, помогая отцу на комбайне, Михаил смог завоевать признание не только среди сверстников. В свои 16 лет он получил правительственную награду — орден Трудового Красного Знамени — как помощник комбайнера. В трудные

военные годы еще до возвращения отца из армии на нем лежала посильная забота и о хлебе насущном, так что трудовая закалка была довольно солидная и проверялась возможностью выжить в пору голода, разрухи и разорения.

Неплохие наследственные качества, закрепленные тяжелыми условиями военной поры, стали той стартовой площадкой, с которой он поднялся, как говорится, выше собственной крыши.

Серебряная медаль, полученная им за хорошие знания, позволила Мише выбирать учебное заведение по душе. Из того, что рассказывали о нем ставропольчане, Раиса Максимовна, сам Михаил Сергеевич, можно сделать выводы, почему он избрал именно специальность юриста, хотя применять свои знания в этой области не захотел. Сначала он мечтал о профессии железнодорожника и даже готовился учиться в ростовском вузе. Транспорт под опекой Кагановича был в ту пору государством в государстве. Здесь платили хорошие деньги, давали форму. Железная дорога имела свои магазины, поликлиники, санатории, предоставляла многие другие социальные блага. Она лучше других обеспечивала жильем. Однако домашние посоветовали ехать учиться в столичный университет. Это был добрый совет. В ту пору в печати много писалось о строительстве нового здания МГУ на Воробьевых горах. В газетах и журналах публиковались снимки макетов нового здания, рассказывалось о великолепных условиях жизни студентов.

В общем все сходилось на том, что надо поступать в МГУ, но на какой факультет? Почему молодой абитуриент выбрал юрфак? Что бы *яг* говорили по этому поводу, но кто помнит ту пору, хорошо знает, что кроме МИДовского института международных отношений, куда из-за незнания языка Миша поступить при всем желании не мог, престижной считалась работа в правоохранительных органах — МГБ, МВД, прокуратуры. Да и впечатляюще — перед всесильными органами внутренних дел и прокуратуры в те времена люди робели. Их работники кроме всего прочего носили форму не хуже, чем железнодорожники.

Разумеется, ничего предосудительного в желаниях крестьянского паренька выбиться в люди нет. Молодости свойственно сначала видеть форму, а потом содержание. И Миша поступил на юридический факультет. Начиналось его триумфальное шествие на студенческом уровне.

Правда, своей будущей профессией Миша восхищался сравнительно недолго. Проходя практику в прокуратуре своего родного района, носившего в ту пору имя В. М. Молотова, Горбачев столкнулся с серыми буднями следственного работника, участвуя в допросах мелких нарушителей законов, составляя

протоколы, оформляя различные дела. Это несколько поумерило пыл и помогло понять, что прямой путь — не самый ближний к цели. Но значимость своей должности он все еще ощущал зримо. А потому писал нежные письма любимой почему-то на бланках районной прокуратуры. Так что отношения с Раисой Максимовной были поставлены с самого начала на прочную правовую основу.

Кстати, желая проиллюстрировать теплоту чувств супруга, Раиса Максимовна решила обнародовать этот исторический документ, попросив снять с него ксерокопии. Я тогда посоветовал закрыть штамп, свидетельствующий об «использовании государственной собственности в личных целях», полагая, что даже начинающему юристу было ясно, что так делать во всяком случае некорректно. По существовавшим в ту пору законам это грозило крупными неприятностями, а сегодня выглядит смешно. Но то ли Раиса Максимовна не поняла иронию, то ли сочла, что за давностью совершенного Михаил Сергеевич наказания уже не понесет, но она отвергла мое предложение, полагая, наверное, что из песни слова не выбросишь. Так эти штампы молотовской прокуратуры на письме будущего юриста Горбачева и красуются в книге Раисы Максимовны, написанной прозаиком Георгием Пряхиным и носящей загадочное название «Я надеюсь…». На что надеялась Раиса Максимовна в период выхода произведения летом 1991 года, сказать трудно.

Отправляя письмо в столицу на официальном бланке, практикант добросовестно заполнил штамп прокуратуры, аккуратно, как учили, выведя число — 20 июня 1953 года.

Это было время низвержения Л. П. Берии, краха существовавшей в ту пору всей правоохранительной системы. Страна нуждалась в незапятнанных свежих силах в госбезопасности, Министерстве внутренних дел, прокуратуре. Перспективы у выпускников открылись огромные. Правда, на работу в МГБ Мишу в ту суровую пору вряд ли бы взяли. Он находился на оккупированной территории, имел репрессированных родственников.

В те годы пребывание на оккупированной территории было большой помехой в продвижении по службе. Когда одного из заместителей заведующего отделом ЦК КПСС уже в 1986 году обвинили в том, что его отец в годы войны якшался с немцами, Горбачев распорядился немедленно убрать его из аппарата ЦК. И этого работника перевели на иную работу, несмотря на то что генсек в течение многих лет лично знал его, пользовался его помощью. Узнав о несправедливом решении, я и Анатолий Павлович Лущиков, помощник генсека по вопросам сельского

хозяйства, пришли к Горбачеву с просьбой отменить несправедливое решение. Мы многие годы знали этого товарища и говорили Горбачеву, что обвинение не доказано, что сам сотрудник ЦК был в 10—12-летнем возрасте и не может нести ответственности за действия родственников. Но Горбачев был непреклонен. В течение года я еще несколько раз бесплодно обращался к генсеку, звонил руководству КГБ, чтобы проверили факты. В конце концов выяснилось, что отец этого сотрудника был оставлен для подпольной работы в тылу и действовал, как мог, для нашей победы. Но люди, давшие ему задание, погибли или уже умерли, и правду пришлось добывать, роясь в архивах, доступ в которые был непрост. Результаты проверки я доложил Горбачеву и внес предложение восстановить человека в прежней должности. Но генсек уже, как говорится, «закусил удила»:

— Ты кончай мне руки выкручивать. Решение принято. Он в новой должности, и не вижу причин возвращаться к старому делу.

Только приход в ЦК КПСС В. П. Никонова, члена Политбюро, разрешил эту проблему. Не знакомый с тонкостями политеса, Виктор Петрович узнал у меня подробности дела и утвердил снова на работе в ЦК оклеветанного человека, которого тоже знал многие годы, с чем молча вынужден был согласиться Горбачев. Так что Горбачев хорошо разбирался, что значит иметь под подозрением родственников и жить на оккупированной территории.

Наверное, и тогда, в середине 50-х годов, он, поближе познакомившись со столичными и государственными порядками, понял, что с его биографией особой перспективы на стезе правоохранительного дела ему не видать. Его не востребовали в органы госбезопасности, зато как коммуниста и отличника рекомендовали для работы в Генеральной прокуратуре СССР, где в ту пору шла массовая замена скомпрометировавших себя в сталинский период работников. Но и здесь неудача постигла его, возможно, по тем же причинам. В Генеральной прокуратуре места для него не нашлось. Неудача оставила на сердце Горбачева довольно внушительную ссадину, ибо слишком часто он даже в качестве генсека возвращался к этой, на мой взгляд, малозначащей истории. И однажды сказал, что где-то в середине 70-х годов его прочили в генеральные прокуроры СССР, но он будто отказался.

Юному юристу предстояло возвращаться в родные места. Да и в этом ему повезло, так как выпускники вузов в ту пору направлялись в восточные районы страны, нередко туда, где еще строились города, обживались целинные земли. Как коммунисту, комсомольскому вожаку, ему, конечно, больше бы подходил

какой-то отдаленный район страны. Но, видимо, уже тогда Бог был на стороне Михаила, и вместо Красноярского или Целинного краев он оказался на Ставрополье.

Приехав на родину, Михаил обнаружил, что и здесь его особенно не ждали, приличной должности в краевом центре не подготовили, а на периферию ехать и закапывать свой талант и большие разносторонние знания смысла не имело.

Московский университет дал Горбачеву нечто большее, чем юридические знания, — здесь он опробовал силы как политический боец молодежного движения, и эта возможность лидировать среди студентов, конечно же, была заманчивой, удовлетворяла те тщеславие и амбиции, которые у него, как у немалой части молодых, были весьма сильны. Именно в университете он познакомился со многими способными людьми, чьи идеи в последние годы овладели умами общественности. Там, кстати, он сдружился со своим однокашником Зденеком Млынаржем, в последующие годы одним из руководителей компартии Чехословакии, а после 1968 года диссидентом и эмигрантом. Зденек гостил у него в Ставрополье, что по тем временам, я думаю, требовало мужества от Горбачева, пригласившего иностранца. Это была довольно прочная дружба, и о ней Горбачев вспоминал всегда с неподдельной теплотой. Особенно часто он говорил о днях смерти Сталина, потрясшей в ту пору не только нашу страну, но и братские страны социализма.

— Что же теперь со всеми нами будет, Мишка? — спрашивал Млынарж, — ведь пропадем.

Впрочем, пропасть им не пришлось, хотя пути и взгляды на социализм временно разошлись. Прежняя дружба сменилась похолоданием в период «пражской весны», разделившей их по разные стороны баррикад. Горбачев по-прежнему отстаивал верность традиционной коммунистической модели, Млынарж перспективу видел в другом и покинул Чехословакию, но открытого разрыва между ними не было.

После восхождения Горбачева на пост генсека З. Млынарж опубликовал в одной из итальянских газет статью о новом лидере советской компартии. Горбачев хранил эту газету. Однажды, достав ее, он заговорил о Млынарже, вскользь бросив, что они дружили. Горбачев еще раз пробежал перевод статьи и сказал, что ничего плохого, в ней о нем нет. Вскоре дружба возобновилась, Млынарж нередко бывал у Горбачева, давал советы, в том числе и такие, что нельзя быстро ломать сложившиеся структуры. Трудно сегодня говорить, какое влияние оказал этот человек на Горбачева за все годы их знакомства. Но то, что это влияние было, вопрос несомненный.

Общественная работа в МГУ дала возможность расширить круг знакомств Горбачева, приобщиться к деятельности университетской молодежной элиты, и это было с точки зрения будущего крайне полезное дело, позволявшее видеть механизмы восхождения к власти пусть на комсомольском, но столичном уровне.

Вкусивший прелести столичной жизни Горбачев беспокоился по поводу неопределенности в своей судьбе. Молодого юриста это волновало теперь вдвойне. В сентябре 1953 года он женился на Раисе Титаренко, студентке философского факультета МГУ, и думать надо было о работе и для нее. Поскольку достойного места в краевой прокуратуре никто не заготовил, вполне возможно, что его ждало захолустье. А это не входило в планы молодого специалиста, вполне обоснованно гордящегося своим московским дипломом. Горбачев давно понял, в какие двери надо стучаться, чтобы не ждать милости от судьбы. Нравы в ту пору в партийных органах были не те, что в середине 70-х годов, и его не только сразу приняли и выслушали в крайкоме, но и помогли Михаилу сменить профиль работы. А хотел он потрудиться на общественном поприще в качестве комсомольского функционера, где, как считал, имел большой столичный опыт. И верно, московский опыт у ставропольских комсомольцев был в дефиците.

Судьба еще раз улыбнулась Горбачеву, и его сразу утвердили заместителем заведующего отделом пропаганды крайкома ВЛКСМ. Это была должность, которая даже для выпускника Московского вуза считалась весьма солидной.

Горбачев с головой окунулся в круговерть комсомольской жизни. Та пора оставила в его душе много добрых воспоминаний. Нередко вечерами уже в должности генсека он вспоминал эти годы, рассказывал, как мотался по станицам, проводил собрания, организовывал диспуты и ответы на вопросы. Время тогда было необыкновенным. Начиналась оттепель. Повсюду царил оптимизм. Страна расправляла плечи, быстро развивалась промышленность, улучшалось дело на селе, возводились новые города, создавались научные центры. В небо взмывали ракеты, советские люди осваивали космос, время рождало таланты. Физики и лирики, лишенные возможности трудиться в «комках», спорили о величии мироздания, о значимости духовного и материального.

Свежие ветры перемен докатились и до степей Ставрополья. И в этой круговерти Горбачев был на своем месте как организатор, пропагандист, трибун-трубач. Само время двигало его по кабинетам и коридорам ставропольской власти, пока

весной 1970 года он не оказался на вершине той пирамиды, с которой хорошо просматривался Московский Кремль.

И вот тут надо сказать еще об одном, как говорил Горбачев, судьбоносном факторе.

Трудно сказать, как бы сложилось будущее Михаила Сергеевича, если бы в его жизни не появилась Раиса Максимовна. Может показаться удивительным, но позиция, характер жены сыграли определяющую роль в судьбе Горбачева и, полагаю, в значительной мере в судьбе партии, всей страны.

Раиса Максимовна — человек с твердым, жестким и властным характером — умела подчинять своей воле других, добиваться желаемого всеми силами и средствами. Она быстро стала первой дамой страны, во всяком случае значительно быстрее, чем М. С. Горбачев по-настоящему почувствовал себя лидером партии и государства. Не стесняясь, звонила и давала поручения помощникам генсека и некоторым членам руководства страны, особенно тем, кого знала. Как полновластная хозяйка, Раиса Максимовна немедля взяла на себя функции лидера и организатора созвездия супруг руководителей партии. Заняла руководящий пост в союзном фонде культуры, а по существу, была его лидером. По ее поручениям во многих структурах и органах культуры, массовой информации устанавливались правительственные телефоны. Связью на уровне генсека была оборудована и ее машина, машины сопровождения охраны КГБ.

Довольно скоро Раиса Максимовна установила и контакт с супругами жен дипломатического корпуса страны, дав им прием по случаю 8 Марта. Однажды где-то около 12 часов ночи позвонил М. С. Горбачев. Я был еще на работе. В позднее время он часто звонил и давал поручения по самым неожиданным вопросам, которые приходили ему в голову после вечерней прогулки с Раисой Максимовной. На этот раз речь шла о решении по поводу проведения приема в связи с праздником 8 Марта. Его должна была дать Раиса Максимовна. Организацией мероприятия занимались МИД и международный отдел ЦК. Решение такое было, но оформлено оно Секретариатом ЦК. Горбачев попросил переделать его в постановление Политбюро и дать делу нужный ход. Отделы ЦК сделали это. Вскоре постановление вышло и в ту пору имело силу больше любого закона.

Прием состоялся где-то в начале марта в одном из государственных особняков на Ленинских горах. Съехались на него жены руководства, послов, некоторых высокопоставленных или приближенных деятелей партии и государства, а также известные актрисы, дамы из сфер культуры, искусства, науки. Церемония эта, по мнению многих участниц, выглядела

впечатляюще. Чтобы подойти и поздравить генсекшу с праздником, пожать протянутую руку, выстроилась длинная очередь дам. Первая дама выглядела довольно чопорно, внимательно, наметанным глазом оценивала дамские туалеты и драгоценности, в чем, несомненно, хорошо разбиралась. Затем дамы прошли к столам, уставленным разнообразной снедью, и терпеливо выслушали поздравительную речь. Приемы в ту пору были довольно пышными и обильными, с привлечением известных артистов. Все это обходилось в немалую копеечку казне, но денег никто не считал. Дамам дарились на приемах цветы и какие-то сувениры.

Знаю, что для многих они были тягостны и шли на них, дабы не обидеть первую леди, которая, как быстро поняли дамы, имела хорошую память; да и списки, где отмечались присутствующие, могли всегда напомнить о том, кто не уважил супругу генсека. Для меня они были тягостны главным образом тем, что Раиса Максимовна за несколько месяцев до мероприятия просила подготовить ей выступление. У нее был свой помощник, хотя он и числился в аппарате генсека, но чем-то его перо не устраивало Раису Максимовну. Заказчица она была капризная и привередливая, не стесняясь, могла отчитать за показавшееся ей упущение в тексте или подпустить колкость. Я лишь позже понял, что эта критика была рассчитана на то, чтобы показать необходимость переработки речи. Так позже случилось с писателем Г. Пряхиным, работавшим консультантом у М. С. Горбачева и получившим поручение написать книгу Раисы Максимовны. Супруги наперебой ругали его за неумение писать, за наивность, политически узкий кругозор и необходимость за него все переделывать. Но, насколько я помню, книга вышла такой, какой ее подготовил Г. Пряхин, хотя какие-то поправки наверняка делало и семейство. Когда позже я предложил Г. Пряхина главным редактором новой газеты под названием «Красная площадь», которую хотел выпускать Горбачев, он напрочь отвел его кандидатуру, как человека, по его мнению, недальновидного. Не согласился он утвердить его и заместителем главного редактора, что меня еще более озаботило, так как мы с Георгием уже подбирали людей, формировали структуру газеты, ее основные направления.

По своему образованию, опыту работы преподавателя в высшем учебном заведении, где Раиса Максимовна читала курс марксистско-ленинской философии, она была преданной сторонницей коммунистического мировоззрения, не раз отстаивая, в том числе публично, свои убеждения. Этому она учила и сотни студентов, воспитывая их в духе верности

марксизму-ленинизму. Как говорил Михаил Сергеевич о своей семье, где все, разве кроме малолетних внучек, являлись преданными членами КПСС, Раиса Максимовна возглавляла «нашу домашнюю партийную ячейку». И не только возглавляла, но и была ее душой и идеологическим знаменем. И определяла политику не только на уровне домашней партячейки, но и, принимая какие-то решения, добивалась, чтобы член домашней ячейки М. С. Горбачев проводил выработанную линию на уровне всей Компартии Советского Союза. И это не слишком большое преувеличение.

Мне приходилось быть свидетелем, когда Раиса Максимовна изо дня в день настойчиво и неуклонно повторяла одну и ту же овладевшую ею идею и в конечном счете добивалась от супруга своего. Из-за своего довольно мягкого характера, неспособности настоять на своем, Горбачев часто находился под влиянием решений супруги. Иногда я был свидетелем зарождения той или иной идеи у Раисы Максимовны. Нередко она апробировала на мне ее «проходимость».

Бывало это так. Я знал, что по некоторым вопросам Горбачев готовил решение, подсказанное жизнью, поддержанное советниками или членами Политбюро. Но проходило время, и его точка зрения менялась. Я неожиданно слышал от генсека аргументацию в пользу какого-то нового подхода, которая мне была уже известна из разговора с Горбачевой. Так порой формировалось мнение генсека-президента не только о тех или иных выступлениях в печати, позициях газет, журналов, радио, телевидения, но и о людях, их способностях и возможностях.

Не хочу называть имена общественных и политических деятелей, некоторых министров, которые обязаны своим назначением Раисе Максимовне, о чем эти люди, видимо, могут и не знать. Но они все держали суровый экзамен на личную преданность и исполнительность.

Р. М. Горбачева не только проводила свою линию, но и требовала к себе соответствующего внимания и организации необходимых мероприятий во время ее поездок с мужем.

— Нет, вы послушайте, что сказала мне жена первого секретаря обкома партии, — жаловалась Раиса Максимовна во время пребывания в Куйбышеве. — Она меня должна была сопровождать в поездке по городу, но сказала, что не может, так как ей не с кем оставить собаку. Вы понимаете, что это значит?

Мы посмеивались, гадая, то ли это была реакция на непопулярность поездок жены генсека по предприятиям и организациям, то ли привязанность к песику, то ли непонимание, кто соблаговолил приехать в область. Во всяком случае, многие,

узнав об этом инциденте, не завидовали Е. Ф. Муравьеву, бывшему тогда первым секретарем обкома КПСС, человеку, не слишком обремененному идеями, измотанному непосильной работой и теми наскоками, которые уже начались в то время на первых руководителей областей. Скоро он ушел с этого поста.

Проблемами марксистско-ленинской идеологии Раиса Максимовна занималась довольно основательно, и с ее мнением не считаться было нельзя. Это возрастающее влияние супруги чувствовали и многие общественные и политические деятели, творческая интеллигенция. Я знал, что она принимала активное участие в деятельности некоторых театров, ряда других учреждений культуры.

О ее влиянии на политику в этой сфере знали многие и нередко использовали супругу генсека для решения своих, подчас личных и шкурных вопросов.

Поэты, артисты, художники, руководители общественных организаций писали на имя Горбачевой письма-просьбы, жаловались на свою судьбу и просили помочь не только музеям, школам, библиотекам, но и лично им в издании своих работ, улучшении жилья. И что удивительно: вопросы, обращенные к Р. М. Горбачевой, решались быстро и так, как хотели авторы. Во всяком случае, большинство таких просьб находило положительное решение. Где не хватало пожеланий Раисы Максимовны и ее звонков, следовала резолюция генсека, исполнявшаяся с большой пунктуальностью.

Становилось все более очевидным, что супруга генсека — это не просто его советник или вариация теневого кабинета. Нет, это была самостоятельная политическая фигура, которая не только в зарубежных поездках, но и у себя дома занимала сильные позиции, потеснив многих лидеров партии и государства. И с этим не считаться было нельзя.

Теперь во время многочисленных поездок по стране Горбачевы вместе возлагали цветы и венки к различным монументам и памятникам, даже если это не предусматривалось протоколом. Поездки требовали широкого освещения в средствах массовой информации, и люди это тонко улавливали. Они видели с экранов телевизоров не просто супругу генсека, но и политического деятеля, чей голос приобретал все большую самостоятельность. Ее постоянно сопровождали люди из службы охраны и МИД. Она бесцеремонно распоряжалась ими, средствами связи и самолетом президента. Это хорошо понимали и зарубежные деятели и удивлялись ее поведению.

Нэнси Рейган, рассказывая о встречах с Р. М. Горбачевой, обратила внимание на ее нравоучительную манеру разговора и

барское отношение к тем, кто окружал ее. За те короткие минуты встреч Нэнси Рейган поняла ее манеры и характер. Раиса Максимовна предстала перед ней как человек, который хочет поведать миру нечто необыкновенное. «Если я нервничала перед первой встречей с Раисой Горбачевой, — вспоминает Нэнси Рейган, — а я нервничала, то она, должно быть, нервничала еще больше перед встречей со мной. Я не знала, о чем буду говорить с ней, но скоро выяснилось, что это не имеет никакого значения. С первой минуты она сама говорила, говорила — так много, что мне едва удавалось вставить словечко. Быть может, это было от неуверенности, которую она испытывала, но после почти дюжины наших встреч в трех разных странах основное впечатление, которое осталось у меня от Раисы Горбачевой, — что она никогда не перестает говорить.

А точнее сказать, читать лекции. Иногда темой был триумф коммунистической системы. Иногда — советское искусство. А чаще всего марксизм-ленинизм. Один или два раза она даже прочла мне лекции о недостатках американской политической системы.

Я к этому не была. готова, и мне это не понравилось. Я предполагала, что мы будем говорить о личной жизни: о мужьях, детях, о трудностях существования на виду у всех или, наконец, о наших надеждах на будущее. Я хотела рассказать Раисе о нашей программе борьбы с наркоманией. Но как только я начала, она быстро сменила тему, заявив, что в Советском Союзе проблемы наркомании не существует. Ой ли?

В тот первый раз в Женеве, придя на чай, она поразила меня тем, что явно хотела казаться женщиной, чье слово — закон. Ей не понравился стул, на котором она сидела, — она щелкнула пальцами. Охранники из КГБ тут же подали ей другой. Я глазам своим не поверила. Я видела первых леди, принцесс, королев, но никогда не видела, чтобы кто-то из них вел себя подобным образом». [2]

По-моему, Нэнси Рейган в данном факте уловила и выразила суть человека. Это горькие слова о сути характера и нрава экс-президентши экс-СССР. На них можно было бы и обидеться. Но не из того теста замешена эта чета, чтобы не подавить до поры до времени в себе обиду. Раиса Горбачева проглотила этот укор и во время майской поездки в 1992 году Горбачевых в США нежно держала руку Нэнси Рейган в своей, как это делают у нас октябрята, переходя через улицу.

Несмотря на внешнюю привлекательность нарядов Раисы Максимовны, большинство населения почему-то неприязненно относилось к ней. Может быть, люди интуитивно чувствовали, кто

в действительности командует в государстве. И свое отношение они выражали в многочисленных письмах. Поток их нарастал. Если поначалу приходили отдельные письма с выражением недоумения по поводу необъяснимого поведения супруги генсека, то скоро об этом стали писать уже секретари парткомов разных уровней, а то под ними подписывались целые партийные организации подчас крупных заводов, а иногда и районов.

Знал ли Горбачев об этой почте, понимал ли, что это наносит урон его авторитету, причем урон непоправимый? Насчет того, что понимал, могу лишь догадываться. Но то, что знал о таких письмах — несомненно.

О них начал докладывать Горбачеву еще А. И. Лукьянов, будучи заведующим Общим отделом ЦК.

— Ты знаешь, я решил показывать все, — делился Анатолий Иванович. — Мне нечего терять, кроме своих запчастей, — шутил он.

Тогда Лукьянов не знал, что терять можно и кое-что еще, скажем свободу. Но не знал этого и я и тоже добросовестно докладывал почту подобного содержания. Однажды она столь взволновала и даже напугала Горбачева, что он при мне соединился с Громыко и сказал:

— Андрей Андреевич, хочу посоветоваться. Мне приходится часто ездить и, чтобы иметь поддержку и помощь, нужен близкий человек. Я уже привык ездить с Раисой Максимовной, но смотрю, что это вызывает поток писем с негативными откликами, причем от партийных работников. Как тут поступать?

Громыко (я представил, как Андрей Андреевич с минуту пожевал губами, формулируя мысли) начал так:

— В международной практике это дело обычное…

Но Горбачева интересовала не международная практика, и он ждал ответа.

— А внутри страны вопрос, конечно, деликатный, — медленно продолжал Громыко, но, чувствуя, что ждут от него другого, сказал:

— Если вам нужно это для дела, то поступайте, как целесообразно.

— Так вы думаете, ничего тут предосудительного нет? — с надеждой вопрошал генсек.

— Конечно, полагаю, можно продолжать сложившуюся практику, — неуверенно рассуждал Громыко.

Горбачев облегченно вздохнул и вернул мне письма. Что с такими посланиями делать дальше, я не знал и потому добросовестно подкладывал их в почту генсека, но очень боялся, чтобы они не попали случайно на дачу и тогда не дай Бог… Тут я

был солидарен с теми, кто страшился ее гнева.

Совместные поездки четы продолжались, приобретая все больший размах и помпезность. Скоро Р. М. Горбачева сказала, что требуется специальная карта мира, на которой следует отмечать страны, которые она посетила. Я не знал, где добыть такую карту, и позвонил картографам. Ященко, возглавлявший эту службу, обещал помочь и со временем, по-моему, исправно прокладывал маршруты поездок по нашей стране и миру. От Москвы в столицы зарубежных государств и в республики, края и области страны на карте протянулись красные линии. Москва все больше напоминала солнце, лучи от которого распространялись всюду. Горбачевы посетили столько стран, сколько не посетили все генсеки, вместе взятые.

Для многочисленных поездок по стране, за рубеж, да и в пределах Москвы для супруги генсека потребовалась специальная охрана КГБ. Ей предлагались разные варианты, но они ее не удовлетворяли. Парней, что оберегали семью до избрания М. С. Горбачева генсеком, выгнали в один день — не годились. То ли много знали, то ли имели иные недостатки, но генсек мне сказал:

— Обленились, едва поспевают за мной на прогулках, да и привыкли к старым порядкам. Велел Ю. С. Плеханову заменить всех. Кстати и врача тоже.

Хорошо зная этих сильных парней, добросовестно несших службу, не могу согласиться с таким объяснением. В службе охраны при смене генсеков всегда был изрядный переполох. Начальник 9-го управления КГБ подчинялся непосредственно генсеку, получал от него все поручения и неукоснительно их исполнял, иногда ставил об этом в известность председателя КГБ. А с приходом Горбачева переполох был особый — для его личной охраны требовались новые люди — молодые, рослые здоровяки. Таких спешно подбирали. И в большинстве своем это были квалифицированные, смелые и надежные офицеры, по своему опыту не уступавшие никакой службе безопасности, охранявшей руководителей других стран. Только с охраной Раисы Максимовны вышла заминка. Ей понадобился кроме общей охраны адъютант, который был бы всегда при ней. То, что предлагалось, — не устраивало супругу генсека. Пришлось искать человека по всем службам КГБ страны. Не сразу, но разыскали в Сочи симпатичного парня с высшим образованием. Однако продержался он всего несколько месяцев и был изгнан без объяснений — не угодил первой леди. Да и немудрено. Ей не могли угодить многие повара, горничные, уборщицы, которых на даче Горбачева меняли бессчетное количество раз еще до избрания его генсеком. Все они, поскольку носили погоны,

растекались по дачам других членов Политбюро и не скрывали правду о нравах семьи Горбачева. Когда такие слухи дошли до работников аппарата ЦК и Совмина, а потом достигли навостренного уха московских обывателей, я не выдержал и, вопреки своим правилам, при удобном случае сказал Михаилу Сергеевичу, что частая смена обслуживающего персонала не на пользу его авторитету и надо бы как-то этот вопрос отрегулировать. Он все понял, но промолчал.

Не думаю, что мои увещевания могли оказать сколь-нибудь сдерживающее влияние на норов супруги, но с избранием М. С. Горбачева генсеком для дворовых кончился и Юрьев день: бежать было некуда, да и опасно. Впрочем, для обслуги установили и оклады на уровне академиков. Оставалась только одна трудность. Раиса Максимовна старалась подбирать в прислуги не самых симпатичных и молодых девчат, видимо имея для этого какие-то основания. Такая «кадровая» политика ставила начальника охраны в безвыходное положение. Мне не раз приходилось слышать:

— Это где же я им столько дурнушек-то наберу? Ведь к нам всегда зачисляли девчат симпатичных. А заново учить, звания присваивать времени-то сколько надо.

М. С. Горбачев, разумеется, знал о всех причудах супруги, но не мог противостоять ее всесокрушающей энергии.

Я уже говорил, что со временем Раиса Максимовна стала постоянным участником подготовки материалов к съездам и конференциям партии. Полагаю, она просматривала и другие материалы, высказывала свои замечания и пожелания. Иногда я чувствовал, как неудобно Горбачеву, когда редакция двух членов Политбюро ЦК

— А. Н. Яковлева и В. А. Медведева — отвергалась потому, что супруга вносила коррективы в тексты, и Михаил Сергеевич как-то старался сгладить эту трудность. Яковлев при этом негодовал и тихо что-то шептал, изредка поглядывая на меня, Медведев крутил головой, ища сочувствия и стараясь отстоять свою редакцию. Но все было напрасно. «Домашняя» редакция оставалась, особенно если это касалось вопросов идеологии и культуры.

В общем Раиса Максимовна на протяжении многих лет правила не только домашним хозяйством, но и всем балом перестройки. Она участвовала в формировании политики, где это, разумеется, было возможно, и расстановке кадров. Но главное — она формировала характер генсека-президента, помогала ему искать путь в бурном море политических течений в надежде привести государственный корабль к намеченным целям. И это

можно оценивать по-разному: и как желание разделить ответственность, и как вмешательство в компетенцию президента, может, и с его согласия, но ограничивающее его свободу действий и власть.

Как-то Михаил Сергеевич, рассуждая об источниках формирования его как лидера партии и страны, сказал, что немалую роль в этом сыграла та социально-политическая среда, в которой он начал работать на Ставрополье. Своеобразный по своим природно-климатическим условиям край дал возможность развернуться и набрать силу многим ставропольчанам. Здесь трудились известные в нашей стране, да и не только у нас крупные предприниматели, руководители колхозно-совхозного производства, организаторы промышленности. В районах предгорья, «на водах» издавна собиралось высокообразованное общество, оставившее заметный след в культурной и научной жизни края. Здесь — корни многих замечательных писателей, художников, артистов, ученых, полководцев, руководителей партии и государства.

Трудоспособные, энергичные люди, выросшие в этих местах, где проживают представители десятков национальностей, создавали благоприятную среду для развития и роста талантливых, предприимчивых людей. М. С. Горбачев часто рассказывал о самородках, простых крестьянах, которые стали великолепными организаторами производства, делом доказали огромные возможности высокоэффективной работы. Он был признателен этим людям, научившим его многим премудростям жизни.

Большие потенциальные возможности Ставрополья, его бурное развитие в последние два десятилетия открывали хорошие перспективы для разносторонней работы руководителя. Здесь было довольно мощное сельскохозяйственное производство, размещенное в различных природно-климатических зонах: от предгорий Кавказа до сухих степей Придонья, практически от Каспийского моря до Черного. В крае возделывались почти все культуры, кроме тропических, имелись благоприятные условия для скотоводства, и прежде всего овцеводства. Строительство каналов привело на засушливую землю воду, и поливное земледелие создало условия для интенсивного и гарантированного возделывания овощных, бахчевых, кормовых и других культур.

Набирала мощь и промышленность. В последние годы в крае быстро росли современные отрасли электроники и электротехники, машиностроения. Особый размах получило здесь развитие сети санаториев и домов отдыха, крепла медицина,

приумножала традиции курортология. Естественно, в крае увеличивалась и прослойка интеллигенции, повышался образовательный уровень населения. Потенциал края давал возможность продуктивно и интересно работать.

Традиционно сильными были в крае партийная и комсомольская организации, в рядах которых состояли и работали тысячи способных людей. Энергия ставрополь-чан, их работоспособность уже давно позволяли выдвигать из их среды руководителей различных рангов для партийно-государственной и хозяйственной работы, особенно в области аграрного производства. Конечно, нельзя представлять этот регион чем-то исключительным, своеобразной кузницей кадров. В стране немало краев и областей, которые по многим позициям не уступят Ставрополью, а кое в чем и далеко превосходят.

И, наконец, не было бы Горбачева — генсека и президента, если бы он не работал в курортном крае, не стал лично известен практически всему партийному и государственному ареопагу, не получил поддержку тех правящих сил в партии и государстве, которые заметили его, поддержали и постепенно водили по должностям разного уровня. К этим силам можно отнести прежде всего Ю. В. Андропова, М. А. Суслова, Ф. Д. Кулакова, В. Н. Ефремова, некогда работавших и живших в Ставрополье.

С возрастом люди становятся разговорчивее. Все чаще они говорят о прошлом, вспоминают события, которые памятны для них и которыми они могут гордиться. Наверное, так происходит со всеми. Не был лишен этой слабости и Михаил Сергеевич. Когда его избрали генеральным секретарем ЦК КПСС, он все чаще в кругу своих приближенных вспоминал о встречах, беседах с бывшими членами Политбюро Брежневым, Косыгиным, Андроповым, Сусловым, Кулаковым, Устиновым и некоторыми другими. Причем с некоторыми из них были встречи, как правило, семьями во время отдыха руководителей партии и государства на курортах Минеральных Вод.

Как многие «курортные» секретари, он встречал, развлекал и провожал членов Политбюро и правительства. Такие встречи, конечно, носили не формальный характер. Очень часто они происходили на лоне природы, в местах предгорий и гор Кавказа, в великолепных ущельях и долинах горных рек, где имелись все условия для хорошей охоты и были возведены Е. И. Чазовым и управлением делами ЦК отличные виллы. На душистой траве скатерти уставлялись обильными закусками и разомлевшие гости расстегивали пуговицы и были откровенными и признательно-благосклонными. Именно тогда и налаживались многие связи Михаила Сергеевича с лидерами страны.

Мне приходилось видеть фотографии, где Горбачевы принимали того или иного члена Политбюро, и все свидетельствовало о раскованности, откровенности и доверии. Но были в этих поездках и щекотливые моменты. В память о пребывании на Кавказе, видимо, стало уже ритуальным дарить какие-то сувениры. Однажды Раиса Максимовна, вспоминая тот период, говорила:

— Многие ведь не стеснялись, и супруги руководителей сами говорили, какой сувенир они хотели бы получить.

Она называла конкретно жен руководителей, мечтавших иметь тот или иной подарок — кавказскую чеканку, оригинальные изделия из тонкого фарфора, кое-что другое, имеющее довольно высокую цену.

— Для нас было это очень накладно, — продолжает Раиса Максимовна, — и приходилось всячески изворачиваться.

Но изворачиваться как-то удавалось, и слава Богу, что Михаила Сергеевича скоро перевели на работу в ЦК КПСС и эта нервотрепка по приему гостей с изворачиванием кончилась.

Неформальные связи с лидерами партии и государства безусловно помогли становлению М. С. Горбачева. Его опекали, поддерживали, растили для грядущих дел. В свою очередь Горбачев очень тепло говорил о своих покровителях. За все годы, что я его знаю, он ни разу не сказал пренебрежительно лично о Брежневе, называя его в кругу членов Политбюро неизменно Леонидом Ильичом, хотя в официальных речах поносил содеянное им в годы застоя. Видимо, от их контактов остались добрые воспоминания, а может быть, и благодарность за то, что сделал для Горбачева Л. И. Брежнев.

Как-то январским вечером 1982 года он увлекся воспоминаниями и стал тепло и душевно говорит о Суслове:

— Замечательный человек, умница. Сейчас на нем столько работы по Секретариату и Политбюро ЦК. Удивляюсь, как только можно со всем этим управляться…

Я был удивлен таким поворотом разговора, не понимал, к чему он его клонит, что за этим стоит. А главное, как реагировать на такие слова.

Отношение мое к Суслову было яростно негативным еще с начала 60-х годов, когда многие вопросы культуры, исподволь, но опытной рукой направлялись в нужное для Суслова русло. Но другое поражало меня в этом аскете. Был я шокирован тем, как он на 70-летии Хрущева превозносил первого секретаря ЦК КПСС, возвеличивая его, пуская в оборот изысканные эпитеты, а через несколько месяцев облил Хрущева грязью, сделал доклад на Пленуме ЦК, обосновав необходимость смещения с поста первого

секретаря ЦК и председателя Совета Министров СССР. Мне кажется, что такое поведение одного из лидеров партии дискредитирует саму партию. Я по наивности считал, что члены Политбюро не могут быть двурушниками.

Весь облик Суслова, его голос, одежда отталкивали, манера разговора приводила, как мне рассказывали, многих в трепет. Его интригующие методы были известны аппаратному люду. С одним достаточно ярким фактом мне пришлось столкнуться самому. Помню, как из газеты в ЦК в 1963 году пришел молодой и способный кинокритик К. Он достаточно известен и сегодня. Его пригласили в качестве заведующего сектором кинематографии отдела культуры ЦК, который тогда по распределению обязанностей в Политбюро ЦК курировал Суслов. По молодости, а может быть, неопытности К. горячо взялся за дело, но, видимо, применял методы, которые в ЦК не использовались. Он был откровенен и непосредственен. Говорил, особенно не выбирая формулировок, *и* скоро появились трудности, завязался конфликт в секторе и с руководством отдела.

Хотя я считаю, что Д. А. Поликарпов, возглавлявший тогда отдел культуры, был порядочным и деликатным человеком, умел ладить со многими, здесь что-то не сложилось между ними, а может, Суслову доложили о неспособности К. руководить сектором. И тогда Суслов, который вошел в ЦК КПСС с предложением его утвердить, придумал ход, достойный самых больших циников. Он предлагает создать специальную газету кинематографистов и увлекает газетной перспективой К. Для журналиста и обозревателя К. нет более заманчивой цели, чем возглавить газету.

Быстро оформляется решение Секретариата ЦК. К. утверждается главным редактором газеты, он счастлив и весь в хлопотах по ее организации. Но Суслов, прежде чем выпустить документ, предлагает обсудить вопрос о новой газете на заседании Секретариата ЦК — Посоветоваться со всеми секретарями». И вот там разыгрывается спектакль. Секретариат принимает решение о несвоевременности издания газеты. Результат таков: газеты нет, но нет в прежней должности и заведующего сектором ЦК.

Существовавшее многие годы правило, что кадровые ошибки недопустимы в ЦК и что нужно не меньше трех лет, чтобы переместить кого-то на другую работу, обойдены. Но К. работы не предлагают. *Я* помню, как он волновался, не понимая, за что с ним так поступили, и только большие усилия, помощь товарищей позволили ему вернуться в газету, где тоже он оказался нежелательным возвращенцем, так как кое-кто из ортодоксов и

завистников считал, что он не оправдал надежды ЦК партии, подвел коллектив редакции. Может быть, это и субъективный взгляд на личность М. А. Суслова, но подобную оценку этому человеку давали многие, кто его знал.

В начале 60-х годов я часто ходил на работу от метро «Библиотека Ленина» через Александровский сад у Кремля. И нередко видел впереди себя длинного худого человека в долгополом пальто или сером коверкотовом плаще, за которым следовал охранник с темно-вишневого цвета папкой своего шефа: Суслов медленно вышагивал на работу. Боясь его обогнать, на приличном расстоянии следовали десятки работников ЦК и других ведомств из зданий, расположенных по пути движения Суслова. Эта гусиная походка и долгополое пальто навсегда остались в моей памяти. С годами он не изменился — ни по характеру, ни по вкусам. Это был символ, хранитель традиции прошлого в стиле и методах руководства партией и страной. Позже, где-то в 70 — начале 80-х годов мне вновь часто приходилось тащиться за этим всесильным тогда человеком. На этот раз его лимузин со скоростью 40–50 километров в час следовал по Минскому шоссе с дачи на работу. На почтительном расстоянии следом с такой же скоростью двигались сотни машин, страшась обогнать сусловский броневик. Попасть в эту пробку было для многих истинным несчастьем. Но люди знали — впереди Суслов и молча терпели. Перед ним, как и перед другими машинами-членовозами специальное подразделение милиции расчищало дорогу, перекрывая все боковые въезды. Он двигался один по просторному и пустынному шоссе со скоростью катафалка в сопровождении огромной процессии легковых автомашин, автобусов и троллейбусов.

…И вот теперь Горбачев с почтительностью и уважением говорит об этом человеке:

— И Секретариат ЦК вести так, как он, никто не может — спокойно, уверенно, — продолжает Горбачев.

Что касается Секретариата, размышляю я, то это верно. Тут господствует один большой сусловский порядок. По существу, партия отдана ему в подчинение. И даже в отпуске, когда А. П. Кириленко замещал Суслова, бдительный серый кардинал следил за каждым решением и, вернувшись, отзывал некоторые из них, если они расходились с мнением Суслова и его окружения. Впрочем, было это и неудивительно. Михаил Андреевич имел магическое влияние на Л. И. Брежнева и часто, вопреки принятым решениям генсека, мог уговорить Леонида Ильича отказаться от них и сделать так, как советовал Суслов. Это делало его всесильным.

Этот январский разговор Горбачев начал не случайно. Я не знал, что Суслов находится в больнице и тяжело болен. 25 января 1982 года он умер от инсульта на 80-м году жизни. Ушел из жизни человек-реликвия сталинского призыва и мировоззрения, один из последних хранителей заветов великого кормчего.

Остывая от страстей того времени, я иногда ловлю себя на мысли: а может, и нужен в государстве человек-аскет? Его боялись в том числе и за то, что он не был похож на остальных. Разве сегодня можно представить существование такого человека на высоком посту в государстве? Он бы погиб в одночасье, был скомпрометирован и, скорее всего, кончил жизнь за решеткой. У каждого времени свои правила игры и свой круг игроков. Белые вороны сейчас не нужны, им не выжить. Призыв «обогащайтесь» — это ведь призыв не к народу.

…Поначалу превращение Горбачева — молодого секретаря крайкома — в члены Политбюро гарантировало ему только огромный объем работы, но не давало шансов подниматься на более высокие ступени. Для этого надо было пройти еще школу аппаратной работы, «притереться» во всех московских конторах. Ему и здесь помогло то, что многие министры отдыхали в предгорьях Кавказа и с нужными людьми он часто встречался «на водах» в неформальной обстановке. Правда, делал это не со всеми. Коллег-секретарей обкомов партии особенно не жаловал. И те, не дождавшись приглашения, порой звонили ему сами и звали на встречу. Слышал от секретарей еще в середине 70-х годов:

— Избалован высоким вниманием, — говорили о нем секретари. Его бы к нам в какую-нибудь Зауральскую область или в Забайкалье для приведения в чувство и уменьшения высокомерия. Тогда бы поприветливей был…

Думаю, вряд ли можно так осуждать человека, во владения которого гости, как говорится, валом валили и все требовали внимания. Встречаться, налаживать связи, быть приветливым Михаил Сергеевич знал с кем. С переездом Горбачева в Москву все эти связи оказали неоценимую услугу, и он сравнительно быстро завоевывал прочные позиции в чиновничьем мире.

Знание расстановки сил в ЦК КПСС, Совете Министров СССР, Верховном Совете СССР, министерствах и ведомствах, среди руководителей общественных организаций — непременное условие восхождения на вершину любой пирамиды власти. Не овладев искусством контактирования, не завоевав поддержку как «своего человека», нечего рассчитывать на движение «наверх». И Горбачеву потребовалось несколько лет, чтобы получить минимум того, что необходимо в данном случае. К нему

пристально приглядывались, испытывали разными методами и только тогда формировали мнение.

Искусством лавирования, компромисса, умением со всеми поладить Михаил Сергеевич овладел быстро и — видимо, не ошибусь — в совершенстве. Скорее всего, это умение было приобретено еще в крае. Он сравнительно успешно постиг и азы столичного уровня интриганства, существовавшего на разных этажах власти, умения говорить одно, подразумевая другое, блефовать и широко улыбаться, располагая к себе людей.

Большое значение имело для Горбачева на первых порах умение привлечь к себе творческую интеллигенцию.

Он часто бывал в театрах и прослыл театралом, культурным человеком, душевно, до заискивания разговаривал с журналистами, хотя, став генсеком, мог и рыкнуть на них, если делалось что-то не так как нужно.

Начинал Михаил Сергеевич штурмовать последнюю высоту еще довольно «сырым» политиком, не успев привести в порядок свою речь. Он нервничал, неумело читал тексты выступлений на широких заседаниях, но, как уже говорилось, очень быстро прогрессировал.

Немало сил и энергии уходило у него на обеспечение импозантности, приобретение лоска. Но без прирожденной склонности достичь этого было бы вообще невозможно.

Я, видимо, допустил бы серьезный просчет, если бы не сказал, что одним из важнейших источников возвышения и роста Михаила Сергеевича явилась его сравнительно неплохая марксистско-ленинская подготовка, знание ленинского теоретического наследия. Он достаточно хорошо знал историю партии, труды В. И. Ленина, часто пользовался этим багажом, что серьезно выделяло его среди многих партийных и хозяйственных деятелей Ставрополья, да и не только Ставрополья, но и московских руководителей. Особенно если учесть, что многие члены Политбюро, и прежде всего Л. И. Брежнев, настолько давно читали работы В. И. Ленина, что вспомнить что-то из них затруднялись. В этом не было ничего удивительного: за долгие годы работы на руководящих должностях, занятий главным образом хозяйственными вопросами, у части членов Политбюро «повыветрились» знания основ марксизма-ленинизма. Некоторые из них, кроме первого тома «Капитала», вообще не читали Маркса, а из Ленина подбирали только подходящие к случаю цитаты. Впрочем, труды Маркса, Энгельса, их предшественников не знал и М. С. Горбачев. Конечно, у секретарей ЦК были помощники, довольно грамотные и теоретически подготовленные люди, но это никак не могло заменить первоисточники того

учения, на базе которого руководители партии формировали новое бесклассовое общество.

Многих подобных недостатков в этом отношении был лишен Горбачев. На втором и третьем году перестройки он неожиданно сильно увлекся работами В. И. Ленина, открывая для себя поучительные пассажи. Заходя к нему в кабинет, я постоянно видел на его огромном столе несколько томов Полного собрания сочинений основателя социалистического государства. Он часто при мне брал книгу и читал вслух высказывания Владимира Ильича, сравнивал их с нынешней обстановкой и восхищенно говорил о прозорливости Ленина. Иногда, не довольствуясь этим и желая показать начитанность, он просил меня достать из шкафа тот или иной том и найти еще какую-то цитату. И когда я медлил, он возмущался, говоря, что я плохо знаю основоположников марксизма-ленинизма. Я и на самом деле не считал, что цитаты надо заучивать, а выхваченные из контекста мысли могут что-то определять в развитии общества. Меня больше увлекала диалектика и логика учения, интересовали перипетии борьбы сил и партий. Может быть, не в последнюю очередь поэтому М. С. Горбачев привлек к работе и утвердил своими помощниками А. С. Черняева и Г. Х. Шахназарова, способных ученых-обществоведов, прекрасно владеющих теорией марксистско-ленинского учения, преподававших его в университетах, публикующих научные работы и учебники для школьников и взрослых. В этом отношении настольной книгой для многих поколений школьников стало «Обществоведение», редактором и одним из авторов которого был Г. Х. Шахназаров. Оно выдержало около 20 изданий, привлекая молодежь своей доступностью. Знаю, что многие студенты и даже аспиранты изучали по этому учебнику общественные науки. С не меньшим теоретическим багажом были и другие советники и помощники генсека, оказавшие тогда влияние на Горбачева.

В общем, в 1986–1987 годах Михаил Сергеевич находился под огромным воздействием произведений Ленина, и чувствовалось, что он хотел предложить концепцию, которая продолжила бы идеи вождя и потрясла мир не меньше, чем все, сделанное В. И. Лениным. При подготовке и публикации докладов, статей М. С. Горбачев стремился теоретически обосновать многие свои предложения, показать их неразрывную связь с учением основоположников марксизма-ленинизма. В большинстве работ генсека эти попытки теоретизировать прослеживаются довольно четко. А публиковаться, как я говорил, он очень любил. Даже любил — не то слово. Это была его страсть. За короткий срок ему написали столько, что сочинения составляли внушительную

череду томов в переплетах почему-то голубого цвета.

Уже в студенческие годы и особенно на комсомольской и партийной работе в Ставрополье М. С. Горбачев пристрастился к общению с массами через печать — газетные и журнальные статьи. Как-то он попросил меня собрать все, что было написано им на Ставрополье. Когда это собрали вместе, то получился альбом, который одному человеку было не только трудно нести, но и поднять. Все, написанное в Ставрополье, не оставляет никакого сомнения, что незыблемой основой развития советского общества Михаил Сергеевич считал практическое воплощение марксистско-ленинских идей, решений съездов партии в жизнь, положений и выводов, которые в ту пору выдвигал перед обществом Л. И. Брежнев. И эти идеи он последовательно и неуклонно проводил в жизнь на посту секретаря крайкома и секретаря ЦК, а позже и генерального секретаря ЦК Компартии Советского Союза.

Не случайно, выступая с докладом на торжественном заседании в Москве, посвященном 113-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, Михаил Сергеевич начал с того, что характеризовал Ленина как человека, «чье имя стало символом революционного обновления мира, чье учение владеет умами передового человечества, воплощается в общественную практику всемирно-исторических масштабов… Ленин — не меркнущий образец для его учеников и последователей. Он всегда с нами… Обветшало и рассыпалось немало разных концепций и доктрин о локальной ограниченности ленинизма, о его мнимой «устарелости». А ленинские идеи живут и побеждают». [3]

В 1987 году, в день 70-летия Октября, он, как и раньше, верен ленинским идеям и заветам. Свой юбилейный доклад, посвященный этой дате, он начинает так:

«Семь десятилетий отделяют нас от незабываемых дней Октября 1917 года. Тех легендарных дней, которые начали свой счет новой эпохе общественного прогресса, подлинной человеческой истории. Октябрь — поистине «звездный час» человечества, его рассветная заря. Октябрьская революция — это революция народа и для народа, для человека, его освобождения и развития.

Семь десятилетий — совсем небольшой отрезок времени в многовековом восхождении мировой цивилизации, но по масштабам свершений история еще не знала такого периода, который прошла наша страна после победы Великого Октября. И нет выше чести, чем идти путем первопроходцев, отдавать все силы, энергию, знания, способности во имя торжества идей и целей Октября». [4]

Конечно, я злоупотребляю цитатами, но вряд ли можно разобраться в той метаморфозе, которая произошла с Горбачевым особенно в определении времени этого политического и идеологического кульбита, который генсек совершил в последующем.

То ли, затевая перестройку, он не сжигал всех мостов с прошлым, поскольку процесс, как говорил генсек, еще не пошел, то ли не знал тех концепций, которые предложат ему советники, помощники и консультанты в преобразовании страны. Во всяком случае, он докладывал XXVII съезду КПСС, всей партии, международному коммунистическому движению, мировой общественности о том пути, который прошла первая в мире страна социализма:

«Пройденный страной путь, ее экономические, социальные и культурные достижения — убедительное подтверждение жизненности марксистско-ленинского учения, огромного потенциала, заложенного в социализме, воплощенного в прогрессе советского общества. Мы вправе гордиться всем свершенным за эти годы напряженного труда и борьбы!». [5]

Я вновь и вновь перечитываю те страницы его докладов, выступлений, статей и речей, где Михаил Сергеевич фиксировал свою позицию по отношению к марксистско-ленинской теории, мировому коммунистическому движению, говорил о достижениях нашего общества, превращении страны в крупнейшую мировую державу, и вижу ту грань, за которой наступил перелом в его воззрениях. В работах до 1988 года достаточно четко и ясно прослеживалась линия на социалистический путь развития страны. Это отлично видели руководители партийных комитетов и организаций, рядовые коммунисты, многие граждане страны, которых интересовали вопросы политики.

Большинство общества считало, что жить, работая, как прежде, уже невозможно, но и отбросить завоевания десятилетий было бы также значительной утратой, ибо во многих странах трудящиеся ценили именно наши социальные завоевания и там, где было возможно, использовали все лучшее, что было нами достигнуто. Коммунисты, да практически все советские люди исходили из того, что в словах Горбачева отражена его принципиальная позиция социалистического пути развития страны. И они поддерживали преобразования до тех пор, пока не началась смена в стране общественной формации.

Наверное, историки еще разберутся, когда и почему резко изменилась позиция Горбачева, чем это мотивировано. Как мог генсек превратиться из сторонника социализма, коммунистической перспективы в почитателя концепции

капиталистического пути развития?

Полагаю, время заставит М. С. Горбачева объяснить миру столь резкую перемену воззрений, принципов. Нельзя оставить о себе впечатление флюгера, который вертится в зависимости от того, куда дует ветер. Со своей стороны могу лишь присоединиться к выводам тех аналитиков, которые полагают, что это был уже не его выбор. Генсек оказался повязанным теми силами в стране и за рубежом, которые давно расставили для него силки, и он вынужден был вести свою партийную паству на ту морально-физическую живодерню, из которой невредимым и обогащенным выходил он один. Возможно, чтобы начать все сначала…

В книге Р. М. Горбачевой, вышедшей в свет накануне августовских событий, есть такие строки:

«Вера в партию пришла к моему отцу вместе с Михаилом Сергеевичем, моим мужем. Несмотря на разницу в возрасте, он стал для него коммунистом, олицетворяющим правду и справедливость». [6]

Отец Раисы Максимовны не дожил до дня ликвидации партии. Он никогда уже не сможет узнать, кто из Олицетворяющих правду и справедливость» приложил к этому руку. Зато это хорошо знают земляки Михаила Сергеевича. Друг его юности, одновременно с Горбачевым награжденный за ударный труд на жатве орденом Трудового Красного Знамени, Александр Яковенко оценил действия своего односельчанина как предательство:

— Если бы дядя Сережа узнал, что сотворит его сын со страной, за которую он проливал кровь на фронте, он своими руками его…

А дальше следовали слова из лексикона Тараса Бульбы. Неблагодарные все-таки люди. Михаил Сергеевич нес им свободу, обещал хорошую, сытую жизнь. Ну немного не получилось, не все дороги, как известно, ведут в рай, но это не значит, что надо держать на него обиду. Помните, что говорил великий борец за справедливость Дон Кихот Ламанчский, обращаясь к Санчо Панса:

— Конечно, мой друг Санчо, тебе трудно и тебя частенько колотят, но зато тебе не надо быть смелым.

Поездки по стране, по пути перестройки

Еще весной 1985 года, намечая посещение московских предприятий, М. С. Горбачев поделился своими планами на будущее по поводу поездок по стране.

— Конечно, надо посетить максимальное число промышленных центров и крупных сельскохозяйственных районов, — говорил он. — Страну, проблемы, волнующие людей, следует знать. Но начинать надо все-таки с крупнейших экономических и политических центров государства. В Москве я побывал на ряде заводов, теперь очередь Ленинграда — колыбели революции, затем хочу поехать в Киев, а уж потом можно решать в силу деловой необходимости, куда поехать еще.

Этой линии он и придерживался в последующем. Летом 1985 года совершает кратковременный визит в Ленинград, позже в Киев и Днепропетровск, где выступает на партийно-хозяйственных активах и перед рабочими. Встречи эти остались памятны для многих. Впервые партийные, хозяйственные руководители, рабочие увидели «самоговорящего» генсека, которого не поддерживали под руки, и он вразумительно отвечал на вопросы, отрывался от текста и говорил многое по памяти с учетом аудитории, полученных впечатлений при посещении предприятий и социальных объектов городов.

Речь в Ленинграде ему настолько понравилась самому, что он дал команду целиком показать ее по телевидению. С тех пор он поверил в свои возможности говорить, не слишком придерживаясь текста, и стал этим даже злоупотреблять, так как свободная речь занимает больше времени, менее концентрирована и упущенные случайно ключевые моменты делали ее жидкой. Тем не менее это была необычная практика, возврат к тем временам, когда талантливые революционеры вообще не писали себе речей, вдохновляя словом людей на многие дела. Но то время безвозвратно миновало. Теперь нужен был не талант оратора, а талант организатора.

В начале осени 1985 года Горбачев совершает поездку в Тюмень и Казахстан. Необходимость этого вызывалась тем, что добыча нефти у нас стала падать, а это серьезно сказывалось на валютных поступлениях. К этой поездке серьезно готовились, Михаил Сергеевич предварительно направил туда ряд секретарей ЦК, зампредов Совета Министров СССР, членов правительства, других руководителей высоких рангов.

М. С. Горбачев летел в Тюмень с Раисой Максимовной. В те годы подобные совместные поездки были, пожалуй,

единственными негативными моментами, которые раздражали людей в действиях этой четы.

Раиса Максимовна хорошо и модно одевалась. Вещи ее в ту пору были сшиты или куплены за границей, и выглядела она, украшенная оригинальными драгоценностями, весьма импозантно. Однако этого рабочие, все жители Тюмени, особенно женщины, тогда не поняли. Их раздражал наряд супруги генсека, в то время когда жены и дети нефтяников и газовиков жили весьма скромно, нередко в бараках и передвижных домиках, а одевались так просто, что всякое появление нарядной Горбачевой перед народом вызывало раздражение, глухое молчание.

Оно усиливалось тем, что в ту пору Раиса Максимовна еще не имела специальной «женской» программы пребывания. Поэтому практически везде, от буровой до совещания актива, находилась вместе с мужем. Но как бы ни было, в тот приезд Горбачева народ встретил его с ликованием. Огромные толпы людей вышли на улицы и при первой остановке так плотно окружали машины, что пробиться к генсеку было невозможно. Люди, не привыкшие видеть высоких гостей, шли «смотреть» на Горбачевых. В Сургуте, Ямбурге массы народа радостно и громогласно приветствовали генсека. Руководство областью, не ожидавшее такой активности населения, растерянно озиралось, надеясь, что все обойдется благополучно и программу пребывания Горбачевых в нефтяном краю удастся выдержать.

Это была одна из примечательных поездок Горбачева, которая благодаря телевидению произвела большое впечатление на страну.

— Опираться надо на людей, — подтверждал он, довольный результатами поездки, встречей с трудящимися, высказанную уже как-то мне мысль. — Народ поможет пробить нам любые вопросы.

В первые годы правления Михаил Сергеевич «верил народу», считал его своей опорой. Это потом ему стало казаться, что люди глухи к его новациям, они отстали в своем развитии, не понимают предлагаемых преобразований, и он все меньше им доверял.

Тогда в Тюмени были намечены для решения многие проблемы нефтегазодобычи. На совещании отчитывались поставщики техники, труб, различных материалов. Решались и вопросы социального порядка: намечалось ускорить строительство жилья, поставить больше товаров народного потребления, особенно теплых вещей. Но с чем Горбачев решительно не согласился, так это с необходимостью расширить кооперативное строительство на «Болыпой земле», в центре

страны, на юге, о чем его просили северяне.

— Жить надо здесь, — уверенно говорил он окружавшей его огромной толпе. — Здесь воспитывать детей и оставаться после выхода на пенсию.

Это были, конечно же, не очень-то продуманные слова, люди не просто молча воспринимали их, но и активно, иногда со злостью доказывали, что Заполярье — это не Ставрополье и даже не Пермская область. Дети здесь чаще болеют, старики не в состоянии долго «тянуть» в холоде приполярной зимы, при редком солнце, высокой разряженности воздуха, нехватке кислорода. Но генсек уже «закусил удила». Он с таким жаром и убедительностью доказывал, что следует осваивать север и жить тут постоянно, ибо здесь хорошие условия, благоустроенные дома, что я подумал, а вернемся ли мы сами в Москву? Не тут ли осядем, учитывая очень хорошие условия жизни?

Однако из Заполярья мы тихо и быстренько перелетели в Тюмень. Там предстояло большое выступление Горбачева, и он хотел внести некоторые коррективы в текст. Меня и А. Н. Яковлева он заставил ночью переработать доклад, а когда я проснулся, то текста не нашел. Поднявшись раньше, Горбачев разыскал доклад и теперь сам работал над этим материалом.

Тема доклада затрагивала проблемы увеличения добычи нефти и газа. Серьезной критике были подвергнуты расхитительные способы добычи нефти, слабое внедрение методов интенсификации на нефтепромыслах, недостаточная техническая оснащенность промыслов, низкое качество оборудования. Основательно были рассмотрены и вопросы социально-экономического характера, которые выходили за рамки Тюмени, касаясь всех регионов Сибири и Дальнего Востока. Но был в докладе и один деликатный момент. Речь идет об антиалкогольной программе, недавно принятой Политбюро ЦК и Советом Министров СССР.

К руководству страной пришли, как я говорил, относительно новые и до отчаяния смелые люди. Во всяком случае, таковые имелись среди них. К сожалению, это была смелость и бесстрашие детей, которые просто не знают, что такое опасность. Поскольку в последние годы в ЦК партии и правительство поступало много писем от ученых-медиков, женщин, писателей о недопустимости пьянки, того угара, который охватил страну, все этажи общества снизу доверху, Горбачев дал поручение разработать меры, устраняющие этот «маленький» недостаток. Предполагались тогда достаточно серьезные меры: снизить производство плодово-ягодных вин, сколь доступных из-за своей дешевизны, столь и вредных для здоровья, постепенно сократить

производство водки. На коньяки, сухое вино и шампанское эти меры не распространялись. Но когда проект революционного постановления был вынесен на обсуждение Политбюро, то охваченные благородным стремлением быстрее ликвидировать зло, Горбачев, члены Политбюро, взвинчивая один другого пламенными речами, решили, что можно не только принять в принципе намеченные меры, но постараться сделать большее. Когда же контроль за осуществлением этой программы поручили М. С. Соломенцеву, я понял, что теперь люди не будут не только пить, но и нюхать алкоголь. К сожалению, в плохих предчувствиях я часто оказывался прав. Руководители Госплана СССР, минторга, перерабатывающей промышленности, аграрники как могли отстаивали свои «алкогольные» позиции и говорили, что это обойдется государству потерей в бюджете десятков миллиардов рублей, гибелью виноградников, ликвидацией мощностей на многих заводах виноделия. Но взывать к разуму людей, которые полагают, что работают ради блага народа, дело безнадежное. Тут появляется столько аргументов и высказываний мудрецов, что спорить просто не имеет смысла, и естественно, защитников постепенного снижения производства алкоголя заклеймили ретроградами, людьми, которые сознательно спаивают народ. Это была нелегкая борьба, но Политбюро тогда победило.

Как можно было и предположить, после такой победы и нескольких душеспасительных бесед в Комитете партийного контроля у М. С. Соломенцева намеченный план перевыполнялся. Сокращалось производство не только водки и «бормотухи», но и коньяков, сухого вина, шампанского. Закупки спиртного за рубежом резко снизились, поставив предприятия виноделия социалистических стран на грань экономического банкротства.

В ажиотаже благородной борьбы со злом, как с нами часто случается, мы забывали предупредить друзей о намеченных мерах по сокращению закупок вин у них и поставили эти страны перед фактом: что хотите, то делайте — советский народ больше спиваться не желает.

Принятые решения, развал перерабатывающей промышленности и винокурения нанесли удар по бюджету государства. Скоро это стали ощущать финансовые органы. В Госплане, Минфине, Минсельхозе пытались чуть притормозить дело, во всяком случае, придерживаться намеченных в решении цифр, но тут в игру постоянно вступал Комитет партийного контроля, который держался твердо. Впрочем, надо сказать, что, сидя плечо к плечу на заседании Политбюро, пожалуй, все яростно выступали за искоренение алкогольного зла, но, когда мне приходилось говорить с некоторыми из них порознь, иначе

как чушью принятые решения и темпы сокращения производства спиртного они не называли, да и своих привязанностей, насколько я знал, не меняли. Благо, по нашему пути пошли тогда не все страны. Контрабанда существовала и в то время.

Но для остальных принятое постановление оставалось в силе.

— В утверждении норм трезвости, — говорил М. С. Горбачев в Тюмени, — никакого отклонения не будет. Задачу эту мы намерены решить твердо и неукоснительно.

Запрещать твердо и неукоснительно мы в ту пору умели: опыт был накоплен десятилетиями. Контролировать выполнение постановления было поручено Секретариату ЦК КПСС.

Столь опрометчиво принятое постановление имело серьезные последствия для экономики страны, авторитета руководителей. Народ не понял и не принял скоропалительных мер.

На первом же приеме в ноябре 1985 года число посетивших его гостей резко сократилось, люди с унынием смотрели на закуски, рассчитанные отнюдь не для минеральной воды и соков, а иностранцы, взглянув наметанным глазом на первые плоды перестройки, тепло пожали руки руководителям по случаю национального праздника, пожелали дальнейших успехов на избранном пути и быстро ретировались. Урок был показательный — на все последующие приемы, нарушая свои же решения, руководство всегда выставляло вина, а кое-кому на столы продолжали подавать коньяк.

Что и говорить: сурово, с непониманием отнеслись «к причудам» Горбачева люди. Многие впоследствии считали это постановление единственным осуществленным в программе перестройки. Но это неверно. Оно не было выполнено до конца. В ЦК пошли тысячи писем возмущения, и те же женщины, которые молили повести борьбу с алкоголизмом, сохранить разваливающиеся семьи, уберечь от болезни мужей и детей, теперь просили об увеличении продажи водки, ибо мужчины перешли на одеколон, зубной порошок. В стране развернулась тайная народная война с правительством, силами правопорядка. Прежде всего была взорвана алкогольная монополия государства, которую восстановить так и не удалось. Началось массовое самогоноварение главным образом с использованием сахара. Именно с тех пор проблема алкоголя и сахара оставалась острейшей и наиболее болезненной для населения, сыгравшей роковую роль для партии и Горбачева.

Теперь уже паниковало руководство. На заседаниях Политбюро многие с ненавистью поглядывали на инициаторов постановления, пускали прозрачные стрелы в адрес Горбачева и Соломенцева. Но это были стойкие большевики и еще долгие

годы не сворачивали с намеченного пути, вспоминая, сколько людей спасли от гибели. А поначалу действительно стала снижаться преступность, уменьшился травматизм, сократилось число «несунов». Правда, на атомных станциях взрывались котлы, тонули корабли, сталкивались поезда. Но это могло быть и следствием длительного воздержания.

В общем, к тому времени, когда Горбачев появился в Тюмени, вопрос об алкоголе еще только начинал осмысливаться. Женщины, выступая, говорили о мудрости Михаила Сергеевича, который спас народ от вырождения, позволил укрепить семьи. Мужчины сурово молчали, полагая, что для северян такие новации не пройдут, благо завоз спирта на зиму там уже сделан. Не вывозить же его обратно. Они этого не допустят.

Именно такие противоречивые впечатления оставила в те годы поездка к нефтяникам и газовикам.

Впереди был перелет в Целиноград — там проводилось еще одно совещание, которое, как и многие ему подобные, не оставило следа в достижениях деревни. В той речи, с которой М. С. Горбачев полагал выступить, среди прочих ставился вопрос о повышении розничных цен на хлебобулочные изделия. Сам по себе этот вопрос к тому времени, конечно, не просто созрел, но и перезрел. Но я очень боялся, что скоропалительные, детально не обсужденные решения могут привести ко многим непредсказуемым последствиям.

Беспокоило и другое: никто не просчитал, как такая мера скажется на ценах других продуктов. Как говорил мой товарищ из «Правды», «конечно, повышение цен на золото мало беспокоит простых людей, ибо не они покупают драгоценности, но всякий раз, когда цены на золото растут, почему-то изменяются и цены на пучок редиски на рынке». И это была святая правда. Тогда непродуман-ность всех деталей повышения цен на хлебобулочные изделия заставила меня возразить Горбачеву и, насколько можно, аргументировать свое мнение. Горбачев молча выслушал и ничего не сказал, однако вопрос о ценах прозвучал как проблема, к которой предстоит подступиться.

В ту пору я не был сторонником сохранения цен на прежнем уровне. Цены давно не отражали реальное положение дел в экономике. Именно в ту пору, когда имелся кредит доверия, когда существовала довольно большая масса товаров, а рубль обеспечивался более чем на 50 копеек, можно было многое сделать. Но решать следовало взвешенно, в комплексе с ценами на все товары и услуги. Скоропалительными действиями можно было легко расстроить денежно-финансовую систему и только получить новый, еще более мощный виток инфляции.

Тогда, в середине 80-х годов, подступать к этому вопросу в широких масштабах побоялись, упустили время, надеясь на чудо. Вообще вопрос о явлении чуда для нашей страны был почти всегда главным в решении проблем роста благосостояния народа. Чуда мы ждали от революции, от коллективизации, от перестройки, от расширения посевов кукурузы, от мелиорации, от концентрации и специализации производства. И сегодня мы ждем чуда от монетаризации, конверсии, демократизации, фермеризации сельского хозяйства и от многого другого, при этом мало что практически делая для улучшения жизни.

…Вечером на другой день Горбачев возвращался в Москву. Я особенно хорошо запомнил тот день: мне исполнилось тогда 50 лет, и в салоне самолета на большой высоте, когда А. Н. Яковлев и Г. П. Разумовский напомнили Горбачеву о дне рождения, Раиса Максимовна попросила принести бутылку красного вина. Надо сказать, что с самого начала и до последнего времени она была противницей столь искаженного толкования сухого закона и говорила, что это несусветная глупость — запрещать выпить бутылку вина.

И я с ней всегда соглашался, отстаивал эту мысль, где мог, хотя в то время сам не увлекался этим любимым народом делом.

Разлили по бокалам «Мукузани». Горбачев едва пригубил, то ли стеснялся подчиненных, то ли по другим причинам, но он не стал пить. Разговор быстро соскользнул на итоги поездки, впечатления.

И вдруг Р. М. Горбачева сказала:

— Давайте выпьем за наше дело, за верность Михаилу Сергеевичу, клянитесь, что вы будете ему преданы.

Неожиданное предложение о клятве присутствующих несколько шокировало. А. Н. Яковлев отвернулся, поглядывая в иллюминатор, Г. П. Разумовский неожиданно рассмеялся, а я попытался все свести к шутке, еще не веря в серьезность сказанного и искренне не понимая, при чем тут личные клятвы. Мы служим делу, Родине, а не тем или иным личностям или супругам. И путать Отечество и Ваше превосходительство не годилось. В конце концов это не монархическая династия. Но Раиса Максимовна настаивала, вкладывая в это какой-то свой смысл. Горбачев поднял фужер, но она продолжала твердить:

— Нет, нет, вы скажите: «клянемся».

Это начинало переходить уже пределы, тем более что клясться, выходило, нужно было ей. А. Н? Яковлев, незаметно сменив тему разговора, рассказал что-то из опыта других стран. И вопрос как-то неловко был замят.

Этот бокал вина вспомнился еще раз через несколько лет,

когда был удален из ЦК старый знакомый Горбачева Разумовский, без особых объяснений смещен с поста члена Президентского Совета А. Н. Яковлев.

А требование поклясться в верности, хотя и на высоте 11 тысяч метров, было из той же серии личной преданности, взгляда начальников на людей как на своих дворовых, которые должны служить не принципам и интересам дела, а фигурам, даже если они политические фигляры. И подданные должны менять одежды в зависимости от того, в какую тогу вырядился сегодня их суверен.

Время в те годы бежало быстро. Михаил Сергеевич планировал много встреч и часто выступал. А это требовало соответствующей подготовки текстов, которые он заставлял по нескольку раз переписывать. На цековской даче в Волынском уже сидела постоянная бригада Спичрайтеров», которая готовила доклады, выступления и речи для генсека. Упорно работали и международники, ибо М. С. Горбачев все больше входил «во вкус» зарубежной проблематики.

После выступления в Целинограде 7 сентября 1985 года Михаил Сергеевич 20 сентября произносит речь и заключительное слово на встрече в ЦК КПСС с ветеранами стахановского движения. К 30 сентября готовится его выступление по французскому телевидению. В октябре у него было 15 речей, выступлений, докладов и бесед. И это не считая тех, которые не публиковались. Были месяцы, когда число разнообразных выступлений, приветствий, других публикаций достигало 22. Но дело не только в количестве выступлений. Беда состояла в том, что скоро Горбачев сам стал все больше подключаться к подготовке своих речей, переписывал готовые тексты, нередко обогащая, но чаще ухудшая их. А для этого требовалось много времени. Зато они были плодами и его труда. Многословные, с частыми повторами.

При таком объеме публицистической деятельности разрушился порядок согласования выступлений в Политбюро. О многих инициативах и обещаниях члены Политбюро узнавали уже из газет. К этому надо добавить, что М. С. Горбачев принимал многочисленных зарубежных визитеров, что практически не оставляло у него времени для обстоятельного рассмотрения внутренних проблем и бесед с министрами, первыми секретарями ЦК компартий республик, крайкомов и обкомов КПСС.

Все это углубило трещину между генсеком и членами ЦК, первыми секретарями партийных комитетов, хозяйственными руководителями. Они охотно помогали все время Горбачеву и были готовы делать это и впредь, но контакт как-то нарушился.

Генсек не интересовался состоянием дел на местах, редко звонил. Возникало состояние отчужденности. И это нежелание поддерживать контакт было тяжелой чертой характера Горбачева. Скоро встречи и телефонные звонки вообще потеряли для местных руководителей какое-либо значение. Горбачев все реже интересовался хозяйственными делами, несмотря на советы и просьбы, перестал встречаться с глазу на глаз с министрами, руководителями предприятий. Все больше встречи проводились с многочисленными приглашенными. На них шли накачки, какая-то надсадная, оскорбительная критика; впрочем, и это продолжалось недолго. Чувствуя отчужденность, люди стеснялись к нему заходить или шли в крайнем случае. Беседы стали носить формальный характер, на них после очередного мероприятия секретари приглашались «гуртами» по 10–15 человек. При этом говорил в основном Горбачев.

— Знаешь, мне такие политбеседы не по душе, — сказал как-то один из старых моих знакомых, первый секретарь одного сибирского обкома партии. — Я хочу обсудить конкретные вопросы, а со мной говорят в духе политбеседы, как райкомовский Федя-пропагандист о значении силы слова. Если можешь, помоги встретиться с глазу на глаз, а нет, ну что ж, значит, такая наша судьба…

Приемом к Горбачеву занимались его секретари, и я не мог и не хотел регулировать этот процесс, ибо не считал возможным исполнять швейцарские функции при генсеке. Разумеется, когда, возникали неотложные и серьезные проблемы, я информировал о той или иной записке секретаря обкома с просьбой принять, дать возможность доложить или передавал ее в приемную. Но с годами таких просьб становилось все меньше, и к Горбачеву можно уже было попасть без особого труда, да, пожалуй, в любое время, но люди в эту дверь особенно не стучались. Ее все чаще и чаще открывали представители зарубежной прессы, иностранные визитеры, те, кто хотел обогреться в лучах славы или мимоходом сказать своим коллегам, что он долго беседовал с президентом СССР и тот поддержал высказанную ему идею и согласился помочь…

Помощником генерального секретаря ЦК Горбачева я был утвержден где-то в марте — апреле 1985 года. После подготовки доклада на конференции в декабре 1984 года Михаил Сергеевич возложил на меня вопросы идеологии, хотя я понимал, что это временное дело. Утвердил он своим помощником и А. П. Лущикова, как опытного и разумного человека, способного решать многие вопросы. По международным делам Запада он на первых порах оставил помощника Л. И. Брежнева, Ю. В.

Андропова, К. У. Черненко — А. М. Александрова-Агентова, эрудированного человека, но в силу объективных обстоятельств смотрящего на современные проблемы прежним взглядом. Социалистическими странами занялся В. В. Шарапов, впоследствии посол СССР в Болгарии. Заведующим общим отделом ЦК утвердили А. И. Лукьянова, который хорошо знал бумажные дела, работал, по словам Анатолия Ивановича, с Молотовым, Хрущевым, Брежневым, Подгорным, Андроповым, Черненко, Горбачевым и знал все лабиринты аппаратной жизни.

Трудно говорить о единстве мышления и подходов к делам в этой команде. Во всяком случае, я скоро был возвращен к делам более близким мне — экономическим.

К тому времени А. Н. Яковлев уже возглавлял агитпроп ЦК, и я не сразу понял, почему потребовалось мое перемещение, и только со временем разобрался кое в чем. На должность помощника по идеологическим вопросам был утвержден Г. Л. Смирнов, которого я знал еще с начала 60-х годов как лектора ЦК КПСС. Раиса Максимовна одобрила этот выбор. Она всегда считала, что по идеологическим проблемам помогать Горбачеву должен академик. Смирнов подходил для этого. Человек он был грамотный, спокойный и даже медлительный, но нередко, как бы сказать поточнее, неповоротливый. А. Н. Яковлев, рекомендовавший его Горбачеву, говорил о нем как о слоне в посудной лавке, и было в этом что-то похожее на истину. Эта «команда пестрых» и помогала генсеку думать и излагать мысли.

Поездки Горбачевых по стране продолжались. Он посещал промышленные центры, крупные предприятия машиностроения, оборонной промышленности, колхозы и совхозы, запланирована у него была поездка для ознакомления с положением дел в Куйбышевской области. Там мощные заводы машиностроения, в Тольятти — гигант ВАЗ — Волжский автомобильный завод. Руководство областью недорабатывало. Первый секретарь обкома КПСС не пользовался большим авторитетом, и все это могло в недалеком будущем сказаться на обстановке в области. Так оно и случилось через некоторое время, но тогда М. С. Горбачев еще надеялся, что его приезд изменит ситуацию.

В целом поездка получилась довольно интересной. Люди хорошо встречали Горбачевых, но освещение по телевидению визита чем-то не устраивало Раису Максимовну. Г. Л. Смирнов, отвечавший теперь за все эти дела, положился на телевизионщиков и А. И. Власова, работавшего первым заместителем заведующего идеологическим отделом под руководством А. Н. Яковлева.

Во время одного из обедов Р. М. Горбачева завела разговор о

визите:

— Люди здесь прекрасные, хорошо встречают, — ласково говорила она, — а вот освещение визита в средствах массовой информации никудышное. Михаила Сергеевича показывают как-то с затылка, отсекают его от сопровождающих, и все это при огромном количестве газетчиков, телевизионщиков, идеологов из ЦК, специально приставленных для этого помощников.

Разговор этот вдруг напомнил то, что происходило некогда со мной. Именно такие слова однажды я слышал от самого М. С. Горбачева, когда он выразил недовольство слабым освещением в средствах массовой информации его первой поездки на московский ЗИЛ. Тогда я организовывал ее и по согласованию с Горбачевым делал освещение визита скромным и деловым, о чем я уже рассказывал. Это было рабочее ознакомление с положением дел на заводе, в одной из больниц Пролетарского района столицы. А коли деловой визит, то пресса была приглашена в незначительном числе. М. С. Горбачев с этим согласился.

Мне казалось, что поездки в принципе должны быть деловыми, рабочими, иначе они будут смахивать на рекламные шоу. Люди в нашей стране в то время сильно устали от частого мелькания на экранах телевизоров генсеков, слушанья их речей. Нужно было сделать перерыв, чтобы зритель и читатель ждал слова генсека; так мне думалось, и с этим соглашался генсек.

Но на другой день я узнал, что не просто заблуждался. Оказывается, я вообще ничего не понял в освещении визита генсека, не придал ему характера эпохальности. Горбачев, отбиравший лично накануне снимки для телевидения, сегодня говорил, что освещение было никудышным, показывали плохо. Я принял к сведению сказанное, но после еще одной поездки получил новый нагоняй: почему лидера партии показывают с затылка. Вразумительно объяснить манеру показа я не мог, хотя позаботился о том, чтобы за это дело взялись специалисты агитпропа ЦК. О таком проколе стало известно А. Н. Яковлеву. Теперь уже взвился он и, чертыхаясь, сказал, что дело не в том, что Горбачева показывают с затылка. Кстати, кто видел, может подтвердить, что у генсека очень красивый и благородный затылок. В отличие от многих, его каждый день подстригал парикмахер, и большинство мужчин могли бы только гордиться, если бы такую часть их головы ежедневно демонстрировали по телевидению. Тогда в чем же дело?

Я задумался над словами А. Н. Яковлева, и кое-что открылось для меня совсем с иной стороны. Дело было в том, что не показывали всего шарма супруги лидера. Каюсь, я не понимал тогда необходимости демонстрировать наряды Раисы

Максимовны. Более того, зная мнение людей, читая почту, я полагал, что выпячивание супруги генсека вредит делу Горбачева, партии, перестройки. Возможно, я не так или не все еще понимал, поэтому, когда наконец разобрался, куда надо направлять объективы фотокинотелекамер, меня уже перебросили на новый участок работы. И за дело взялся многоопытный Георгий Лукич Смирнов, бывший директор института философии. Теперь, казалось, можно за затылок не беспокоиться.

…И вот за столом сидел, как мы его называли, Лукич, ответственный по части роста имиджа советского лидера. Не адресуясь непосредственно к нему, Раиса Максимовна говорила о любви народных масс к генсеку, что было абсолютной правдой, и неспособности телевидения донести всю полноту этой любви до народов страны и всего мира, с чем тоже трудно было не согласиться, когда речь шла о мировом сообществе. То ли меня бес толкнул в ребро, то ли вспомнились подобные унизительные выговоры, полученные мной, но я сказал:

— А по-моему, не только поездка хорошая, но и освещение ее полное.

Эта реплика не внесла успокоения, а скорее подхлестнула монолог и позволила высказать супруге еще много всяких глубоких мыслей по вопросам пропаганды и агитации, в частности, что она думает об идеологии и профессиональных способностях советских кинотелеоператоров. Нагнетание страстей продолжалось. Во всяком случае, Смирнов, бросив салфетку, вышел из-за стола и поспешил звонить своей команде, которая приехала освещать визит. Его философское спокойствие было поколеблено. Он приказал показывать генсека только в фас вместе с супругой.

На другое утро мы с Лукичом сидели в холле и ждали, когда нас позовут к завтраку — часто помощников приглашали откушать вместе с Горбачевыми и утром. Время уже было позднее, и на вопрос Лукича: «А может про нас забыли?» — я ответил: такого еще не было, значит, отдыхают и вот-вот мы начнем завтракать.

Георгий Лукич перенес тяжелую операцию на желудке, и своевременное питание было ему необходимо, как лекарство. Однако когда все-таки, не вытерпев, я выглянул в коридор и спросил охрану, где руководство, то оказалось, что завтрака не было и М. С. Горбачев один, не позвав нас, не предупредив охрану, неожиданно уехал на завод. Видимо, дискуссия между супругами по проблемам освещения визита вечером затянулась и несколько нарушила распорядок следующего дня.

Смирнов, голодный, печальным взглядом окинул меня, но я

утешил, как мог:

— Воздержание полезно, Лукич. Все образуется, поедем потихоньку на завод, а к обеду у нас будет лучше аппетит.

Прошло немного времени, и Г. Л. Смирнов с удовлетворением ушел на другую работу. Это было обоюдным желанием сторон. Для него такие встряски были противопоказаны. Он часто болел, привык к размеренному образу жизни, не терпящей нервотрепки и унижений. А генсек считал, что философское спокойствие помощника не помогает росту имиджа лидера партии и страны.

Помощники менялись все чаще. Ушел Александров-Агентов. М. С. Горбачев спрашивал, кого можно подобрать. Я назвал тогда А. С. Черняева, считая его эрудированным и способным человеком, неплохо в ту пору пишущим. Но сразу эта кандидатура не прошла. Горбачев в одной из поездок за рубеж, когда еще работал в крайкоме КПСС, в период отпуска сталкивался с ним, и что-то мешало приблизить его к себе, свыкнуться с мыслью, что Черняев может «тянуть» на помощника. Впрочем, время шло, международные вопросы занимали все большее место, и когда Яковлев, как он мне сказал, тоже назвал А. С. Черняева, то вопрос приблизился к решению. И по-моему, М. Г. Горбачеву во всех отношениях не пришлось жалеть о выборе. Это были, как говорил когда-то поэт, близнецы-братья.

Вместо Г. Л. Смирнова пришел И. Т. Фролов. Человек грамотный, разносторонне образованный, со своим сложившимся мнением и взглядом на жизнь. Но он тяжело болел, может быть, именно это приводило его в общении с окружающими к срывам и резким высказываниям. Скоро он тоже покинул эту должность, возглавив «Правду». Срывы продолжались. В «Правде» развернулась борьба между главным редактором и частью коллектива газеты, что стало поводом для обсуждения вопроса на Пленуме ЦК КПСС. Были и другие замены, появился Г. Х. Шахназаров, как я уже говорил, грамотный марксист, увлеченный и зацикленный на идеях создания мирового правительства.

Всплыл и мелькнул, как метеор, Н. Я. Петраков, вскоре избранный академиком АН СССР. Появилось много других штатных и нештатных советников, помощников, их помощников, помощников советников. Большое число их вокруг генсека-президента СССР порождало трения и конфликты между ними. Каждый хотел внимания и места под солнцем. Велись ожесточенные споры, кто главнее — помощник или советник. Черняев с Шахназаровым написали записку президенту, что в телефонном списке помощники оказались после советников. Когда об этом узнали советники, то сказали, что они вообще из

другой весовой категории и их нельзя равнять с помощниками. В общем завязалась, как это часто бывает, когда нет настоящего дела, мелкая возня, обвинения в том, что недооцениваются одни и переоцениваются другие. Почему один ездит в новой машине, а другой в старой, почему нет телефонной связи, как у Горбачева, и т. п. Михаил Сергеевич знал о дрязгах, но относился к этому философски и разбираться в этой возне не стал, да и мне велел не терять время.

XXVII съезд КПСС

Лето и осень 1985 года М. С. Горбачев провел в поездках за рубеж и по Советскому Союзу. Он недостаточно представлял нашу страну, ее экономический потенциал, жизнь людей, их заботы и нужды и потому хотел восполнить пробелы, лучше представить те задачи, которые перед ним стояли. Увиденное, конечно, потрясло его. Он понял все величие страны, ее огромные просторы, мощный производственный потенциал и, конечно, робел перед теми проблемами, которые ему предстояло решать. И было отчего. Сложилась негодная система управления экономикой, которую необходимо было совершенствовать, не допустив при этом развала.

И все-таки люди требовали перемен. Горбачев все еще не знал, какими будут масштабы преобразований, но многократно повторял в своем окружении, да и в широких аудиториях фразу, приписываемую Наполеону:

— Надо ввязаться в бой, а там посмотрим.

Конечно, Наполеон был великим полководцем, но нужно ли было ломать столь скоротечно все производственные и социальные структуры. В конце концов Горбачев объявлял о реформах, а не о сокрушительной войне на уничтожение народного хозяйства и гибель верноподданных. Да и позволить себе «ввязаться» в бой без четкого плана мог только Наполеон.

Чтобы начать социально-экономическую перестройку, нужно было по тому времени еще и решение не только Политбюро и Пленума ЦК, но и партийного съезда, Верховного Совета СССР. К этому XXVII съезду КПСС и началась подготовка. Он должен был выработать стратегию и тактику реформ, мобилизовать все силы и ресурсы страны на решение новых необычных и крупных задач.

На заседании Политбюро ЦК была сформирована бригада по подготовке отчетного доклада генсека, других документов. Возглавить ее было поручено заведующему идеологическим отделом ЦК КПСС А. Н. Яковлеву. Мы собрались в Волынском-2, расположенном в небольшой рощице, идущей параллельно Минскому шоссе в полукилометре от памятника Победы. Это близко от центра. Рядом находится бывшая «Ближняя» дача Сталина. На территории Волынского несколько новых корпусов гостиничного типа, где размещается в каждой комнате по одному-два человека. Недалеко отличный корпус столовой с просторным обеденным залом и кинозалом на втором этаже, бильярдной и библиотекой. Вокруг большая парковая территория.

На этой даче и началась работа над документами первого

перестроечного съезда партии. Предстояло прежде всего сформулировать концепцию доклада, определить структуру других его составных частей. Обсуждая все эти проблемы, мы много спорили, не зная, с чего начать. Традиционно можно было начинать с внутренних вопросов, но теперь возникла идея вынести вперед проблемы международного порядка, сформулировать глобальные задачи партии по отношению к мировым процессам. Все основные идеи перестройки излагались главным образом А. Н. Яковлевым и В. А. Медведевым. Их теоретические и многие практические концепции легли в основу фактически всех выступлений Горбачева. Вот и в тот период они взяли на себя основную тяжесть работы, внесли весомый вклад в формулирование всех разделов доклада.

После освещения международных аспектов в докладе намечалось перейти к экономическим и социальным проблемам. В развернутом виде они охватывают все вопросы перестройки. Замысел перестройки опять уточняется. Мне кажется, что игрой слов и понятий мы собьем с толку людей, и никто не поймет, что подразумевается под перестройкой и как ее предстоит реализовывать. Так позже и случилось. По поводу перестройки пошли шуточки и анекдоты. Постепенно это слово все больше превращалось в символ неупорядоченного шараханья во всех сферах жизни общества.

Когда вариант доклада, как мы полагали, «созрел» для первого чтения, Михаил Сергеевич попросил А. Н. Яковлева и меня приехать в Пицунду, где он отдыхал с семьей. Была поздняя осень, но в Пицунде еще можно было гулять, не слишком кутаясь. Горбачев предложил провести читку текста в беседке на берегу моря. Метрах в пяти — десяти шуршал прибой, влажный ветер продувал насквозь, и мы — Михаил Сергеевич, Раиса Максимовна, Александр Николаевич и я, — укутавшись пледами, читали вслух доклад. Я захватил с собой портативный магнитофон, вызвавший много шуток из-за невозможности без наушников прослушивать сказанное. На него записывал замечания. Их было по объему раза в три больше доклада. И все это предстояло утрамбовать, втиснуть в текст, оставив в основном то, что было уже написано.

М. С. Горбачев все больше втягивался в непосредственное формулирование тезисов. Он уже овладел проблематикой, достаточно быстро улавливал, что стоит за той или иной формулировкой, и глубже оценивал содержание. Приблизительно с этого времени он все активнее участвовал в подготовке наиболее важных документов и приглашал присутствовать при работе своих приближенных скорее как статистов. Но

первоначальный материал, идеи принципиального характера ему, разумеется, были необходимы, и он заставлял писать и переписывать текст по нескольку раз.

Работа в Пицунде была напряженной, и мы возвращались в расположенную недалеко то ли гостиницу, то ли санаторный корпус обессилевшие. Дачи, где останавливались Горбачевы, принадлежали КГБ и состояли из трех отдельно стоящих строений в реликтовом, знаменитом во всем мире сосновом бору. Это было очень приятное и удобное для отдыха место в огромном заповеднике. Близко никого не было, стояла тишина, и лишь морская волна шелестела мелкой галькой. Здесь можно было хорошо погулять и отдохнуть.

Дом, где остановилась чета, был двухэтажный, внутри отделанный деревом, с просторными комнатами, спальнями, кабинетом. Во второй половине дня, когда темнело и усиливался ветер с моря, мы перебирались в кабинет М. С. Горбачева, и там продолжалась работа. Иногда он оставлял нас ужинать. Это были скромные застолья, готовили здесь невкусно и однообразно. Пища ничем не отличалась от московской. Обстановка не располагала к тому, чтобы задерживаться. Горбачевы часов в 10 отправлялись на ритуальную прогулку, отменить которую могли только чрезвычайные обстоятельства.

Работа наша мало-помалу продвигалась, и мы стали собирать вещи. Скоро с кипой дополнений и замечаний вернулись в Москву. Начался второй этап работы над докладом XXVII съезду КПСС. В начале нового года материал был готов настолько, что требовал лишь шлифовки генсека. М. С. Горбачев для доработки его предлагал выехать в Завидово — любимое место отдыха Л. И. Брежнева и его приближенных. Завидово — военное охотничье хозяйство, расположенное в 150 километрах от Москвы по Ленинградскому шоссе, — всегда было местом охоты высокопоставленных стрелков нашей страны и гостей из-за рубежа. Оно расположено вблизи и по берегам водохранилища, сравнительно недалеко от станции Конаково.

За последние годы здесь выстроили отличные особняки. Если Л. И. Брежнев жил в апартаментах строения, сооруженного из стандартных блоков, которые использовались в 60-х годах для возведения пятиэтажек, то теперь здесь стоит великолепный особняк, отделанный деревом ценных пород, украшенный многопудовыми люстрами, сочетающий в себе помещения крестьянского деревянного дома и великолепие современной итальянской виллы.

Горбачевы занимали этот дом. А. Н. Яковлев, В. А. Медведев и я размещаемся в ста метрах в пятиэтажке, к которой пристроен

огромный бассейн, финская баня. Имеется здесь и большая столовая, кинозал, бильярдная и оставшиеся еще от Л. И. Брежнева и его гостей охотничьи трофеи и различные сувениры.

Недалеко возвышаются еще две двухэтажные виллы, выстроенные по прекрасным проектам с высоким качеством и использованием импортного оборудования и отделочных материалов. Они пустуют.

Каждое утро около десяти часов все садятся в «крестьянской» комнате виллы Горбачевых в могучие кресла, покрытые кабаньими и медвежьими шкурами, за большой некрашеный из сосновых досок стол и начинается работа. Сидим впятером. Раиса Максимовна уже давно стала полноправным участником в подготовке документов и довольно дотошно обсуждает каждую строчку. Она — организатор работы и хранитель идеологической чистоты текста. Дело идет медленно, часть страниц опять передиктовывается, дополняется, получает новую редакцию, а отдельные положения — развитие.

Около 12 часов Раиса Максимовна объявляет небольшой перерыв. Приносят топленое молоко, кофе, конфеты, зефир, печенье, сливки. И начинается ритуальное Создание» должного кофе. Я к нему равнодушен, а супругам подают в «турках» этот напиток, изготовленный по специальным рецептам. Затем идет проветривание помещения, маленькая разминка и вновь согбенный труд.

Работоспособность и прилежность Горбачевых поразительна, они вторгаются в текст, который мы с А. Н. Яковлевым отстаиваем насколько можно. И только поняв, что именно не устраивает супругов, начинаем переформулировать фразы. Но последнее слово за ними. Если мы отстаиваем ту или иную формулу, то через несколько дней видим, что она все равно сделана по-горбачевски. Только В. А. Медведев готов переписывать и давать новую редакцию тому, что сам писал. Чаще всего он это делает инициативно. У нас с А. Н. Яковлевым не исчезает чувство подозрения, что он просто забыл, что в Волынском настаивал именно на существующей формулировке. Впрочем, Вадим Андреевич неутомим, полагая, что лучшее — враг хорошего. Правда, на другой день он обнаруживает и признает, что наилучшее не меньший враг лучшего. И все начинается снова.

Наконец доклад закончен. Сегодня после обеда отъезд. Мы выходим на улицу и замечаем покрытые толстым снежным покровом поля и деревья, пруды. Мороз не дает возможности стоять на месте. Делаем кружок-другой и начинаем готовиться к отъезду. В доме начальства горничные уже собрали вещи, охрана

подгоняет машины. Стоим в ожидании выхода Горбачевых. Выходит Михаил Сергеевич, и, наконец, появляется Раиса Максимовна. С большим чувством пожимаем протянутые руки. Так и хочется сказать спасибо, но вроде все-таки эти слова должны сказать мы. Однако не стоит мелочиться.

Накануне вечером был «прощальный» ужин. Подали коньяк и виски, вино. Но настроения не было, да и говорить не о чем. Единственное разве — о весне 1985 года. И тогда начинаются воспоминания, как мешали Горбачеву занять пост на Олимпе и что делали против него, чтобы убрать с политической арены. Генсек хорошо помнит все и называет имена. Нет, он ничего не забыл…

Около 12 ночи расходимся. В номере темно, муторно, и все надоело. Собираю бумаги. Для доклада их присылали и сюда, лично Горбачеву. Или передавали через меня. А. И. Лукьянов, заведующий общим отделом, знает дело и залеживаться бумагам не дает. Так уж воспитан всей обстановкой, ответственностью, которая традиционно была перед генсеком, Политбюро ЦК.

…Начальство уехало, садимся и мы в машины и направляемся в Москву. Я заезжаю сразу в ЦК — документы должны быть возвращены, кроме того, надо отдать для перепечатки доклад. Завтра предстоит его размножить и разослать членам Политбюро и секретарям ЦК.

День кончился, сколько их было и будет еще. Но теперь все меньше остается удовлетворения от работы. Впечатление такое, что мы делаем что-то не то, направляя все силы в слова — доклады, речи, выступления. Как-то напряглось общество, лишилась четкости в действиях партия. Положение в экономике остается более чем сложным. Пока начальство выясняет, что же все-таки представляет из себя перестройка, занимается моральным стриптизом, ругает своих предшественников, люди все больше задумываются — куда же руководство клонит, что нужно делать?

Это покажется, может быть, невероятным, но что конкретно делать, тогда не знал никто. Начиналась пора теоретического разброда и путаницы, организационной немощи. Сегодня говорится одно, завтра другое, а делается третье.

…Через день назначается заседание Политбюро ЦК. Все получили проект доклада и в те времена еще считали, что могут влиять на содержание изложенных в нем концепций. Обсуждение разворачивается капитальное. Вроде бы все члены Политбюро равны, но начинают выступать по старшинству — кто ближе к председателю. И что я стал с печалью замечать, так это то, что все чаще и чаще превозносятся доклады генсека, его идеи. И вот

теперь взахлеб говорится о тех или иных удачных положениях. Но затем и лишь как пустячки следуют некоторые замечания, редакционные поправки, и не по принципиальным вопросам. Однако Громыко, сначала активно предлагавший свои замечания по существу, скоро сник и стал помалкивать или говорить уклончиво, неохотно.

Когда заседание кончилось, Михаил Сергеевич сказал, как всегда:

— Посмотрите, что учесть. Разумеется, не все, что там наговорили.

С таким поручением можно легко отбросить все замечания, но мы стараемся взять все целесообразное, действительно улучшающее текст. Пролетают еще два дня работы, и текст готов. А время съезда приближается, уже начали съезжаться делегаты. Горбачев закрылся дома и читает текст вслух, выверяет время, когда делать перерыв. Часто звонит, спрашивая: что нового?

— *Я* еще кое-что поправил в тексте, — говорит Горбачев, — надо перепечатать несколько страниц.

Проходит еще пара часов, и поступает еще просьба перепечатать страницы, иногда те, по которым недавно прошлась рука генсека.

Вместе с Е. К. Лигачевым и Г. П. Разумовским Михаил Сергеевич формирует состав будущего Центрального Комитета партии. Это очень важная и ответственная часть всей работы съезда. Большинство членов Политбюро просто не знали, кого изберут, а кого освободят. Эта тайна — основа великой власти лидера — позволяла ему решать судьбу ЦК и Политбюро волевым путем. И мало кто знал, что это важнейшее решение — плод личных размышлений. Генсек определял, кто войдет в ЦК, а члены ЦК в благодарность выбирали его своим руководителем. По некоторым кандидатурам М. С. Горбачев спрашивал, скажем, Громыко: Не будет, Андрей Андреевич, возражений, если посла такого-то введем в состав ЦК?

Что мог сказать на это Громыко? Нет, не возражаю. И этим все завершалось. Лидеры могут говорить о демократии до тех пор, пока это не мешает им принимать решения. Впрочем, и делегаты съезда, воспитанные на старых традициях и хорошо помнящие итоги XVII съезда партии, никогда не станут возражать и высказывать свое мнение по кандидатурам. В лучшем случае, содрогаясь от собственной смелости, они, забившись в уголок, вычеркнут кого-то из списка. Но это им будет стоить таких нервов, такого напряжения, что в следующий раз они сильно подумают, прежде чем взять ручку и покуситься на чье-то имя. Смелее дело идет, когда проходит команда от руководителей

делегаций. Но дается она начальством, и только доверенным лицам, а потому решительным образом повлиять на итоги выборов вряд ли может.

Гостиницы ЦК и Моссовета постепенно заполняются делегатами съезда. Размещение идет по рангам и делегациям. Приехавшие со всей страны, они заняты собой. Им нужно купить многое себе, домашним, знакомым, которые заказали столько вещей, что их нелегко перевезти даже поездом. Управление делами ЦК организует специальное почтовое отделение, которое отправляет покупки на места. На XXVII съезде, как решило Политбюро, делегаты получат более скромные подарки, но и они стоят не один миллион рублей. Это набор — кейсы, кожаные папки, часы, авторучки, ряд книг политического характера, изданных великолепно, специально для съезда. Кроме того, каждый делегат может пройти и купить в гостиницах другие вещи. Здесь работают специальные секции ГУМа, гастрономов. Из всех республик присланы деликатесные продукты национального характера. В общем, к съезду тогда готовились капитально. Но это был по существу последний съезд, где создавались привилегированные условия для делегатов. На следующем, чтобы получить порцию сосисок на завтрак, надо было выстоять в очереди.

…А пока Горбачев дома продолжал читать текст доклада, делегаты изучали нового лидера. Ореол славы его был тогда велик, однако какая-то недосказанность, неискренность, непонятность барьером разделяла людей и руководство. Это были первые трещины, развалившие в последующем всю партию, рассорившие народы, расколовшие страну.

И вот наступил день открытия XXVII съезда КПСС. 25 февраля 1986 года в 10 часов утра в огромном торжественно украшенном зале Кремлевского Дворца съездов появляются члены Политбюро ЦК, а также руководители делегаций зарубежных коммунистических и рабочих партий. Это всегда было величественным зрелищем. По существу, все руководство революционными, социалистическими движениями мира собиралось в этом алом зале Дворца, украшенном символами КПСС. Делегаты стоя приветствуют президиум.

М. С. Горбачев подходит к микрофону в центре стола Президиума и сообщает, что на съезд прибыли 4993 делегата из 5 тысяч, и объявляет съезд открытым.

В качестве генсека он впервые руководит столь многочисленным форумом, и каждое его слово в центре внимания делегатов.

На этом съезде особенно много гостей, приглашенных

дипломатических работников, представителей прессы. Для всех интересен съезд, доклад Горбачева, как неординарные события в жизни нашей партии, страны, мирового коммунистического движения. Съезд открылся в лучших традициях прошлого, по сценариям, уже многократно апробированным. И закончился он так, как и намечался.

Многие считали: удался доклад, деловыми были выступления. Все прошло при единодушном одобрении документов съезда. Избрали тех, кого намечал М. С. Горбачев, в меру обновили состав ЦК, но и оставили много прежних руководителей.

Был доволен генсек и тем, что достойно ответил на попытку Шеварднадзе воздать хвалу Горбачеву. То ли увлекшись, то ли не перестроившись, Э. А. Шеварднадзе, по грузинским обычаям, «завернул» такой панегирик в адрес Михаила Сергеевича, с какими он выступал только при Брежневе. Зал замер. И в эти минуты замешательства решалась судьба авторитета самого Горбачева, его замыслов. Смолчи он тогда, и все бы поняли, что меняются не принципы, не методы работы — меняются лидеры. М. С. Горбачев сориентировался: он прервал Шеварднадзе и отмежевался от его похвал. Тогда у всех еще свежи были воспоминания о возвеличивании Брежнева. Конечно, сделать это было нелегко: они дружны с Шеварднадзе с комсомольских времен. Знали хорошо друг друга, поддерживали контакты. Во время отдыха Горбачева в Пицунде Шеварднадзе часто там бывал и часами беседовал с генсеком. И не случайно в последующем первой кандидатурой на пост министра иностранных дел стал Шеварднадзе.

— Я думаю назначить Эдуарда министром иностранных дел, — сказал он как-то таким тоном, который не вызывал сомнения, что вопрос предрешен.

У меня в то время складывалось неплохое впечатление о Э. А. Шеварднадзе, делах в Грузии. Смущало лишь, что у него не было опыта международной деятельности, и это могло произвести не самое лучшее впечатление.

— У нас, конечно, уже был один грузин, — продолжал Горбачев. — Но я Эдуарда знаю как способного и честного человека. Надеюсь, он будет следовать выработанной линии.

Я понял, что Горбачеву нужен был талантливый и послушный исполнитель и он надеется на свой выбор.

…И вот на съезде произошел этот инцидент. Из стенограммы его вычеркнули, но на слуху он остался, и охотников подыграть Горбачеву, похвалить его поубавилось. В последующие годы такие люди были очень нужны, чтобы поддержать генсека-президента,

но теперь они молчали уже по другим соображениям. А те, что попытались упомянуть его имя, получали отпор со стороны других. На XXVIII съезде делегаты уже просили Горбачева отмежеваться от тех, кто подхваливал генсека, подыгрывал ему, но теперь он молчал.

Съезд обновил состав Центрального Комитета. Многие из прежних руководителей не попали в его число. Длительная работа Горбачева над списком не осталась бесследной: Пленум ЦК обновил и состав Политбюро. Замелькали новые имена — Л. Н. Зайкова, бывшего первого секретаря Ленинградского обкома партии; Б. Н. Ельцина, секретаря ЦК; С. А. Соколова, маршала СССР; Н. Н. Слюнькова, первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии; Н. В. Талызина, председателя Госплана СССР. В состав секретарей ввели В. А. Медведева, заведующего отделом науки в аппарате ЦК; В. В. Никонова, министра сельского хозяйства России; Г. П. Разумовского, заведующего организационно-партийным отделом, и А. Н. Яковлева, заведующего отделом пропаганды ЦК.

В партийном руководстве появилась поросль, доверчивая, преданная новому курсу, готовая решать все вопросы, которые выдвигает жизнь перед партией и страной.

Это были люди, как правило, не связанные с прошлыми ошибками партии, да и не знающие о них толком. Но многие не были обременены и опытом политической и хозяйственной работы крупного масштаба.

После XXVII съезда партии Горбачев осуществил распределение обязанностей между членами Политбюро и секретарями ЦК. Второй фигурой в партии, лидером, председательствующим на заседаниях Секретариата ЦК, а в отсутствие генсека и заседаниях Политбюро, стал Е. К. Лигачев. Как второе лицо в КПСС, он не только вел Секретариат ЦК, но и должен был осуществлять руководство всей идеологической деятельностью партии. Работа эта была ему достаточно знакома. Когда-то в начале 60-х годов он возглавлял отдел пропаганды и агитации в Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Е. К. Лигачев включился в эту работу активно и, как он все делал, решительно. Но этим же участком работы занимался и вновь избранный секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев. В таком назначении тоже была своя логика. Александр Николаевич по характеру, подготовке до мозга костей идеолог, по существу вырос в недрах отдела пропаганды ЦК КПСС, где начал работать еще в середине 50-х годов. Он отлично знал дело, кадры идеологов и, как говорится, на пропаганде марксизма-ленинизма проел все зубы. Поручение двум секретарям ЦК заниматься одним и тем же делом объективно

сталкивало двух руководителей КПСС, которые в прошлом, в 60-е годы, неплохо знали друг друга, а теперь рассорились в пух и прах.

Что послужило для этого поводом, сейчас сказать трудно. Но скорее всего, разные взгляды на один и тот же вопрос. Положение усугублялось тем, что это были два самолюбивых и властных характера. Один прямой и решительный, не знающий полутонов и не привыкший маневрировать, а другой — с мягкими повадками, просчитывающий многие ходы вперед. Такая «ссора» привела к тому, что в партии сложилось тяжелое положение. Разошлись в подходах по вопросам идеологии не только два руководителя, надвое раскололись все службы и кадры идеологического фронта. Одни прильнули к Яковлеву, другие — к Лигачеву. Началась склока, кончившаяся в конце концов драматически. Е. К. Лигачев назначал одно совещание и давал одни указания средствам массовой информации, а А. Н. Яковлев на другой день обесценивал указания на собранном у себя совещании редакторов или на основе личных контактов.

Через неделю такая ситуация менялась местами. И внутреннее напряжение достигло апогея. Разногласия перешли на заседания Секретариата ЦК, перекинулись на решения по иным вопросам. Снимались с рассмотрения без особой нужды те или иные проекты решений. В конфликт втягивались почти все секретари ЦК, и я не помню заседания, когда вопрос о деятельности идеологических служб, средств массовой информации не обсуждался бы на Секретариате или Политбюро ЦК.

В этих условиях Горбачев занимал довольно странную позицию. Он старался не вмешиваться в конфликт и с высоты своего положения наблюдал за битвой двух тигров. Осознавал ли он все ее последствия? Не думаю. Скорее, генсек не без умысла сталкивал своих соратников, исходя из того, что в этой борьбе они ослабят друг друга, будут ручными. Сначала он не ведал, что на политической арене разворачивалась не война амбиций партийных лидеров. Это было столкновение двух линий в деятельности партии, развитии страны — линии на сохранение социализма и линии на его дискредитацию, линии на укрепление Советского Союза и линии на его развал. И если бы Горбачев смог сразу понять происходящее, он не свалился бы в жернова изобретенной им машины и не был бы выброшен на свалку истории. Не наделенный стратегическим мышлением, генсек неловко суетился вокруг разожженного им костерка, подбрасывая туда дровишки, и радовался разгорающемуся пожару. Иногда спрашивал меня:

— Ну как, Егор с Александром все еще цапаются?

— Да там уже рукопашная началась, и каждый сторонниками обзавелся. Добром не кончится.

Он тихо и счастливо смеялся.

Разлад в деятельности Политбюро, аппарате ЦК и всей партии беспокоил Лигачева, и он часто приходил к Горбачеву с докладами о ненормальности сложившегося положения. Часто на жалобы Лигачева генсек коротко говорил:

— Держись, Егор. Действуй. У тебя все рычаги.

Правда, и А. Н. Яковлева поддерживал, хотя часто просил:

— Действуй, как договорились, но последи, Саша, чтобы не писали глупостей. Поговори с редакторами, но линию держи.

Бывало нередко и так, что генсек взрывался. Наслушавшись оценок публикаций членами политического руководства, он на Политбюро играл роль возмущенного, гневно и резко ругая редакторов и печать, просил А. Н. Яковлева навести порядок. Нетрудно догадаться, что в этом вопросе его почти единогласно поддерживали другие члены Политбюро. Но в наведении порядка А. Н. Яковлев предоставлял возможность действовать Е. К. Лигачеву. И Егор Кузьмич энергично брался за выполнение поручения, что в последующем ему обошлось довольно дорого. Средства массовой информации превратили его в мишень для своих упражнений в критике. В общем в средствах массовой информации второй половины 80-х годов воцарился хаос и препирательство, закладывались семена, всходы которых привели потом многих в шоковое состояние.

Надо сказать, что идеологической работе Горбачев отводил важную, но своеобразную роль. Он начал довольно часто собирать творческую интеллигенцию, писателей, журналистов, артистов, художников. Давал возможность всем высказаться, помногу говорил сам. Но люди скоро заметили, что приходят на пустопорожние встречи. Ни одна поставленная интеллигенцией проблема не решалась. Писатели жаловались на недостатки в издательской деятельности, а сдвигов фактически не было ни в чем. Люди говорили о своих профессиональных нуждах, но это был глас вопиющего в пустыне. Они делились своими соображениями об улучшении положения дел в экономике, культуре, образовании, но все оставалось как прежде.

Иногда ко мне по старой памяти заходили писатели и журналисты. Они сначала робко, в порядке совета, говорили, что ждут подобные встречи, осмелев, сетовали на их пустоту. Я и сам тогда до конца не понимал, почему так происходит. Что это: выпуск пара из перегретого котла в творческой среде или неспособность решить конкретные вопросы? И пришел к

печальному для себя выводу — и то и другое.

К сожалению, время летит быстро. И многие заверения и обещания остаются пустыми словами. Эйфория веры в чудо с приходом нового лидера начинает проходить. И уже слышен ропот, недовольство. М. С. Горбачев весьма болезненно относился к критике. Собственно, его в жизни никогда и не критиковали. С одной стороны, было не за что — такие у него были должности, с другой — в крае власть была абсолютной. Разве только в центр шли анонимки. Да и то они возвращались к нему.

Поэтому первые публикации о социологических опросах, показавшие, что его популярность начинает снижаться, приводили его в неистовство. Я помню, как он болезненно реагировал на опрос, проведенный «Московскими новостями» среди пассажиров какого-то поезда. М. С. Горбачев метал громы и молнии, выговорил А. Н. Яковлеву за распущенность прессы, не репрезентативность опроса, ошибочность выводов о снижении рейтинга генсека. Тогда А. Н. Яковлев предпринимал меры, чтобы поправить дело, и рейтинг возрос.

Но спустя какое-то время с подобными выводами выступили «Аргументы и факты». Опять была неприличная сцена, кончившаяся тем, что на встрече с творческой интеллигенцией М. С. Горбачев принародно не удержался и сам разгромил газету, а редактора ее пообещал выгнать с работы. Ничего худшего, казалось бы, допустить было просто нельзя. И ответ последовал такой, что он моментально отрезвил генсека. За газету заступились другие средства массовой информации. Конечно же, Горбачев и так бы ничего не сделал с редактором в силу своей нерешительности. Но теперь он просто испугался. И этот испуг надолго охладил его пыл, началось заискивание перед прессой.

Журналисты, писатели, деятели науки и искусства, ценя начатую Горбачевым перестройку, тем не менее понимали, с кем они имеют дело. Нарастающее неуважение к руководству вылилось в анекдоты, пародии, карикатуры. Внешне казалось, что Горбачев не переживал из-за этого и к критике, насмешкам адаптировался, умел довольствоваться малым. Когда было особенно невмоготу, терпение кончалось и аргументов не было, он нередко угрожал своим уходом с того или иного поста. Но я знал, что он только пугает слабонервных и никогда никуда не уйдет: ему очень нравились занимаемые им посты, понимал он и свою ответственность за развал страны.

Пожалуй, больше других переживала Раиса Максимовна. Она часто звонила и спрашивала, какие настроения у интеллигенции, как тот или иной писатель, деятель культуры относятся к генсеку, что говорят артисты, на кого можно опираться. Я практически

ничего не мог сказать об этой стороне дела — мало что знал. Теперь этими вопросами занимался И. Т. Фролов, другие помощники. Им вменялось в обязанность сохранять нужную направленность идеологии, знать настроения интеллигенции.

Все эти коллизии разворачивались в послесъездовский период постепенно, но драматизм их нарастал с каждым годом и месяцем. А сразу после XXVII съезда КПСС обстановка в партии и стране была приподнятой и творческой. Съезд выдвинул программу радикальных реформ под общей идеей ускорения развития социально-экономического развития общества. Эти реформы касались практически всех сторон жизни общества. Но довольно скоро выяснилось, что ускорить наше движение вперед, не осуществив глубоких преобразований, довольно сложно. Кроме того, существовали силы, которых вообще не интересовало ускорение движения нашей страны по пути научно-технического прогресса. Их больше привлекал слом существовавшей политической системы. Видимо, вектором приложения разнообразных сил и стало камуфлирующее слово «перестройка». Из него неясно было, что это такое, к чему приведут намечаемые довольно смутные обозначения сути перестройки. Само по себе слово в отечественном лексиконе ничего нового не представляло. Оно было в нашем обиходе в середине 50-х и 60-х годов, а может быть, и ранее. Хорошо помню, как приход Л. И. Брежнева потряс многие структуры управления страны и чиновники по этому поводу шутили: «Держись стойко — началась перестройка».

Это не смущало М. С. Горбачева, а может быть, он просто и не знал, что вся история послереволюционных преобразований в стране была по существу перестройкой. И слово было генсеком снова выпущено на волю теперь уже на официальном уровне. Медленно, сначала изредка, потом все чаще оно внедрялось в обиход, символизируя, видимо, глобальные преобразования в стране. Апробировать слово «перестройка» генсек начал в одной из своих начальных поездок по Сибири и Дальнему Востоку. Сначала пару раз он употребил его в выступлении во Владивостоке, где, кстати, обратил внимание на служившего в тех краях Д. Т. Язова. Затем широко характеризовал перестройку в стране в Хабаровске, хотя там он говорил о перестройке как ускорении социально-экономического развития общества.

Расшифровку понятия перестройки М. С. Горбачев давал на протяжении всего времени пребывания у власти. Основные позиции перестройки сформулировал А. Н. Яковлев. Трактовка эта постоянно менялась как по охвату сфер жизни общества, так и по времени. Когда результаты преобразований стали отдаляться, М. С. Горбачев выдвинул концепцию перестройки как процесса,

который будет протекать в рамках определенного исторического периода. Наверное, такая формулировка была бы правомерна, если бы к тому времени в стране не оказались демонтированными многие ключевые конструкции, удерживающие общество от хаоса и неуправляемости. Народ, как и во времена Л. И. Брежнева, слышал слова, правда произносимые довольно внятно, но не имеющие обязательности и практического значения. Жизнь становилась хуже, самобичевание партии за прошлые грехи, неспособность улучшить положение дел отталкивали людей от КПСС, в которой они видели теперь средоточие всех зол. На фоне этого разложения властных структур начали выкристаллизовываться новые силы, которые громко и смело критиковали все прошлое и настоящее, правда не очень внятно предлагая пути выхода из кризиса. Обстановка была раскалена до белого каления. От перестройки до революции был всего один шаг. Требовался только повод. И он появился в августе 1991 года.

…В условиях нарастания трудностей в стране, конфронтации в обществе М. С. Горбачев ограничивает свои поездки по стране. Это становилось уже небезопасным, да и видеть разъяренные лица удовольствия мало. Круг его интересов все больше перемещается в сторону международных отношений и зарубежных визитов. Чем накален-нее была обстановка внутри страны, тем сильнее звучали величальные речи за ее пределами. На западе о действиях генсека-президента продолжали говорить только добрые слова, его встречали как кумира, сделавшего то, что не могли совершить никакие военные и иные силы. И эти добрые слова западных почитателей М. С. Горбачева стали весомой компенсацией за негативное отношение к нему в собственной стране. Правда, не только добрые слова…

Зарубежные визиты

«Опять гремят ключи, взвизгивает и скрежещет дверь, стучат каблуки: собираться с вещами и быстро в другую камеру. Идет обыск, проверяют все, что можно, чужие руки ощупывают одежду, вещи. Через час мы обживаем новую камеру. Те же темно-синие стены и такая же на них «шуба» из бетона, на которой не то что написать — к ней прислониться боязно, железные нары, приваренный к полу стол и тот же бессонный глазок, из которого идет постоянное наблюдение. Впрочем, ночью, когда нет начальства, молодые ребята часто резвятся, и я не могу заснуть из-за их хохота, споров, топания каблуков. Только обессилев, забываюсь на короткое время. Сон не идет.

Память перелопачивает все, что было в жизни. А было, пожалуй, одно — изнурительная, не знающая покоя работа по 14–16 часов в сутки, нередко включая и воскресенья. Субботы — всегда, воскресенья — как правило. Я работал, как паровоз, — тянул то, что по-хорошему должны были делать несколько человек. Зачем? Видел свой долг в этом и, конечно, хотел, чтобы страна быстрее пришла к процветанию. За эти годы я ничего не нажил и был нищ, как большинство прежних чиновников, и брал кредит, чтобы что-то купить. И когда подошел рынок, то понял, что придется идти не мне, так детям или внукам в наем к тем, кто оказался ловчее и умудрился нажить деньги, пока я участвовал в подготовке речей Горбачеву о переходе к социализму с человеческим лицом и коммунистической перспективой.

М. С. Горбачеву легче: у него валютные счета. Да и поездки за рубеж многое давали. А ездить он любил.

Еще будучи первым секретарем Ставропольского крайкома, Горбачев с супругой сумел посмотреть ряд европейских стран. Перейдя на работу в ЦК, первое время М. С. Горбачев организовывал свои визиты, как это было при поездке в Канаду, а в 1984 году — в Англию. Со временем наши послы старались сами заполучить восходящую звезду в то или иное государство. А когда началась перестройка, реализация политики нового мышления, миролюбивых инициатив, от приглашений не было отбоя. Активная внешнеполитическая деятельность требовала встреч лидеров различных государств.

За рубеж, как и по Союзу, Михаил Сергеевич практически всегда ездил с Раисой Максимовной. Задолго до поездки они начинали тщательно готовиться к вояжу. В первые годы перестройки решения о визите обговаривались на заседаниях

Политбюро ЦК. Для этого участникам заседания, как правило, рассылались поступившие приглашения, мнение МИД и международного отдела ЦК о целесообразности поездки, о возможности достичь каких-то соглашений или начать процесс переговоров, которые в последующем смогут привести к перспективным практическим решениям.

На Политбюро ЦК выступал Горбачев, давал свою оценку возможным результатам визита, высказывались министр иностранных дел СССР, другие члены Политбюро. Следствием этого были решения о необходимости поездки. Различным организациям и органам давались поручения представить необходимые документы о политическом положении в той или иной стране, торгово-экономических контактах и возможных вопросах, которые могут возникнуть в результате поездки. Министерство обороны, КГБ, посольства, институты, которые занимались тем или иным государством, давали свои соображения по предстоящему визиту. Горбачев поручал заниматься этими проблемами одному из своих помощников — сначала А. М. Александрову-Агентову, а позже А. С. Черняеву и В. В. Шарапову, перед которыми ставилась задача обобщить материалы, договориться через МИД и посольства о программе поездки и возможных встречах с государственными деятелями, бизнесменами, учеными, представителями общественности.

Специально составлялась программа для Р. М. Горбачевой, которая встречалась, как правило, с деятелями науки, культуры, образования, посещала различные выставки, музеи, устраивала приемы сама и приглашалась другими на чай для различных бесед.

Это была очень хлопотная сторона визита, и часто в протоколе возникали неувязки, накладки, а то и явные проколы.

Серьезную подготовку поездки осуществляли протокольный отдел МИД, службы охраны. Они входили в контакт с соответствующими службами страны посещения и начинали сложную работу по обеспечению всех мероприятий визита: когда, где и кому присутствовать на встречах, кто будет охранять главу Советского Союза, поедет ли охрана с оружием, или всю безопасность берет на себя принимающая сторона. Эти вопросы обстоятельно обсуждались, утрясалась численность сопровождения. Но что было практически неизменным — это доставка в те страны наших автомашин, как правило «ЗИЛов», оборудованных специальной связью, позволяющей сноситься с Москвой практически из любого уголка мира. Машины эти были элегантны, довольно хорошо защищены и надежны. Хотя с точки зрения современного автомобилестроения они представляли

позавчерашний день. На них стоял капризный двигатель, который имел «привычку» в самый ответственный момент глохнуть.

Во время одного из визитов Горбачева в США я был свидетелем, как американцы с интересом рассматривали наши «ЗИЛы» и, оставшись удовлетворенными внешним видом, спросили: это английская машина? Они с трудом верили, что перед ними советские автомобили, и долго качали головами, что можно было понять и так: ну, ну, заливайте, но мы-то не простаки. В ФРГ, правда, не сомневались, что это советские машины, особенно когда они не могли завестись сразу. Правда, охранники старались всячески преуменьшить неудачные старты «ЗИЛов», когда они случались, и говорили, что сильно жарко и бензин улетучивается, поэтому нужно время, чтобы прогнать горючее по системе. Иногда причины указывались и другие. Но в целом, хочу сказать, это достаточно красивые, хорошо отделанные внутри, прочные и мощные автомобили, способные противостоять если не танкам, то во всяком случае боевым машинам пехоты.

При подготовке визита много внимания уделялось не только документам, речам и выступлениям, хотя М. С. Горбачев тщательно, особенно первое время, относился к таким материалам, но и внешней атрибутике и имиджу. Загодя начинали заказываться новые костюмы в зависимости от географического расположения страны посещения. Шили их с учетом предстоящих мероприятий: темные — официальные, более светлые — для поездки. Тщательно подбиралась разнообразная обувь, галстуки, сорочки. Я уже говорил, что в этом отношении генсек-президент выглядел куда блистательнее тех, с кем он встречался, хотя я не уверен, что более скромная одежда на лидерах других стран не соответствовала тогдашним понятиям приличия. Да и не всякий руководитель согласится выглядеть как манекен. Незначительная небрежность придает куда более солидное впечатление, чем экстравагантные пиджаки, от которых еще отдает запахом утюга.

Особую заботу составляли наряды Раисы Максимовны. Она одевалась всегда довольно изящно, с большим вкусом, чем многие другие дамы. У нее был более обширный гардероб, и она не любила повторяться. Это относится, как правило, и к украшениям, хотя, как я заметил, в последнее время она украшала себя одними и теми же довольно массивными браслетами, серьгами и кольцами из белого металла. Очень удачно она подбирала обувь, которая приобреталась в западных магазинах. На ней были изящные шубки, другие меховые изделия. Трудно мне судить о том зверье, которое пошло на

изготовление меховых нарядов, но все это выглядело роскошно. Хотя кому-то и могло казаться, что все украшения безумно дороги, но, видимо, они ошибаются, поскольку оклад генсека-президента всегда был невелик, и как Р. М. Горбачевой приходилось выкручиваться — известно только ей и Богу. Во всяком случае, в самолет загружалось большое количество чемоданов, коробок, специальных пакетов для хранения верхней одежды. И мне все время казалось, что Раиса Максимовна уезжает на долгие месяцы.

Другой заботой четы были подарки — официальные и личные. Для этого в ЦК КПСС существовала подарочная кладовая. Находилась она на третьем этаже главного здания и была набита всякой всячиной, прекрасной и дорогой, а по нынешним временам и просто бесценной, как сокровищница Али-Бабы. И чтобы попасть туда, нужна была лампа Аладдина. Первый раз привел меня знакомиться с этой кладовой Н. Е. Кручина и кто-то из его заместителей. Там хранились картины и скульптуры известных мастеров, великолепные шкатулки палехской школы, ручной работы инкрустированные тульские ружья, охотничьи наборы, сервизы авторские из фарфора, хрусталя, альбомы с редкими марками, множество часов — все, что делалось по спецзаказам в стране. Имелись там и ювелирные украшения, шкатулки, другие изделия из камня, в том числе полудрагоценного. Особое место занимали украшения из благородных металлов.

Внимательно приглядевшись ко всему этому, я обнаружил, что там есть и предметы из Гохрана, оставшиеся с брежневских времен. И я посоветовал Н. Е. Кручине отправить все, что «оттуда», обратно. Знаю точно, что серебряный самовар работы прошлого века и, кажется, чашки он впоследствии отправил в Гохран. Удивился я и тому, что большинство цодарков имело на редкость низкую цену. Никто никогда не делал переоценок, и золотые часы старинной работы могли стоить 30–50 рублей.

И вот в канун поездок Михаила Сергеевича за рубеж в одну из комнат, расположенную вблизи кабинета генсека и президента, работниками Управления делами выставлялись разнообразные образцы подарков лидерам зарубежных государств, их супругам, другим деятелям государств. Осматривать их всегда приходила чета. Они вместе разглядывали эти дары и подбирали, что было целесообразно вручить во время поездки. Это были поначалу очень длительные осмотры, с колебаниями и сомнениями. Потом дело пошло веселее. Горбачевы знали уже, что где находится и прямо говорили: нужно вот то-то и то-то или вот такой сервиз или набор. Как-то я, видя, что намечается подарить довольно

дорогой по нынешним меркам подарок, спросил генсека: «А надо ли уж так тщательно отбирать все это? Ведь за рубежом существует практика сдачи подарков». Горбачев усмехнулся и сказал, что эта практика касается официальных подарков, а личные — дело другое.

Подарки преподносились не только официальным лицам, но и их супругам.

— Ну, мадам Тэтчер мы отобрали подарок, а ее веселому супругу подберите-ка что-нибудь в соответствии с его склонностями, — поручал М. С. Горбачев.

А склонности супруга «железной леди», как я понял, знали наши хозяйственники и с согласия генсека подбирали ему либо охотничий набор, состоящий из кинжала в серебряной оправе, серебряной с позолотой чарки, инкрустированного золотом топорика и, видимо, каких-то бутылок. Был для этого случая и мужской набор, куда входили лучшие отечественные водки, икра, крабы.

Подарки женам президентов и премьеров состояли из редчайших по красоте и исполнению хрустальных или фарфоровых наборов и сервизов в авторском исполнении, разнообразных украшений и поделок из ценных камней, великолепных и огромных по величине лаковых шкатулок палехской школы и многого, многого другого. Как-то Николай Ефимович Кручина рассказывал о предполагаемом личном подарке Р. Рейгану — шикарном кожаном седле, изготовленном в духе древних традиций шорников. Он отговаривал генсека от такого дара, говоря о его двусмысленном характере, но настоять на своем, по-моему, не мог.

Войдя в клуб великих правителей мира, М. С. Горбачев был этим чрезвычайно польщен. Он много рассказывал о нравах, привычках, слабостях и страстях президентов, премьер-министров, королей, давал характеристики им и их окружению, рассказывал забавные истории. Особенно он забавлялся пристрастием Р. Рейгана к российским поговоркам и анекдотам и все просил подобрать для президента какое-то пособие на этот счет. Любила давать характеристики дамам и Р. М. Горбачева. Из них можно было понять, что первые леди многих стран не всегда одеваются со вкусом и не в состоянии связно рассуждать о серьезных проблемах, особенно если речь заходила о политических системах различных стран. Не знаю, насколько это так, но и не верить супруге генсека-президента не могу, а что касается пробелов в их знаниях по философии, то даже уверен.

Во всей церемонии взаимного одаривания было много неясного и тайного. То, что дарила наша сторона и что получала

в ответ, было большой тайной для парламента, не говоря уже о народе. Какие-то инстинкты продолжали эту древнюю практику задабривания друг друга, несмотря на новое мышление генсека. Сувениры получали практически все сопровождавшие генсека-президента. Ценность их была, разумеется, разная в зависимости от ранга: от брелка для ключей, часов, фотоаппаратов до того, что хранилось в большой тайне. Но сдавали их в казну, по-моему, только Н. Е. Кручина да я. Во всяком случае, когда потребовалась справка о том, что возвращали в кладовую после визитов за последние годы, не набралось и полдюжины имен.

Полагаю, что во многих странах к такого рода сувенирам относятся как к символам, и купеческого размаха там нет. Но чем беднее страна, тем дороже подарок она готовит. Мы в этом отношении «переплюнули» всех. Хотя должен сказать, что по сравнению с тем, что происходило при Брежневе, нынешние подарки обходятся народу все же дешевле…

Затем подготовка к визиту переходила в новую стадию. Зная программу, Р. М. Горбачева окуналась в литературу о стране посещения. Она смотрела кинофильмы этого государства, читала книги его классиков, изучала культуру, искусство, составляла представление о музеях, выставках и т. п. И когда мне изредка приходилось бывать вместе с ней, то я видел, с каким удовлетворением она рассказывает сопровождающим хозяевам об их стране, реликвиях, всяческих достопримечательностях. То ли из деликатности, то ли действительно от незнания хозяева внимательно ее слушали, изредка задавая вопросы. Хорошо это было или плохо — сказать трудно. Но лучше, чем когда многие гости с удивлением взирали на памятники культуры, впервые о них услышав.

Основное сделано. Формируется команда сопровождения, вернее, утверждается окончательно. Горбачевы любили брать с собой огромную свиту деятелей искусства, культуры, литературы, журналистов. Как правило, ездил и жизнеписатель четы Уралов, который снимал все на видеопленку. Список сопровождения начинал составляться А. С. Черняевым еще задолго до поездки. Обычно этот список делился на две части — ближайшее сопровождение и группа идеологического обеспечения и украшения визитеров. В первую группу включались члены делегации. Как правило, это были министр иностранных дел, представитель международного отдела ЦК, А. Н. Яковлев, кто-то из глав республик или Верховного Совета и наш посол. Кроме того, в группу входили и лица, помогающие Горбачеву, — это помощники и советники, личные стенографистки-машинистки, а также охрана во главе с Ю. С. Плехановым. Туда же включались и

помощники членов официальной делегации, переводчики. Все эти лица, как правило, летели в самолете президента.

Вторая группа улетала раньше. В нее, как я говорил, входили писатели, ученые, другие общественные деятели, которые украшали визит, представляя созвездие имен, окружающих президента. Правда, это было лишь поначалу. Потом я заметил, что некоторые стараются под различными предлогами уклониться от поездки. Это больно травмировало Горбачевых, особенно Раису Максимовну, которая занималась утверждением группы сопровождения президента. Кстати, сопровождающие часто менялись, список постоянно обновлялся, одного вычеркивали, другого вписывали. Если становилось известно, что кто-то неуважительное что-то сказал, то шансов попасть в сопровождение у него не было. Некоторые вообще никогда не приглашались, ибо это были либо люди слишком самостоятельные, либо не желающие участвовать в этом шоу. Некоторые из них, с кем я был хорошо знаком, звонили мне и спрашивали: а удобно ли не ехать? Знаю, что кое-кто, ссылаясь на болезнь, так и не поехал.

Но вот все готово к отъезду. Назначается час отлета. Горбачевы любили, чтобы их провожал широкий круг приближенных. Михаил Сергеевич утвердил порядок, по которому провожать должны были все члены Политбюро и секретари ЦК, помощники, руководители ключевых ведомств, во главе которых стояли наиболее доверенные лица: Пуго, Крючков, Язов, Бакланов, Лукьянов или их предшественники независимо от того, занимали ли они какую-то ступеньку в партийной иерархии или нет. То же самое поначалу было и при поездках внутри страны. Поскольку при этом Горбачев просил показывать отлет по телевидению и в печати, то скоро пошли сотни писем, осуждающие людей, которые служебное время проводят в аэропорту, то провожая, то встречая генсека-президента.

Горбачев скоро договорился, чтобы в полном составе его провожали лишь за рубеж. Но частые поездки за границу оставались, и поток писем продолжал поступать. Однако тут ритуал соблюдался неукоснительно. Позже к провожающим присоединились члены Президентского совета, затем Совета Безопасности, правда, уменьшилось число провожающих из ЦК. Теперь это были П. А. Ивашко или О. С. Шенин. Команды о составе провожающих всегда давал лично Горбачев, дополняя кем-то список или отводя тех или иных лиц по известным только ему причинам. Без его команды провожающие не приглашались. Некоторым он звонил сам.

Самолет отправлялся из Внуково-2 — специального

аэровокзала для высоких гостей. Туда все съезжались задолго до отлета президента. Собирались группами, обсуждали проблемы, и мне часто казалось, что шло продолжение каких-то заседаний. Нередко там решались и некоторые вопросы. Затем приезжал генсек-президент. Когда было время, он включался в разговор, высказывал пожелания, давал задания. Затем все отправлялись к трапу самолета, и там происходил ритуал прощания. Провожающие выстраивались в три шеренги. В первую входили А. И. Лукьянов, В. С. Павлов, В. А. Ивашко. Во вторую — все члены Политбюро или Совета Безопасности. И в третью — все прочие помощники, министры и т. д. Начинается процесс рукопожатий. Продолжительный — с первой шеренгой, короткий — со второй, небрежный и мимолетный — с третьей.

Президент с супругой поднимаются по трапу. Перед входом в самолет поворачиваются и печально машут рукой. Все дружно поднимают руки и активно качают их над головами, изображая на лицах улыбки и безмерную тоску — что нужно для телевидения. Еще перед отлетом все целовались. Последнее время целовались реже. Состав руководства так быстро менялся, что, видимо, мешал ритуалу родственного расставания. Эта прощальная церемония с непокрытыми головами продолжается, пока самолет не вырулит на взлетную полосу. Все с нетерпением ждут этого момента. Затем оставшиеся входят в зал аэровокзала и ждут, когда взлетит самолет. Раньше взлета уехать неприлично. В какие-то времена еще при Хрущеве самолет неожиданно вынужден был приземлиться из-за каких-то неполадок, а провожающих и след простыл. С тех пор только после доклада представителя Аэрофлота о том, что самолет в воздухе и все нормально, провожающие начинают прощаться, проявляя какую-то трогательную привязанность друг к другу, хотя знают, что через час, а может, и раньше встретятся на совещании или другом мероприятии.

Итак, на земле все разъезжаются по своим делам.

А в это время на борту самолета идет кипучая работа. Первые полчаса она связана с рассадкой. В первом, президентском салоне чета начинает размещаться и переодеваться. Этот салон — приблизительно половина самолета. Он имеет кабинет или комнату отдыха и большой просторный зал с двумя столами и мягкими креслами-диванами, телевизором, телефоном и прочим оборудованием. Вся мебель из ценных пород дерева. К салону примыкает кухня с большим запасом всего, что может только пожелать самый привередливый человек.

За кухней еще один маленький тесный салончик со столами. Он рассчитан на восемь человек. Этот салон крайне неудобен.

Особенно в нем трудно заснуть, если летишь через океан. В этом салоне, как правило, размещаются Черняев, министр иностранных дел, кто-то еще из сопровождающих, а также Плеханов и Медведев из охраны.

В третьем салоне, где летит охрана, врачи, горничные, машинистки также рассаживаются поудобней, хотя в самолете они находятся задолго до приезда делегации.

Наконец, после рассадки кто-то достает бумаги, кто-то газеты и журналы, другие ждут, когда подадут чай и к нему всякие сласти. Минут через 40–50 Горбачев приглашает к себе министра иностранных дел, помощника, иногда других сопровождающих. Начинается работа. Но трудиться по-настоящему там тяжело: гудят двигатели, да и документы много раз уже обсуждались. И разговор скоро переходит в плоскость общих рассуждений.

Я лечу, когда меня брали, без особых функций, скорее как мебель или чемодан, который вдруг понадобится, хотя и маловероятно. Меня такое положение угнетает, и несколько раз я попытался деликатно уклониться, ссылаясь на большой объем работы, что соответствовало действительности. Но, видимо, Михаил Сергеевич считал, что для меня это какое-то поощрение или благо. Кстати, то же самое положение было и у А. Н. Яковлева, Э. А. Шеварднадзе решал все вопросы и участвовал в переговорах, а Яковлев, как член Политбюро ЦК, чувствовал себя не всегда уютно среди государственных деятелей.

Итак, в президентском салоне продолжалась работа. Иногда приглашенные оставались здесь и обедать. Остальным подавалось все на местах. А в салоне, где летела охрана, врачи, стенографистки, обед ставили, как в обычных аэрофлотовских самолетах, где столики были в спинках кресел предшествующего ряда. Обед обычно бывал обильный. Подавались закуски — рыбные, мясные, икра, крабы, жульены. Затем следовали на выбор первые блюда — бульоны, уха. После этого шли рыбные или мясные горячие блюда. Далее — кофе или чай, молоко, шоколадные конфеты, пирожные или торты, мороженое, фрукты. Можно было и принять рюмку, но особых любителей этого я никогда не видел. Во всяком случае, во втором салоне. Другое дело, когда самолет возвращался на Родину…

По прибытии в страну президент и супруга обычно размещались либо в советском посольстве, либо в специальной резиденции, которую предоставляла принимающая сторона. Но я не помню, чтобы чета селилась где-либо, кроме посольства. Правда, это говорит лишь о том, что я бывал относительно редко в подобных поездках.

Далее начинались официальные переговоры, встречи, обеды и

деловые завтраки — занудная работа, которая лишь сковывала и приучала «надувать щеки» и делать важный вид при обсуждении тех или иных договоренностей, хотя я уже знал, что все согласовано и речь идет лишь о подписании тех или иных бумаг, а если и оставались разногласия, то они решались лично лидерами и наиболее доверенными лицами из МИД.

Мне особенно запомнилась поездка в США, когда Горбачев встречался с Рейганом и подписывал там ряд важных соглашений. Чета разместилась тогда в нашем посольстве, для чего потребовалась некоторая реконструкция помещений, перестановка и обновление мебели. Подобного рода «обновления» делались при всяких высоких визитах. Обычно посольства наши были очень заинтересованы в таких поездках главы государства. Пользуясь этим, они требовали баснословные суммы денег для Обновления», Освежения» помещений, приобретения гарнитуров, посуды. По существу делалось за время визита то, что не решалось многие годы. Под таким предлогом закупалось и ненужное для визита.

Остальные сопровождающие остановились в гостинице «Мэдисон», которая размещалась практически напротив посольства. Там и я расположился, но бывал в номере только тогда, когда приходило время сна.

Для делегации, а возможно, и для других проживающих в гостинице был внизу организован «шведский стол», и можно было попробовать многое из того, что тебе нравилось. Но и этим практически пользоваться не пришлось, ибо время все было занято различными официальными мероприятиями: завтраками и обедами, участием в переговорах.

Первый раз я попал в Белый дом 8 декабря 1987 года в начале переговоров. Наша делегация прошла в здание, оказавшееся сравнительно небольшим, напоминающим больше старинную российскую помещичью усадьбу с многочисленными небольшими комнатами. И только на втором этаже имелся зал, где могли разместиться около ста человек.

Библиотека Белого дома, комната заседаний Совета Национальной Безопасности, да и сам кабинет президента были столь малыми, что трудно себе представить, чтобы там могли собраться полтора-два десятка человек.

Перед началом совместного заседания президенты уединялись в Овальном кабинете, а остальные разбредались по различным апартаментам.

Мы с В. М. Каменцевым, заместителем Председателя Совмина СССР, остались сидеть в зале заседаний Совета Национальной Безопасности и вели свои беседы, в том числе делились

впечатлениями о Белом доме. Осмотрев стол и кресла членов Совета, выяснив, кто где сидит и кто где сидел, сошлись на мнении, что только традиции могут заставить собираться руководителей страны в этом зальчике, размещенном на первом этаже практически на уровне газонов. Посочувствовали мы и президенту Рейгану. Ведь у Горбачева в Кремле кабинет был раза в два больше.

М. С. Горбачев продолжал беседы наедине с Рейганом. Остальные, как я говорил, разбрелись; где-то ходили американцы, которые также должны были присоединиться к переговорам. Час шел за часом, и скоро стало ясно, что расширенного заседания не будет. Времени оставалось только на то, чтобы съездить в свою резиденцию и переодеться для официального обеда, который также должен был состояться в Белом доме. Так оно и получилось. Горбачев не любил широкие встречи. Скоро он вышел, сел в машину, и весь кортеж потянулся в резиденцию.

В середине дня началась церемония подписания Договора по РСД — РМД, затем в 19 часов состоялся официальный обед в Белом доме. К президенту Рейгану был приглашен цвет американской общественности — и официальные лица, и бизнесмены, и ученые, и артисты. Рассаживали гостей весьма оригинально — муж и жена сидели за разными столиками. Я разместился в приятной компании, среди которой были политические лидеры демократической партии. Была там и моя соотечественница Наташа Сайме, которая когда-то выехала в США, вышла здесь замуж. Разговор шел общий. Американцы прятали в карман меню этого обеда, предварительно попросив соседей расписаться на карточках. Сохранилась и у меня такая карточка с перечислением того, что нам предстояло отведать за обедом.

— Обед был по нашим меркам без излишеств, но достаточным. Закуска состояла из лососины, омара и лопушка салата, с различными приправами. Затем подали филе телятины, нарезанное небольшими порциями, и несколько долек фруктов. К закуске и мясу подавали легкое белое вино. А к мороженому и кофе — шампанское. Соседи по столу, очень приятные люди, рассказывали, что для американцев важно быть в хорошей спортивной форме и не полнеть. Действительно, все они были достаточно подтянутыми и стройными. Президент Рейган и генсек Горбачев обменялись речами, и все подняли бокалы и аплодировали выступлениям.

Обед продолжался недолго. За стенами зала играла музыка, и все скоро потянулись в холл. Там уже слышались веселые и громкие голоса. Все подходили друг к другу и дружески

здоровались, почему-то непрерывно широко улыбаясь. Вино кружило голову и создавало доброе настроение. Затем в небольшом зале Вэн Клайберн дал концерт, исполнив интермеццо Брамса, этюды Рахманинова, произведения Шумана, Листа, Дебюсси. Все это он заключил «Подмосковными вечерами», и успех был полный.

Перед отъездом Горбачев также давал обед в нашем посольстве. Собрались наиболее известные люди Америки, приехавшие для этого даже из Калифорнии, других дальних штатов. Мы были верны своим традициям. На столе была водка. Официанты разносили икру, накладывая ее ложками из серебряных икорниц. Гости, не распробовав сразу икру, просили повторно продегустировать. Видимо, отечественная икра чем-то сильно отличалась от местной. Им очень нравился наш черный хлеб, и они на этот раз не щадили свои фигуры. Затем подана была малосольная рыба: лососина, семга, осетрина горячего копчения. Затем шли жульены из грибов и крабов, закуски из мяса. Гости оценили водку, и многие остались довольны ее качеством. Хотя по этому поводу, видимо, были сомнения, и по одной рюмке судить о достоинстве напитка кое-кто не брался и вновь и вновь продолжал дегустацию.

Затем подали на выбор уху, борщок, бульон. После этого на столе появились форель, горячий ростбиф и уж только потом — пирожные, мороженое, шоколадные конфеты, вина, шампанское, кофе, коньяк.

Мне было приятно смотреть на гостей, которым явно нравилась наша кухня, хотя это, конечно, и нарушало правила диеты. Все сидели за столами на американский манер — мужья и жены отдельно. И лишь Рейган и Горбачев сидели вместе с женами за столом, как бы у нас сказали, президиума.

Во время обеда звучала музыка, а Е. Образцова даже спела, что было высоко оценено гостями. За хорошими напитками и кофе все засиделись. Велся интересный, часто шутливый разговор, обмен мнениями. Все развеселились так, что выступления артистов были не всегда слышны. Чтобы закончить рассказ об этой поездке, коротко скажу, что в заключение состоялась пресс-конференция в нашем новом посольстве, в которое официально американская сторона так и не разрешила въехать. На ней Горбачев подвел итоги визита, ответил на многочисленные вопросы прессы. Через два часа делегация была в аэропорту. А затем трудная ночь перелета, посадка в Берлине, ознакомление глав государств — участников Варшавского Договора с результатами подписания документов и некоторыми моментами переговоров с Рейганом.

Обычно при возвращении в страну Горбачевы приглашали к себе в салон основных сопровождающих лиц. Накрывались столы, наливалось в бокалы вино, в рюмки — армянский коньяк, любителям — виски. Поднимались тосты. Шли воспоминания о тех или иных эпизодах переговоров. Пили немного, иногда просто чокались. Все были слишком измотаны, невыспавшиеся, травмированные разницей во времени, сменой часовых поясов. Впрочем, когда возвращались из европейских стран, за столом дело шло веселее. Редко на таких встречах Михаил Сергеевич вновь и вновь не возвращался к периоду, когда он боролся за восхождение на пьедестал генсека, и упоминал обидчиков, которые мешали этому. Несколько человек до сих пор вызывают у него аллергию.

…И вот опять Внуково. Встречают все те же лица; радостные улыбки, поздравления, каждому хочется сказать, что он видел по телевидению и как все прошло удачно. У нас все-таки добрые люди и не хотят огорчать, говорить, что они просто не понимают тот или иной шаг, последствия которого сомнительны. Безраздельная власть первых лиц приучила их только подчиняться и хвалить.

Я часто думал, почему они так себя ведут, ведь в беседах между собой они во многих действиях генсека сомневаются, считают его шаги опрометчивыми. Иногда мне это напоминало рассказ Александра Яшина, в котором говорилось, как несколько колхозных коммунистов пришли на партийное собрание и пока ждали, когда наберется кворум, говорили, что в хозяйстве тяжелое положение, плохо с кормами, мало собрали зерна и если сдадут что-то сверх плана, то придется скотину пускать под нож, что подорвет основы развития хозяйства в следующем году. Это была откровенная беседа людей, озабоченных положением дел в колхозе. Но вот открылось собрание, и те же люди, поднимаясь на трибуну, начали говорить, что сверхплановая сдача продукции — почетный долг перед Родиной и колхоз должен исполнить его, сдав больше зерна государству.

Видимо, этот психологический парадокс кроется во многих из нас. И только экстремальная ситуация отрезвляет людей, и они прозревают. Но это из области размышлений. А в прошлом на встречах в аэропорту всегда говорили только об удачном визите, о том, как нам удалось ловко решить многие вопросы, которые предшественники не могли осилить годами.

Ездили Горбачевы с официальными визитами и в бывшие социалистические страны. Их принимали руководители государств и партий, старые друзья Михаила Сергеевича, с которыми он был связан многими годами работы — Я. Кадар, Э.

Хоннекер, В. Ярузельский, Г. Гусак, Т. Живков, Н. Чаушеску. Я знал, как доверительно и сколь по-дружески они в прошлом общались, часто переговаривались по телефону, направляли поздравления и подарки друг другу по поводу тех или иных событий, в том числе личного характера. Мне всегда казалось, что приход М. С. Горбачева хотя несколько и озадачил кого-то из них, но, зная давно Михаила Сергеевича, они поначалу поддерживали его линию, много сделав для популяризации генсека КПСС в своих странах.

Дружили, естественно, не только лидеры наших стран. Десятки, сотни тысяч советских людей имели братские отношения с жителями восточноевропейских государств. У нас был единый оборонный союз, взаимосвязанная экономика, надежные отношения между городами и предприятиями. Поэтому приезды М. С. Горбачева в эти страны хорошо организовывались и успешно проводились. Михаил Сергеевич и его супруга не раз говорили о трогательном приеме, горячих встречах.

— Ты знаешь, я такой встречи еще не видел, — говорил он после поездок. — Вышла вся страна. Люди готовы были нести нас на руках…

Я представлял, как ликующие массы народа, воздев руки к небу, несут Михаила Сергеевича и Раису Максимовну. И они плывут над головами бесконечного потока людей вдоль улиц городов и сел, указывая гражданам мира путь в светлое будущее.

— А к чему вы их призывали? — любопытствую я.

— Как к чему? Естественно, к перестройке.

— И как они ее собираются делать?

— Это их суверенное право. А потом пусть смотрят на нас.

— Вот это правильно, это мудро, — соглашаюсь я.

— Действительно, ведь есть на что посмотреть…

— Не все, конечно, и у нас доработано, но процесс пошел. И им нечего в хвосте плестись. Разве я не вижу, что не всем нравятся мои начинания?

М. С. Горбачев предполагал осуществить грандиозные перемены не только в Советском Союзе, но и во всем социалистическом содружестве, заставить весь мир думать по-новому, хотя народы пока об этом не знали.

Во время поездки в Румынию у Горбачева с Чаушеску в одной из частных встреч, в которых участвовали и супруги, состоялся весьма важный и жесткий разговор, смысл которого состоял в том, что можно, конечно, менять политический курс, но делать это надо прежде в своей стране, да и то хотя бы поставив в известность о целях новаций, и уж во всяком случае не подбивать на это другие народы. А потом не Румыния и ГДР были

инициаторами создания государств социалистической ориентации, а Советский Союз. Именно ему в послевоенные годы нужен был буфер между Западом и Востоком, именно ему требовались армии, базы и т. п. , чтобы выдержать напор Запада в период холодной войны.

Приблизительно так об этом вечере рассказывал М. С. Горбачев. В общем разговор был откровенный, и он, видимо, состоялся в таком духе со многими лидерами восточноевропейских стран. Но в ту пору была эйфория успеха. И М. С. Горбачев, вдохновленный идеей перестройки, сеял семена перемен у соседей, не думая о скорой жатве.

Результаты не заставили себя долго ждать. В одной за другой странах Восточной Европы в конце 80-х годов происходили «бархатные революции», устранявшие партии, все сложившиеся структуры управления от власти. Последней была ГДР. В Берлине Горбачевы приветствовали многотысячные колонны демонстрантов и, по существу, содействовали созданию ситуации, способствующей развалу этого государства, слиянию его с ФРГ. По мнению специалистов, из всего этого Советский Союз не извлек никаких выгод и даже не позаботился о сохранении советской собственности в ГДР. Конечно же, сохранять разделенным немецкое государство далее было трудно, но и игнорировать многие наши интересы при объединении его не годилось. Советские люди это понимали и писали огромное количество писем в ЦК, спрашивая об условиях вывода войск.

Событием, потрясшим и испугавшим Горбачевых, была смерть Чаушеску и его супруги. Это шокировало супругов. Я уже говорил, что М. С. Горбачев все чаще стал пересаживаться в бронированный «ЗИЛ», резко усилил и ужесточил охрану, поднял оплату всем, кто его окружал и охранял, увеличил численность работников безопасности. Но это вряд ли играло особую роль, ибо, повысив зарплату одному, тотчас же обижали другого, кто хотя и не был на глазах президента, но обеспечивал успех прочих служб.

События в соседних странах развивались столь быстро и бурно, что скоро друзья Горбачева по коммунистическому движению, его личные добрые товарищи оказались в опале, без работы, а многих ждал суд. И самое трагичное состояло в том, что генсек никому не протянул руку помощи, не встал на защиту тех, кто оказался в трудном положении. Это беспокоило многих. Вместе с лидерами государств содружества оказались в незавидном положении военные, сотрудники разведок, которые многое сделали, в том числе и для нашей безопасности, партийные руководители, министры, директора крупных

предприятий. Большинство из них учились у нас, были искренними друзьями, и предать их значило не только отречься от друзей, но и от принципов порядочности. Никогда в прошлом ни мы, и уж во всяком случае американцы так не поступали со своими друзьями. Они вывозили своих друзей из самых горячих точек, рискуя многим, но считали делать это своим долгом, ибо в будущем больше никто и никогда не будет сотрудничать с теми, кто бросил товарищей в трудный для них час. И это не только партийная мораль и этика. Это мораль здравомыслия.

Да, социалистические страны перестроились так, что к ним вернулся капитализм, хотя помогал им Советский Союз в свое время немало. И даже оказался в экономическом долгу перед ними. И жили, и живут они получше нас. Впрочем, и работают лучше. При всей критике колхозов и совхозов в этих странах они обеспечивали людей продовольствием, а Чехословакия даже ограничивала производство продуктов питания в своих кооперативах. Да и сейчас они не везде распались, хотя попытки к развалу делались. В общем, нет больше друзей. У многих из них от общения с нами осталась только ненависть к нашему государству, пренебрежение и брезгливость в связи с предательством. Даже памятники советским солдатам, освободившим эти страны, готовы сбросить с пьедесталов.

…Не оставляет в покое меня этот вопрос. Да и многие другие ищут объяснение происшедшему. Как же могло случиться, что некогда мощный и достаточно прочный блок стран социалистического содружества при существовании НАТО вдруг начал распадаться, как карточный домик, и буквально за два-три года государства Восточной Европы из союзников превратились в противников великого соседа?

Ответ на этот вопрос, полагаю, интересует не только советского читателя, но всех, кто мало-мальски следит за развитием международных событий в различных регионах мира. Конечно, он имеет общие корни с развалом Советского Союза. Но тут есть и своя специфика. Во-первых, полураспад начался раньше, когда в начале 80-х годов наметилось падение добычи нефти в СССР, увеличилась задолженность Советского Союза многим кредиторам, в том числе и в социалистических странах. В результате наши восточноевропейские союзники все чаще поглядывали на Запад. Тайно и открыто налаживались экономические, финансовые, а следом и политические связи. За спиной Советского Союза совершались договоренности, ослаблявшие единство содружества, ущемлялись наши экономические интересы. Лучшие виды продукции все в больших объемах поставлялись на Запад за свободно конвертируемую

валюту, а нам поставлялось по принципу: на тебе, боже, что нам негоже. В это время советские высокотехнологичные разработки, которыми мы делились с нашими братьями, уплывали к конкурентам. Политические контакты лидеров социалистических стран с Западом носили все более широкий масштаб. Уже и Э. Хоннекер завел «амурные» дела с руководством ФРГ. Западногерманский капитал постепенно осваивал высокоэффективные отрасли и производства ГДР. Последующие действия руководства СССР довершили развал содружества.

Почему же практически на всех этажах власти никто не поднял тревоги по поводу ликвидации военно-политического и экономического союза социалистических государств?

Произошло это прежде всего потому, что люди в нашей стране давно привыкли к положению, когда за них «думают вожди». Даже в Политбюро и правительстве хорошо знали, что вопросы международной политики являются прерогативой двух-трех человек, и прежде всего генсека. Никто, повторяю, никто не смел вторгаться в сферу международных отношений, если Горбачев не просил или не поручал кому-то специально заняться тем или иным вопросом.

К этому следует добавить и тот факт, что М. С. Горбачев и министр иностранных дел имели по существу монополию на информацию о процессах, происходящих в мире, и прежде всего в социалистических странах, руководстве партий, настроении народа. В этом вопросе положение осталось таким, какое оно было при Сталине, и нынешний генсек ничего менять не собирался. Более того, оно даже ухудшилось. Многие записи бесед Горбачева с лидерами других стран вообще не рассылались. МИД и КГБ вменялось в обязанность наиболее важные шифротелеграммы направлять лишь в один адрес — Горбачеву. По некоторым вопросам круг адресатов несколько расширялся и кроме генсека телеграммы поступали Рыжкову, Яковлеву, иногда другим членам Политбюро в зависимости от постановки вопросов. Обычная политическая информация, нечто похожее на обзор печати стран, направлялась всем членам Политбюро. К ним часто добавлялись кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК. В результате даже руководство партии и государства не все знало о происходившем в бывших социалистических странах.

Разумеется, утаить события, которые в них происходили, невозможно. Мировая печать, радио, телевидение сравнительно широко сообщали о всех видимых катаклизмах в странах — союзниках СССР. И руководство партии в центре и на местах имело представление о событиях. Но реакции, адекватной им, не было, во-первых, потому, что большая часть населения, в том

числе члены КПСС, занятые своими делами, особенно и не волновалась — их это никак не затрагивало. А члены ЦК, партийные секретари были столь заняты внутренними делами, ухудшением политической, социально-экономической ситуации в стране, республиках, краях и областях, что им было впору удержаться на плаву, сохранить за собой свои посты. Кроме того, разгар преобразований в международных делах пришелся как раз на подготовку к выборам в Верховные Советы в центре и на местах, а также к съезду и партийной конференции. Обращать должное внимание на положение дел у соседей было просто недосуг. В результате без серьезных обсуждений и дискуссий прошла фактическая ликвидация СЭВа, а затем роспуск военного блока, созданного в соответствии с Варшавским Договором, и многое другое. Но дело не только в незнании истинного положения или занятости руководства внутренними проблемами. В стране не было никакой серьезной силы, как некоторые утверждают, «консервативного крыла», которое в тот период организованно выступало бы против преобразований в нашей стране и государствах-союзниках. Я уже говорил, что подавляющее число членов партии, а также большая часть общества все еще ждала и надеялась на результаты перестройки. И, естественно, люди хотели видеть перестройку у своих соседей.

Это желание совпадало и с той информацией, которая поступала из официальных источников, и прежде всего от самого генсека. Он умело поставил дымовую информационную завесу и недоговаривал о многих негативных фактах или их последствиях. М. С. Горбачев громогласно и многократно сообщал общественности страны о том, что перестройка в СССР активно поддерживается в социалистических странах. Более того, он говорил, что там преобразования идут быстрее и эффективнее, чем в Советском Союзе. И это не слишком расходилось с истиной — руководство партий и правительств соседних государств уходило со сцены. Но это не было и полной правдой.

Я уже говорил, что в те годы поездки Горбачевых в другие страны пьянили и волновали их. Они возвращались тогда в состоянии эйфории, довольные итогами визитов, и не столько от встреч с руководителями партий и государств, сколько от общения с народом. Я и сам однажды ездил с генсеком в Польшу и видел, какой прием был оказан Горбачевым жителями страны, особенно в Щецине, где генсек подтвердил, что этот город был и будет всегда польским. Торжественно встречали и Р. М. Горбачеву, которой супруг поручил представлять себя на встрече с шахтерами, кажется, в Катовицах. Поляки верили, что появился лидер, способный создать условия по избавлению их от тяжелых

условий жизни, помочь найти новый путь социально-экономического развития в стране. Они, конечно же, тогда не знали, что им уготован возврат в прошлое, о котором они имели достаточно хорошее представление.

М. С. Горбачев часто выступал в социалистических странах с импровизированными речами перед собравшимся народом, рассказывал об успехах перестройки в Советском Союзе, о светлых горизонтах, открывающихся перед миром в связи с новым курсом КПСС. На экранах телевизоров все это показывалось у нас и при таком информационном давлении парализовало тех, кто знал или чувствовал, что дело идет к развалу братского союза.

Совершающиеся «бархатные революции» уже не волновали многих из членов политического руководства. Повсеместно господствовал принцип нового мышления, невмешательства в дела других стран. Эта спасительная формулировка о «невмешательстве» была удобна, ибо позволяла быть «демократами» и повторять вслед за Горбачевым: пусть народ сам выбирает свою судьбу.

Поэтому, когда однажды Горбачев вернулся из Берлина и сообщил, что дни Э. Хоннекера сочтены и следует думать об объединении Германии, ему особенно не возражали. Более того, не интересовались до такой степени, что не узнали об условиях, на которых может осуществиться объединение Германии и, следовательно, вывод наших войск. Правда, надо сказать, что Горбачев и. Шеварднадзе об этом никого особенно не информировали и вопрос глубоко и всесторонне не обсуждался на заседаниях Политбюро, не то что публикация письма Н. А. Андреевой в «Советской России», по поводу которой дискуссия на Политбюро продолжалась два дня. Проблемы международной политики давно находились в руках Горбачева, Черняева, Шеварднадзе и Яковлева, хотя последнего, как он говорил, не подпускали к выработке многих решений. Для подготовки документов по вопросам разоружения привлекались специалисты МИД, Министерства обороны. Верховный Совет и его комиссии, видимо, не вполне владели информацией о сути предполагавшихся договоренностей, и иногда важные решения скорее штамповались, чем критически и всесторонне рассматривались депутатами.

Скажу еще раз, что советские люди отлично понимали, что разделенная Германия — не лучший фактор укрепления мира в Европе и вопрос рано или поздно предстояло решать. Обдумать было время — союзники по бывшей антигитлеровской коалиции не торопили, а некоторые из них если и не были против, то сильно сомневались в целесообразности такой спешки. Но даже

если, по мнению Горбачева, настала пора действовать, то сделать это следовало бы, серьезно посоветовавшись с общественностью, а то и всем народом. Мне казалось, что ни МИД, ни Политбюро, ни президент не имели моральных полномочий решать эту проблему келейно. Тем более что условия объединения и вывода войск не были ни проработаны досконально, ни обговорены с прежними союзниками по разгрому фашизма.

Крупные перемены в странах бывшего социалистического содружества не были предметом специального обсуждения на широких и даже менее широких форумах. Я не помню серьезных постановок этого вопроса ни на Политбюро, ни на Президентском совете, ни на Совете Безопасности, ни на съездах и конференции КПСС. Не стали они специальной темой дискуссионного обсуждения и в Верховном Совете СССР. Кстати, в Отчетном докладе генсека XXVIII съезду КПСС этой проблеме было уделено всего-то два-три абзаца, что подтверждает отсутствие какой-либо серьезной оппозиции в предсъездовский период политике в отношении бывших социалистических стран. А вся критика, как на съезде отметил Михаил Сергеевич, свелась к упрекам: «Нас упрекают в том, что мы уходим оттуда без боя»… Вот и все.

…Всякий раз, возвращаясь из зарубежных поездок, М. С. Горбачев коротко рассказывал собравшимся о некоторых впечатлениях от поездки, но настоящего подведения итогов не было.

Поездки за рубеж и прием лидеров Запада в последнее время составляли основную часть работы президента СССР. Общественность западных стран видела в М. С. Горбачеве человека новой формации, не зацикленного на догмах своих предшественников. За короткий срок он превратился на Западе в кумира. Ему постоянно вручали какие-то денежные премии, награждали золотыми медалями, удостаивали званиями человека месяца, года, лучшего немца, посвящали ему телепередачи, статьи в журналах и газетах, тонко играя на струнах самолюбия. Западные обыватели не знали, что критиковать прошлое и разрушать действующие структуры куда легче, чем созидать. Им было непонятно прохладное отношение советских людей к человеку, начавшему столь хорошее дело, но оказавшемуся под огнем жесткой критики у себя в стране.

А критика была, как говорится, не на пустом месте. С 1987 года положение в экономике, финансах стало резко ухудшаться. Советские люди чувствовали это по возросшей нехватке продовольственных товаров, трудностям с сахаром, мясом, другими продуктами. Исчезали из продажи и многие предметы быта. В стране нагнеталась обстановка нервозности. Многие

начали сомневаться в целесообразности перестройки, способности руководителей вывести страну из кризиса. Другие злорадствовали, считая, что наконец-то партия завела страну в тупик. В партийных организациях и комитетах, среди их руководящих работников разных уровней обозначились признаки расхождения во взглядах с генсеком, а то и глубокого размежевания.

Демократические реформы

Начиная с 1989 года положение в стране и партии стало ухудшаться лавинообразными темпами. Нет ничего удивительного, что М. С. Горбачев знал о меняющейся обстановке в стране, переменах в настроении людей. Еще вчера восхищаясь своим кумиром, сегодня они все больше отворачивались от генсека. Те, кто недавно славословил, теперь бранил и хулил его. Любовь народная оказалась изменчивой. И это открытие, взволновавшее М. С. Горбачева, стало, видимо, началом его борьбы уже не с консервативными силами, а с простыми, но сомневающимися людьми.

У меня с Горбачевым не единожды заходил разговор на эту тему. Просматривая почту, и особенно негативные письма, генсек утешал себя только тем, что считал их подтверждением правильности выбранного курса.

— Серьезных перемен не может быть без ущемления каких-то слоев. Это ничего, не страшно. Я письма покажу всем. Разошли-ка по Политбюро их.

Но число его поездок по стране сокращалось. В отдельные периоды генсек проводил больше времени за рубежом, чем в командировках по стране. Информация об ухудшающейся обстановке все чаще поступала к нему от органов статистики, КГБ, отделов ЦК КПСС, во время бесед и встреч с народными депутатами, во время сессий и съездов Верховного Совета СССР. Положение дел стало обсуждаться практически на каждом заседании Политбюро ЦК. Говорилось, что решения партийного съезда не выполняются, идет пробуксовка даже в тех вопросах, которые, казалось бы, не представляли трудности для реализации. Звучали требования ужесточить дисциплину, усилить контроль и спрос за выполнением решений съезда. Нередко предлагались меры, которые были действенны три — пять лет назад. И мало кто понимал, что в настроении партии, всего общества произошел такой качественный сдвиг, который обесценил требовательность и жесткость в отношении нарушивших дисциплину.

Партийные и хозяйственные работники все меньше считались с авторитетом Политбюро и Секретариата ЦК, Совмина СССР. По существующему положению общий отдел ЦК призван был не только следить за прохождением документов, но и за исполнением решений. Мне все чаще докладывали, что постановления Политбюро в срок не выполняются, нередко вместо ответа об исполнении поступают отписки, а то и

откровенная ложь. Приходилось по этому поводу неоднократно докладывать М. С. Горбачеву и Политбюро, но такое состояние дел ничуть не беспокоило генсека. И если поначалу он рассылал информацию отдела по Политбюро ЦК, то потом ограничивался только тем, что находил время мельком взглянуть на записку. Это настроение генсека чувствовали все, и скоро стало ясно, что контроль за ходом исполнения решений был просто бессмыслен.

Документы игнорировались, а в последнее время по своему характеру и не нуждались в контроле, ибо были аморфно-расплывчатыми.

Утрата высшей партийной власти обозначила ту трещину, которая в последующем позволила быстро развалить все руководящие структуры КПСС. Еще произносились громкие речи, принимались многочисленные решения, но люди уже поняли, что новый лидер, Политбюро ЦК не владеют ситуацией и не могут спросить за дело так, как этого требовали обстоятельства. Многие понимали, что нужны новые подходы, новые методы в работе, способные всколыхнуть массы, объяснить причины неудач и привлечь всех к решению хозяйственных проблем. Но отчужденность, возникшая между генсеком-президентом и исполнительными органами, стала непреодолимой.

М. С. Горбачев, начитавшись газет и наслушавшись некоторых депутатов, сторонился встреч с работниками аппарата ЦК, Совмина СССР, министерств и ведомств, высказывался о них неуважительно. Когда он хотел кого-то обидеть, то со злостью говорил: вот еще один аппаратчик выискался. Эти упреки его можно было бы понять, если бы он сам когда-нибудь работал где-то кроме комсомольского и партийного аппарата. И это его сильно отличало от других работников ЦК, которые пришли в аппарат с промышленных предприятий, строек, колхозов и совхозов, научно-исследовательских институтов, из средств массовой информации и знали трудовую жизнь людей стократ лучше, чем аппаратчик номер один — генсек ЦК. Тем не менее М. С. Горбачев эксплуатировал аппарат с большим знанием дела и достаточно эффективно, заставляя готовить аналитические документы, проекты его речей и докладов, решения. Однако внутреннюю неприязнь преодолеть не мог и часто вспоминал, как, будучи еще членом ЦК, секретарем крайкома партии, вынужден был сидеть в кабинетах «кураторов»

— инструкторов и заведующего сектором и выслушивать советы, а может быть, и нравоучения. То, что его «опускали» до уровня инструктора, возмущало его. И за все время своего пребывания на посту генсека он не пожелал выступить перед аппаратом ЦК, в котором было много образованных,

высококвалифицированных специалистов, хотя не раз просил передать коммунистам, что выступит на их общем партийном собрании.

Мне он неустанно твердил:

— Я Лукьянова просил повыгонять всех " комсомольцев» из общего отдела, но он начатое не довел до конца, и ты ничего не делаешь для этого.

Наверное, среди работников отдела было многовато тех, кто пришел из ЦК ВЛКСМ. Но, приглядевшись к людям, проверив их в деле, я понимал, что это добросовестные, квалифицированные и энергичные работники. Не мог и не хотел в спешке ломать судьбы людей, хотя в значительной мере новое пополнение старался подбирать из периферийных организаций.

Побаивался М. С. Горбачев и встреч с сотрудниками органов госбезопасности, даже перед руководителями основных служб аппарата КГБ он не решился выступить, полагая, что демократствующая публика заподозрит его в благожелательном отношении к КГБ. Не случайно «отмирание» функций и президента СССР, и генсека ЦК КПСС происходило по мере его самоизоляции.

В конце января 1987 года состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором Генсек выступил с докладом «0 перестройке и кадровой политике партии». Суть этого доклада состояла в том, чтобы с новой силой сказать о том наследии, которое досталось М. С. Горбачеву во всех сферах общественной жизни. Генсек начал с критики идеологических органов и ученых, которые в области политики, философии, политэкономии оказались в теоретическом тупике и продолжали повторять азы 30-40-х годов. Обществоведы, отмечал он, своевременно не дали конструктивного анализа состояния дел в стране и не предложили новых идей по выходу из трудного положения. Серьезная критика была адресована планирующим органам, машиностроителям, тем, от кого зависели вопросы морального и материального стимулирования.

Но главная тема касалась проблем демократизации общества как решающего условия продвижения вперед. Ставились задачи по расширению гласности, критики и самокритики, использованию демократии на производстве, участия трудящихся в управлении предприятиями. В этом докладе был выдвинут и ряд других важнейших положений, открывающих возможность активнее использовать демократические принципы в развитии общества. Члены ЦК поддержали основные тезисы доклада, расширили понимание демократизации в условиях перестройки. И в этом заслуга генсека, Политбюро и Пленума ЦК.

Может быть, не все заметили, но этот Пленум открыл еще один фронт борьбы. Почувствовав недовольство неэффективностью осуществляемого курса, ухудшающимся положением народа, М. С. Горбачев решил найти виновников неудач не только среди ученых. Главный свой удар он нацелил по штабам, всему аппаратному люду. Собирая в ходе подготовки доклада своих помощников, он много говорил о помехах развитию социализма — чиновниках. Генсек вспоминал, в каком униженном состоянии находились члены ЦК, приходя к инструкторам и заведующим секторами в ЦК КПСС, говорил, что они давали указания, как работать. То же самое происходило в законодательных и других органах. М. С. Горбачев предлагал разрушить эту систему. А заметив, что эта тема не слишком вдохновляет тех, кто писал ему доклад, своей рукой набросал фрагмент выступления.

Не хочу ставить под сомнение причину подобных выводов Горбачева и желание ее уничтожить. Возможно, со ставропольским аграрием так и бывало, но ради справедливости следует, на мой взгляд, сделать два уточнения. Познав кухню принятия решений и доведения их до исполнителя, я могу с уверенностью говорить, что отсебятины работники аппарата допускать не могли и в самовольстве, превышении полномочий замешаны не были. Работники аппарата доводили до исполнителей те постановления, которые принимались вышестоящей инстанцией, в том числе пленумами, Политбюро, Советом Министров, министерством. Это во-первых. И во-вторых, ни одного аппаратного работника никогда не спрашивали, кого избрать генсеком, членом Политбюро, утвердить председателем правительства. Обычно это делали облеченные властью члены ЦК, в состав которого два десятилетия входил М. С. Горбачев. Это он голосовал за избрание генсеком Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, К. У. Черненко и даже себя, за назначение председателей Совмина. И ни Михаил Сергеевич, ни другие не выступили против сложившегося стиля и методов работы аппарата, безвластия избранных членов ЦК или депутатов всех ступеней. Не изменил он сложившегося порядка и возглавив Секретариат ЦК — главный орган формирования стиля работы всех партийных и не только партийных аппаратов управления в стране. Поэтому вряд ли следовало валить вину, как говорится, с больной головы на здоровую.

Как бы то ни было, но работники органов управления были отданы на заклание, и слово «аппаратчик» стало наиболее ругательным во взбудораженном обществе.

Помощники Горбачева, другие специалисты, призванные

помогать, думать и формулировать мысли генсека, рассматривали в ту пору процессы развития демократизации в стране несколько шире, чем борьбу с чиновничьей силой, гипертрофированным влиянием исполнительных органов, вставших выше выборной власти. Да и вообще, я считал в ту пору, что дело не в аппарате как носителе зла, а в том, кто стоит на вершине пирамиды власти какие цели он ставит перед обществом. В хороших руках даже самый негодный аппарат может выполнять необходимые и полезные функции. В сложившихся условиях, мне казалось, надо было начинать демократизацию с формирования высшего руководства. До тех пор, пока генсек, Председатель Верховного Совета или президент страны будут избираться прежними методами, оставаться у власти, нарушая все разумные возрастные пределы, и уходить с поста только тогда, когда его позовет к себе господь, никакой демократизации в стране быть не может. Тем более что Горбачев с самого начала определил рамки преобразований. «Речь, разумеется, не идет о какой-то ломке нашей политической системы», — говорил он на Пленуме.

Из этого следовало, что все теплые и справедливые слова о важности демократизации общества упирались в ограничения, личное желание генсека. А то, что Горбачев не только не собирался покидать свой пост, но и отгонял от себя подобные мысли, я знал точно. И понимал его: нельзя уходить от власти, развалив страну, а чтобы вновь укрепить ее, жизни Михаила Сергеевича, вероятно, не хватило, даже если бы он знал, как поправить дело.

Нельзя исключать, что слова Горбачева о незыблемости существующей политической системы говорились для успокоения каких-то противников курса генсека. Во всяком случае, начиная с января 1987 года открылась новая страница борьбы в обществе за расширение демократических начал, перенос их во все сферы жизни. Многие поняли, что главное не работа, не стремление к росту производительности труда, а борьба за личные и общественные свободы. Гласность хмелила, можно было во всеуслышание сказать то, что за долгие годы молчания накопилось в душе, раскритиковать кого угодно, в том числе и тех, кого прежде боялись. Скоро люди стали делать практически все, что хотели, удивляя беспредельностью демократизации даже знатоков по этой части на Западе. Конечно, и возможность для этого была большая. Партия сама открыла дверь беспредельной гласности, критикуя свои ошибки в прошлом и настоящем.

Но нередко гласность приобретала самые искаженные формы. Это происходило из-за легкомысленного отношения средств

информации к фактической стороне публикаций, преднамеренного извращения событий.

Приближалось 70-летие Великого Октября. Надо было готовить обстоятельный доклад на эту тему. В условиях разваливающейся экономики его предстояло наполнить оптимистическими идеями. И Горбачев принял решение широко сказать о предстоящих демократических преобразованиях именно в этом докладе. М. С. Горбачев не без внутренних колебаний решился на это. Началась длительная и довольно напряженная работа по формулированию главных посылок демократизации в стране, совершенствованию политической системы общества. В этом юбилейном докладе впервые так широко была развернута тема демократизации и она выдвигалась как ключевая проблема развития общества.

Чтобы подступиться к реализации этих непростых проблем, требовалась твердая поддержка членов ЦК, Секретариата и Политбюро ЦК. Была ли у генсека уверенность, что вводимые новации поддержат члены ЦК, секретари партийных комитетов? По тем выступлениям, репликам, итогам бесед, состоявшихся у него, создавалось впечатление, что генсек не верит в единодушную поддержку своей линии.

Уже через несколько месяцев после XXVII съезда КПСС М. С. Горбачев начал жалеть, что обновление состава ЦК было незначительным. Тогда он, составляя списки ЦК, рассчитывал на преемственность прежней линии, эволюционное и спокойное развитие процесса преобразований. И вот теперь ему казалось, что старые кадры вяжут его по рукам и ногам. И это было не просто ощущение. Многие члены ЦК считали, что проводить такими методами и темпами демократизацию при разваливающейся экономике крайне опасно. Это может лишь подстегнуть начавшийся развал промышленности и сельского хозяйства, сепаратистские настроения некоторых слоев общества в союзных и автономных республиках. Но тогда генсек видел не столько тревогу по поводу методов и темпов демократизации, сколько угрозу своему авторитету. Отсюда возникала потребность в ликвидации инакомыслия в ЦК. Еще при подготовке документов XXVII съезда партии была заложена возможность проведения партийных конференций. Теперь он хотел воспользоваться этим и произвести обновление состава ЦК.

— Ты же видишь, — говорил он, — это люди позавчерашнего дня, они не тянут. Они даже не понимают, куда нужно поворачивать партии в современных условиях и как теперь работать. Заметь: критика партии идет главным образом из-за того, что перестройку осуществляют те люди, которые

действовали в период застоя.

Во многом Михаил Сергеевич был прав. В печати и выступлениях иных ораторов в вину нынешнему составу Политбюро ЦК ставилось то, что там было значительное число «бывших». Разумеется, среди них было немало прогрессивных, талантливых людей. Нельзя, как говорится, чохом вывести из состава ЦК тех, кого избрал съезд. Тем более и сам Горбачев входил в эту когорту «бывших». И все же он искал способ, как избавиться от неугодных.

Среди членов ЦК в то время было немало его соратников, которые помогали ему утвердиться в должности, поддерживали все его начинания, проводили их в жизнь. Но в них он уже больше не нуждался, более того, они мешали, компрометировали генсека, и он приходит к решению уговорить часть членов Пленума выйти из состава ЦК добровольно и объявить об этом публично. Конечно, это была не простая операция, и к ней Михаил Сергеевич начал готовиться самым основательным образом.

Прежде всего он заставил работников оргпартотдела ЦК составить списки тех, кто перешел на пенсию или хотя и работал, но был в преклонном возрасте. Эти списки легли на его стол, и генсек внимательно их рассматривал. Г. П. Разумовский взял на себя задачу переговорить с некоторыми товарищами, чтобы они стали инициаторами выхода из ЦК, уговорили тех, кто вдруг усомнился бы в этой акции. Кое с кем вел разговоры и Горбачев. Делалось это так организованно, что когда в зале Секретариата собрались «камикадзе» — члены ЦК, готовые сами выйти из его состава ради сохранения единства партии, то проблем не возникло. Люди начали обосновывать, почему они обязаны уйти из ЦК.

М. С. Горбачев выступил перед собравшимися и долго говорил о текущем моменте, объяснял необходимость изменений в составе ЦК. Убеждал, уговаривал и склонил всех к принятию нужного ему решения, кроме Е. П. Славского, министра, занимавшегося всеми атомными делами, который не пожелал прийти на встречу. Правда, об этой акции М. С. Горбачев потом вспоминал с некоторым смущением. Он понимал, что изгнал своих соратников, конечно же не молодых, но порядочных людей, поддерживавших его всегда, даже в самые сложные моменты жизни.

Потом взамен им пришли новые люди, которые доставили Горбачеву тьму неудобств и своей непримиримой позицией, и критикой генсека. Мне казалось, что он жалел о том своем решении, во всяком случае, говорил:

— Ну и замену мы получили, скажу вам. Еще одна такая, и с

составом ЦК не совладаешь.

На первое совещание (а их было два, ибо решили осуществить акцию в два приема) пригласили тех, в ком не сомневались, что они без возражений выйдут из ЦК. Со второй группой могли появиться сложности. Но вопросов не возникло. Привыкшие к партийной дисциплине, все довольно единогласно высказались за добровольный выход из ЦК и подписали на этот счет коллективное обращение к Политбюро и Пленуму ЦК. Такой массовой акции коллективного характера в истории КПСС, а я полагаю, и в других партиях, еще не было.

Выступая на этом собрании членов ЦК, а там были многие бывшие министры, Горбачев обещал, что за ними сохранят уровень социального обеспечения: пенсий, поликлинику, в общем все, что не должно ухудшить жизнь людей, столько сделавших для страны. К сожалению, прошло немного времени и эти люди, проработавшие долгие годы на государственной работе, прошедшие войну и не нажившие ничего, кроме долгов, были изгнаны с дач, лишились и многого другого.

Неспособность генсека держать слово обеспокоила многих в его команде, так как не только страдал его авторитет, но и явно сквозило нежелание помогать своим соратникам, как только они оказывались ненужными. Я пытался насколько мог поправить дело, говорил об этом М. С. Горбачеву, но изменить что-либо он так и не захотел. Люди, которые не были полезны, теряли для него интерес. Секретари Горбачева просто вычеркивали их из списка поздравляемых по праздникам. Так, наверное, происходило и в памяти генсека. Но была у него и другая удивительная черта характера. Стоило человеку как-то вновь подняться, переместиться, и он, позабыв о своей неприязни, просил: ты передай ему привет.

И я всегда поражался виртуозной гибкости человека столь высокого уровня, который мог быстро перекрашиваться и менять мнение, отрекаясь от сподвижников, если они оказывались под огнем критики.

Не мог он простить и тем, кто когда-либо перечил ему или аргументированно отстаивал свое мнение. Не говорю уж о тех, кто его когда-то вольно или невольно обижал или, по его мнению, унизил. Тогда этому человеку хода уже не было. Так случилось, например, с В. К. , молодым и способным экономистом, отлично знающим аграрные вопросы, лауреатом государственной премии, полученной, когда ему было около 25 лет. Работал В. К. в сводном отделе Госплана СССР и был приглашен однажды на совещание к М. С. Горбачеву, занимавшемуся в ту пору сельским хозяйством. Выступали на

этом совещании многие, в том числе и Горбачев, который с гордостью сообщил об огромной роли сельского хозяйства в экономике, высокой доле крестьян среди числа занятых в народном хозяйстве. Восхищался он и весомой долей продукта, созданного селом, в национальном доходе страны. Выступил тогда и В. К. , сам некогда окончивший экономический факультет Тимирязевки. Среди прочего он сказал, что гордиться большой численностью занятых в деревне и солидной долей аграрного сектора в экономике особенно не следует, ибо они свидетельствуют о перекосах и неразвитости народного хозяйства, аграрном характере производства в стране. И задача состоит в том, чтобы индустрия заняла господствующее влияние, а на селе должно трудиться не 20, а 5–7 процентов населения, как это имеет место в большинстве развитых стран мира.

Это выступление, показавшее наивные представления М. С. Горбачева о закономерностях экономического развития, его разгневало. Михаил Сергеевич разразился разгромной критикой в адрес В. К. , никогда не простив ему слов, произнесенных на том совещании и стараясь не давать ходу по служебной лестнице. Когда же Н. А. Тихонов, Председатель Совета Министров СССР, утвердил В. К. руководителем одного из союзных комитетов, он вдруг стал посылать ему через меня приветы. Но, будучи генсеком, вновь начал «добивать» В. К. Поручил подготовить вопрос о деятельности комитета на заседании Политбюро и разнес в пух и прах В. К. Позже генсек не давал ему возможности никакого движения по службе. Когда Комитет готовились упразднить и В. П. Можин, один из руководителей экономического отдела ЦК, предложил В. К. должность в аппарате отдела, М. С. Горбачев не разрешил делать этого. Все мои попытки заступиться за способного человека, вина которого состояла лишь в том, что он сказал правду и обнаружил большие знания в политэкономии, чем будущий генсек, натыкались на глухую стену яростной ненависти к В. К…

Постепенно Горбачев, как он говорил, избавился «от балласта» в ЦК и со временем собирался пополнить его состав новыми. людьми, активно поддерживающими перестройку. А пока кончилось тем, что зал пленумов ЦК стал свободнее — поредели ветеранские ряды. Помогла ли такая селекция в составе ЦК партии, удовлетворила ли она критиков? Думаю, не очень. Скорее, у оппонентов разыгрался аппетит и появились новые требования.

Да и если быть откровенным, насколько я знал кухню принятия решений, не от числа и состава членов ЦК зависела глубина и прогрессивность принимаемых постановлений. Уверен,

что если бы тогда толково объяснили конечные цели перестройки, необходимость применить новые методы, то те же люди единодушно проголосовали бы за такие предложения. Во-первых, потому, что это были умудренные опытные хозяйственники и партийные работники, давно видевшие недостатки в развитии страны, а во-вторых, они слишком доверяли Политбюро ЦК, чтобы ставить под сомнение внесенные им проекты. Так позже и произошло: избрание молодых партийных работников в состав ЦК не сделало его более лояльным и послушным, пришли люди, которые критически относились к проектам Горбачева и не боялись открыто выступать против тех из них, которые он предлагал партии и стране.

Раскритиковав аппарат партийных, советских и хозяйственных органов за превышение своих полномочий и диктат над избранниками партии и народа, избавившись от престарелой части ЦК, М. С. Горбачев, Политбюро начали расширять демократические основы работы партии, государства, общественных организаций, выступать за более полное предоставление свобод инакомыслящим. Была внесена поправка в Конституцию СССР, ликвидирующая монополию КПСС на руководство государством. Произошло это, правда, под большим нажимом первого Съезда народных депутатов и общественности. Разработан и принят Закон о печати, открывший широкие возможности для гласности. Все это вело к коренным переменам в традиционных методах управления государством, открывало новые возможности для развития общества, последствия которых пока никто не знал.

Наиболее серьезные и разносторонние решения о необходимости демократизации общества, реформы политической системы были приняты на XIX партийной Конференции КПСС. По существу, весь доклад генсека был пронизан идеями более широкого участия народа в управлении страной, создания условий для дальнейшего свободного развития каждой нации, укрепления социалистической законности и правопорядка, разграничения функций партийных и государственных органов.

Кто и как осуществлял руководство партией и страной

Так кто же осуществлял руководство двадцатью миллионами коммунистов и трехсотмиллионным государством?

Почти семь десятилетий эту функцию, по существу, исполняли Секретариат и Политбюро ЦК. Именно они определяли внешнюю и внутреннюю политику страны, через Совет Министров СССР, министерства, через местные партийные и советские органы управляли народным хозяйством, непосредственно руководили всей идеологической сферой общества. Не без их участия стало возможно превращение СССР в великую державу, и в то же время допущены те ошибки, подчас трагические, за которые приходилось расплачиваться народу. О деятельности этих органов я хочу рассказать подробней, так как в силу сложившихся служебных обстоятельств мне больше всего знакома именно работа Политбюро и Секретариата ЦК, организацией которой занимался общий отдел, и прежде всего его руководители.

Чем занимался Секретариат ЦК

…Завтра вторник — традиционный день заседания Секретариата ЦК. В 16 часов секретари ЦК, руководители отделов аппарата, идеологических служб партии собираются на заседание, чтобы решать вопросы, оказывающие влияние не только на деятельность КПСС, но и на жизнь всего общества.

В круг обязанностей Секретариата формально должны были входить текущие вопросы партийной жизни организаций и комитетов, работа идеологических органов, исполнение постановлений съездов, Политбюро и Пленумов ЦК, контроль за выполнением принятых ими решений. Однако часто Секретариат выходил за определенные ему рамки и нередко подменял и Политбюро, и Совет Министров СССР. Формально для этого имелись условия: партийные организации действовали во всех сферах жизни общества. Они были на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах, в армии, милиции, КГБ, в средствах массовой информации, театрах, музеях. И Секретариат ЦК нередко выносил на обсуждение вопросы о деятельности партийных организаций на железнодорожном транспорте, строительных предприятиях, нефтедобывающих промыслах.

Многие годы заседания Секретариата ЦК проводились раз в неделю. Секретари ЦК, а также постоянно приглашаемые заведующие отделами ЦК, редакторы центральных партийных газет, начальник Главного политического управления Советской Армии, председатели КПК, Ревизионной комиссии ЦК и Комитета народного контроля — все они собирались в зале заседаний Секретариата на пятом этаже главного здания. Зал был достаточно вместительный и после капитального ремонта и переоборудования выглядел отлично. Стены покрыты серо-бежевыми обоями, напоминающими по рисунку вязку мешковины, большой стол заседаний орехового дерева, кожаные вращающиеся кресла, обрамленные ореховым деревом оконные проемы, карнизы, двери. Вдоль стен и окон стулья с маленькими столиками для заведующих отделами. Секретари размещались за большим столом заседаний. Приглашенные — в конце зала на стульях.

Председательствовал на заседаниях Секретариата обычно второй человек в партии. При Н. С. Хрущеве это был Ф. Р. Козлов, при Л. И. Брежневе — М. А. Суслов. Затем вел Секретариат Ю. В. Андропов, потом К. У. Черненко, М. С. Горбачев, Е. К. Лигачев. И, наконец, В. А. Ивашко. Они из разосланных по Секретариату материалов формировали повестку заседания. Обсуждались, как

правило, вопросы партийной, организационной, идеологической работы. Но рассматривалось, как я сказал, немало и проблем экономического характера. Хорошо помню, как еще в 1984 году на Секретариат был вынесен вопрос о недостатках в строительстве заводов атомного машиностроения. Вскрылись факты небрежного проектирования, возведения цехов на нестойких грунтах, прочие нарушения в сооружении объектов. В ту пору в Ростовской области, где создавались эти предприятия, уже «просели» несколько жилых домов, нарушились фундаменты в цехах, что привело к невозможности точной работы уникальных станков, а следовательно, и перекосам при обточке огромных валов турбин. На заседание тогда приглашались геологи, строители, проектировщики, архитекторы. В общем, слушалось это дело капитально и меры приняты довольно жесткие, во всяком случае, Прокуратура еще долго распутывала все узлы в поисках причин халатного отношения к делу.

Рассмотрение тех или иных вопросов на заседаниях зависело еще и от привязанностей ведущих Секретариат. Ю. В. Андропов тяготел к проблемам административных органов, международным делам, то есть к тому, что знал получше. К. У. Черненко упор делал на идеологию, М. С. Горбачев — на вопросы села и экономики в целом, молодежи. Большой резонанс получило рассмотрение в 1984 году деятельности международной молодежной организации «Спутник». Там открылась такая картина злоупотреблений, что заколебались кресла под руководителями ЦК ВЛКСМ и кое-кто лишился своих должностей.

Многие проблемы, которые обсуждались, далеко выходили за рамки работы партийных и комсомольских организаций. По существу это был второй Совмин, но более авторитетный, мощный и жесткий.

Рассмотрение на Секретариате социально-экономических проблем, конечно же, ревниво встречалось в Совете Министров СССР. Узнав о готовившемся вопросе для обсуждения в ЦК, Н. А. Тихонов, например, спешно проводил заседания Президиума Совмина и принимал какие-то меры по этому вопросу. Н. И. Рыжков нередко жаловался М. С. Горбачеву, что идет вмешательство в его компетенцию.

Но это было уже чуть позже, а до 1985 года, когда Секретариат вел М. С. Горбачев, трудности были ицого рода. Повестка заседаний в конце концов определялась генсеком К. У. Черненко и его помощниками. Многие документы, подготовленные для заседания, не рассылались секретарям ЦК. Судьбу их решал генсек или два-три члена Секретариата, причем келейно, дискуссий по ним не было. Поэтому, как бы ни

стремился председательствующий что-то сделать, он исполнял свою роль в определенных рамках и действовал по тем правилам, которые для него были установлены. Нередко получалось, что Секретариат ЦК ставил и решал более крупные проблемы, чем Политбюро. Конечно, М. С. Горбачев делая это, исходил не только из необходимости решать серьезные вопросы. Но не в последнюю очередь он хотел показать партии, аппарату ЦК, что может подняться до уровня первого руководителя, которому подвластны все проблемы жизни общества. Кроме того, Михаил Сергеевич решал то, что уже не мог сделать К. У. Черненко.

При Горбачеве Секретариат ЦК, в отличие от прошлых лет, велся по нескольку часов. Выступить могли практически все желающие, что, кстати, они и делали. На заседания собиралось много народу. Они обычно начинались с рассмотрения кадровых вопросов. Утверждались кадры номенклатуры Секретариата ЦК — первые секретари обкомов и крайкомов, редакторы газет и журналов, других идеологических органов. При утверждении «номенклатуры», особенно секретарей обкомов, обсуждение шло в широком плане. Представляли кандидатов работники оргпартотдела ЦК. Давалась обстоятельная характеристика обстановки в области или крае. Вскрывались причины недостатков, подсказывалось, как можно наладить дело, и первое время шла серьезная поддержка вновь утвержденного руководителя. Выделялась материально-техническая помощь области, делалось все возможное, чтобы предлагаемая кандидатура получила поддержку партийной организации, завоевала авторитет у коммунистов, всего населения области, края или республики.

Были случаи, когда Секретариат ЦК, рассмотрев тот или иной вопрос, положение в области или крае, приходил к выводу, что следует менять руководителя. Этот вопрос в закрытом порядке обсуждался среди секретарей ЦК, затем выносился на решение генсека. После этого секретаря обкома или крайкома вызывали в ЦК и предлагали подать заявление о переходе на пенсию. Если возраст позволял, а вина за провалы была не слишком велика, могли направить на работу в какое-либо ведомство или в дипломатическое представительство за рубежом, возможно, даже послом в одну из развивающихся стран.

По существующему правилу в резерве на выдвижение первым секретарем обкома в отделе организационно-партийной работы имелись кандидатуры. Ответственные работники отдела выезжали в область или край и обсуждали кандидатуру среди актива. Но это делалось только в последнее время. В прошлом кандидата в секретари обкома или крайкома утверждали в ЦК и

привозили на областной пленум, где его «выбирали» без особых сомнений. После этой процедуры «выборов» шло формальное утверждение кандидатуры в Секретариате ЦК, а затем и на Политбюро.

Поскольку речь зашла о номенклатуре ЦК, хочу высказать некоторые соображения относительно этого понятия. Прежде всего номенклатура — это перечень должностей в различных сферах жизнедеятельности общества и главным образом в управлении, производстве, идеологии, которые находились под контролем партийных комитетов. Как бы этот перечень ни именовался, он существовал в прошлом и останется в будущем. Другое дело, что численность должностей, оказавшихся в поле интересов партии, была чрезвычайно велика. Существовала номенклатура райкома, обкома, ЦК компартии республики. Директор завода или совхоза назначался не без ведома райкома партии. А если завод имел оборонное значение или оказывал решающее влияние на развитие той или иной отрасли, то его руководство находилось на учете и в государственном аппарате, и в партийных органах вплоть до ЦК КПСС.

Такое положение существовало во всех структурах управления. Номенклатура многих партийных, советских и идеологических работников делилась на номенклатуру учетно-контрольную, когда курирующий отдел обкома или ЦК КПСС только фиксировал персональные изменения в связи с назначением кадров и приглашал кандидата на должность для знакомства и беседы, не ставя вопроса на решение секретарей ЦК. Существовала также номенклатура Секретариата ЦК, когда утверждение того или иного работника происходило при согласии секретарей ЦК и оформлялось официальным решением. Причем она делилась на две части. Некоторые должности требовали приглашения вновь назначаемых работников на заседание Секретариата ЦК и широкого обсуждения кандидатуры, другие — без приглашения, но голосование постановления происходило, как говорилось, «вкруговую». Руководителей областных и краевых партийных организаций, кроме Секретариата, приглашали еще и для окончательного утверждения на Политбюро ЦК, у которого имелась своя номенклатура. В нее входили все первые секретари обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик, председатель и заместители председателя Совмина СССР, министры, главные редакторы «Правды», «Коммуниста», некоторые работники идеологических органов, крупные военачальники, руководители ряда подразделений КГБ, военно-промышленной комиссии, послы СССР и некоторые другие должности.

Номенклатура Секретариата ЦК была многократно больше. Кадровые назначения и связанное с этим голосование чрезвычайно осложняло работу отделов ЦК и особенно секретарей ЦК. Это уже давно превратилось в формальность, поскольку большую часть не только людей, но даже должностей секретари ЦК не знали и доверяли подписям заведующих отделами.

С технической точки зрения существовавшая система учета и контроля за перемещением кадров, безусловно, заслуживает внимания. За десятилетия работы она усовершенствовалась, а с появлением компьютеров позволяла быстро отыскивать людей, нужных по опыту работы, образованию, возрасту и многим другим характеристикам. Что касается политической точки зрения, то подобный учет, конечно, не соответствовал сегодняшнему дню, поскольку был призван обслуживать административно-командную систему с ее глобальным охватом всех занятых на ключевых должностях в обществе.

Аппарат ЦК КПСС уделял большое внимание кадровой расстановке коммунистов на ключевых постах жизнедеятельности страны. Не было практически ни одного заседания Секретариата ЦК, где бы не рассматривались эти вопросы. Кроме того, голосованием утверждались на должностях в день от 30 до 50 новых работников. Не раз предпринимались попытки сократить перечень номенклатурных должностей, как не раз пытались и уменьшить численность работников аппарата управления страны, но кончалось это лишь его увеличением. Рассказывают, как А. И. Микоян, бессменный руководитель высших государственных структур в период от Ленина до Брежнева, о котором говорили, что он трудился от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича, сказал как-то об особенностях сокращения чиновнического люда. Это как вороны на дереве. Их спугнут, и они разлетятся в стороны, а пройдет немного времени, и видишь, что на его ветвях снова сидит воронье, да еще в большем количестве. Так происходит и с численностью аппарата управления при его сокращении.

Тем не менее одна за другой предпринимались попытки сократить номенклатуру, и кое-что сделать удалось. Но не слишком много.

Утверждение и замена кадров были действенным рычагом влияния на обстановку в областях и краях, в центральных ведомствах, средствах массовой информации. Невыполнение какого-то решения Секретариата могло иметь самые серьезные последствия, и этим поддерживалась дисциплина и порядок.

Если с обсуждения кадровых вопросов начинались почти все

заседания Секретариата, то заканчивались они по-разному. Часто ряд вопросов выносился за повестку заседаний. Тогда в зале оставались лишь секретари ЦК, иногда один-два заведующих отделами. На этой части заседания рассматривались наиболее деликатные вопросы. Они касались поведения каких-то членов ЦК, руководителей обкомов, крайкомов, нарушения внутрипартийной этики, злоупотребления служебным положением. Много вопросов касалось злоупотреблений — застолий, нарушения порядка в распределении квартир. Были и другие вопросы подобного характера. Тогда же принимались и решения. Причем чаще всего они были достаточно крутые, хотя в те годы особой гласности это не предавалось.

Наиболее сложные и принципиальные вопросы, обсуждавшиеся на заседании Секретариата, выносились затем на рассмотрение Политбюро ЦК, и там принималось окончательное решение. Это относится прежде всего к вопросам, касающимся компетенции Совета Министров СССР и других органов государственной власти.

Стиль и методы ведения председательствующими заседаний Секретариата были различны. М. С. Горбачев вел заседания напористо, но часто, когда вопрос был сложный, колебался, отступал и принимал такое решение, которое ни к чему не обязывало. Как-то, еще до избрания его генсеком, обсуждался вопрос о возможности выделения земель горожанам. Особенно в тех районах, которые обезлюдели. Я составил справку и дал ее Горбачеву. Из анализа было видно, сколько в стране желающих заниматься садоводством и огородничеством, сколько пустующих земель и деревень. Из документа следовало, что стоит поддержать идею отвода угодий. Об этом говорили и другие выступающие. Горбачев, распаленный дискуссией, заявляет:

— Надо это обязательно сделать. Люди должны иметь возможность трудиться на земле. Что, у нас ее мало? Зарастает лесом, не используется.

Но вот выступил представитель сельхозотдела ЦК и заметил, что это не простой вопрос — руководители хозяйств возражают. Ведь что получается: горождне в воскресенье приезжают на лоно природы и в гамаках отдыхают, а в это время крестьяне и в субботу, и в воскресенье с рассвета до темна работают в поле. Мы так разложим деревню. Нужно думать и о будущем колхозов и совхозов.

И вот подходит пора заключительного слова и принятия решения. Тон у Горбачева уже помягче, раздумий в тоне голоса и словах побольше. В нем происходит внутренняя борьба. А вдруг скажут, что разрушает общественное хозяйство? Да и против

дачного строительства еще Андропов выступал. Но и горожан надо ублажить. И в результате заключение:

— Где можно, землю нужно выделить, — говорил Михаил Сергеевич, — но ущемлять интересы хозяйств, игнорировать моральное состояние земледельцев нельзя.

В том, что сказано, — весь он, со всеми присущими ему чертами. В результате такого компромисса вопрос повис, как будто и не обсуждался. Естественно, и ничего сделано не было. Таких половинчатых, неуверенных решений принималось, к сожалению, в ту пору немало. Еще больше их принималось позже.

Когда начал председательствовать на заседаниях Е. К. Лигачев, то в его подходах к делу проявлялся характер, присущий этому человеку. Он любил «дожимать» вопросы, добиваться всеми силами и средствами выполнения того решения, которое принял Секретариат ЦК.

М. С. Горбачев внимательно и ревниво следил за работой Е. К. Лигачева. Он интересовался, как проходили Секретариаты ЦК, о чем говорилось и какие решения принимались. Часто из повестки заседания он вычеркивал те или иные вопросы, подготовленные к рассмотрению, говоря, что это лучше послушать на Политбюро. Однако и на Политбюро они не выносились. Часто с заседаний Секретариата Горбачев вызывал меня или кого-то из секретарей ЦК, хотя ничего срочного не было. То ли ему было невмоготу сидеть одному, то ли он не хотел, чтобы мы участвовали в том или ином заседании Секретариата. Шла обычная мелкая возня, суть которой сводилась к тому, чтобы не вторгались в компетенцию генсека, помнили, что он главный, способный решать дела так, как хочет.

Я уже говорил, что отношения Е. К. Лигачева и А. Н. Яковлева все более ухудшались. Скоро произошел и полный разрыв между ними. Причины этого конфликта были глобальными и выражались в разных подходах к деятельности средств массовой информации. В то время, как Яковлев активно поддерживал «Огонек», «Московские новости», некоторые литературные журналы и столь же активно не принимал «Наш современник», «Молодую гвардию», «Правду» и другие издания, Лигачев занимал прямо противоположные позиции. Все это отражалось на деле, выливалось в ослабление управления идеологией. И Е. К. Лигачев, и А. Н. Яковлев докладывали о сложившейся ситуации Горбачеву, но Михаила Сергеевича пока эта борьба устраивала.

Когда конфликт перешел из стадии внутренней борьбы на Политбюро, дело резко осложнилось: не было ни одного заседания, где в адрес идеологов не слышалась бы критика. Иногда Е. К. Лигачев сам начинал разговор о публикациях в

печати, иногда это делал Н. И. Рыжков, и многие присоединялись к критике, отмечая беспомощность руководства идеологическим отделом. После нескольких выступлений «Московских новостей» и «Огонь-ка», некоторых других изданий, прямо или косвенно критиковавших политику М. С. Горбачева, судьба А. Н. Яковлева была предрешена. Генсек, видя негативное отношение к руководству идеологией большинства членов Политбюро и ЦК КПСС, начал искать нового Суслова. Лишившись необходимой поддержки и доверия, Яковлев и сам почувствовал, что надо менять поприще. Он не раз говорил:

— Ну поймите меня, почему мне ни разу не дали ни одного участка работы, где бы можно было действовать самостоятельно. Пусть Е. К. Лигачев занимается селом, где положение не из лучших. Зачем «сажать двух медведей» в одну идеологическую берлогу?

Но Горбачеву нравилось, когда одним и тем же участком работы занимались парами. Даже перейдя на стезю международной деятельности, куда его «перебросил» М. С. Горбачев, Яковлев находился в одной упряжке с Шеварднадзе, вместе с ним принимал все важнейшие решения.

М. С. Горбачев, как он это умел делать практически со всеми, находил методы, ограничивающие инициативу в работе своих подчиненных, но часто «подставлял» их под критику, поручая решать те или иные непопулярные вопросы. А. Н. Яковлев, например, не понимал, почему ни разу ему не дали возможности выступить с докладами ни на торжественном заседании по случаю дня рождения Ленина, ни накануне праздника Великого Октября, хотя он очень желал этого и просил меня поспособствовать такому решению. Я все время напоминал М. С. Горбачеву о том, кто выступал, а кто не выступал на подобного рода мероприятиях и что очередь А. Н. Яковлева. Но Горбачев молчал, иногда бросал — «еще рано». Ему так и не дали возможности выступить.

Единственное объяснение тому я вижу в нежелании М. С. Горбачева, чтобы А. Н. Яковлев сделал доклад, по мыслям и форме превосходящий все, что говорилось и делалось генсеком. Горбачев боялся, что его могут «затмить» и стать знаменем оппозиционных генсеку сил. Трудно не учитывать и такое обстоятельство. После избрания М. С. Горбачева генсеком он предложил Яковлеву должность своего помощника, но тот отказался. Не думаю, чтобы такие вещи Горбачев забывал. В конце концов так и получилось, что по существу Яковлев, на каком бы участке он ни работал, всегда был своего рода «спич-райтером», составителем речей, поставщиком идей, помощником

или советником, что и было потом оформлено официально, когда после разгона Президентского совета он был утвержден в должности старшего советника М. С. Горбачева.

А в это время обстановка в Секретариате оставалась нервозной. Главное — секретари ЦК видели, что их решения перестали иметь должную силу. Принимались решения, которые выполнять уже либо не могли, либо не хотели. Из мощного, влиятельного органа Секретариат с 1989 года превратился в дискуссионный клуб. Приход В. А. Ивашко, избранного заместителем генерального секретаря ЦК КПСС и возглавившего работу Секретариата, по существу не смог изменить положение, ибо из некогда целостной системы партийного влияния были выбиты фундаментальные звенья. И вся многоэтажная постройка перекосилась, начала рушиться. Партия с прежней силой уже не могла влиять на дела в народном хозяйстве, гласность вывела из-под ее контроля средства массовой информации. Альтернативные выборы, по существу, привели к невозможности влиять на кадровую политику. Сколько раз Секретариат утверждал на должность первого секретаря обкома одного человека, а коммунисты на конференциях и пленумах выбирали другого. На местах это хорошо понимали и выполняли решения Секретариата только по традиции, из уважения к некогда величественному и влиятельному органу КПСС.

Главная политическая кухня

…Секретариат ЦК — это прежде всего организационные, идеологические дела партии, хотя и с выходом на многие хозяйственные вопросы, которыми занимались партийные комитеты. Но главный политический орган КПСС, всего государства, их мозг и нерв — Политбюро ЦК. Именно оно определяло все принципиальные вопросы внутренней и внешней политики страны. Решениями Политбюро ЦК были двинуты войска в Венгрию, Чехословакию, Афганистан, утверждались проекты предложений по согласованию границ и разоружению, полеты в космос и освоение целины, строительство БАМа, снижение и повышение цен, эмиссия денег, продажа драгоценных металлов и камней и многое другое.

В состав Политбюро традиционно входили наиболее крупные руководители партии и государства, авторитетные деятели, занятые международными вопросами. Это ареопаг мудрецов, не очень молодых, а нередко и просто древних. Но этот ареопаг приводил в трепет многих, вызывал уважение и интерес как в нашей стране, так и за рубежом.

Состав и численность Политбюро были не всегда одинаковыми. В разные периоды в Политбюро не избирались министры иностранных дел и обороны. Не всегда это делалось и в отношении руководителей КГБ, Госплана СССР, руководителей республик. В последние два десятилетия число членов Политбюро колебалось в пределах 11–12 человек. После XXVII съезда КПСС было избрано 12 членов и 7 кандидатов в члены Политбюро. В него входили М. С. Горбачев, Г. А. Алиев, В. И. Воротников, А. А. Громыко, Л. Н. Зайков, Д. А. Кунаев, Е. К. Лигачев, Н. И. Рыжков, М. С. Соломенцев, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, В. В. Щербицкий, а также кандидаты в члены Политбюро — П. Н. Демичев, В. И. Долгих, Б. Н. Ельцин, Н. Н. Слюньков, Ю. Ф. Соловьев, Н. В. Талызин. Состав избранных менялся между съездами в зависимости от разных обстоятельств как внутреннего, так и международного порядка.

Не имеющий прецедентов был состав Политбюро ЦК после XXVIII съезда КПСС. В него избрали кроме некоторых секретарей ЦК, руководителей хозяйственных органов еще и всех первых секретарей ЦК компартий республик, большинство из которых были президентами или главами этих республик.

По традиции Политбюро собиралось на свои заседания по четвергам в 11 часов. Каждую неделю в это время по улице Куйбышева неслись тяжелые «ЗИЛы» с важными седоками,

решающими судьбы страны, и машины охраны. Милиция расчищала улицу, и минут 30 она была отдана на заезд участников заседания.

Политбюро традиционно собиралось в Кремле, в здании правительства, на третьем этаже, над кабинетом, где некогда работал И. В. Сталин. На этом же этаже был размещен кремлевский кабинет генсека, большой, мрачный и неудобный. Размером он около 100 квадратных метров, вытянут вдоль окон, ибо в здании стена, отгораживающая кабинеты от коридора, была несущей. Ширина кабинета 8 метров. За ним комната отдыха, которая никак не может расположить к какому-то отдыху, и М. С. Горбачев, как он говорил, никогда так и не прилег там, даже чувствуя себя неважно. Апартаменты генсека переоборудовали, установили новую мебель, закупленную в Италии. Здесь стоял красивый письменный стол темно-вишневого цвета с полукруглой тумбой. Рядом два кожаных кресла, сидя на которых ты воочию убеждаешься в своей ничтожности, глядя снизу вверх на генсека. Сбоку, ближе к двери, — стол заседаний, но всего на шесть мест. В углу за низким столиком с креслами Горбачев любил пить кофе. У торцевой стены небольшой книжный шкаф. Красивые ковры застилали пол. Огромные хрустальные люстры освещали кабинет и куполообразный потолок.

В кабинет можно было войти через приемную, в которой дежурили личные секретари М. С. Горбачева и размещалась охрана. Приемная небольшая и сумрачная, как все в этом мрачном здании. Есть из приемной и вход в другую комнату, обшитую ореховыми панелями. Ее называли «Ореховой». Здесь за большим круглым столом собирались все члены Политбюро до начала заседания. Кандидаты в члены Политбюро, секретари ЦК и никто другой сюда не допускались. В «Ореховой» комнате обсуждались все доверительные вопросы, все, что должен был знать только самый узкий круг руководства. Отсюда еще через одну дверь члены Политбюро проходили в зал заседаний. Нередко по ряду вопросов, обсужденных в «Ореховой» комнате, у них уже было готовое решение.

Но все-таки большая часть вопросов рассматривалась именно в зале заседаний Политбюро. Он вмещал, хотя и с большим трудом, человек 80. Посреди зала размещался огромный стол заседаний, крытый зеленым сукном, перпендикулярно ему был приставлен стол председательствующего. На нем чернильный прибор, часы, звонок, пульт управления картами, скрытыми в специальной стенке. Члены Политбюро садились строго по занимаемому положению, сроку пребывания в Политбюро.

Справа и сбоку от Горбачева сидел Е. К. Лигачев. Это

постоянное место второго человека в партии, за которое в свое время так боролся Горбачев. Напротив Лигачева — Н. И. Рыжков, далее размещались в таком порядке:

А. А. Громыко, как Председатель Президиума Верховного Совета и старейший член Политбюро, затем М. С. Соломенцев, Э. А. Шеварднадзе, Н. Н. Слюньков, Д. Т. Язов. Далее А. Н. Яковлев, В. А. Медведев, В. А. Крючков; в таком же порядке сидели кандидаты в члены Политбюро, секретари ЦК. За ними размещались члены правительства, когда их приглашали. Все знали свои места, и никто никогда не допускал «нечаянно» сесть в чужое кресло. Слева от М. С. Горбачева стол, за которым работали заведующий общим отделом и его первый заместитель. Они вели рабочую запись, определяли последовательность приглашения на заседание тех или иных лиц.

Вдоль стен и у окна стояли стулья. Там обычно сидели помощники генсека и те, кого постоянно приглашали на заседания, а это — заведующий идеологическим отделом, главный редактор «Правды», первый заместитель оргпартотдела ЦК.

И, наконец, за залом заседаний находилась приемная, где ожидали рассмотрения вопросов приглашенные на Политбюро. Приемная невелика, поэтому многие вызванные на заседание прогуливались по коридору.

Подготовка к заседанию Политбюро начиналась с формирования повестки. М. С. Горбачев получал перечень документов, которые были разосланы им членам Политбюро. Материалы эти поступали от Совмина СССР или РСФСР, Министерства иностранных дел, Министерства обороны или других органов управления и требовали решения Политбюро. Разосланные материалы прорабатывались членами Политбюро. Их помощники организовывали оценку документов с точки зрения политической целесообразности решения проблемы и интересов того или иного ведомства. Всестороннее рассмотрение предложений позволяло Политбюро в большинстве случаев объективно и глубоко оценивать вопросы. По многим вынесенным на обсуждение проектам постановлений давались письменные замечания. В документах менялись или уточнялись формулировки, дополнялось их содержание. В общем шла капитальная проработка вопросов.

Обычно на заседания выносились один-два крупных вопроса, требующих широкого и всестороннего рассмотрения, и ряд мелких, которые часто не обсуждались вообще, а члены Политбюро, ознакомившись с проектами, соглашались их принять.

Зато основные вопросы «мялись» основательно. Инициаторам постановки их давалось время для доклада в зависимости от сложности проблемы, но, как правило, в течение 10–15 минут. После доклада автора проекта М. С. Горбачев предоставлял слово другим заинтересованным сторонам, особенно тем, кто имел замечания и возражения. Иногда подобные вопросы обсуждались по 3–5 часов. Но это было скорее недостатком, чем достоинством. Если до М. С. Горбачева заседания Политбюро завершались за 30–40 минут, то в последние годы они длились по 10 часов. Михаил Сергеевич с гордостью говорил, что теперь мы работаем по-настоящему. Но люди уставали, работоспособность снижалась, и дело не продвигалось.

Я не понимал подлинных причин многочасового сидения, как не понимали этого и некоторые члены Политбюро. Если вопрос подготовлен, его надо принять, если нет, поручить доработать. Но тут дело шло на измор, от которого очень страдали и А. А. Громыко, Н. Н. Слюньков и некоторые другие «сердечники», которым не хватало воздуха. М. С. Горбачев, боясь простуд, просил отключать кондиционирование. В тесном кабинете после нескольких часов работы без перерыва становилось так душно, что и здоровому человеку находиться в нем было тяжко. Нередко ко мне оборачивался то один, то другой член Политбюро и знаками показывали, что надо включить кондиционер. Я давал команду, но тут же получал замечание генсека, что ему дует в затылок.

Конечно, поначалу было что обсуждать и время жалеть не следовало. С приходом М. С. Горбачева к власти, принятием новых решений по совершенствованию общественных отношений в стране Политбюро пришлось внимательно рассматривать значительное количество постановлений. — А скоро в повестку заседаний Политбюро все чаще стали вноситься вопросы о чрезвычайных происшествиях в стране, которые как злой рок стали сопровождать деятельность генсека.

Начало этому перечню положила трагедия в Чернобыле. Случилось это в ночь на 26 апреля 1986 года. Была суббота, и на работу многие приехали на час-полтора позже обычного. Под утро Горбачев узнал, что на атомной станции недалеко от Киева случилась крупная катастрофа. Начались долгие обсуждения о прогнозах, масштабах и последствиях аварии, принимаемых мерах. В тот период мне казалось, что значение случившегося недооценивалось. И хотя принимались меры по выяснению причин и последствий аварии, в Киеве, не говоря о других городах, как и прежде размеренно шла жизнь. Люди готовились к Первомаю, велогонке мира, которая стартовала из столицы

Украины. Невелико было беспокойство и среди руководства партией и страной. Для выяснения причин катастрофы вылетела правительственная комиссия во главе с зампредом Совмина СССР Б. Е. Щербиной, которая в понедельник на внеочередном заседании Политбюро ЦК должна была доложить свои выводы.

Но беспокойство с каждым часом перерастало в тревогу, в уверенность, что произошла грандиозная катастрофа. Это подтверждали сообщения и западных источников. На заседании Политбюро в понедельник прозвучал первый доклад специалистов, побывавших на месте происшествия. Мало сказать, что была представлена удручающая картина взрыва энергоблока, разрушения станции. Страшней были последствия радиации, возможные заражения воды, земли, растительности. Не знаю, почему с самого начала не была дана объективная оценка происшествия, его масштабов и последствий. То ли из-за желания скрыть масштабы катастрофы, надежды на то, что все образуется, рассосется, будет локализовано, или превалировал элементарный страх перед ответственностью, сказать не берусь. Но хорошо помню как тревожные выступления ученых, так и успокоительные. Во всяком случае, картина катастрофы не раскрывалась полностью, просачивающаяся информация в печать была профильтрована. На заседаниях Политбюро мне пришлось несколько раз сидеть рядом с Е. Б. Славским и А. П. Александровым, двумя корифеями атомного дела в стране, было им в ту пору каждому за 80 лет, и каждый активно работал, не уступая молодым. Они комментировали выступления некоторых ораторов, упрекая их в паникерстве, безграмотности и трусости, часто вспоминая, что им приходилось бывать и не в таких переделках, и «ничего не случилось, пережили многих».

На первом заседании Политбюро, рассмотревшем последствия катастрофы, была образована комиссия во главе с Н. И. Рыжковым. После этого началась систематическая работа по локализации взрыва атомного котла. Что касается причин аварии, то они были не вполне ясны.

Некоторыми специалистами предпринимались попытки возложить всю ответственность за аварию на обслуживающий атомную станцию персонал, кое-кто грешил на ученых, полагая, что случившееся — дело рук проектировщиков, допустивших конструкторские огрехи. Поступали успокоительные прогнозы от метеорологов. Но время все очевиднее показывало, что зона опасной радиоактивной зараженности расширяется. Долгоживущие элементы радиоактивного распада обнаруживались в районах, далеких от Чернобыля. Поражена была не только часть Украины, но и значительная часть

Белоруссии, ряд районов Российской Федерации. Из некоторых докладов становилось очевидным, что заражена огромная территория, часть которой сделалась непригодной для жизни людей в течение многих десятилетий, если не столетий. И эти данные также не нашли глубокого рассмотрения.

Надо сказать, что в условиях глобальной катастрофы только такое мощное государство смогло сконцентрировать крупные материально-технические ресурсы и оказать ту помощь, которая смягчила трагедию. Что бы произошло, если бы беда выпала на долю только Украины или Белоруссии, трудно себе представить. А в ту пору ветер разметал радиоактивные частицы во многие отдаленные районы. Нам предъявляли претензии некоторые европейские страны, особенно те, где были поражены посадки овощей, фруктов. Ветры принесли чернобыльскую пыль на Кавказ и Закавказье, в районы Российской Федерации. Это была катастрофа века. Она свидетельствовала, что любое применение ядерного оружия небезопасно и для тех стран, которые могут далеко находиться от зоны конфликта.

Создав комиссию по Чернобылю во главе с Н. И. Рыжковым, М. С. Горбачев свалил всю чернобыльскую заботу со своих плеч. Казалось, трагедия многих миллионов людей, невиданно огромные материальные потери — все это не отозвалось должной болью в сердце генсека, он не побывал в трудные дни на месте аварии. Не возникало у него желания сразу посетить и другие горячие точки страны, где люди ждали слова и помощи лидера партии и государства. Не пожелал он приехать в Тбилиси, Карабах, Сумгаит, на место межэтнических волнений в Узбекистане и Киргизии, в Казахстане, где гибли тысячи безвинных людей. Но справедливости ради надо сказать, что позже, через полтора-два года, он побывал в районах, прилегающих к Чернобыльской АЭС, посетил Спитак в Армении и место катастрофы двух пассажирских поездов недалеко от Уфы.

Особому рассмотрению на заседании Политбюро подвергся инцидент в связи с пролетом от границ Прибалтики до Москвы и посадкой в центре столицы, рядом с Красной площадью, самолета Руста. *Я* хорошо запомнил тот день и видел, как кружит над Кремлем небольшой легкомоторный самолет. В последние годы над центром Москвы часто летали вертолеты и самолеты, осуществляя съемки различных исторических и документальных фильмов. И в тот пасмурный день я подумал, что опять идут какие-то съемки, однако через несколько минут мне позвонили из Министерства внутренних дел и КГБ и сообщили, что рядом с Кремлем приземлился немецкий спортивный самолет и пилот его, немец по национальности, гражданин ФРГ, объясняет, что

прилетел в Россию в гости. Это было невероятное сообщение, и я просил военных подтвердить этот факт. Политическая подоплека событий была довольно очевидна. М. С. Горбачева в ту пору в Москве не было. Если мне не изменяет память, он находился в Берлине и прибыл в Москву на другой день. В аэропорту, как только Горбачев покинул самолет, началось обсуждение происшествия с членами Политбюро, которые прибыли на встречу генсека. Раиса Максимовна сразу же расценила его как выпад против генсека, стремление военных унизить его. М. С. Горбачев назначил специальное заседание Политбюро ЦК по этому вопросу и просил министра обороны Соколова доложить о всех деталях происшествия.

Посадка в центре Москвы, рядом с Кремлем немецкого самолета в стране была воспринята как гром среди ясного неба. Дерзкий случай потряс народ, гордившийся своей противовоздушной обороной и затративший на это многие миллиарды рублей. Он действительно унизил Горбачева в глазах народа, а народ — в глазах мирового сообщества. Генсек воспринял это как спланированную акцию военных против него лично. Если Горбачев и в прошлом искоса и с подозрением относился к военным, то теперь он их люто возненавидел и уже никогда не простил такой «шутки», делая все, чтобы предать военных анафеме, отдать их «на съедение» средствам массовой информации и парламентариям Союза. С тех пор и до последнего времени Горбачев тайно и явно «воевал» с армией, создавал для военных обстановку недоброжелательности. Против высшего руководства армии был открыт активный фронт борьбы.

Объяснение военных на заседании Политбюро было не слишком убедительным. Наверное, действительно трудно обнаружить медленно и низколетящий одномоторный самолет. На локаторах кое-где просматривался летящий объект, его засекли сначала пограничники, передали сведения войскам противовоздушной обороны. Но там его сразу не засекли. Однако скоро он появился и на локаторах военных. Но было нечетко видно и похоже, как объясняли авиаторы, на стаи перелетных птиц. Где-то поднимали для проверки истребители, летчики видели в просветах облачности самолет, но при разных скоростях быстро его теряли из виду, а главное, не решились сбивать после известного случая с корейским «Боингом». Тем временем Руст часто менял высоты, направления, а у Москвы вообще летел вдоль железной дороги и был практически невидим. А в центре управления противовоздушной обороны не знали ничего толком о неопознанном объекте.

Высказывались по поводу случившегося тогда многие члены

Политбюро, и военным было трудно объяснить чрезвычайное происшествие. Закончилось все весьма жестоко. Некоторых отдали под суд, других — отправили в отставку. Министра обороны Соколова освободили от занимаемой должности. Это был, пожалуй, единственный случай, где М. С. Горбачев принял крутые меры. Но сделал он это прежде всего потому, что считал случившееся выпадом военных лично против него.

На заседания выносились и вопросы строительства Байкало-Амурской магистрали, освоения новых нефтегазоносных провинций, вопросы закупок продовольствия в США, Канаде и других странах Запада. По существу, как я уже отмечал, не было ни одной серьезной проблемы, которая оказалась бы вне поля зрения Политбюро.

Вначале это были действительно обстоятельные и коллективные обсуждения вопросов. Во всяком случае, так это выглядело внешне. Но шло время, и проблемы все чаще стали рассматриваться поспешно, поверхностно. Все больше М. С. Горбачев навязывал свое мнение, ограничивал время выступлений, в том числе и членов Политбюро, а иногда и обрывал ораторов, делая это не слишком деликатно. Уверенность М. С. Горбачева в своей непогрешимости крепла, все жестче, все более властно велись им заседания Политбюро.

По мере того как М. С. Горбачев набирал силу, он легко и просто расставался со своими соратниками при первом несогласии с ним или падения тени на его дела и жизнь. Все меньше докладов, выступлений генсека на совещаниях, а позже и пленумах ЦК рассылалось членам Политбюро. Нарушался святой порядок коллегиальности в работе этого органа, попирался и принцип консенсуса. Иногда он говорил об общем содержании предстоящего доклада и просил одобрить концепцию, а в последнее время и это делал все реже. По существу на заседаниях установилась своеобразная диктатура. Я видел, как боязливо переглядывались, но помалкивали члены Политбюро, удивляясь подобным нововведениям.

Наглядно это проявилось при обсуждении статьи Н. Андреевой, опубликованной в «Советской России». Когда Михаил Сергеевич прочитал ее, то она не вызвала у него особых возражений, а возможно, даже имела поддержку в домашнем кругу, где делался самый пристрастный анализ всего, что публиковалось. Как-то вечером, рассматривая документы и давая поручения в связи с поставленными в них вопросами, Михаил Сергеевич как бы между прочим спросил меня:

— Читал «Советскую Россию» со статьей Н. Андреевой?

Я ответил, что только начал и еще не дочитал.

— Да там вроде все нормально, хотя шум поднят большой, — заключил он.

Я не придал тогда этому значения. Но вернуться к статье заставило меня резко отрицательное отношение к ней А. Н. Яковлева. Прошла еще пара дней, и мнение М. С. Горбачева круто изменилось. Теперь он считал, что это наскок на перестройку. Что повлияло на изменение его взгляда, сказать трудно, но на ближайшем заседании Политбюро ЦК речь зашла об этой публикации.

Большинство членов Политбюро либо не обратило внимания на эту публикацию, либо не придало ей значения. Некоторые просто одобрили то, что там говорилось, — они так и сказали. Был конец заседания Политбюро. Время перевалило за 8 часов вечера, и разговор шел довольно откровенный, хотя и вялый. Неожиданно вскипел М. С. Горбачев, сказав, что это вопрос принципиальный и мы должны дать оценку изложенным в статье концепциям.

— Завтра продолжим обсуждение, — заключил он.

Этот срыв М. С. Горбачева был непонятен и необъясним.

На другой день уже в зале Секретариата ЦК заседание Политбюро было продолжено. М. С. Горбачев настроен по-боевому. Он опять начинает со своих оценок статьи, а затем предлагает высказаться остальным. Обычно порядок выступлений шел от лиц, размещенных рядом с председателем, и дальше к секретарям ЦК. Несмотря на горбачевскую «артподготовку», мнения расходятся, отмечается в целом или частями негативное отношение к статье. Многие в то же время отмечают, что там сказано и много правды о нашей истории, о ценностях, которые были завоеваны трудом, потом, а то и кровью народа. М. С. Горбачев нервничает, высказывается все более некорректно, порой неуважительно к членам Политбюро. Потом, после заседания, он скажет:

— Ну наконец-то я понял, с кем работаю. С этими людьми перестройки не сделаешь.

А во время обсуждения серьезные мужи подлаживаются под мнение Горбачева. Михаил Сергеевич подает реплики, саркастически высказывается о тех, кто видит хоть толику разумного в статье. Я иногда думал: как могло случиться, что эти люди позволяют генсеку обвинять их в неверности избранному курсу, унижать достоинство. Каждый волен иметь свое видение, свою точку зрения, и никакой крик и посвист словесной нагайки, казалось бы, не должен изменить их точку зрения.

Мне нередко приходилось читать в печати, слышать от западных политических деятелей об обаятельности Горбачева, его

хороших манерах, высокой культуре. И могу подтвердить, что он умел производить впечатление, когда того хотел. Но я и многие другие знали и иные стороны его характера, привычки: он бывал груб, мог обидеть и унизить собеседника.

…Целый день продолжалось объяснение и выяснение позиций членов Политбюро. Под конец люди уже просто клялись в верности генсеку, забыв о том, что собрались ради обсуждения статьи. Позже сцены с использованием таких методов стали повторяться все чаще и чаще. Они велись по итогам пленумов, когда там возникали заварушки, обсуждались события в стране, в некоторых республиках. Скоро на заседаниях Политбюро все чаще звучали клятвенные заверения в верности, и я вспомнил нечто подобное — уже заставляли Разумовского, Яковлева и меня присягать на верность не идеям и принципам, не народу и стране, а личности руководителя. И чем больше общественное мнение восставало против бездействия М. С. Горбачева, его ошибочных решений, тем настойчивее он требовал поклонения. Нередко при обсуждении вопросов Горбачев покрикивал, видя, что его кто-то не очень слушает. Резко обрывал участника заседания, говорил, что удалит из зала; чаще всего это относилось к А. И. Лукьянову. Все делали вид, что не слышали бестактности по отношению к товарищам, которая еще недавно в принципе была невозможна.

Как-то не было случая задуматься: почему впал в немилость Рыжков, не выдержавший физических перегрузок, а главное, морального третирования, охлаждения и почти разрыва отношений с Горбачевым. В результате — тяжелый инфаркт. До этого на Политбюро Горбачев необузданно разнес в пух и прах Г. А. Алиева, после чего тот с тяжелым инфарктом попал в больницу и года два не мог прийти в себя. Конечно, критиковать Алиева было за что, но почему его столь беспардонно порочили на заседании, где вообще-то должен быть дух товарищества и уважительной критики. Его отправили на пенсию, на Пленуме ЦК М. С. Горбачев тепло отозвался о нем и его работе, но при публикации стенограммы эти слова выбросил.

Вынужден был уйти со своего поста и Рыжков, ушел под благовидным предлогом «по болезни». Но и сама болезнь, и причины ее закладывались постепенно. Я хорошо помню добрые, как мне казалось, товарищеские отношения Горбачева и Рыжкова. Именно Горбачев, по его уверениям, сначала уговорил Андропова избрать Рыжкова секретарем ЦК, а затем рекомендовал его на должность Председателя Совета Министров СССР. Николай Иванович Рыжков всегда поддерживал Горбачева, помогал ему, работал по 14–16 часов в сутки. Но время было действительно трудное. Система, созданная для других условий жизни, не могла

быстро перестроиться и действовать по новым правилам. Невыполнение одного постановления Совмина тянуло за собой цепь срывов, снижало эффективность всей работы. А это вело к критике правительства, особенно болезненной для Президиума Совета Министров СССР и Рыжкова лично.

Совмин СССР подготовил ряд крупных постановлений по реформированию экономики. Николай Иванович лично прилагал много сил для их выполнения. Но помощь ему оказывали недостаточную, отовсюду звучали слова критики. Это, конечно, нервировало премьера. На заседаниях он все чаще присоединялся к голосам тех, кто считал, что неквалифицированные нападки на действия правительства со стороны печати только ухудшают дело. Выступал Рыжков и против складывающейся самоедской линии в области идеологии, но это оборачивалось для него только новыми неприятностями.

Он не раз говорил на Политбюро:

— Объясните мне, пожалуйста, почему правительство критикуется, причем безграмотно и расхлыстанно, как на базаре, а подготовленные ответные статьи, объясняющие истину, в печати так и не появляются? Какая же это гласность?

Но Николай Иванович напрасно выступал с такими речами, ибо после них, как он однажды признался, критиков становилось все больше. Вскоре, чтобы найти возможность выступать в печати министрам, другим хозяйственным руководителям, он предложил создать еженедельник «Правительственный вестник». Но кто мог читать эту малоизвестную, малотиражную газету, особенно в первые месяцы ее существования?

Изменения в отношениях Рыжкова и Горбачева начали заметнее проявляться после поездки Николая Ивановича в Армению, где произошло сильное землетрясение. Рыжков вдруг раскрылся для многих с другой, новой стороны. Он активно работал по ликвидации последствий землетрясения и эффективно решал вопросы, хорошо выступил несколько раз по телевидению. После поездки в Армению рейтинг Рыжкова возрос, и это болезненно укололо Горбачева, чей авторитет уже в ту пору катился «под гору».

— А Николай-то у нас популист, — сказал тогда М. С. Горбачев, — в политику углубляется, а ему нужно делом заниматься, лучше решать хозяйственные вопросы.

Горбачев со времени знакомства звал Н. И. Рыжкова Микола или Николай. Обращался он, как я говорил, ко всем на «ты», даже к незнакомым людям. И только Громыко побаивался и никогда не переходил на фамильярность.

Возможно, самостоятельность в действиях Николая

Ивановича углубила трещину в отношениях между генсеком и премьером, хотя были и другие причины. Уже тогда Рыжков требовал более решительных действий по наведению порядка в стране, повышению дисциплины. Со временем это стало болезненно восприниматься, и Горбачев с неприязнью видел в Рыжкове и некоторых других членах Политбюро своих личных соперников и противников и не упускал возможности их покритиковать. Рыжков, как я говорил, скоро тяжело заболел и был отправлен на пенсию. Так закончились отношения еще с одним из соратников, который помогал подниматься Горбачеву наверх.

Первое время все предложения и выступления М. С. Горбачева на заседаниях Политбюро активно поддерживал А. А. Громыко. Он, как комиссар в момент атаки, первый поднимался из окопа и защищал даже то, в чем не очень разбирался или не знал достаточно глубоко. Но прошло время, и Андрей Андреевич стал все больше помалкивать. Ему вообще было трудно работать в этом возрасте, особенно при таком генсеке. Председатель Президиума Верховного Совета должен был заниматься и международными делами, которые знал блестяще. В этом ему отказали с первых дней, и он фактически был изолирован от принятия решений по внешней политике. Во всяком случае, Громыко не знал о многих деталях встреч и бесед Горбачева с руководителями других стран. Записи бесед этих встреч направлялись генсеком членам Политбюро все реже и реже. Многие переговоры, соглашения остались тайной для руководства страны, включая руководителя кабинета министров и многих других. Это относится к Министерству обороны, КГБ, внешнеэкономическим службам. Не знали в полном объеме о внешнеполитической деятельности генсека-президента члены Политбюро, Совета Безопасности, руководители союзных республик. Где оседали эти записи, я сказать не могу. Во всяком случае, ко мне они часто не попадали.

А. А. Громыко быстро сдавал. Он старел на глазах. Я смотрел на него и видел уставший взгляд, болезненное состояние. Казалось, он смотрит на все происходящее с болью и тоской, его мучает причастность к трагедии, разворачивающейся в стране. На заседаниях Политбюро он, как я говорил, выступал все реже и все больше говорил о трудностях в жизни людей, часто обращался к воспоминаниям. М. С. Горбачев посматривал на членов Политбюро, подмигивал им, желая сказать: вот с кем приходится работать. Я говорил, что Михаил Сергеевич поначалу убеждал всех, что не повторит ошибок Брежнева и некоторых других, занимавших два поста, тем не менее форсировал уход А. А.

Громыко и скоро встал во главе Верховного Совета СССР. Я давно понял, что, если начальство говорит «нет», значит, это надо понимать как «возможно», а то и просто как «да». В общем он был хозяином своего слова — мог давать его и мог забирать.

Повестки заседаний Политбюро последних месяцев существенно изменились. Важные, принципиального характера вопросы все реже выносились на обсуждение членов политического руководства. Возросла нервозность рассмотрения многих проблем, чувствовалась раздраженность выступающих, а иногда и апатия. Ко мне участились звонки и обращения прояснить, какая существует процедура оформления пенсий, могут ли сохранить прежнее медицинское обслуживание, какова будет пенсия. В прошлом пенсия членам Политбюро составляла 400–500 рублей, сохранялось медицинское обслуживание, предоставлялась дача, вызов машины. Но уже в ту пору все это было подвижно й неустойчиво, поэтому определенно я мог сказать немного. Тем более что все блага в конечном итоге зависели от расположения к человеку Горбачева.

На заседаниях разгорались дискуссии, возникали противоречия в оценках событий. Высказывания Е. К. Лигачева все чаще шли вразрез линии, проповедуемой генсеком. Но это относилось не ко всем вопросам. В чем были они едины, так это в необходимости осуществлять перестройку. Впрочем, необходимость перемен признавалась всеми. Разногласия касались главным образом сроков перемен, непонимания многими линии Горбачева на ущемление армии, военно-промышленного комплекса, партийных структур. А главное — непонятная непоследовательность в словах и действиях, частые отступления от согласованной линии генсека, заигрывания его то с левыми, то с правыми. Все это вызывало критические замечания со стороны ряда членов Политбюро или их молчаливое неприятие каких-то решений.

Энергично отстаивал свою точку зрения Е. К. Лигачев. О том, что он не во всем согласен с генсеком, в ЦК и партии знали или догадывались. Многие старались поддержать Егора Кузьмича в его действиях. Генсек чувствовал, что появляется лидер, способный объединить часть сил в партии и повести их за собой. Этого допустить М. С. Горбачев, разумеется, не хотел. Скоро Е. К. Лигачев стал объектом очень серьезной критики в средствах массовой информации, более того, его безосновательно обвинили во взяточничестве. Факт для деятеля такого уровня беспрецедентный: он требовал незамедлительного прояснения и быстрой реакции. Но М. С. Горбачев не пожелал открыто заступиться за своего ближайшего соратника. Мне он, правда,

как-то сказал:

— Не думаю, чтобы Егор брал взятки. Не вяжется это как-то с его характером. Он многое мог сделать, но только не это…

Однако публично эти наветы М. С. Горбачев так и не дезавуировал, и Е. К. Лигачеву была предоставлена возможность испить до дна чашу незаслуженного позора, самому выбираться из грязи, прежде чем жизнь расставила все на свои места. Как политический лидер, он больше не был страшен генсеку, и М. С. Горбачев начал сужать поле его деятельности. Если прежде Е. К. Лигачев в отсутствие генсека председательствовал на заседаниях Политбюро ЦК, то теперь такая возможность существенно уменьшилась. Заседания в дни отпуска Горбачева проводились нерегулярно, из проектов повестки, которые он требовал присылать на юг, им вымарывались все серьезные вопросы. Скоро Е. К. Лигачев не мог в прежнем объеме проводить и заседания Секретариата ЦК. Генсек, бывало, говорил:

— А нужно ли нам два параллельных органа? Все, что следует, решит Политбюро ЦК…

Заседания Секретариата стали проводиться все реже и реже. Шла изоляция Лигачева как политического лидера, и в этом интересы генсека и тех, кто обвинял его во взяточничестве, объективно не расходились. Но паралич деятельности Секретариата ЦК стал и средством разрушения структур КПСС, всех ее организаций.

Борьба под кремлевскими коврами

Утро. О наступлении его можно судить лишь по команде «подъем». Загорается яркий электрический свет, и начинает играть радио. И так до 10 часов вечера. В семь часов на завтрак каша из непромолотого и непровеянного овса с мелкой костистой рыбой и чай с пшеничным хлебом. Что касается каши, то я с сожалением думаю об уничтоженном поголовье лошадей, которым она понравилась бы больше. Это не первый случай, когда я жалею о своей неистовой борьбе за механизацию и сокращение живого тягла. Вот они, плоды моих иллюзий. Нормальных крупорушек и веялок нет, а коней пустили на сервелат. Впрочем, зато хорош свежий хлеб армейской выпечки.

После завтрака пора ожидания. Самое тягостное время. Одни ждут допроса — чаще неделями, иногда месяцами, другие — встречи с адвокатами, третьи — свидания с родными или передачу. Я не жду ничего. Во всяком случае, ничего хорошего. Но именно меня и требуют к следователям. Мой черед идти пустыми коридорами и лестничными маршами, под вой сирен, оповещающих всех о том, что идет опасный преступник.

Иду коридорами вдоль камер, вдыхая все тот же острый запах тюрьмы. Этот запах — самое первое и сильное впечатление, которое произвела на меня «Матросская тишина». Это запах беды, запах тревоги, который связан с человеком в условиях наивысшей опасности, нервного перенапряжения. Им пропиталось все вокруг — стены, постель, одежда и даже эти коридоры, которые не могут проветрить гуляющие в них сквозняки. Этот запах властвует всюду, угнетая и изматывая нервы, держа в состоянии общей тревоги каждого, переступившего пороги СИЗО.

Еще один блок с решетчатыми дверьми, еще один переход с этажа на этаж — и вот обитель дознавателей. В комнате трое следователей и ни одного адвоката. Мне любезно вменяют 64-ю расстрельную статью и заверяют, что это минимум того, что они могут сделать для меня. С чувством глубокой признательности я окунаюсь в перекрестный допрос, пока не появляется адвокат. Впрочем, поток вопросов это не иссушает. Они представляют смесь нужного для расследования с обывательским интересом. Понять это можно. Разве их вина, что вершиной следственной практики для них были убийства, изнасилования, возможно, взяточничество в особо крупных размерах. Но никак не «государственный переворот с целью захвата власти». Такого они, может, не проходили или крепко подзабыли старые учебники. Хотя, видимо, не все. Иногда я возвращался с этих собеседований

с чувством того, что нетленное дело Вышинского находится в надежных руках Степанкова.

Впрочем, откуда взяться иному, если сам Степанков является слепком действовавшей системы принуждения, системы, где власть попадала в руки не самому умному, а самому хитрому, угодливому. И так сверху донизу.

Политбюро ЦК, его главные авторитеты всегда были кулинарами той политической кухни, где готовились предложения по выдвижению главной фигуры партии и государства — генерального секретаря ЦК КПСС. Выбрав его, они добровольно подчинялись воле нового лидера, заранее предполагая, что некоторые из них могут лишиться своих постов. Такое выдвижение не представляло спокойного и бесстрастного акта. Это всегда была борьба разных сил и групп, неформальных авторитетов Политбюро. И подчас начиналась она еще при живых генсеках, нередко задолго до их ухода из жизни.

Трудно говорить с полной уверенностью об искренности намерения Л. И. Брежнева, но после перенесенной тяжелой болезни Леонид Ильич ставил вопрос о сложении с себя полномочий генсека. Такое предложение тогда было воспринято многими членами Политбюро ЦК крайне негативно. Они не были готовы к подобным переменам, не видели человека, который объединил бы их, ЦК, всю партию на пути исповедуемых ими идеалов и практических действий. Более того, всякое возвышение нового человека в ту пору грозило изменить расстановку сил, разбалансировать сложившееся равновесие. Скорее всего, поэтому были предприняты коллективные усилия для сохранения Л. И. Брежнева на посту генсека, несмотря на его тяжелое состояние и неспособность активно вести работу. Его уговорили не менять «статус-кво» и заниматься делом по возможности, определив щадящий режим работы.

В это же время началась «подчистка» и перемещение ряда членов Политбюро, слишком активно «толкавшихся локтями», чтобы подобраться к креслу генсека. Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, А. И. Шелепин, П. Е. Шелест один за другим официально по разным причинам, но в действительности как имевшие «разночтения» в политических взглядах «покинули» Политбюро ЦК. В народе причину таких отставок тогда именовали указом «За небрежность», намекая на неуважение к генсеку.

Оставшаяся и очистившаяся когорта единомышленников не могла тем не менее не думать о новом лидере, во всяком случае, доверенном человеке, который бы надежно занимался всей кухней Политбюро ЦК. И глаз был «положен» на К. У. Черненко,

возглавлявшего общий отдел ЦК КПСС. Он начал выдвигаться еще в период ухудшения здоровья Л. И. Брежнева, фактически превращаясь в лидера, решающего за генсека многие вопросы, относящиеся к компетенции Политбюро ЦК. В марте 1976 года он избирается секретарем ЦК, в 1977 году кандидатом в члены Политбюро и в 1978 году членом Политбюро ЦК. Такой ход дел пока устраивал многих. К. У. Черненко активно поддерживали Д. Ф. Устинов, А. А. Громыко, В. В. Гришин, Н. А. Тихонов. До превращения в фактического лидера партии и страны ему было далеко. Это был чисто кабинетный деятель, исправно и много работавший, но лишенный необходимого лоска и блеска, серьезной теоретической подготовки, а главное — практического опыта деятельности на самостоятельном участке, широкой поддержки в партии, в среде интеллигенции. Правда, он всемерно старался приблизить к себе ряд писателей, поэтов, драматургов, художников, артистов. Но это были главным образом люди определенной творческой направленности, либо те из них, которые готовы служить любому кумиру, лишь бы купаться в лучах славы.

Часть членов Политбюро ЦК понимала всю нелепость такого решения и, не желая усиления роли Черненко, старалась выдвинуть новую фигуру. Многие сходились на Андропове, после смерти М. А. Суслова ему отдавал предпочтение и Л. И. Брежнев, выдвинув вторым секретарем ЦК. Вместе с тем поддержку находил и Косыгин, но он был неприемлем для большинства руководителей ЦК. Принятое тогда молчаливое согласие состояло в том, чтобы поддерживать Андропова и Черненко. Одновременно подыскивали перспективные фигуры на будущее. Судьба партии и своя собственная заставляли членов Политбюро думать о смене. Необходимо было несколько «омолодить» состав ареопага. Причем поиск шел среди относительно молодых местных партийных лидеров, министров, в силу чего они еще долго не могли участвовать в активной политической борьбе.

Такая возможность скоро представилась: в 1978 году не стало Ф. Д. Кулакова, ведавшего в Политбюро ЦК вопросами сельского хозяйства.

После смерти Кулакова ходили разные легенды о таинственности его кончины. Однако все было довольно прозаично и банально. О причинах кончины однажды рассказал М. С. Горбачев. Он хорошо знал Федора Давыдовича, ценил его многие качества, но как руководителя крупнейшего сектора экономики ни во что не ставил. Хотя открыто его никогда не критиковал.

Как-то в начале осени 1983 года мы возвращались в машине

после выступления М. С. Горбачева в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. В лекции Горбачев говорил о развитии сельского хозяйства, но не ограничивался его рамками и затрагивал многие общеэкономические и социальные проблемы развития села. Ф. Д. Кулаков, когда его просили прочитать лекцию, выступал всегда с агрономической точки зрения: сколько надо посеять пшеницы, гречихи, кормовых культур, как лучше возделывать и убирать урожай.

— Он смотрел на отрасль с точки зрения полевода, — говорил Горбачев, — экономики не знал, но человек был компанейский. По складу своего характера славился жизнелюбием, обожателем застолий и развеселых компаний.

На Ставрополье, где он возглавлял краевую парторганизацию, и за его пределами Ф. Д. Кулаков слыл хлебосолом, собирая по различным поводам гостей и своих соратников, благо санаториев, домов отдыха, различных особняков в предгорьях и горах Кавказа настроили великое множество и было где собраться. И сам он не отказывался от хорошего стола, бывая в командировках или выезжая поохотиться, что очень обожал, и не бросил любимого занятия в Москве, подобрав для этого ряд близлежащих охотничьих хозяйств. Часто принимал участие и в кремлевской охоте, когда его приглашал в Завидово Л. И. Брежнев. В 1978 году, вскоре после операции на желудке, еще достаточно не оправившись от болезни, он, как рассказал Михаил Сергеевич, крепко выпил и ночью скончался от инфаркта. Правда, некоторые сведущие люди считают, что Кулаков все-таки застрелился.

Эта преждевременная смерть неожиданно стала прелюдией многих драматических событий, происшедших в стране. Она открыла вакансию в Политбюро и Секретариате ЦК. Не будь этого несчастья, Михаил Сергеевич, видимо, никогда бы не смог столь быстро подняться по служебной лестнице к вершинам власти. Но трагическому случаю было угодно открыть ему ход наверх.

Как ставрополец, он стал членом похоронной комиссии и произнес с Мавзолея на Красной площади подобающие в таких случаях скорбные слова о Ф. Д. Кулакове. Именно там, на трибуне, я впервые увидел издали этого человека, который внешне произвел на меня довольно противоречивое впечатление. Был он еще не стар, но, мягко говоря, не по годам полноват, с поредевшей до прозрачности шевелюрой. Речь его изобиловала местными диалектами и выдавала провинциала по вкривь и вкось поставленным ударениям в словах и фразах. Больше мне ничего не запомнилось тогда, да, откровенно говоря, я и смотрел-то на человека из далекого степного края не очень пристально. И меньше всего думал в ту пору, что мне придется когда-нибудь

иметь с ним дело, и уж тем более не мог представить его во главе партии и государства.

Иначе, видимо, думал он сам. Сказав с Мавзолея В. И. Ленина скорбные слова прощания о безвременном уходе из жизни Кулакова, замуровав его прах в кремлевскую стену, М. С. Горбачев томился в ожидании, кто станет в Политбюро куратором сельского хозяйства. И судьба улыбнулась ему на этот раз опять.

На место Ф. Д. Кулакова в аппарат ЦК пришел 47-летний М. С. Горбачев, первый секретарь Ставропольского крайкома партии. Фигура эта, как я говорил, многим из верхнего эшелона партийного руководства была известной, хотя для иных неожиданной. Его хорошо знали и рекомендовали Ю. В. Андропов, М. А. Суслов, да практически все руководители, что приезжали на отдых и лечение в санатории Минеральных Вод. Но были и противники такого назначения. Они не хотели пускать близко к рычагам власти человека, рекомендуемого Андроповым. Поэтому на место секретаря по вопросам сельского хозяйства готовили еще одну кандидатуру — секретаря Полтавского обкома КПУ Ф. Т. Моргуна. И в этом проявлялась борьба разных сил за «своего» человека в ЦК. Вот что об этом рассказывали работники секретариата К. У. Черненко. На «смотрины» они приехали в Москву одновременно. И когда нужно было представить Л. И. Брежневу М. С. Горбачева, того не могли найти. Речь уже шла о том, чтобы вести на дачу Брежнева Моргуна. Предстояло спасать положение. Была проведена своеобразная поисковая работа. Неизвестно, чем бы все кончилось, но знатоки жизни членов ЦК отыскали водителя машины, отвозившего Михаила Сергеевича, выяснили, кто живет в том доме, куда его доставили, и тогда определили, где он может быть. Кандидатуру М. С. Горбачева Л. И. Брежнев поддержал, что, разумеется, имело решающее значение. Горбачева избрали секретарем ЦК, а скоро и кандидатом в члены Политбюро ЦК. Членом Политбюро он стал в 1980 году.

Приход довольно энергичного молодого секретаря ЦК «взорвал» тихую обстановку в Политбюро. Сразу выявились лица, не принявшие его. У него не очень-то складывались отношения с Косыгиным. Натянутые отношения были у Горбачева и с некоторыми другими руководителями Совмина СССР, министрами, хотя далеко не со всеми. В ту пору понимали значение ЦК, и лишь немногие позволяли себе независимое поведение, да и то, полагаю, согласовав свою позицию с Председателем Совмина СССР.

Не сразу налаживались отношения М. С. Горбачева с Д. А. Кунаевым. Последний долго не признавал «этого молодого

человека», не заходил к нему, бывая в Москве, да, полагаю, и не звонил. Для решения всех вопросов Казахстана у Кунаева была достаточно надежная связь с Брежневым. Он выходил прямо на него и отказа не получал. При необходимости обращался в Политбюро ЦК, и там не смели отказывать руководителю этой крупнейшей республики. Кунаев имел добрые и старые отношения с Устиновым, Черненко, Сусловым, Громыко и Кириленко. И этого было более чем достаточно.

Разумеется, позиция Кунаева изменилась, когда Горбачева избрали генсеком, но было уже поздно. В сентябре 1985 года во время поездки Горбачева в Целиноградскую область туда прилетел и Кунаев. Стояла золотая пора начала сентября, и в Северном Казахстане в разгаре была жатва. Новый генсек ездил в районный центр Шортанды, где размещался Всесоюзный институт зернового хозяйства, к академику Бараеву и полдня провел у него, изучая прогрессивные методы обработки пашни, способы борьбы с ветровой эрозией. Бараев был уже тяжело болен, но нашел в себе силы показать все, что мог, и доложить о работе научно-исследовательского института. Затем Горбачев осмотрел поля, на которых работали комбайны, беседовал с механизаторами.

Состоялись у него и беседы с Кунаевым, но понимания, видимо, достигнуто не было. Утром в день отъезда после завтрака они попрощались. Кунаев преподнес традиционные казахские дары — два темно-зеленых бархатных халата, вышитых казахским орнаментом и отороченных соболями. Соболиной была и казахская шапка с бархатным верхом. Второй халат был женским и предназначался для Раисы Максимовны. Дары были приняты, но рубец в отношениях так никогда и не рассосался. Алма-атинские события, происшедшие, как докладывал М. С. Соломенцев на Политбюро, с националистическим душком, дорого обошлись Кунаеву. Пленум ЦК за это, а также за прием даров от подчиненных освободил его от обязанностей члена ЦК КПСС. При выходе из здания охрана отобрала у него удостоверение. Старейший деятель партии, руководитель республики заканчивал свою политическую карьеру униженный и оскорбленный.

Сложными были у Горбачева отношения со Щербиц-ким. Независимый и неукротимый «дед», как звали его многие, не очень-то почитал молодого члена Политбюро ЦК. Однако позванивал, а когда однажды, будучи в Москве, зашел к Горбачеву, то это произвело на Михаила Сергеевича эйфорическое впечатление. Об этом он часто вспоминал, и чувствовалось, что этот визит как-то снивелировал отношения,

но, видимо, далеко не полностью и ненадолго. В. В. Щербицкий не прибыл на Пленум ЦК, где избирали Горбачева генсеком, объяснив, что не успевал прилететь из Нью-Йорка ко времени открытия заседания, хотя, по расчетам авиаторов, сделать это вполне мог.

Во время поездки Горбачева в 1985 году на Украину произошел довольно острый разговор В. В. Щербицкого с генсеком. В выступлении перед активом республики Горбачев резко критиковал руководство за многие недостатки, хотя никогда в прошлом ни один лидер КПСС столь неуважительного отношения к руководству Украины не допускал, да, полагаю, и допустить не мог.

У В. В. Щербицкого имелось немало противников и в республике, которые быстро подняли головы, услышав сигнал, шедший «сверху». Он понимал, что настал час перемен, и в последующем не слишком «задирался» при обсуждении вопросов на заседаниях Политбюро ЦК. Хотя, надо отдать должное, говорил все, что думал, не хитрил и не ловчил. Но молчать стал больше, часто болел и вскоре при смене команды ушел на пенсию. На него пытались нападать и поносить кто как мог, и лишь смерть, кажется, угомонила критиков, а многие поняли, что лишились мудрого и принципиального человека, много сделавшего для Украины.

Независимым, отрешенным от земных дел представлялся мне Громыко. Он пользовался немалым уважением в стране как человек, умеющий отстаивать интересы государства. Его обширные выступления по телевидению добавили ему авторитета. Люди увидели в нем эрудированного и способного не только дипломата, но и политического деятеля. Занимаясь внешней политикой, контактируя главным образом с Брежневым, Устиновым и Андроповым, а позже практически самостоятельно определяя внешнеполитическую линию, он долго не замечал Горбачева, во всяком случае так, как этого хотелось бы последнему. И только возвышение Горбачева до поста ведущего Секретариат ЦК, а значит, и второго секретаря ЦК КПСС заставило А. А. Громыко обратить внимание на Горбачева как на личность.

В ту пору западные средства массовой информации уже заметили и выделили из среды престарелых лидеров партии моложавого и не отягощенного прошлыми ошибками человека, как они писали, «нового поколения». После поездки М. С. Горбачева в 1984 году в Лондон и встречи его с М. Тэтчер на него обратили внимание практически все политические деятели Европы и Америки. Поездка в Англию была удачной и придала

силы М. С. Горбачеву. Он стал действовать энергично и напористо, с большей уверенностью. Но в Советском Союзе мало что знали о визите.

С давних пор у нас действовало негласное правило не выпячивать имена членов Политбюро ЦК, кроме, естественно, генсека. Это относилось к средствам массовой информации, которые привыкли получать сообщения об оценках визитов из ЦК КПСС.

Если требовалось сказать о поездке, результатах визита шире, то такие сообщения лишались всяческих эпитетов, процеживались и были холодны и безлики, как булыжники.

Известны случаи, когда во время пребывания за рубежом кого-то из членов политического руководства предпринимались попытки его скомпрометировать либо с подачи спецслужб Запада, либо нашей агентуры, выполнявшей задание. Этого деятеля начинали разоблачать, либо непомерно восхвалять. У генсеков возникало чувство подозрительности, что могло привести к неприятностям для тех, кто, как говорится, ни сном ни духом не ведал о закулисной возне вокруг его имени.

Вот и в ту поездку, как рассказывал мне Горбачев, средства массовой информации тепло отзывались о гостях, отмечали их высокий интеллектуальный уровень. Супруга Михаила Сергеевича, если верить ему, поразила английское общество своим очарованием, достойными нарядами, манерой держаться и знанием языка. Почти со всеми она могла поздороваться по-английски, перекинуться фразой о тенденциях развития мировой политики. Однако наши радио и телевидение замалчивали успех визита делегации, не уделяли ему должного внимания. Даже, как выяснилось, не все шифротелеграммы из советского посольства в Лондоне рассылались по Политбюро и оседали либо в МИД у Громыко, либо в ЦК у генсека Черненко. Михаил Сергеевич тогда рассматривал это как спланированную против него акцию некоторых противостоящих сил в ЦК КПСС и МИД. К такому выводу он пришел еще и потому, что подобная ситуация уже была во время его поездки в Венгрию и встречи с Я. Кадаром. Для М. С. Горбачева в 1983 году было очень важно, чтобы несколько строк сообщения о приеме его венгерским руководством появились в печати. В этом он видел признание его как видного деятеля мирового коммунистического движения. Но сообщение задержалось. То ли в Москве ему не придали значения, то ли не напечатали действительно по причине неприязненного отношения к М. С. Горбачеву. Я был вместе с ним в Венгрии и видел, как тяжело Горбачев переживал равнодушие нашей прессы к его встрече с Я. Кадаром.

Только по возвращении Горбачева в Москву сообщение о его визите появилось в газетах. Справедливость восторжествовала. Мировое коммунистическое движение пополнилось тогда еще одним видным деятелем.

А. А. Громыко со стороны наблюдал за всеми перипетиями борьбы. И лишь в последний момент он решительно изменил свое отношение к Горбачеву, легко пошел на компромисс с последним и даже, как я говорил, стал инициатором выдвижения его на должность генсека. Потрясающее чутье министра иностранных дел продлило его политическую деятельность. Оказалось, что Громыко и Горбачев были нужны друг другу. Михаил Сергеевич и до, и сразу после восхождения на олимп партийно-государственной власти насколько мог уважительно, с почтением относился к А. А. Громыко, хотя довольно скоро, набрав силы и уверенность, изменил свое отношение к бывшему министру иностранных дел. Официальный государственный пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР был все больше нужен ему самому.

Появление М. С. Горбачева в составе Политбюро ЦК не было неожиданностью для Д. Ф. Устинова.

Горбачев, разобравшись в расстановке сил в Москве, высоко оценивал возможности Устинова, видел в нем ключевую фигуру среди членов Политбюро ЦК. Он часто звонил Дмитрию Федоровичу, просил помощи военных во время уборочной страды, когда традиционно армия направляла свои автобатальоны в восточные районы страны на вывозку зерна. Обращался он к Устинову и по другим поводам.

Думается, Дмитрий Федорович также взял на заметку молодого секретаря ЦК, видел его способности в политесе, и постепенно их отношения приобрели налет доверительности. После смерти Андропова Горбачев, не зная, кто придет на смену Юрию Владимировичу, в моем присутствии говорил Устинову:

— Давайте, Дмитрий Федорович, беритесь за дело, поддержим Вас в должности генсека.

Устинов отнекивался, а однажды сказал, что не его это дело.

— Я уже в возрасте и болезней много. Пусть тянет Черненко.

Это уязвило тогда Горбачева, и он понял, что перепрыгнуть через Константина Устиновича ему не удастся, а потому не видать ему скоро поста генсека. Сколько проживет Константин Устинович, он представления не имел. Не знал тогда он и того, что Устинов, обсуждая возможность работы Черненко на посту генерального секретаря, заручился, что вторым лицом в партии будет Горбачев. Черненко обещал, что так и будет. И формально слово сдержал, предложив вести Секретариат ЦК

Горбачеву. Однако практически Горбачев действовать в полную меру как второе лицо в партии не мог, так как был лишен многих атрибутов власти и реальной поддержки. Распространяемая ранее информация о его близости с Ю. В. Андроповым больше не помогала. Да и сам Горбачев в последнее время открещивался от Ю. В. Андропова. Его раздражала возрастающая популярность дел уже ушедшего из жизни Андропова, и он никак не мог понять причины уважительного отношения народа к Юрию Владимировичу. Однажды, не сдержавшись, Горбачев сказал:

— Да что Андропов особенного сделал для страны? Думаешь, почему бывшего председателя КГБ, пересажавшего в тюрьмы и психушки диссидентов, изгнавшего многих из страны, средства массовой информации у нас и за рубежом не сожрали с потрохами? Да он полукровок, а они своих в обиду не дают.

Этот порыв откровенности показывал, как Горбачев переживал свой провал и завидовал Ю. В. Андропову, оставшемуся в доброй памяти народа. О нем помнили потому, что он был скромен в быту, не красовался перед камерами телевидения, а наводил порядок в стране, готовя ее к постепенным, но реальным преобразованиям, улучшению жизни простых людей.

А в начале 80-х годов Горбачев демонстрировал любовь Андропова к нему, что позже настораживало многих, не знающих, как относиться к ставленнику умершего генсека. Это отношение накладывалось на давнюю неприязнь к Горбачеву как к политику. Его не жаловали многие члены Политбюро и откровенно не любила часть местных руководителей, которым нелегким многолетним трудом удалось подняться до вершины областного или краевого уровня.

Неудивительно, что с первых дней вхождения Горбачева в Политбюро ЦК появились силы, выступающие против «курортного секретаря». Многие члены Политбюро, секретари ЦК не очень верили Горбачеву, боялись, что его приход к власти изменит расстановку сил. Поэтому кое-кто в качестве перспективного лидера еще при Андропове начал двигать Г. В. Романова. Он был их круга человек, проверен и испытан, наполеоновских планов не имел. Была в этом выдвижении Романова и убедительная логика. Григорий Васильевич много лет возглавлял ленинградскую партийную организацию, неплохо знал оборонную промышленность, был достаточно заметным человеком. Его поддерживали, помогали, но он оказался не готовым к аппаратной работе секретаря ЦК. Г. В. Романов никак не мог подняться до уровня общегосударственных проблем и долго

оперировал масштабами крупного города и области. Не был он ни ярким политическим деятелем, ни красноречивым оратором и на заседаниях Политбюро, Секретариатах ЦК больше отмалчивался. Но у Романова были и могущественные противники. Почувствовав его неизбежный приход в ЦК, возможность встать во главе партии, против него развернули тонкую закулисную борьбу, распускали различные, подчас невероятные, слухи.

Коварную роль сыграла байка о том, что Григорий Васильевич еще в Ленинграде на свадьбе своей дочери разрешил пользоваться дворцовыми хоромами и царской посудой. Этот хорошо продуманный и заведомо ложный провокационный слух еще долго гулял по различным коридорам власти и в домах обывателей. И уже лет десять спустя борцы с партией и привилегиями вытащили его на поверхность. Когда же парламентская комиссия Верховного Совета РСФСР проверила эти факты, то оказалось, что вся свадьба состояла из 12 человек, была она на даче Романова, да он в ней практически не участвовал, поскольку в семье произошел некоторый конфликт, и Романов поднялся к себе в кабинет, где был один. Разумеется, ни о какой музейной посуде речи идти не могло.

Но ставшие известными подлинные факты печать не захотела опубликовать. Об этом докладывалось Горбачеву руководством Верховного Совета РСФСР, говорил о результатах проверки и я, предлагая дать сообщение в печати. Но такого желания генсек не проявил. Отстаивать истину в отношении своих соратников Горбачев, руководство ЦК КПСС уже не хотели. Так и ушел он на пенсию незаслуженно оскорбленный, обиженный и не пытавшийся бороться с клеветой, в распространении которой действовала чья-то мастерская рука, и возможно не одна.

По мере того как я проникал в кухню политической стряпни, узнавал новые факты, мне все более очевидной становилась крупная и тайная игра за престижные места в руководстве нашей страны, и прежде всего за трон генсека. В середине 80-х годов действовали разные силы, которые стремились занять ключевые позиции. И в этой борьбе правил не соблюдалось. Нельзя исключать и того, что в расстановке ключевых фигур на Олимпе, устранении возможных претендентов действовали не только отечественные спецслужбы. И в эти жернова, может быть, случайно попал Г. В. Романов.

Еще одним кандидатом на пост лидера был В. И. Долгих. Его двигали Черненко и Тихонов, да практически все руководство Совмина. В. И. Долгих занимался важнейшими отраслями экономики — топливно-энергетическим комплексом, машиностроением и имел немалое влияние среди

производственников. Сам он работал директором известного Норильского комбината, прошел многие хозяйственные и партийные ступеньки. С должности первого секретаря Красноярского крайкома он пришел в ЦК КПСС. Н. А. Тихонов его активно поддерживал, приглашал для обсуждения многих вопросов, рассматриваемых Совмином. Все это нервировало Горбачева и усложнило его отношения с Долгих до предела.

— Опять Тихонов зовет Долгих на совещания в Совмин, — возмущался Горбачев. — Вождя хотят из него сделать.

Михаил Сергеевич всеми мерами ограничивал влияние Долгих, развернул против него тайную войну, которая в конце концов закончилась поражением Долгих. Владимир Иванович ушел на пенсию, хотя еще был полон сил и имел возможность трудиться и приносить пользу делу.

В. И. Долгих, уже будучи на пенсии, часто заходил ко мне, передавал письма на имя Горбачева с просьбой разрешить ему заниматься какой-то работой, ибо жизнь становилась все более суровой. Однако ответа он не получил.

— Хитер больно, — говорил Горбачев, — все клал яйца в разные корзины, боялся прогадать. Пусть теперь отдыхает.

Генсек не мог простить Долгих тяжелые минуты переживаний, когда ему казалось, что власть могут передать в руки Владимира Ивановича.

Если с Ю. В. Андроповым как Председателем КГБ у Горбачева была, по его словам, личная дружба и взаимопонимание и он получал от Юрия Владимировича серьезную поддержку, то с Чебриковым отношения у него не складывались. Он знал, что В. М. Чебриков, как послушный функционер, добросовестно служил Черненко и постоянно его информировал о расстановке сил в партии и обществе. Но не забывал он и о Горбачеве, звонил и информировал его, но делал это довольно формально и поверхностно, боясь, что узнает об этом Черненко. Не мог он и не звонить Горбачеву, ибо хорошо был осведомлен о состоянии здоровья Черненко, не ведал, чем кончится борьба за власть. Неуверенность и осторожность Чебрикова дорого ему обошлись впоследствии. После избрания Горбачева генсеком Михаил Сергеевич искал пути отстранения председателя КГБ от должности. И такой случай представился, когда А. И. Лукьянова удалось перевести в Верховный Совет.

Чебриков был «вырван» из системы КГБ и, как Антей, лишен силы и мощи. Став секретарем ЦК, он не имел прежнего влияния и тихо угасал, лишенный силы, связей, информации.

В ту пору в стране уже активно действовали силы, которые могли сфабриковать компромат на любого члена Политбюро, был

бы заказчик. В ЦК КПСС, средства массовой информации шли анонимки о мздоимстве руководителей партии и правительства. Наконец, генсеку пришел сигнал и о нечистоплотности Чебрикова, что несколько оживило генсека.

— Вот видишь, Бог шельму метит, — говорил Горбачев.

— Но это нелепость и клевета, — возражал я, — кому-то нужно запачкать еще одного секретаря ЦК.

— А ты все же зайди к нему и между прочим скажи, что вот, мол, генсеку поступают нехорошие сигналы. Михаил Сергеевич им не верит, но Вы должны о них знать.

В борьбе за власть политические оппоненты не брезговали никакими приемами, натравливая массы то на одного, то на другого лидера партии. Не могу с уверенностью сказать, что эти наветы не соответствовали желаниям Горбачева. При первой же реорганизации Политбюро Чебриков был отправлен на пенсию. Вместо него по рекомендации А. Н. Яковлева на пост председателя Комитета государственной безопасности был выдвинут В. А. Крючков, с которым Горбачев, как и с Д. Т. Язовым, решал самые доверительные вопросы.

М. С. Горбачев не терпел и В. В. Гришина, что было, очевидно, взаимно. Всесильный московский секретарь имел большое влияние и примыкал к группе Черненко. Поэтому Горбачев хотел его максимально ослабить, и скоро повод для этого представился. В Москве прошло несколько громких дел с осуждением торговых работников. Стало очевидным, что во взяточничестве замешан и всемогущий начальник управления торговли столицы Трегубов. Расследование этих дел обеспокоило Гришина. Он отлично понимал, куда направлены стрелы. Осенью 1984 года он позвонил Горбачеву, и я слышал этот разговор. Гришин только что вернулся из отпуска и, узнав, что в ЦК КПСС занимаются проверкой связей торговых работников столицы с партийным аппаратом, с возмущением говорил об этом с Горбачевым.

— Партийная организация МГК КПСС не может нести ответственность за всех жуликов, — вспылил Гришин, — тем более недопустимы намеки на личные связи руководства города с Трегубовым, другими руководителями торговли.

Горбачев успокаивал Гришина, говорил, что это расследование не попытка нанести ущерб авторитету городского комитета, его секретарей, но истину надо установить.

— Забеспокоился, — положив трубку, сказал Горбачев, — наверняка там не все чисто. Надо дело довести до конца.

К завершению дела подключился Е. К. Лигачев. Постепенно стали всплывать все новые факты различных нарушений и

приписок. Е. К. Лигачев стал раскручивать вопрос о приписках в жилищном строительстве. По Москве распространились различные, подчас невероятные слухи. Говорили о причастности к злоупотреблениям Промыслова и Гришина. Все это ослабляло руковбдство города, делало его беспомощным.

Черненко часто выручал Гришина, но как кандидат в лидеры партии секретарь московского горкома КПСС был скомпрометирован.

В свою очередь и Гришин немало сделал для слабеющего генсека, оставаясь верным ему до последнего часа. Может быть, довольно вызывающая связь Гришина и Черненко заставила московского лидера, искупая вину, одним из первых поддержать Горбачева при выдвижении его на пост генсека. Трудно сказать, насколько это продлило его пребывание на посту члена Политбюро. Но скоро Гришина пригласил Горбачев и имел с ним беседу, после чего Гришин сложил свои полномочия, уйдя на пенсию. Вдогонку ему шли публикации, продолжавшие компрометировать руководителей горкома КПСС.

С подозрением и недоверием М. С. Горбачев относился и к некоторым другим секретарям ЦК, кандидатам в члены Политбюро.

В деятельности Политбюро и Секретариата ЦК при Горбачеве не было творческой, слаженной работы. С самого начала среди членов Политбюро и секретарей ЦК витал дух недоверия и соперничества, часто переходящий в открытые конфликты с выяснением отношений, желанием покинуть свои посты.

Горбачев так распределял обязанности между членами Политбюро и Секретариата, что столкновение лидеров партии было неизбежно. Я уже говорил, что так было в деятельности Лигачева и Яковлева, Лигачева и Никонова, между Шеварднадзе и Яковлевым. Занимавшиеся одними и теми же вопросами, все эти люди имели в партии равновеликие полномочия и не хотели их уступать.

Как-то Горбачев пригласил меня для доклада, и в это время к нему срочно попросил разрешения зайти член Политбюро, секретарь ЦК Лев Николаевич Зайков. Я хотел выйти, но М. С. Горбачев остановил меня. То ли он рассчитывал, что при мне Зайков не будет столь откровенен и быстрее уйдет, то ли хотел слушать Льва Николаевича при свидетеле. Так, кстати, он поступал довольно часто. Генсек почему-то желал вести некоторые доверительные беседы в присутствии кого-то из своего аппарата. Вот и в тот раз я стал невольным свидетелем откровенного излияния Л. Н. Зайкова о положении дел в Секретариате, взаимоотношениях председательствующего с

некоторыми другими секретарями ЦК. Он был крайне возбужден и расстроен, стал рассказывать о ненормальной работе, утрате в ЦК коллегиальности, неуважительном отношении к секретарям ЦК, что не шло на пользу дела.

Постоянно жаловался на вмешательство некоторых секретарей ЦК в хозяйственные дела Н. И. Рыжков. У него также кое с кем складывались трудные отношения. И прежде всего с Е. К. Лигачевым, чему, как мне кажется, способствовал Горбачев, довольный отсутствием согласия между двумя ведущими фигурами в партии. Приходили к Горбачеву и другие руководители с просьбой освободить их от работы в силу сложившихся ненормальных отношений в Секретариате и Политбюро. В общем, существовало много трений, которые разлаживали работу. Возможно, в любой другой организации трения и ссоры не оборачивались бы столь печально для дела, но скрытая конфронтация членов Политбюро слишком дорого обходилась партии, всему обществу.

Это поразительное умение Горбачева всех столкнуть и рассорить было поистине уникальным. Я так и не понял: то ли он хотел этой натянутости в отношениях, чтобы легче руководить Политбюро, то ли создавал такую ситуацию в силу своеобразного характера, отсутствия должного опыта. Но результат в последний период оказался один — на заседаниях Политбюро были люди, уже не воспринимающие доводы друг друга, а потому принять согласованное решение часто не могли. Среди них возникали споры, иногда бурные. Все чаще и чаще М. С. Горбачев после заседаний Политбюро оставался с Н. И. Рыжковым для объяснений. Он рассказывал потом, что «Николай не понимает сути и глубины перестройки». Наверное, это было так потому, что и сам Горбачев не понимал этого, постоянно маневрируя, и тем дезориентировал все структуры власти и управления и даже своих соратников.

На заседаниях Политбюро первое время обсуждались многие вопросы деятельности МИД. Они часто выносились и за повестку заседания. Когда все удалялись, члены Политбюро в узком кругу обсуждали то, что никогда не должно было выйти из этих стен. Речь прежде всего шла о кадрах министерства. Э. А. Шеварднадзе начал наводить порядок в этом заказнике, но это была скорее передвижка мебели в доме, чем замена «блатных» кадров. Многое осталось нетронутым. Правда, и запущенность там была велика. Фамильные династии в Министерстве иностранных дел были распространены довольно широко.

Я уже говорил, что со временем роль Политбюро начала снижаться, заседания проводились все реже и реже, решения

принимались поспешно, часто единолично. Иногда заседаний не было месяцами, что впоследствии подвергалось серьезной критике на Пленумах ЦК. Протоколы Политбюро «худели». Партия, члены ЦК видели, как из некогда мощного организма вытекают остатки крови, и это были похороны того органа, равного которому по своему значению в стране не было. Все больше обозначался паралич власти. М. С. Горбачев не хотел слышать замечаний Н. И. Рыжкова, Е. К. Лигачева, Н. А. Слюнькова, а позже О. С. Шенина, некоторых других руководителей о бездеятельности Политбюро, хотя выражалось это, разумеется, в более деликатных словах.

Весьма откровенно по этому поводу высказался в газете «Гласность» В. А. Гайворонский, электросварщик Мариупольского производственного объединения «Азов-маш» Донецкой области, член ЦК и Секретариата ЦК КПСС.

«На заседаниях Секретариата, — писал он без оглядки на высокие должности и авторитеты, — мы отстаивали избранную линию поведения. Должен заметить, что, к сожалению, М. Горбачев — генеральный секретарь — появился на заседаниях Секретариата лишь два раза.

А Политбюро к началу лета 1991 года третий месяц уже не собиралось. На одном из заседаний Юрий Прокофьев, первый секретарь МГК, по этому поводу заявил, как я помню: «Если Политбюро в ближайшее время не будет созвано, я потребую на Пленуме ЦК ликвидировать этот орган. Мы — члены Политбюро и не должны нести ответственность за единолично принимаемые Горбачевым решения».

В этой связи еще один факт. 17 июля М. Горбачев побывал на совещании «семерки» в Лондоне. *Я* спросил секретаря ЦК О. Шенина: «Олег Семенович, я встречаюсь с коммунистами, беспартийными. Корреспонденты спрашивают: что же там происходило? А я, член Секретариата ЦК, ничего не знаю». На что Олег Семенович мне ответил: «Валентин Алексеевич, я член Политбюро и тоже ничего не знаю».

Генсек был из той породы людей, которые, возвысившись, теряют чувство меры и, находясь в «успехе», не сознают, что оторвались от реальностей и закладывают основы своего будущего падения. Разумеется, в этом проявлялась не абсолютная потеря чувства опасности. М. С. Горбачев боялся опереться на партию, которая была скомпрометирована, в том числе и его непоследовательностью в решении проблем. В то же время он не мог оторваться от нее, понимая отлично, что это приведет его к политической смерти.

Наиболее зримо агония Политбюро началась после XXVIII

съезда КПСС. Главный политический орган партии собирался всего несколько раз. Серьезно не обсуждались даже проблемы деятельности КПСС.

Пленумы Центрального Комитета КПСС

Большую роль в деятельности партии играли пленумы ЦК. По существу, они определяли не только текущую, но и стратегическую политику страны. На пленумах ЦК обсуждались и утверждались концептуальные вопросы государственного строительства, международных отношений, развития промышленности, сельского хозяйства, социальной сферы, идеологии, положение в военно-промышленном комплексе. Принимались решения и по наиболее важным кадровым вопросам.

С приходом М. С. Горбачева в деятельности пленумов появилось много нового. Восстанавливались некоторые ленинские принципы демократии, уходил формализм, веяло свежестью от перемен в работе. Хорошо помню, как это все начиналось.

…Гремят аплодисменты, участники Пленума стоя приветствуют недавно избранного генсека, моложавого, симпатичного, полного энергии. Горбачев улыбается, ждет, когда стихнут овации, просит разрешения открыть Пленум и поручить его вести членам Политбюро ЦК. Новому генсеку члены Политбюро и ЦК доверяют и дают согласие на открытие и ведение Пленума. Они готовы дать согласие на многое, лишь бы дела шли лучше.

Кто будет председательствовать на Пленуме, всегда решалось в прошлом коллегиально. Даже Сталин испрашивал разрешение на это и не всегда вел Пленум. Демократические процедуры тогда, может быть, и формально, но соблюдались жестко.

Но вот генсек делает сообщение о прибывших на заседание Пленума членах ЦК, приглашенных и просит разрешения открыть его.

Доклады его поначалу были хорошо проработаны, апробированы. Это потом он стал выходить с неряшливыми, отредактированными текстами, какими-то сомнительного свойства подсунутыми ему кем-то справками, которые при проверке имели мало общего с действительным положением дел. Ну, а в начале, поддавшись его обаянию, участники Пленумов встречали идеи генсека хорошо. Дискуссии разворачивались конструктивные, выступали члены ЦК не по заранее составленному списку, а все, кто желал. Записки для выступления регистрировались и ложились на стол М. С. Горбачева. Постоянно готовились новые списки записавшихся в прения. Правда, выбор выступающих он всегда делал сам.

И записавшийся первым мог выступить последним, а мог не выступить вовсе.

Все это было, но поначалу была и раскованная атмосфера, возможность критиковать противников курса Горбачева и говорить, что думаешь по этому поводу. Постепенно от Пленума к Пленуму обстановка накалялась, члены ЦК начинали понимать, что под видом перестройки совершается разрушение структур партии, управления экономикой и государством, происходит обнищание народа. Начинались шараханья в выработанном курсе развития страны, неоправданные забегания вперед и отступления. Если в первые годы правления дома Горбачевых на Пленумы выносились конкретные вопросы с достаточно четкой постановкой задач и путей их решения, то в последующем обсуждения носили абстрактно-дискуссионный характер. Партия не занималась, как прежде, практическими вопросами, она жила в обстановке внутренней борьбы.

Все чаще на Пленумах звучала критика в адрес идеологического отдела ЦК КПСС. Не было, наверное, Пленума, на котором не критиковался бы А. Н. Яковлев, а после его перехода на новый участок работы — В. А. Медведев, исполнявший функции М. А. Суслова и тоже председательствовавший одно время на Секретариате ЦК. Генсек не мешал критиковать своих идеологов, и каждый из них испил чашу, наполненную негодованием участников Пленумов, до дна.

Чувствуя изменения в настроении членов ЦК, Михаил Сергеевич часто менял позицию, отступал в реализации решений, которые он проталкивал в жизнь. Но это были всего лишь зигзаги, которые все время совершал генсек, снижая накал дискуссий, дезориентируя окружающих. Перед пленумами он стал все чаще готовить «домашние заготовки», сбивающие уровень критики в свой адрес. Зная, что члены ЦК готовятся выступить против осуществляемого им курса, Горбачев предварял их речи сам, обрушивая бурю эмоций на участников заседания. Передать словами эту феерию страсти вряд ли возможно. Он метал громы и молнии, упрекал всех в неверии в перестройку, творческие силы народа, клял сомневающихся, взывал к разуму колеблющихся. Горбачев угрожал уходом, гибелью страны, нищетой и другими напастями. Нередко сам обрушивался на сложившееся в стране положение, выворачивая пласты «негатива», от которого многие холодели. Ошарашенные члены ЦК, завороженные даром перевоплощения генсека, безмолвно взирали на гневное лицо лидера партии. А он, не жалея их чувств, нагонял страху, пророча все беды. После этого лицедейства желающих выступать убавлялось. Многие из них вычеркивали критические абзацы из

текста и ограничивались рассказом об успехах перестройки в своих регионах, во всяком случае, отмечали, что не все так плохо и непоправимо. Секретари обкомов и крайкомов партии, которых я давно знал, не раз жаловались, что мастерство заговаривать зубы у архитектора перестройки столь велико, что только спустя какое-то время они начинали понимать, как легко обвели их вокруг пальца, переиграв по всем статьям. Михаил Сергеевич, как хороший артист, все чаще менял методы воздействия на аудиторию.

В последнее время М. С. Горбачев стал все активнее приглашать на пленумы ЦК не только руководителей партийных комитетов областей, краев, республик, не входящих в состав ЦК, но также военачальников и представителей общественности, народных депутатов от КПСС, членов Президиума Верховного Совета СССР. Число приглашенных было значительным, и зал заседаний пленумов в Кремле едва вмещал всех участников. Кого генсек не желал пускать на заседания, так это журналистов и работников аппарата ЦК. Горбачев внимательно просматривал списки приглашенных и вычеркивал всех неугодных ему людей.

В своих действиях по созыву на пленумы «зрителей» Горбачев, к сожалению, повторялся. В прошлом Н. С. Хрущев, теряя свой авторитет в партии и народе, уже приглашал на пленумы тысячи коммунистов и беспартийных. Разумеется, в такой аудитории ни коллективного, ни откровенного и тем более критического обсуждения поставленных в повестку дня вопросов не получалось. Зато было много аплодисментов, и у приглашенных оставалось чувство соучастия в решении задач социалистического строительства. Я неоднократно и сам участвовал в таких мероприятиях и поначалу считал, что так и надо. Впрочем, многие скоро разобрались, что созыв «зрителей» на пленумы не был проявлением демократии. Скорее наоборот. Это была циничная форма зажима критики под вуалью гласности и всенародности решения вопросов. И вот теперь Горбачев повторял старые хрущевские приемы.

Но Михаил Сергеевич не только повторял старые приемы. Он кое в чем обогатил методы зажима критики, что показывало его творческий подход к делу. Накопившееся несогласие членов ЦК с линией генсека он гасил, например, таким способом: накануне открытия Пленума Михаил Сергеевич собирал в малом конференц-зале на Старой площади первых секретарей ЦК компартий союзных республик, краев, областей, рассказывал им о повестке предстоящего заседания.

— Завтра нам предстоит рассмотреть ряд важных вопросов партийного строительства, — обычно начинал он, — и принять

судьбоносные решения. Знаю, у вас накопилось много проблем. Наверное, все желающие не успеют выступить на Пленуме, а мне, членам Политбюро хотелось выслушать каждого. Поэтому предлагаю обсудить текущие и другие вопросы сегодня.

Такое «демократичное» вступление подкупало партийных секретарей своей искренностью. Они охотно соглашались с предложением. Критически настроенные секретари обкомов и крайкомов КПСС, желавшие выступить на Пленуме, теперь брали слово на совещании, упрекая Горбачева в отсутствии ясной линии в перестройке, шараханье, ухудшении экономического положения в стране, неясности в осуществлении международной политики. Один за другим на трибуну поднимались члены ЦК, первые секретари партийных комитетов и обрушивали критику на самоубийственную политику курса перестройки. Горбачев внимательно слушал, непрерывно записывал в блокнот все высказанное секретарями, иногда что-то уточнял. Мне казалось, что он записывает даже не вполне корректные эпитеты в свой адрес.

На таких совещаниях Горбачев предоставлял слово всем желающим, даже зная их негативное отношение к себе. Я думал, что им-то как раз генсек и не предоставит слово, чтобы не отягощать дело. И глубоко ошибался. Прежде всего лидер КПСС давал слово именно этим людям. И если слышал иногда из зала голоса несогласия с критикой перестройки, то мягко успокаивал собравшихся и просил не мешать ораторам и обнадеживал, что каждый желающий получит слово. И вот участники совещания один за другим поднимались на трибуну. Эти душевные излияния длились обычно часов 8—10, пока поток ораторов не иссякал.

— Есть ли еще желающие? — спрашивал Горбачев.

— Прошу выступить.

Но люди, собравшиеся из дальних и ближних районов, уже обессилели и сами просили завершать совещание. Горбачев нехотя соглашался и коротко подводил итог встречи, упирая на то, что на принципиальные вопросы ответы будут даны в его докладе на Пленуме, а сейчас он хотел бы только затронуть вопросы, связанные или с уборкой урожая, или с зимовкой скота, или со снабжением населения продовольствием. На этом речь генсека обычно завершалась. Иногда, правда, критики его, как говорится, «доставали», и тогда он срывался с тормозов и устраивал небольшой, но впечатляющий спектакль. В нем просыпался артист, трибун-трубач, который весь свой дар перевоплощения направлял на то, чтобы разгромить своих критиков.

— С себя надо начинать перестройку, — говорил Михаил

Сергеевич. — Вы имеете все возможности работать, и нечего кивать на центр…

После таких совещаний он приходил измочаленный, сбрасывал пиджак и жаловался:

— Вся спина мокрая, пока им мозги вправляешь. Видел, кто пришел на смену прежним секретарям?

Эти страдания Горбачева накануне Пленума ЦК были хорошо отрепетированным и талантливо сыгранным спектаклем и имели нужный эффект. На другой день после доклада генсека на Пленуме практически никто из тех, кто выговорился накануне, слова уже не просил, линию Горбачева не критиковал. Одни из них считали, что высказали генсеку и членам Политбюро все, что о них думали, другие несколько стеснялись азарта вчерашнего выступления, а кое-кто, наверное, и просто побаивался повторить сказанное накануне. И Пленум проходил довольно спокойно, в лучших традициях прошлого. Тот, кто когда-нибудь станет изучать стенограммы заседаний Пленумов ЦК в 1990–1991 годах, не почувствует в полной мере накала политической борьбы, поскольку критика перестройки, всего курса Горбачева, как правило, выносилась за рамки официального заседания членов ЦК. Для Михаила Сергеевича все кончалось относительно благополучно. Принимались обтекаемые решения, сглаживались противоречия, возникала иллюзия единства членов ЦК.

Подобные приемы в усмирении членов ЦК Горбачев применял не единожды. И когда участники пленумов начинали понимать горбачевские хитрости, он менял тактику. Генсек все еще предоставлял слово не только членам ЦК, но и представителям общественности. В результате серьезное обсуждение вязло в побочных проблемах, теряло остроту. Предоставляя слово все новым и новым ораторам, Горбачев доводил собравшихся до изнеможения и апатии. Нередко заседания пленумов продолжались по 12–13 часов и заканчивались в 10–11 часов вечера, а то и за полночь. В этих, условиях можно было «пропихнуть» любое решение. Самое забавное состояло в том, что эти методы ведения заседаний Горбачев называл ленинскими нормами демократии.

— На Пленуме каждый может выступить, сказать, что думает, и рассчитывать на то, что его услышат, — заявлял генсек, стремясь продемонстрировать свой демократизм.

Внешне, похоже, так все и было. Но слушать архитектор перестройки, как правило, хотел только себя. А все остальные голоса были лишь музыкальным сопровождением горбачевского соло. И только в 1991 году генсековс-кие хитрости перестали действовать на членов ЦК, и он был на грани лишения их

доверия.

М. С. Горбачев не любил, чтобы на пленумах доклады делал кто-то другой, кроме него. Но однажды он все-таки согласился дать возможность на Пленуме выступить Е. К. Лигачеву по вопросам образования, правда, выступил и сам по существу с докладом по идеологическим вопросам. В результате обсуждение доклада Е. К. Лигачева практически было сорвано и все ораторы, хотя и без подготовки, говорили об идеологических вопросах партии.

Эта ревность, желание все делать самому не улучшали атмосферу ни в ЦК, ни в Политбюро.

У людей опускались руки, и они, увидев свою третьестепенную роль, скоро сникали, теряли интерес к работе. И в этом кроется одна из причин отчуждения его соратников, снижение их активности в политической деятельности.

Работа пленумов редко завершалась за один день. М. С. Горбачев давал возможность, как я уже говорил, высказаться максимальному числу желающих. Регламент пленумов был довольно щадящим — 15 минут на выступление. Через каждые два часа делался перерыв и люди спускались в нижний зал, где был буфет. В первые годы там выставлялся широкий ассортимент горячих и холодных блюд, фруктов. На столы ставились горячие сосиски, в обед желающие получали чашки с бульоном, было много бутербродов и пирожков. Оплачивалось это поначалу за счет партийного бюджета, и только в последние годы с участников пленумов стали получать деньги. За этими столами члены ЦК продолжали обсуждать доклад и выступления, обменивались мнениями, вели споры. Многие секретари обкомов и крайкомов использовали время приезда на Пленум для решения текущих вопросов, «доставания» техники, ресурсов.

После завершения пленумов или в ходе заседаний М. С. Горбачев спрашивал секретарей ЦК, заведующих отделами, своих помощников о том, какое настроение участников заседания. Но утешать его было все труднее. Члены ЦК постепенно перестали заходить к нему, а он, чувствуя это, сразу после Пленума часто уезжал домой. Не заходили секретари обкомов и крайкомов, как бывало, и к работникам аппарата. Складывалась все более тревожная обстановка взаимного непонимания и недовольства.

Об изменении настроений, отношения к М. С. Горбачеву свидетельствовало и то, что в последнее время, когда генсек выходил в зал пленумов, аплодисментов уже не было, никто не вставал, а многие, не обращая внимания, продолжали начатые разговоры, ходили по залу. М. С. Горбачеву приходилось призывать участников заседания быть внимательными.

Я уже рассказывал о критичности выступлений многих членов ЦК, секретарей обкомов и крайкомов. Они говорили о неспособности генсека возглавлять партию, руководить Центральным Комитетом. И критика, как правило, была обоснованной. КПСС покидали многие коммунисты, среди членов ЦК появились фракционные группы. Одни выступали за сохранение действующих принципов, другие склонялись к социал-демократии, третьи просто поддерживали Горбачева, видя в нем мощную силу, разрушающую партию и Советское государство. Четвертые прилипли к партийным структурам из-за жирного куска и своего мнения не имели, а потому с исчезновением подкормки публично заявили о своем выходе из КПСС.

Эти разношерстные силы уже не могли заниматься созидательной работой и все чаще открывали полемику по самым разным вопросам внутренней и международной политики. Обсуждались неловкие или незрелые заявления того или иного оратора по национальным вопросам, отношению к минувшей войне. Перепалки неожиданно вспыхивали из-за самых, казалось, невинных заявлений. Все были озадачены сложившейся в стране ситуацией. Последние полтора года в зале заседаний пленумов сидели тени-силуэты великого прошлого. Чувствовали ли эти люди близость краха партии и государства? Думаю, большинство чувствовало. Но они были уже не способны что-то изменить при нынешнем генсеке, и многие просто ждали, когда кончится их время.

Агония в работе Политбюро и членов ЦК, как уже сказано, началась после XXVIII съезда КПСС. Умирал мозг некогда могущественной партии, отравляя весь ее организм.

Слова Михаила Сергеевича Горбачева, сказанные им четыре года назад: «То ли я еще сделаю», сбылись.

Документы партии

В начале 1987 года А. И. Лукьянова избрали секретарем ЦК и поручили курировать государственно-правовой отдел аппарата Центрального Комитета. Анатолий Иванович не без удовольствия покинул выматывающий силы общий отдел, который он возглавлял с 1983 года, и перешел в другой кабинет. Перед ним открывалось обширное поле новой деятельности — заниматься вопросами армии, КГБ, МВД, прокуратуры, всех административных и правоохранительных органов. С этим перемещением А. И. Лукьянова кончилась и моя помощническая деятельность у М. С. Горбачева.

После одного из Пленумов ЦК меня неожиданно пригласили в зал, где обычно в перерывы собирались члены Политбюро и секретари ЦК. Шел свободный разговор об итогах Пленума, вспоминали удачные и неудачные выступления, детали обсуждения доклада. М. С. Горбачев прервал беседу и сказал:

— А вот и смена Анатолию Ивановичу. Все вы Болдина знаете, и я прошу утвердить его заведующим общим отделом.

Для меня это было неожиданным. Месяца два назад М. С. Горбачев мимоходом подбросил такую мысль, но тогда я отказался, сказав, что не знаю бумажной работы и если я не нужен, то лучше бы вернуться в газету.

— Да я просто не выдержу этой бумажной карусели и «загнусь», — сказал я.

— Что же, ты думаешь, я на смерть тебя посылаю? — ответил Горбачев. — Это очень нужное мне дело, и я тебя прошу помочь.

Разговор продолжения не имел, возможно, его смутил мой отказ или вопрос не был окончательно решен и это была «пристрелка» для уточнения позиций. Во всех случаях я противился как мог, ибо каждая моя клетка бунтовала против непонятного для меня занятия, опасности быть накрепко привязанным к креслу. По своему характеру и опыту работы я предпочитал трудиться сам и руководить собой, а не кем-то. И вот теперь этот вызов в зал, где сидели руководители партии, и слова генсека о моем назначении. Послышались голоса членов Политбюро ЦК, подтверждающие правильность решения. И Горбачев тотчас подписал постановление, подготовленное, видимо, А. И. Лукьяновым, о моем назначении.

И на меня обрушилось сложное и мало мне знакомое дело. *Я* болезненно перестраивался. Если в прошлом уходил с работы около девяти часов вечера, то теперь едва успевал управляться к 12 часам ночи.

Что же представлял из себя общий отдел ЦК и чем он занимался?

Структуры его зародились еще в начале 20-х годов при Сталине. Он вырос из особого сектора ЦК и обслуживал Политбюро, Секретариат, Пленумы Центрального Комитета, все отделы его аппарата, которым направлялись документы, поступали письма граждан, а также контролировал движение и исполнение всех исходящих материалов, подготовленных для рассмотрения в высших политических органах партии, ее местных комитетах и организациях. Объем этих документов был огромен. Последнее время в ЦК поступало за год более миллиона писем от населения, десятки тысяч различных документов и материалов, в которых ставились актуальные вопросы работы партийных, советских и хозяйственных органов, а также разнообразная информация о состоянии дел на местах. Приблизительно такой же поток почты направлялся в республики, края, области, вплоть до отдельных районов.

Весь этот поток документов в ЦК поступал и направлялся, как говорится, через одни ворота — общий отдел. Почта сразу распределялась по соответствующим отделам ЦК, а также направлялась секретарям и членам Политбюро ЦК КПСС. Она бралась на учет и держалась на контроле до тех пор, пока не принималось соответствующее решение и заявители не получали ответа.

Генеральному секретарю с его согласия поступали материалы и информация принципиальной важности, а также касающиеся направлений, которые он курировал. Это были документы КГБ, МИД, Министерств обороны и внутренних дел, организаций, связанных с военно-промышленным комплексом страны, а по партийной линии — всех записок за подписями первых секретарей ЦК компартий республик, крайкомов и обкомов КПСС.

Особым каналом информирования генсека, других руководителей партии были шифротелеграммы, которые поступали из-за рубежа через МИД, КГБ, Генеральный штаб и реже через экономические представительства за границей. Имелась также, как я уже говорил, прямая шифротелеграфная связь с каждым центральным комитетом союзной и автономной республики, обкомом, крайкомом, вплоть до отдельных районов. Шифротелеграммы, минуя всех, срочно передавались через личных секретарей М. С. Горбачеву, а также другим руководителям, кому они предназначались. Разметка о рассылке адресатам по согласованию с генсеком делалась руководителями того ведомства, которое направляло их в ЦК КПСС. При необходимости М. С Горбачев расширял круг лиц, которых

следовало познакомить с той или иной информацией, или давал поручения в связи с постановкой вопросов. Фактически такая же практика была установлена и в деятельности президента.

Среди других документов на стол генсека-президента ложились материалы ЦК партий союзных республик, а также обкомов и крайкомов, правительства, министерств, особенно Министерств обороны, внутренних дел, КГБ, а также общественных организаций — ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, Академии наук СССР и некоторых других. Все эти документы регистрировались при поступлении и, поскольку требовали решения, как правило, ставились на контроль.

Надо сказать, что каналы поступления информации для генерального секретаря-президента СССР были многообразны и часто дублировались. Прежде всего информация шла лично от секретарей ЦК и членов Политбюро ЦК, членов Совета Безопасности, Президиума кабинета министров и некоторых руководителей ведомств. Достаточно разносторонней была информация, которую направлял М. С. Горбачеву В. А. Крючков. С особо доверительными документами он приезжал сам к генсеку и докладывал их ему лично. По многим вопросам почта шла Горбачеву в закрытых пакетах, которые Михаил Сергеевич вскрывал и конвертовал сам, лишь изредка привлекая для этого своих секретарей. Некоторые документы доверительного характера по поручению генсека докладывал ему я.

Другой важный канал поступления информации был связан с деятельностью помощников. У них были широкие связи с членами ЦК, министрами, писателями, художниками, военными, дипломатическими работниками. Это позволяло генсеку знать личное мнение руководителей не только ведомств, но и общественных организаций, ведущих деятелей культуры, науки, образования. Поскольку помощников и советников было много, то их сообщения также составляли значительную часть информации М. С. Горбачева.

И, наконец, третьим важным каналом поступления документов был общий отдел, куда направлялись материалы партийных комитетов республик, краев, областей с постановкой вопросов, требующих официального рассмотрения. Они докладывались лично заведующим общим отделом, его первым заместителем или через секретарей М. С. Горбачева, а также направлялись в закрытых пакетах ему на дачу, а во время отпуска — в место отдыха. В отсутствие генсека-президента такая почта докладывалась лицам, его замещающим.

В последнее время Михаил Сергеевич все раздражительнее воспринимал направляемые на доклад документы. Видимо, его

нервировали тревожные сообщения с мест, кроме того, он быстро уставал и не мог с прежней энергией читать все бумаги, давать им оценку, подчас долго держал их, а иногда возвращал пакеты нераспечатанными. В дни его работы над материалами к съездам, пленумам, выступлениями в Верховном Совете было практически невозможно доложить почту, и она ждала своей очереди, старела, и принимать решения было подчас уже поздно. Правда, некоторую часть деликатной информации, особенно касающейся его реальных и потенциальных соперников, он смотрел без промедления и в любое время.

Большинство почты составляли письма граждан. *Я* уже сказал, что в год их поступало более миллиона, а в 1987 году даже 1 миллион 200 тысяч. Значительная их часть шла из-за рубежа, достигая 300, а порой и 400 тысяч. Большая часть адресовалась непосредственно генсеку. Правда, последние годы эта река быстро мелела, а после начала дебатов на сессиях Верховных Советов и Съездах народных депутатов СССР и РСФСР и по мере снижения популярности М. С. Горбачева она превратилась в обмелевший ручеек.

Как-то Михаил Сергеевич позвонил мне и попросил собрать и показать ему все письма, которые получил ЦК за один день. Когда их сложили в коробки и занесли в один из больших пустовавших кабинетов на пятом этаже, то они заняли все столы, стулья и даже лежали на полу. Только на его имя было прислано три тысячи писем. Генсек полистал и почитал некоторые письма, а позже на заседаниях Политбюро ЦК, различных встречах с общественностью говорил о своем ознакомлении с почтой, ее характере. Почти каждое письмо в ЦК, содержащее просьбы, жалобы, предложения и пожелания, представляло собой человеческий документ огромной эмоциональной силы. Многие из них было больно и страшно читать. Люди писали о своей бытовой неустроенности, беззаконии, тяжелой жизни. Больше всего меня волновала та часть писем, где говорилось о болезнях детей и стариков. Крик о помощи погибающих из-за равнодушия, нехватки лекарств до сих пор бередит душу. И все, что можно было сделать и помочь страдающим, в отделе предпринималось. Но не все было в силах его сотрудников.

По мере того как критическое отношение к генсеку в письмах стало преобладать, М. С. Горбачев потерял к ним интерес. Но я ежедневно подбирал десятка два писем и просил положить ему на стол. Радости это не доставляло ни мне, ни тем более генсеку.

Значительная часть писем граждан, как я уже говорил, направлялась в отделы ЦК, делались, кроме того, по наиболее острым вопросам аннотации, обзоры, докладные, тематические

записки. Все это в обязательном порядке докладывалось М. С. Горбачеву, иногда он просил разослать документы членам Политбюро и Секретариата ЦК. Обзоры почты рассылались также участникам пленумов ЦК. Это была подчас малозаметная, но очень нужная работа, и ее исполняли насколько возможно добросовестно.

В общем отделе существовало также несколько специальных подразделений, которые обеспечивали деятельность Политбюро, Секретариата ЦК, а в дни пленумов — членов ЦК. Один из секторов отдела получал, перепечатывал и размножал все материалы, которые рассылались по Политбюро. Это были, как правило, секретные документы и информации партийных органов на местах, Совмина СССР, Министерств иностранных дел и обороны, КГБ и других ведомств. Из них формировалась повестка дня заседаний Политбюро.

Люди, занятые этим делом, работали в две смены, чрезвычайно ответственно относились к делу и старались, как говорится, не за страх, а за совесть. Этот сектор также обслуживал пленумы ЦК, стенографировал его заседания, выпускал протоколы. Стенограммы делались высококвалифицированными стенографистками и машинистками. Буквально через час-полтора выступавшие получали запись своих речей, редактировали и визировали их. К концу заседаний Пленума стенограмма была готова. Нет ни одного постановления Политбюро ЦК, которое не было бы оформлено этим подразделением общего отдела.

Другой аналогичный сектор занимался документами Секретариата ЦК. Объем документов здесь был также огромен, поскольку оформлялись все материалы, которые касались деятельности партии.

В ЦК компартий союзных республик, обкомы и крайкомы направлялись решения Центрального Комитета, имевшие значение не только для внутрипартийной деятельности, но и для работы хозяйственных ведомств, посылалась информация о кадровых назначениях, протоколы заседаний Секретариата ЦК и т. п.

После каждого заседания Политбюро ЦК руководством общего отдела готовился протокол, в котором формулировались пункты постановлений и поручений соответствующим партийным, советским, хозяйственным органам по вопросам, рассмотренным высшим партийным руководством. Подготовленный в одном экземпляре протокол я направлял Горбачеву. Иногда он делал поправки в формулировках постановлений, но чаще подписывал протокол без замечаний.

Визировал генсек и протоколы Секретариата ЦК, даже если заседание его вел не он.

Все документы, поступающие в ЦК или подготовленные в его аппарате, в конечном итоге заканчивали свой путь в архиве, который обслуживали два специальных сектора в общем отделе. В архиве Секретариата хранились материалы, относящиеся к компетенции этого партийного органа, а главным хранилищем считался Кремлевский архив Политбюро ЦК. С середины 20-х годов в нем накапливались документы деятельности высшего партийного и государственного руководства. В нем хранились стенограммы пленумов ЦК и съездов КПСС, рабочие записи и протоколы заседаний Политбюро, разнообразный информационный материал партийных комитетов республик, краев, областей, министерств, ведомств, научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро, НКВД — МГБ — КГБ, Министерств внутренних и иностранных дел, обороны, Генштаба вооруженных сил страны, личные документы многих видных партийных, советских и государственных деятелей, руководителей компартий зарубежья.

За многие десятилетия фонды архива значительно выросли, и разобраться в них, несмотря на хорошо поставленное дело, непросто. Помню один из первых докладов о содержании фондов. Я пришел в архив первого сектора, и товарищи показали мне хранилище, частично размещенное в бывшей квартире Сталина и в глубоких подвалах здания правительства в Кремле. Все документы хранились в специальных контейнерах при постоянной температуре и влажности. Отдельный отсек занимали документы так называемой «особой папки» и материалы, хранящиеся в закрытых еще в 30-е годы пакетах. Не меньший интерес представляют и другие документы. После осмотра архивов я доложил М. С. Горбачеву о своих выводах и предложил хотя бы часть хранящихся материалов открыть для общественности. В отделе родилась идея издавать для этих целей специальный журнал, в котором читатели могли бы знакомиться не только с текущими материалами ЦК, но и с архивом. М. С. Горбачев, все члены Политбюро поддержали эту инициативу, и скоро общий отдел стал издавать «Известия ЦК КПСС». В журнале были обнародованы впервые многие интересные подлинные записки, информации, решения партии и правительства, позволившие по-новому взглянуть на некоторые факты истории страны. Особенно большое место заняли публикации Комиссии Политбюро ЦК по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов. Подбор материалов для публикации позволил

еще раз и более внимательно изучить архивные документы.

Мне рассказывали, что, просматривая личный архив бывшего председателя НКВД Ежова, работники архива обнаружили папку документов, относящихся к трагической гибели В. Маяковского. Там находились некоторые его предсмертные письма, в том числе к правительству, пистолет, кажется, системы «боярд», из которого он стрелялся, и пуля, пробившая его сердце.

Позже, листая эти материалы, которые по разрешению М. С. Горбачева отдел готовился передать в музей В. Маяковского и опубликовать в одном из изданий, чтобы положить конец всем нелепым слухам об убийстве поэта, я думал о том, сколько еще неожиданного хранится в этих главных тайниках государства в подвалах Кремля.

Мои предшественники по работе в отделе, и прежде всего А. И. Лукьянов, полагаю, не раз докладывали генеральным секретарям ЦК, в частности М. С. Горбачеву, о материалах архива, в том числе и тех, которые были в закрытых пакетах. Сказал об этом и я, но М. С. Горбачев отмолчался. Возможно, он лучше меня знал об этом массиве документов и просто не ведал, что с ним делать. Это предположение подтверждали и некоторые факты. Как-то перед одной из встреч с В. Ярузельским М. С. Горбачев дал срочное поручение:

— Где-то в архиве должна быть информация по Катынскому делу. Быстро разыщи ее и заходи ко мне.

Я попросил срочно найти такой документ в архиве. Документ действительно разыскали довольно скоро. Часа через два мне принесли два закрытых пакета с грифом «совершенно секретно» и припиской, что вскрыть их можно только с разрешения заведующего отделом. Разумеется, и генсека или доверенного его лица.

— Нашел? — спросил Михаил Сергеевич, когда я появился в его кабинете.

— Не знаю, то ли это, — ответил я, подавая ему конверты.

Он вскрыл их, быстро пробежал несколько страничек текста, сам запечатал пакеты, проклеив липкой лентой. Возвращая документы, сказал:

— В одном речь идет об истинных фактах расстрела поляков в Катыни, а во втором — о выводах комиссии, работавшей после освобождения Смоленской области в годы войны. Храните получше и без меня никого не знакомьте. Слишком все это горячо.

Знаю, что позже о необходимости предать гласности все материалы Катынской трагедии в ЦК КПСС лично к М. С. Горбачеву не раз обращалась польская сторона, В. Ярузельский,

специально созданная совместная советско-польская комиссия. Предлагали это сделать и В. А. Крючков, В. М. Фалин, но генсек-президент не реагировал на просьбы, записки на его имя остались без ответа, а общему отделу он запретил что-либо выдавать из документов по этому вопросу. Более того, говорил сам и поручил сообщить польской стороне, что достоверных фактов о расстреле, кроме тех, что были обнародованы еще во время войны, не найдено. Теперь М. С. Горбачев был серьезно повязан этой ложью. И это, надо сказать, был еще не самый большой его обман, который он применял для введения в заблуждение нашего и мирового общественного мнения.

Я не раз пытался понять, почему генсек-президент, продолживший вслед за Н. С. Хрущевым разоблачение необоснованных репрессий Сталинского периода, вдруг останавливался и начинал юлить и лгать. Ну что может быть страшнее для КПСС признания того, что с благословения некоторых ее лидеров гибли тысячи соотечественников, коммунистов и беспартийных, граждан многих зарубежных стран, о чем мир уже знал. Зачем же теперь архитектору перестройки и обновления вдруг понадобилось утаивать это преступное убийство? Думаю об этом и не нахожу ответа. Но на решения М. С. Горбачева, как я понимал, даже очень серьезные, иногда оказывали влияние самые тривиальные интересы и причины.

На заседаниях Политбюро ЦК, пленумах, еще в каких-то аудиториях он громогласно заявлял, что решение о вводе войск в Афганистан принял очень узкий круг лиц из Политбюро ЦК. Конечно, такое утверждение наивно даже для людей, не знавших кухни принятия решений. А он в ту пору был уже кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС, участвовал во всех заседаниях Политбюро и не мог не знать о причинах ввода войск и главных событиях той войны. С октября 1980 года Горбачев стал членом Политбюро ЦК и даже формально обязан был знать и отвечать за все, что происходило в Афганистане, и это не единственный аргумент, свидетельствующий о его информированности в истории с вводом войск в Афганистан.

Пожелал же прояснить этот вопрос Э. Шеварднадзе, когда стала очевидной бесперспективность афганской войны. Бремя ее тяжести руководство Афганистана все больше перекладывало на Советскую Армию. Поэтому в армейских верхах, руководстве КГБ возобладало мнение о необходимости изменить характер нашего участия в поддержке афганских друзей. К тому же в боевых частях накапливалась усталость, а в обществе зрело понимание безысходности нашего участия в боях за чужие интересы. Окончание войны было и условием прорыва блокады в

международных и внешнеэкономических делах. Конечно, руководство понимало, что ввод советских войск в Афганистан укреплял наши южные границы от проникновения в эти районы недружественных нам сил, распространения исламского фундаментализма, подстегнутого приходом к власти в Иране религиозных деятелей. В Среднеазиатских республиках уже ощущалось неблагополучное положение, всплески национализма, нетерпимость к другим нациям. Все это, как мне кажется, и заставило СССР втянуться в горячую войну. Л. И. Брежнев, начавший свою деятельность генсека с ввода войск в Чехословакию, теперь заканчивал ее боями в далеком и непонятном Афганистане.

Нужны были радикальные меры по прекращению кровопролития. Вот тогда Э. А. Шеварднадзе и запросил документы относительно ввода войск в Афганистан. М. С. Горбачев разрешил ознакомить министра иностранных дел со всеми материалами Политбюро, касающимися этого периода.

Э. А. Шеварднадзе зашел ко мне, чтобы определиться, как лучше знакомиться с документами. Был он тогда крайне озабочен, но не столько афганскими делами, сколько положением в стране и партии. В откровенной беседе вдруг спросил, знает ли М. С. Горбачев, что происходит вокруг и, если знает, к чему ведет партию. Помню, меня удивили и насторожили эти вопросы. Мне показалось, что Шеварднадзе сомневался в правильности курса генсека или делал для себя выбор линии поведения. Разговор тогда был долгий и оставил у меня чувство тревоги.

В тот приход Э. А. Шеварднадзе попросил прислать в МИД документы по Афганистану, и специальный сотрудник отдела отвез ему все, что имелось. Не думаю, чтобы министр иностранных дел не проинформировал генсека-президента о своих выводах. М. С. Горбачев, конечно, знал все и поддержал вместе с другими предложения о выводе войск из Афганистана, поиск других форм поддержки существовавшего режима. Вторично к вопросу о вводе войск в Афганистан обращался А. С. Дзасохов, и генсек-президент снова дал команду ознакомить его с документами той поры.

Архив Политбюро ЦК, ставший впоследствии личным архивом президента СССР, таил и много ответов на другие вопросы, которые волновали общественность нашей страны и других государств мира.

Так случилось, например, с документами, относящимися к советско-германским переговорам 1939 года. Мировую общественность давно интересовали секретные протоколы, подписанные Риббентропом и Молотовым. В них речь шла о

новой границе на наших западных рубежах, отходе к Советскому Союзу ряда районов соседних стран. После второй мировой войны в архивах «третьего рейха» были найдены копии этих документов. Но советская сторона никогда не признавала их подлинности. Да и у многих западных специалистов были сомнения насчет того, не являются ли эти копии фальшивкой, составленной в недрах германского МИД или разведки. Поэтому вопрос то приобретал актуальность, то интерес к нему угасал. Но секретные протоколы, угодно это было кому-то или не угодно, существовали. До 1956 года они хранились в сейфе В. М. Молотова, а с уходом его с политической арены были переданы в ЦК КПСС и хранились в архиве Политбюро. О них мало кто знал, но где-то в середине 70-х годов ими заинтересовался А. А. Громыко, и, если судить по некоторым записям, протоколы были направлены в МИД СССР.

И вот во второй половине 80-х годов интерес к этим документам резко возрос. Когда я вступил в должность заведующего общим отделом ЦК, мне доложили, что секретные протоколы хранятся в архиве. Причем оказалось, что они не законвертованы, не имеют особых грифов и штампов, а потому могли быть доступны многим работникам ЦК. Я попросил, чтобы документы показали мне, и немедля пошел на доклад к М. С. Горбачеву.

Секретные протоколы состояли, если мне не изменяет память, из двух листков текста, завизированных Риббентропом и Молотовым, а также довольно большой карты западных районов СССР и сопредельных стран, подписанной Риббентропом и Сталиным. Подпись Молотова на секретном протоколе была сделана латинскими буквами. Главная загадка, которая всех сбивала с толку или была причиной сомнений в подлинности немецких копий протоколов, больше не существрвала. Изменяя своим правилам, В. М. Молотов действительно подписался латинскими буквами. Не думаю, что это случайность. В таких вопросах импровизаций не бывает. Скорее всего, он рассчитывал на то, что достоверность документа может быть поставлена под сомнение. Впрочем, Сталин не хитрил, и три буквы его имени и фамилии «И. Ст. » на карте ставили все на свои места.

М. С. Горбачев внимательно прочитал протокол и развернул на столе карту со старой и новой советской границей на Западе. Это была крупномасштабная карта с обозначением городов, населенных пунктов, железных и шоссейных дорог, рек, возвышенностей и низменностей. Все надписи на ней были сделаны на немецком языке. Генсек изучал линию согласованной границы, разделившей полвека назад две могущественные

державы, и комментировал свои наблюдения, изредка задавая мне вопросы. Он не удивился наличию таких документов, скорее в его интонации было раздражение,?то пришлось прикоснуться к прошлому.

— Убери подальше! — сказал он в заключение.

А между тем интерес к секретным протоколам в стране и за рубежом возрастал. Их стали искать В. М. Фалин, А. Н. Яковлев. Я доложил об этом М. С. Горбачеву. Он коротко бросил:

— Никому ничего показывать не надо. Кому следует — скажу сам.

Время шло. И вот на Съезде народных депутатов, где обсуждался вопрос о секретных советско-германских протоколах и о положении в Прибалтийских республиках, М. С. Горбачев неожиданно для меня сказал, что все попытки найти этот подлинник секретного договора не увенчались успехом. Зачем понадобилось ему говорить неправду на весь мир, сказать достоверно не могу. Либо он в ту пору считал, что приподнесенные коммунистам, всему народу уроки правды лично его не касаются, либо он был еще связан пуповиной с прошлым, либо опасался последствий откровенности. А некоторые его защитники не нашли ничего лучшего, как сказать, что общий отдел знал о документах той поры, но утаил от генсека. Это утверждал и Горбачев. Он не захотел сказать правду и взять на себя ответственность за то, что ввел в заблуждение общественное мнение. В общем эта ложь не помогла ему ни сохранить Советский Союз, ни удержаться на посту лидера государства. Последующими своими решениями Горбачев в нарушение Конституции способствовал тому, чтобы республики Прибалтики вышли из Союза.

Спустя некоторое время после своего выступления на Съезде народных депутатов М. С. Горбачев спросил меня как бы между прочим, уничтожил ли я протоколы. *Я* ответил, что сделать это без специального решения не могу.

— Ты понимаешь, что представляют сейчас эти документы?!

После того как на весь мир М. С. Горбачев заявил, что не видел секретных протоколов, я догадывался, сколь взрывоопасна эта тема. Ему хотелось бы навсегда забыть о ней, но уничтожить подобные документы не так-то просто. Особенно когда к ним присоединилась еще довоенная информация по Катыни. Все это было миной замедленного действия, способной взорваться в любой момент и обречь Горбачева на моральную и политическую смерть. Зная о прошлых делах, связанных и с трагедией польского народа, и с секретными договоренностями СССР и Германии, президент СССР вводил в заблуждение Верховный Совет, Съезд

народных депутатов СССР, народ нашей страны и других государств мира.

Добровольцев уничтожить подобные документы не было, а принять самому такое решение архитектор перестройки и автор теоретического опуса о новом мышлении опасался. Совершить же это тайно возможности не имелось. Документы были, как я знал, многократно зарегистрированы в различных книгах и картотеках. Чтобы замести следы, требовалось уничтожить эти книги, ибо переписать регистрационные книги довоенных лет заново — нереально. Да об этом узнал бы широкий круг людей, которые никогда не пошли бы на такую авантюру. В отличие от многих государственных архивов в хранилище Политбюро существовал весьма строгий порядок. Стоило какому-то документу задержаться даже у генсека, как тотчас следовали напоминания. Так что в этом архиве, полагаю, документы сохранялись полностью.

Приблизительно к тому же времени относится и история, о которой докладывал В. А. Крючков М. С. Горбачеву, о связи А. Н. Яковлева с зарубежными спецслужбами. Впервые я услышал о ней от В. А. Крючкова, который направлялся на доклад по этому вопросу к генсеку. Поскольку Крючков, как и я, был хорошо знаком с Яковлевым, то вполне естественно, шел он с этими материалами с какими-то внутренними колебаниями. Владимир Александрович рассказал мне вкратце о сути своего предстоящего сообщения Горбачеву. Такое известие меня не обрадовало. Я сказал тогда Крючкову, что идти с подобной новостью можно только будучи очень уверенным в бесспорности фактов. Помню, Крючков ответил мне на это так:

— Мы долго задерживали эту информацию, проверяли ее и перепроверяли, используя все наши самые ценные возможности. Факты очень серьезные.

Что он имел в виду — сказать не могу, но, повторяю, тогда подобное сообщение было для меня крайне неприятно.

Причина задуматься о том, что говорил Крючков, у меня была. Яковлев, вернувшись в Москву из Канады, рассказывал, что во время учебы в Колумбийском университете, роясь в библиотеках, встречаясь с американскими учеными, добывал такую информацию и отыскивал такие ее источники, за которыми наша агентура охотилась не один год. Признаться, я скорее предполагал, что он мог представлять за рубежом интересы нашей военной разведки или КГБ, но никак не заниматься тем, в чем его подозревали сотрудники Крючкова. Да и в Канаде как посол он был в курсе всех чекистских мероприятий, и провалов нашей разведки там, кажется, не было.

Поэтому мое восприятие сказанного было неоднозначным. Но я не мог легко отбросить и то, в чем уверен был Крючков. И потому сказал, что если у него сведения серьезны и обоснованны, то не сказать об этом Горбачеву нельзя.

— Да, я понимаю, что это не вопрос для обсуждения, — сказал в ответ Крючков, — просто я хотел поделиться, поскольку мы с тобой знаем Александра лучше, чем кто-либо другой.

С этим я не мог не согласиться, так как именно Яковлев познакомил меня с Владимиром Александровичем Крючковым.

Спустя какое-то время Горбачев спросил меня:

— Ты знаешь о том, что за Яковлевым тянется колумбийский хвост?

Я ответил, что слышал, но не знаю деталей. Горбачев сказал, что просил Крючкова переговорить с Яковлевым.

— Может, и ты примешь участие в беседе? — предложил он мне.

Михаил Сергеевич, как я уже отмечал, любил делать вот такие ходы — все неприятное спихивать на кого-то другого. Разумеется, участвовать в такой беседе мне крайне не хотелось. Не располагая никакими фактами, не зная источников подозрения, я должен был присутствовать при тягчайшем обвинении человека, поднявшегося до самых высоких вершин власти великой державы. Конечно, я знал, что среди советской агентуры влияния за рубежом бывали и короли и президенты, но это, видимо, были представители разложившихся демократий и уж никак не бессребреники.

Во всей этой истории что-то не связывалось. Когда начальник Генерального штаба С. Ф. Ахромеев подтвердил, что военная разведка располагает приблизительно такими же данными, как и КГБ, я поначалу не принял это во внимание, тем более зная неприязненное отношение маршала и многих военных к А. Н. Яковлеву. Но В. А. Крючков знал его долгие годы, а это меняло дело, во всяком случае, снимало подозрение в личной предвзятости и недоброжелательности.

Предложение Горбачева одному члену Политбюро ЦК сообщить о подозрениях в связях со спецслужбами зарубежных стран и потребовать объяснений от другого члена Политбюро ЦК, секретаря ЦК, в частном разговоре выглядело, на мой взгляд, по крайней мере нелепо. Не меня надо было просить поучаствовать в этой беседе. Облаченный высокой партийной, государственной и военной властью генсек — вот кто обязан быть третьим в таком разбирательстве, чтобы снять все подозрения с А. Н. Яковлева. Но Горбачева не интересовала истина. Ему более импонировали трения и распри среди членов Политбюро, их слабые позиции.

Как бы то ни было, но недели через две-три беседа Крючкова и Яковлева состоялась. Проходила она в крайне свободной обстановке не только, как говорят, при расстегнутых воротничках, но и вообще без всего, что можно было застегнуть. Дело было в сауне между двумя заходами в жаровню. Впрочем, история знает, что в римских банях решались вопросы и посложней, и поделикатней.

Признаться, я думал, а что бы сделал сам, оказавшись под подозрением КГБ. Если бы Крючков сказал, что у него имеются материалы такого рода обо мне, я непременно пошел бы к Горбачеву, рассказал о предъявленном обвинении и потребовал разобраться.

— А до тех пор, пока нахожусь под подозрением, слагаю с себя все полномочия.

Вот что можно и нужно было сделать в подобной ситуации. Но когда спустя некоторое время я спросил Горбачева, приходил ли к нему Александр Николаевич для объяснений, тот ответил:

— Нет, не приходил.

Это тоже было не понятно. Как же, зная все, повел себя Горбачев? Первое время генсек ограничил количество документов, направляемых лично Яковлеву. Тут надо еще раз напомнить, что существовала группа особо секретных документов и Горбачев сам расписывал, кого с ними знакомить. Как правило, это были две-три, иногда четыре фамилии. Специальный сотрудник приносил их члену Политбюро в кабинет и ждал, пока тот при нем прочитает информацию. Это были наиболее важные секреты государства. Так вот, Горбачев стал ограничивать Яковлева в подобной информации, а с уходом его из Политбюро и вовсе перестал направлять ему сколько-нибудь секретные материалы. Иных мер, по-моему, он не принимал. А спустя год или два генсек только либо шутил по этому поводу, либо отшучивался. Иногда, недовольный каким-то действием Яковлева, спрашивал меня:

— Слушай, а неужели его действительно могли «при-хватить» в Колумбийском университете?

Однажды, подписывая решение Политбюро о поездке Яковлева то ли в Испанию, то ли еще в какую-то страну, он в полушутливом тоне сказал:

— Видимо, его туда вызывает резидент.

Ну как это следовало воспринять?

Прошло время, и вопрос за массой текущих дел, изменений в стране был забыт или потерял остроту. Не напоминал о нем и Крючков. Мне казалось, что его удалось прояснить. Но позже я убедился, что сомнения у КГБ так и остались. Не внес

окончательной ясности в эту проблему и генсек.

Те документы, которые не докладывались М. С. Горбачеву лично В. А. Крючковым или другими руководителями партии и государства и не имели пометки о возврате, направлялись в архив Политбюро ЦК, а позже — президента СССР. Причем в основном это были документы государственного характера, которые содержали государственную тайну. Они пополняли два фонда архива — текущий и длительного хранения, и для этого имелись все необходимые условия.

Как-то летом 1980 года, находясь в здании ЦК на Старой площади, я зашел к К. М. Боголюбову, первому заместителю заведующего общим отделом ЦК, который в то время возглавлял К. У. Черненко. Клавдия Михайловича я знал с 1961 года по совместной работе, когда он возглавлял в агитпропе ЦК сектор книгоиздания. Он увлеченно рассказывал мне о возможностях общего отдела в копировании документов и длительном их хранении.

— По нашему заданию научно-исследовательские институты разработали сорта бумаги, которые сохраняют свои качества до тысячи лет, — делился он.

— Не желтеют и не разрушаются от времени. Сейчас начали печатать протоколы Политбюро на этой бумаге, затем перейдем ко всем документам делопроизводства и хранения.

Ни ученые, ни Боголюбов, ни сам Горбачев не знали тогда, что для документов архива совсем не нужно тысячелетия. Через десять с небольшим лет они пойдут по рукам, станут достоянием не только ученых, но и всех любопытствующих, и не только нашей страны. Боюсь, чтобы за многими материалами нам не пришлось бы ехать куда-нибудь в Гарвард или иные хранилища, где умеют дорожить историей.

Архивисты рассказывали, что, когда восставший Париж разрушал Бастилию, вдохновленный народ уничтожил и редчайшей ценности документы. Они погибли бы все, если бы не русский посол во Франции, который догадался загрузить несколько повозок бесценным грузом. Спасибо и нашим лидерам демократии, которые, вдохновляя москвичей на штурм цитаделей КПСС и КГБ, ограничились только уничтожением памятников и монументов, не добрались до архивов. Надо надеяться, что всем этим богатством непредвзято воспользуются подлинные историки, а не те, кому все равно, что писать: вчера — «за здравие», завтра — «за упокой».

Существовал в общем отделе еще ряд подразделений, главным образом технического характера, поскольку приходилось размножать до миллиона страниц в год, переплетать большое

количество протоколов Политбюро и Секретариата ЦК. В две смены работало большое количество машинисток и стенографисток, некоторые из них дежурили в воскресенье и праздничные дни, другие были вблизи телефонов, и не раз случалось так, что приходилось экстренно вызывать их из дома и с дач, поручать срочную работу.

М. С. Горбачев часто прибегал к таким авральным методам, особенно первое время, и люди были всегда готовы выполнить срочное задание. Преображенный К. У. Черненко, укрепленный и развитый А. И. Лукьяновым, несколько обновленный в последующем, общий отдел ЦК являл собой достаточно слаженный механизм, обеспечивающий деятельность ЦК КПСС, местных партийных комитетов как в период апогея командноадминистративных методов управления, так и в годы перестройки. Во всяком случае, со стороны аппарата ЦК не было никаких промедлений в исполнении поручений генсека, Политбюро и Секретариата ЦК. Хорошо обученный, ответственный и высококвалифицированный коллектив работников мог начать действовать в любой час дня и ночи. Дело скорее было за руководством, теми, кто прокладывал курс к новым берегам.

Кое-что о привилегиях

…И еще один день угасает. Погода, наверное, стоит великолепная, низкое солнце озаряет город. Его лучи еще теплые. Иногда во второй половине дня они сквозь толстые стальные жалюзи попадают на решетку, на поднесенную к узкой щели руку, и тогда я чувствую живое тепло минувшего лета. Но тени скоро удлиняются, меркнет солнечный свет, и темное небо с высоты опускается мраком на землю. И уже после обеда ощущается близость зимы, холодов и еще чего-то тяжелого, что никак не хочет отпустить душу. Сегодня я часа три простоял у того места, где должно быть окно. Оно забрано толстыми стеклоблоками, и лишь узкая полоска, загороженная жалюзи, дает представление о том, что есть солнце, небо, земля. Но их не видно.

Отбой, лежу с открытыми глазами. И мысли мои опять о доме, о тех женщинах, чья судьба была и остается на моей совести, — девяностолетней матери, жене, дочери и внучке.

В общем есть о чем поразмыслить.

В печати, вдохновляемой окружением генсека, идет соревнование — кто меньше знает, но выплеснет помои погрязнее. Строятся домыслы: раз поехал в Форос, удрав из больницы, значит, на сто процентов был уверен в успехе дела, значит, видел выгоду. Уверен, что те мастера холуяжа, которые задавались подобным вопросом, никогда не поймут мотивов поступка. Им бессмысленно объяснять, что есть вещи и понятия важнее потребностей желудочно-кишечного тракта, жажды власти или комфорта. Действительно, я был болен, но лучше многих знал, что еще тяжелее больна моя Родина, что она стоит на пороге распада, кровопролития, нищеты, социальных и межэтнических войн. И в такой час, по моему разумению, не выбирают что выгоднее. А потому я сделал лишь то, что должен был сделать любой гражданин, окажись на моем месте.

Нет на свете таких должностей и благ, которые оставили бы равнодушным человека к судьбе Родины. Я никогда не рвался в лидеры, не искал наград, высоких должностей, не лез под объективы фото-телекамер, видя, как расталкивают друг друга горбачевские окруженцы, не кричал «да здравствует генсек», хотя первые годы его секретарства всецело верил ему и помогал, как мог. Но уже тогда первый в окружении генсека отказался ездить на «Чайке», остался в той же четырехквартирной даче, где жили еще три семьи и которую получил десять лет назад, хотя мой «ранг» открывал для меня совсем другие возможности. Я даже

толком не пользовался ни санаториями, ни поликлиникой из-за оглушительной работы практически без выходных дней и нормальных отпусков. Но когда понял, что кучка корыстолюбцев решила предать и продать Родину, разрушить государство, созданное сотнями поколений россиян, заплативших за целостность и могущество страны миллионами жизней, без сомнения и колебания принял предложение о поездке в Форос. И повторюсь: никакие возможные блага не могли остановить меня от этого шага.

Впрочем, существовавшие привилегии для большинства партийных и государственных работников, части деятелей науки, культуры, средств массовой информации имели скорее моральное, чем материальное значение. Они получали лишь то, что недоплачивалось им в форме зарплаты. Правда, и здесь нужно внести ясность, ибо многое, публиковавшееся по этому вопросу, было искажено или недосказано. Думаю, недосказанность о привилегиях была не случайной — критика отводилась от тех, кто действительно пользовался всем, и практически бесплатно.

Как сложилась эта система, почему она дожила до наших дней и рухнула лишь под ударами критики?

Система материального стимулирования никогда не исходила в нашей стране из принципов упрощенного равенства. Известно, что уже в первые годы революции для части государственных работников были открыты столовые, имевшие более разнообразный набор продуктов, повышенную калорийность питания. Создание их объяснялось ненормированным рабочим днем служащих аппарата управления, привлечением на службу высококвалифицированных специалистов. Столовая лечебного питания на улице Грановского была, например, открыта по инициативе В. И. Ленина. Сюда прикреплялись больные и ослабленные работники. Постепенно такая система была распространена и на партработников. И хотя в уровне заработной платы рабочий и служащий управления практически не имели различия, тем не менее в аппарате управления имелись некоторые привилегии, которые заставляли управленцев дорожить работой, пренебрегать ее ненормированными условиями, оберегать государственные тайны, не втягиваться в незаконные операции.

Определенная часть так называемой номенклатуры имела преимущества в лечении, обеспечении жильем, дачами, транспортными средствами, а с уходом на пенсию — персональное повышенное денежное содержание. Но это было позже. В период сталинского правления сама работа в

центральных органах являлась привилегией, а блага имели такие размеры, которые не позволяли даже работникам центрального аппарата иметь что-то лишнее. *Я* застал время, когда семья инструктора ЦК из четырех-пяти человек жила в одной комнате коммунальной квартиры. В возведенных высотных зданиях жилье получали либо министры, либо крупные ученые, писатели, артисты. И так было практически до середины 60-х годов. И только широкое строительство жилья при Хрущеве и Брежневе изменило положение дел.

У крепление административно-командной системы повело не только к увеличению числа служащих, но и к расширению привилегий. Появилась иерархия разнообразных благ, которые были положены тем или иным работникам госпартаппарата. В зависимости от занимаемой должности работников прикрепляли к разным поликлиникам, при Брежневе обеспечивали дачами различной комфортабельности и т. п. Сформировалась и иерархическая лестница продовольственного обеспечения. Одни работники получали (разумеется, за деньги) заказ в гастрономе раз в неделю, другие могли это делать ежедневно. Определенная категория управленцев пользовалась ежегодными путевками в санатории и дома отдыха со значительными скидками и оплатой дороги, у других была возможность отдохнуть в санатории не каждый год, не в лучшее время и за большую стоимость.

С приходом к руководству партией (а позже и правительства) Хрущева в системе привилегий произошли довольно заметные перемены, правда не коснувшиеся верхнего эшелона управления. Значительно сократилось число тех, кому в прошлом были положены дополнительные «блага». Это было связано еще и с тем, что сократилось число министерств, образовались Совнархозы и часть работников переехала на периферию. При Хрущеве сократился контингент обслуживаемых Кремлевской больницей и поликлиникой, уменьшилось число прикрепленных к столовой лечебного питания на улице Грановского, сокращен автопарк ЦК КПСС и Совета Министров, переданы в ведение профсоюзов многие санатории, устранены другие излишества. Однако и тогда оставался порядок, по которому так называемые ответственные работники обеспечивались продовольственными заказами, хотя в то время снабжение в магазинах было достаточно хорошее.

Разумеется, борьба Н. С. Хрущева с привилегиями не коснулась части пользователей и, уж конечно, не затронула, как я сказал, высшего руководства страны. Однако даже это малое ущемление в привилегиях аппарата стоил о Хрущеву очень дорого. Однажды дарованные привилегии отбирать трудно, а самое главное, опасно.

Думаю, совсем не случайно, что приход Л. И. Брежнева к руководству партией, а по существу страной, ознаменовался восстановлением прежних привилегий аппарата. Будучи сами выходцами из недр аппаратных структур, Брежнев и его ближайшее окружение хорошо понимали, что их спокойствие и благополучие будут зависеть от сытости тех, кто проводит линию высшего руководства. Поэтому уже в первые годы было не только восстановлено то, что разрушил или ограничил Хрущев. Создавалась, по существу, новая мощная система. Ее возглавляли руководители Управления делами ЦК КПСС и Совета Министров СССР, энергичные деятели медицины, специальные службы девятого управления КГБ. Резко возросло число пользователей столовой лечебного питания. К ней были прикреплены старшие референты и более высокие руководители Совета Министров СССР, заведующие секторами, консультанты ЦК КПСС, высшие работники министерств, народные артисты, художники, многие писатели, журналисты и т. п. И все это быстро разбухало.

Подобные столовые и распределители действовали в столицах союзных республик и в некоторых крупных городах. Перенять опыт создания подобной системы приехали немцы из ГДР. Они осмотрели столовую на улице Грановского, одобрили принцип ее деятельности и высказали только одно замечание: видимо, у русских есть одна национальная черта — даже в закрытых распределителях они умудряются создать очередь. И это была истинная правда. Чтобы взять полкило колбасы или сосисок, иногда приходилось стоять по часу. Причем в очереди я видел известных всей стране ученых, конструкторов, артистов и других деятелей науки и культуры, чье время бесценно и растрачивать его на подобную привилегию было преступлением. И все это происходило в рабочее время.

С 1965 года значительно вырос парк автотранспорта, обслуживающего чиновников, расширилось дачное хозяйство. Причем вместо скромных деревянных домиков стали воздвигаться кирпичные двухэтажные особняки со всеми удобствами. Высокое начальство могло круглогодично жить за городом. На глазах преображалось Четвертое главное управление при Минздраве СССР.

Строились новые поликлиники и больницы, санатории и дома отдыха. Пользоваться всеми привилегиями могли работники в зависимости от своего служебного положения, а подчас и благодаря благосклонности руководства.

Жизнь в светлом будущем

Разумеется, все эти привилегии не шли ни в какое сравнение с теми, чем пользовался высший эшелон руководства страны. Формально члены Политбюро, включая и Председателя Совета Министров СССР, до 1987 года имели заработную плату 800 рублей. Это была относительно небольшая сумма, но не она определяла уровень благосостояния руководителей партии и государства. Существовали специальные закрытые решения Политбюро ЦК и Совета Министров СССР, в которых расписывалось, кто и что мог получать, причем о некоторых решениях знали всего три человека. Кроме заработной платы, например, члены Политбюро могли бесплатно получать с базы 9-го управления КГБ продукты питания на общую сумму около 400 рублей, кандидаты в члены Политбюро — 300 рублей. Те секретари ЦК, кто непосредственно работал в аппарате ЦК, пользовались также бесплатными завтраками, обедами, ужинами, фруктами и всем остальным, что они пожелали бы заказать. Причем продукты, которые поступали на дачи, а также через ЦК КПСС, проходили санитарную проверку либо изготовлялись в специальных цехах при строгом медицинском контроле. Как-то мне в руки попала книга перечня продуктов, которые заказывали руководители государства во времена Брежнева. Этот фолиант «вкусной и здоровой» пищи с перечнем наименований, свидетельствующий о богатстве нашей земли, достигал чуть ли не сотни страниц. В общем было из чего приготовить, чем угостить себя и чем попотчевать гостей. Хотя, к слову сказать, гостей в этих домах особенно не любили, во всяком случае тех, с кем вместе работали. Сам был свидетелем, как некоторые члены Политбюро ЦК звонили М. С. Горбачеву, который не поощрял встреч единомышленников, и испрашивали разрешения пригласить к себе в гости кого-то из высшего руководства. При этом еще и объясняли, о чем пойдет речь и для чего это нужно.

Все продукты можно было получить бесплатно со складов 9-го управления КГБ. А на работе у членов Политбюро и секретарей ЦК, как я уже говорил, имелась возможность заказывать не только завтраки, обеды и ужины, но и какие угодно продукты в любом количестве. И многие пользовались этим. Мне не раз приходилось видеть, как охранники, сгибаясь под тяжестью коробок или портфелей, сопровождали своих суверенов к машинам, чтобы отправить охраняемых и их паек на дачу.

Я понимаю, что это были члены Политбюро из состава, избранного еще при Брежневе, но многие нравы сохранились и

позднее. Лишь избранные на XXVIII съезде секретари ЦК составляли фактически новую формацию людей, не имеющих склонности к излишествам, да и лишенных прежних возможностей. А до 1990 года многое от прошлого еще сохранялось.

Н. Е. Кручина, управляющий делами ЦК КПСС, не раз приходил ко мне с пачкой накладных счетов, в которых обозначались значительные ежедневные суммы расходов членов Политбюро ЦК и секретарей ЦК на представительские цели и свое содержание. Это было дорогое удовольствие. Иной раз некоторые руководители партии расходовали в день сумму, которая равнялась ежемесячной пенсии ветеранов труда.

— Ну скажи мне, что делать? — спрашивал Кручина.

— Надо доложить Горбачеву и поменять эту практику, — пытался я дать совет.

Тогда он молча доставал горбачевскую накладную за номером 001, на которой значилась такая сумма, которая снимала всякое желание давать какие-либо советы. Не меньше расходовал Горбачев и как президент СССР. И все это происходило в тот период, когда повсеместно развернулась борьба с привилегиями. И только генсек жил вне ощущения времени, событий и реальных условий, в которых находилось общество. Кстати, летом 1991 года я предложил М. С. Горбачеву установить для всех определенные суммы на представительские цели, а все остальное оплачивать за свой счет. Но это опять-таки не коснулось генсека.

Система привилегий для высшего руководства не ограничилась бесплатным приобретением продуктов. За счет государства или партийного бюджета оплачивались квартиры, дачи, машины и многое другое. Как правило, квартиры предоставлялись в домах повышенной комфортности и позволяли при необходимости иметь под рукой охрану и обслуживающий персонал. Правда, при всех излишествах, квартиры по западным стандартам были достаточно скромны.

Другое дело дачи. Они располагались в районе к западу от столицы вдоль Москвы-реки. Это были, как правило, современной постройки виллы, расположенные обычно на участках соснового леса размером до 50 гектаров. На территориях имелись теплицы, вольеры для птицы, загоны для другой живности. К виллам в последнее время пристроили бассейны и сауны. Да и сами дачи представляли архитектурные шедевры. Они были в несколько этажей со множеством комнат, спален, ванн, туалетов. Имелись большие столовые, бильярдные-кинозалы, в которых легко могло разместиться до 40–50 человек гостей. К дому, как правило,

примыкал хозблок, комнаты с морозильниками, кухнями. На территории имелся теплый гараж, в котором круглосуточно могли находиться специальные машины. Наверное, на таких дачах действительно можно было жить всей родней на полном партийно-государственном обеспечении. Объективности ради надо отметить, что у Ю. В. Андропова дача была довольно скромная и он не хотел ее менять. А. В. Крючков остался там, где отдыхал последние пятнадцать лет до избрания в высший партийный орган.

Государственные дачи обслуживал многочисленный персонал: повара, горничные, официантки, уборщицы, я уже не говорю о тех, кто ухаживал за садом и охранял это гнездо. Когда одного из моих знакомых избрали в состав высшего руководства и выделили ему такую виллу, он зашел ко мне и обеспокоенно сказал:

— Послушай, я не могу жить на такой даче, нормально отдыхать. Кругом ходят какие-то люди. А потом эти дворцовые апартаменты, в которых можно затеряться. Я хочу отказаться от этой дачи и буду просить об этом Михаила Сергеевича.

Немного раньше подобный разговор состоялся у меня с другим вновь избранным секретарем ЦК КПСС. Он также, обеспокоенный всем этим шиком и обилием прислуги, хотел просить руководство, чтобы его оставили на прежней цековской даче. Единственное, что я тогда мог ему посоветовать, так это не спешить и вернуться к вопросу чуть позже. К сожалению, многие люди быстро привыкают к роскоши, они начинают ощущать себя более значительными, в их облике, осанке, разговоре появляются начальственные нотки, и пропасть между ними и прежними товарищами быстро растет. Поэтому я не спешил давать какой-то совет, тем более знал, что дачи среди членов Политбюро и секретарей ЦК распределял лично Горбачев. Это было одно из его любимых занятий.

Кроме подмосковных дач, в курортных местах существовали для членов руководства виллы и дворцы, оставшиеся еще с царских времен, для летнего отдыха. Практически для каждой семьи имелась своя курортная дача, и тем не менее строительство их продолжалось. Начатое проектирование новых вилл в Крыму, на Кавказском побережье Черного моря, в Кисловодске и других районах Кавказа было продолжено строительством при Михаиле Сергеевиче. У архитектора перестройки была определенная склонность вносить свои идеи в архитектуру строений, было своеобразное видение территорий, ландшафтов, расположения всех строений. Он не хотел отдыхать летом в тех резиденциях, где в свое время останавливались другие генсеки или члены

Политбюро, поэтому в Грузии на побережье моря воздвигалась одна из резиденций генерального секретаря ЦК. Как говорил Горбачев, построить эту дачу ему настоятельно советовали грузинские руководители, рекомендуя великолепные климатические условия тех мест, сочетание морского воздуха с горным хвойным воздухом Кавказских гор. Строительство это велось с размахом, и даже песок для пляжа, как я узнал из писем граждан, завозился из мест, расположенных за сотни километров от него.

Еще быстрее строилась резиденция в Форосе. Тысячи военных строителей были брошены на сооружение объекта, который не принес счастья президенту СССР.

И все-таки главной стройкой была его новая резиденция в Подмосковье. Кроме строителей, службы охраны, мало кто может сказать о ней что-то вразумительное, но то, что я слышал о ней от специалистов, и то, что рассказывал сам Горбачев, давало богатое представление об этом гнезде. Там имелось все необходимое для обеспечения руководства страной, вооруженными силами в любое время.

Полагаю, что для руководителя такого государства необходимы резиденции, но решения об их сооружении все-таки должны приниматься Верховными Советами и народными депутатами, так как стоимость подобных объектов составляет сотни миллионов, а по нынешним меркам сотни миллиардов рублей. Наверное, и строительство летних резиденций должно находиться под контролем народа, дабы не переходить рамки разумных ассигнований на подобные цели. Партийные лидеры — это все-таки не арабские шейхи, и царские замашки, неизвестно, правда, как возникшие, не должны оплачиваться за счет средств народа. Даже цари использовали личное состояние, чтобы купить землю и выстроить особняк.

К сожалению, архитектурно-строительные пристрастия не ограничивались только загородными резиденциями.

Как-то в один из летних дней 1986 года позвонил по телефону Н. Е. Кручина и спросил: чай пить будем? Мое знакомство с ним относится к 1972 году, когда группа журналистов из «Правды» приехала в Целиноград. На целинных землях зрел неплохой урожай, и это было в тот год, когда на Украине, Белоруссии, в России хлеба погорели и во многих районах собирали не больше, чем сеяли по весне зерна. По совету Николая Ефимовича в ту пору мы объездили Целиноградскую область, посмотрели хлебные районы, были в Кокчетаве. В то время «Правда» много писала об уборке урожая, стараясь поддержать целинников в их стремлении убрать все выращенное.

С тех пор мы часто встречались и обсуждали многие аграрные вопросы. Вот и теперь, позвонив мне, он напомнил, что есть необходимость встретиться, и я ответил, что рад буду его видеть. Через несколько минут мы встретились.

— Меня приглашал Михаил Сергеевич и дал на размышление несколько дней, чтобы можно было доложить ему в предварительном порядке о том, где лучше построить новый дом, в котором мог бы жить генеральный секретарь ЦК КПСС, — наконец промолвил Николай Ефимович. — Я поручил искать место, но в этом, как чувствую, вроде нужда отпадает. Мне велено строить его на Ленинских горах, недалеко от университета.

Я молча слушал Николая Ефимовича, пораженный, как и он, подобным решением. Еще никогда ни один генеральный секретарь не решался строить для себя какой-то особый дом. До сих пор лидеры партии и государства селились там, где были свободными квартиры и где жили десятки и сотни семей. Разумеется, это были квартиры в хороших домах, но даже если чем-то они не устраивали в планировке, то это было легко поправимым делом и не вызвало бы ни у кого никаких нареканий. Теперь Михаил Сергеевич делал нечто необычное, то ли не понимая всей деликатности вопроса и тех сложностей, которые могут появиться в связи с этим, то ли под каким-то сильным давлением, которое он не мог преодолеть.

Я размышлял, несколько обескураженный сообщением Кручины. Теперь к тем многочисленным слухам, которые витали вокруг пристрастий генсека к строительству вилл и дач, добавится еще один, и не без причины.

Осторожно спрашиваю Николая Ефимовича:

— А что же на улице Щусева? Там отличные квартиры.

— Ведь Горбачевы и сейчас живут в этом доме, но чем-то он им не нравится, — говорит Кручина. — Я предлагал Михаилу Сергеевичу занять один из государственных особняков на Ленинских горах, где в свое время жили Хрущев, некоторые другие руководители партии и государства, или построить в глубинке этой территории новый особняк, благо коммуникации есть, но он не принял это предложение.

Я высказываю Кручине свои соображения искренне и с долей горячности: нельзя строить подобный дом в таком месте — сколько будет слухов, сколько генсек потеряет в глазах людей и вряд ли какие-то заслуги могут утихомирить этот ропот. Кручина вздыхает и говорит: непременное условие — чтобы из окон была видна их альма-матер — Московский университет — здание и округа, где прошла студенческая юность.

Мы разговариваем с Николаем Ефимовичем, пьем чай. Он

вытирает бисер пота, выступающего на лбу, — свидетельство его душевного волнения, а я думаю о его нелегкой доле и наступившем времени расплачиваться за назначение. В 1984 году, когда еще был жив Ю. В. Андропов, возник вопрос о подборе нового управляющего делами ЦК КПСС. Прежний был в возрасте, тесно связан с прошлой командой, в том числе и методами ее работы. И хотя он добросовестно выполнял волю Политбюро и Секретариата ЦК, немало сделал на своем месте, времена изменились. Требовался на это место свой, доверенный человек. М. С. Горбачев настоятельно рекомендовал Ю. В. Андропову назначить Кручину. Николая Ефимовича он знал еще по работе в комсомоле, наслышан о его делах в Целиноградской области и видел в деле, когда тот работал в сельхозотделе ЦК. Наверное, все это и определило выбор Горбачева.

Мне известно о колебаниях Ю. В. Андропова по поводу утверждения нового управляющего делами ЦК, тем более что против его кандидатуры рьяно выступал Черненко и кое-кто из его окружения. Они доказывали отсутствие опыта подобной деятельности, незнание Кручиной вопросов экономики, финансов. Но роль управляющего делами в ЦК была в ту пору ключевой. Именно Управление делами и его службы определяли весь бюджет партии, являлись хранителями собственности КПСС, финансов, резервов. В ведении Управления находились партийные здания и сооружения, издательства, больницы, поликлиники, санатории, гаражи, значительный жилой фонд и другие материально-технические ресурсы. Все это определяло ключевую роль Управления делами. Не было практически ни одного первого секретаря ЦК компартии республики, крайкома или обкома, который не искал бы встречи с управляющим делами для решения тех или иных местных хозяйственных задач — строительство жилья, административных зданий, детских садов, пополнения автопарка и т. д.

Несмотря на упорство М. С. Горбачева, Ю. В. Андропов медлил с ответом, хотя, присутствуя при одном из телефонных разговоров Горбачева и Андропова, я слышал, как Юрий Владимирович, слабым голосом давая принципиальное согласие, просил повременить с назначением. То ли действительно было сильным сопротивление К. У. Черненко, то ли сам Ю. В. Андропов сомневался, то ли хотел посоветоваться с членами Политбюро ЦК. Николая Ефимовича Кручину он практически не знал и хорошо понимал, что назначение выдвиженца Горбачева целиком отдает Управление делами в руки Михаила Сергеевича. А, по сложившейся в ЦК традиции, куратором управления делами всегда был генсек.

И только в последний момент, когда Андропов уже не вставал и лишь изредка мог говорить, когда силы возвращались к нему, Юрий Владимирович дал согласие М. С. Горбачеву на назначение Кручины и сказал, что передал это распоряжение К. У. Черненко. Сразу же после этого разговора Горбачев пригласил меня, и, когда чуть позже подошел Кручина, он пересказал свой разговор с Андроповым.

Было это уже вечером, текущие дела отошли в сторону, Михаил Сергеевич имел возможность обсуждать проблему и много говорил о задачах Управления делами, о необходимости упорядочить его деятельность, избежать прошлых ошибок, не идти на поводу желаний отдельных руководителей партии, советоваться. Я понял, что он достаточно хорошо знает о деятельности Управления делами, и почувствовал его глубокую неудовлетворенность работой предшественников Кручины. Позже я узнал от того же Кручины, что все просьбы членов Политбюро и секретарей ЦК исполнялись после того, как докладывались генсеку и на то давалось его «добро».

Прошло еще немало дней, прежде чем из чрева аппарата Черненко вышло решение о назначении Н. Е. Кручины управляющим делами ЦК КПСС. Нельзя сказать, что это известие сильно обрадовало его. Он действительно не знал многих вопросов и, несмотря на новые обязанности, по-прежнему страстно интересовался сельским хозяйством, многим, от чего зависит урожай. Новые обязанности требовали от него огромных усилий, и первые серьезные задачи ставил перед ним Черненко, который вскоре стал генеральным секретарем. Н. Е. Кручина часто приходил ко мне и рассказывал о все более невероятных личных заданиях, которые давал ему Черненко. Не знаю, кто в его семье больше всего настоял на том, чтобы занять квартиру, подготовленную в свое время для Брежнева в доме на улице Щусева, но вскоре ее, как я уже говорил, стали готовить для Константина Устиновича.

М. С. Горбачев внимательно следил за деятельностью Кручины и нередко в сердцах говорил мне:

— Ну, Микола, по-моему, со всеми потрохами «там», — имея в виду команду Черненко. — Переметнулся, старается, как может.

Став фактически вторым лицом в партии, Горбачев продолжал делить людей на «лично» преданных и неверных. Все, кто помогал К. У. Черненко как генсеку или был в контакте с другими секретарями ЦК, членами Политбюро ЦК, заместителями Председателя Совмина СССР, не содействовавшими возвышению Михаила Сергеевича,

зачислялись в противники. И спустя годы он помнил их колебания и мало кто смог вернуть его признание.

Видимо, с той поры в Горбачеве заложилось внутреннее сомнение и в надежности Кручины, которое усугублялось еще и тем, что он колебался, исполняя многие поручения генсека и его семьи. Все это охлаждало атмосферу взаимоотношений. Хотя финансовые вопросы партии они по-прежнему решали только вдвоем, тем не менее Кручина отодвигался от решения многих вопросов. Николай Ефимович чувствовал охлаждение к нему Горбачева и часто спрашивал меня, что происходит в руководстве. Но я и сам толком не знал, что хочет генсек и почему люди, помогавшие ему упрочить положение, теперь раздражали его.

Особняк на Ленинских горах поднимался до своей проектной отметки, и вскоре генсек въехал туда с семьей. Но прежде чем это случилось, в стране развернулась борьба с привилегиями. Особняк на Ленинских горах стал привлекать все большее внимание населения и депутатов. Гиды туристских автобусов, направлявшихся к смотровой площадке возле Московского университета, обращали внимание экскурсантов на то, что они проезжают мимо дома, в котором живет генеральный секретарь Горбачев. Люди приникали к окнам автобусов, разглядывая архитектурное сооружение, напоминавшее больше школу, выстроенную из блоков в начале 60-х годов. И хотя борьба с привилегиями пока, по мнению Горбачевых, не касалась генсека, на всякий случай он счел целесообразным прописаться в более скромную квартиру этого же дома.

Строительство всех домов ЦК КПСС всегда принималось решением Секретариата или Политбюро. И только документа о возведении особняка и смету на его строительство я никогда не видел. Возможно, это было оформлено, когда общим отделом ЦК заведовал А. И. Лукьянов. Во всех случаях, исполняя поручения генсека, Н. Е. Кручина находился в нелегких условиях, а в последнее время, когда делегаты XXVIII съезда требовали раскрыть полностью партийный бюджет, он переживал и находился на пределе своих физических и моральных сил. Растущие аппетиты генсека висели над Н. Е. Кручиной, как дамоклов меч. Увлечение строительством сохранялось у Михаила Сергеевича до самых последних дней его лидерства. И уже под занавес своей карьеры он начал возводить еще несколько объектов.

Выступления Горбачева требовали привлечения многочисленных пишущих людей. Но на государственных дачах не было достойного помещения, где могли бы разместиться генсек и его супруга, которые на последней стадии работы

принимали участие в подготовке наиболее важных речей. Ездить же в Завидово было далеко, а в последнее время небезопасно. Поэтому для работы генсека при окончательной доводке текстов решено было построить особняк в Волынском, рядом с бывшей дачей Сталина. Новое сооружение представляло собой своеобразный дворец с отдельным блоком помещений для супругов Горбачевых и охраны, просторными залами заседаний и совещаний для коллективной и индивидуальной работы. Здесь предусматривались просторные многокомнатные номера для помощников и советников, а также помещения для рядовых исполнителей, машинисток, стенографисток. Просторная и светлая столовая, бильярдная, библиотека, машинописное бюро и помещение для ксерокопирования, современные средства связи — все должно было способствовать труду над духоподъемными речами и выступлениями. Летом 1991 года в особняк уже завозилась мебель, посуда, покупалось различное импортное оборудование и все готовилось для торжественного начала творческой работы в замке нового мышления. Разумеется, отлично спроектированный и хорошо выстроенный особняк не виноват, что его предназначили для подготовки произведений Горбачева. Время повернулось так, что Михаилу Сергеевичу стало не до речей. Да и «спичрайтеры» его разбежались.

Еще в бытность Председателя Совмина СССР Н. И. Рыжкова Горбачев делал все возможное, чтобы выселить из дома Правительства в Кремле премьер-министра, всех его заместителей и аппарат Совмина. Это оказалось непростой задачей. Как-то доверительно Н. И. Рыжков сказал, что он не будет тем премьер-министром, которого выставят из Кремля, где традиционно находилось правительство страны. Сыграло ли это какую-то роль в уходе Рыжкова в отставку, говорить трудно, но первое, что сделал Михаил Сергеевич после назначения В. С. Павлова премьер-министром и утверждения его кабинета, — он выселил правительство в одно из зданий на улице Пушкина. Таким образом освободился кабинет на втором этаже, в котором некогда сидел Сталин. Путь к переселению Горбачева был открыт. Он теперь мог занять эти апартаменты.

В конце 1990 года М. С. Горбачев пригласил к себе Ю. С. Плеханова, Н. Е. Кручину и меня и издалека начал разговор, смысл которого сводился к тому, что надо переоборудовать помещение на втором этаже под стать уровню президента СССР. Он рассказывал, как видит свой кабинет, прилегающие к нему помещения. Что следует сохранить, а что переделать. Что касается нынешнего его кабинета на третьем этаже и зала заседаний Политбюро ЦК, то их следует переоборудовать под зал

приема иностранных гостей, телестудию, небольшой рабочий кабинет, а в остальной части разместить личную квартиру. Квартира должна включать кухню, столовую, зал, холлы, две спальни, кабинет и некоторые другие помещения.

С Кручиной мы долго обсуждали возникшую проблему. Нас сильно смущало появление еще одной квартиры в Кремле. Как-то было понятно существование в Кремле квартиры Ленина, которая стала мемориальной. Во-первых, в ту пору многие руководители партии и государства жили в Кремле, а во-вторых, они больше нигде не имели квартир, а большинство и дач. Зачем в нынешней ситуации генсеку-президенту квартира в кремлевских стенах, было совершенно неясно. Одно соображение, пришедшее нам в голову, как-то могло оправдать подобное решение. М. С. Горбачев начал испытывать серьезные опасения за свою жизнь. Он пересел в бронированный «ЗИЛ», велел усилить сопровождение. Ю. С. Плеханов принимал и другие меры безопасности. И все-таки желание схорониться за надежными стенами Кремля, где был вдобавок расквартирован специальный полк, было оправданным. Он уже ездил на работу под ненавидящими взорами многих сограждан и не хотел с ними встречаться, даже сидя в броневике.

И если вопросы безопасности были несомненно важны, то не менее серьезной являлась и проблема перестройки уникального Кремлевского здания, представляющего собой памятник архитектуры. Тут от столкновения с Обществом по охране памятников и широкой общественностью было не уйти.

Мы с Николаем Ефимовичем обсуждали эти вопросы, полагая, что остановить проект нам не удастся. Единственное, на что можно было рассчитывать, это на затягивание сроков начала переоборудования этажа под самыми благовидными предлогами. Основания для этого были серьезны. Здание старое, многое в нем держалось, как говорится, на честном слове.

Тем не менее Михаил Сергеевич подгонял с представлением ему проекта новых апартаментов. Готовила его служба безопасности и ее специалисты. Месяца через полтора вариант проекта был передан Горбачеву, и, несмотря на то что всегда было трудно понять, доволен ли он, дает «добро» или колеблется, тем не менее в целом он одобрил проект, поскольку высказал ряд замечаний к нему. Второй вариант был принят без каких-либо серьезных поправок, и служба безопасности и Управление делами начали подготовку к практической реализации проекта. Августовские события, видимо, изменили или поколебали горбачевские планы. Насколько я знаю, были остановлены и проекты переоборудования кабинета генсека в здании ЦК КПСС на Старой площади. Тогда имелось в виду, как уже отмечалось,

весь пятый этаж отвести под резиденцию генсека, выселив всех с этажа и оборудовав там зал для приема иностранных гостей и телестудию.

Подобного рода реконструкции и пертурбации были наиболее плодотворной стороной деятельности генсека-президента, и, если бы не столь печально сложившиеся обстоятельства, можно было бы видеть и много других его новаций на строительной стезе.

Борьба с излишествами

Привилегии, конечно же, не ограничивались сказанным. Руководители государства и партии имели выездные машины, как правило, мощные «ЗИЛы». Домашних в то время возили «Волги», которые закреплялись за семьей. Р. М. Горбачеву обслуживала специальная машина с космической связью и охраной, следовавшей в специальном автомобиле. Под неусыпным взором охраны были и чада президента.

Большое внимание уделялось медицинскому обслуживанию. Руководство и домочадцы пользовались бесплатными лекарствами. Генсек мог бесплатно укреплять зубы золотыми коронками, мостами, протезами.

Существовали и привилегии в транспорте для дальних поездок. Членам Политбюро бесплатно предоставлялись специальные самолеты с салонами не только для деловых поездок, но и на отдых. А. А. Громыко любил ездить к морю в специальном вагоне, который прицеплялся к скорому поезду, и взирать из вагонного окна экспресса на жизнь нашей страны. При командировках за рубеж руководству выдавались немалые суммы на представительские цели. Михаил Сергеевич добился того, что[командировочные стали выплачивать и его супруге, хотя проживание генсека-президента за рубежом обеспечивалось всем необходимым службой охраны, да и принимающей стороной тоже. И этот факт свидетельствовал не столько о скаредности, сколько о постепенном привыкании к рыночным отношениям. На эти лихие деньги Раиса Максимовна обычно приобретала драгоценности.

Разумеется, очень трудно перечислить обширный перечень тех услуг, которые оказывались руководству. Например, существовали специальные магазины, закрытые мастерские, распределители, где члены Политбюро и их семьи могли приобрести все импортное, и практически в неограниченном количестве. Руководители службы охраны часто жаловались, что импортные вещи скупаются в один миг, пополнять «ларек» становится все труднее, так как размеры валютных средств ограничены. Разумеется, среди членов Политбюро и некоторых других руководителей страны были разные люди, и скромность многих из них заслуживала всяческого уважения.

С 1988 года усиливается критика привилегий номенклатуры. Горбачев долго сопротивлялся и колебался, не решаясь покуситься на привилегии мелких чиновников, но в конце концов должен был закрыть столовую на улице Грановского. Буквально в

одночасье был решен вопрос и об использовании дач девятого управления КГБ. Членам Политбюро было предложено переехать в ведомственные дачи, Секретарям ЦК — в цековские дачные поселки, работники Совмина поехали в свои дачи, а Шеварднадзе перебрался на мидовскую дачу, которая, как говорили, не ремонтировалась с довоенных лет. Освободившиеся государственные виллы раздавались кому попало. Их передавали бывшему Четвертому главному управлению при Минздраве СССР, Верховному Совету СССР, каким-то трудовым коллективам. Когда спустя полгода Ю. С. Плеханов поехал посмотреть на дачи, перешедшие в другие руки, то был поражен увиденным — «выдернутая с корнем» импортная сантехника, содранные обои, снятый паркет и т. п.

Из бюджета ЦК КПСС перестали выделяться средства для питания членов Политбюро и секретарей ЦК. Из службы охраны были переданы различным ведомствам и большинство южных резиденций. Те же изменения коснулись «семейных машин», охраны, распределения импортных товаров. В последнем случае под видом наведения порядка Михаил Сергеевич сначала ограничил покупки своих соратников определенной суммой, а затем и вовсе лишил их такой возможности. Пользоваться этим правом стал он один, разумеется, с домочадцами, позже закупка необходимых вещей осуществлялась главным образом по каталогам, что было для семьи Горбачевых гораздо удобнее.

В печати ходило немало слухов по поводу того, что костюмы Горбачева творились в домах моделей прославленными модельерами. Не знаю всего, но те костюмы, что были на нем, шили два веселых парня из мастерской на Кутузовском проспекте, которые ловко, с душой и большим вкусом, быстро и качественно «обклеивали» президента импортной тканью или закупленным за рубежом кроем, после чего он мог смотреться на мировом уровне. *Я* как-то сравнил костюмы Рейгана, а позже Буша с горбачевскими нарядами и понял, что в США таких искусников-портных нет, либо стоят они слишком дорого. Что касается нарядов Р. М. Горбачевой, то они в основном «приплывали» к нам из чужих стран.

Повторяю, я был и остаюсь приверженцем достойного образа жизни президента и высшего состава руководства страны. И платить им надо достойно. Оплату и различные привилегии им обязан устанавливать парламент. И делать это следовало бы на основании законов, гласно, а не тайком от народа, как это было в прошлом.

В конце 1990 года передача вилл, особняков, государственных санаториев и домов отдыха пошла на убыль. И

произошло это в момент, когда Михаил Сергеевич решил презентовать дачу в Пицунде Четвертому главному управлению Минздрава СССР. Шеварднадзе, удивленный и обиженный тогда тем, что Политбюро не участвовало в решении вопроса о дачах, сказал, что не следует распоряжаться собственностью, принадлежащей другой республике, тем более в реликтовом сосновом лесу. Еще когда дачу начал строить Хрущев, было уже много кривотолков. Зачем сейчас поднимать новую «волну» мути? (Конечно, сохранить дачу за Грузией куда важней, чем «подарить» США тысячи квадратных километров российского шельфа в районе Камчатки. Свое всегда дороже.) Возражения Шеварднадзе остановили Горбачева. Он понял, что не должен единолично распоряжаться государственным имуществом и с него за это могут спросить. Однако зуд стриптиза еще сохранялся, и Михаил Сергеевич иногда говорил Плеханову: передайте такой-то особняк МИДу. Но те дачи, что ему нравились, он оставлял за собой. Так, осталось в прежнем ведении Завидово, хотя оно крайне дорого обходилось государству.

Обслуживали начальство сотни людей, как уже говорилось, на каждой даче имелось по нескольку поваров, буфетчиц, уборщиц, садовников и тому подобное. Эти люди, как правило в воинском звании, делали все, чтобы создать удобства для подопечных. Но сколько они натерпелись от самодурства отдельных семей, трудно передать. От некоторых руководителей (включая генсека) обслуга буквально сбегала, наказывая и другим не приближаться к тому или иному родовому клану.

Разумеется, это не было правилом. Добрые, уважительные отношения к труду людей, обслуживающих руководство, поддерживались во многих семьях. Знаю, что и сегодня кое-кто сохранил взаимные привязанности и дружбу.

В конце 80-х годов группа «борцов за справедливость» из числа депутатов под флагом демократизации развернула яростную атаку на работников системы управления. Они создавали комиссии и разоблачали все и всех, боролись против буфетов и столовых ЦК и Совмина, использования служебных машин и дач, ведомственных санаториев и больниц, возводимого жилья и всего того, чего не было у них. Причем, не обладая смелостью, критиковали главным образом управленцев низшего и среднего звена, ни разу не возвысив голос против привилегий высшего звена руководства, и в частности Горбачева. Они не принимали во внимание даже то, что подобные поликлиники, больницы и санатории имелись не только у Четвертого главного управления Минздравов СССР и РСФСР, но и у многих заводов, шахт, комбинатов, колхозов и совхозов. И все это можно было бы

оценить как принципиальный подход, если бы свою позицию «критики» сохранили и сегодня, а печать, как и пять лет назад, продолжала бы разоблачать привилегии начальства.

Но что-то не видно подобных публикаций, что-то замолкли члены разгромных комиссий, как только сами и их благодетели прильнули к «корыту», формируемому за счет средств налогоплательщиков. А ведь есть что сказать. И дачи, в которых жили бывшие руководители партии и государства, новым постояльцам кажутся скромными, и спецполиклиники с больницами и санаториями больше не смущают борцов с привилегиями, и буфеты существуют, и продукты для высокого начальства развозят сегодня по квартирам и дачам, и служебными машинами пользуются члены семей.

Что-то у «демократических критиков» не сходится в позициях, опускают они глаза. И не потому, что стыдно за прошлые стенания, а потому, наверное, что считают правильным принцип: «Кто старое помянет, тому глаз вон».

И чтобы внести ясность, скажу: во всех перечисленных привилегиях не вижу ничего предосудительного. Весь мир содержит аппарат управления. И делает так, чтобы люди дорожили местом и работали на совесть. Речь о другом — о временах пятилетней давности: зачем плакальщики-то колотились, если все осталось по-старому?

Партийные лидеры: режим труда и отдыха

С тех пор как в государстве сложилась административно-командная система управления экономикой, нормального режима труда и отдыха руководители не знали. Был создан механизм, который действовал лишь при управлении им из центра. Следовательно, приходилось все время «дергать» за те или иные рычаги вручную. И руководство страной, его органы только тем и занимались. Поэтому работали по 14–16 и более часов в сутки, не зная ни сна, ни отдыха. Так было после революции, так было перед войной и после войны, так было в годы перестройки. Лишь маленький просвет промелькнул в годы застоя, да и то касался он прежде всего уже больного Л. И. Брежнева и узкого круга его сподвижников. Ни Сталин, ни Хрущев, ни Горбачев нормально не отдыхали, да нормально и не работали.

Еще в 20-е годы И. В. Сталин ежегодно выезжал летом на отдых и лечение в кавказские и крымские санатории. В начале 20-х годов пользовался он услугами частных врачей и клиник, страдал полиартритом, предрасположен был к простудным заболеваниям, ангине. Имел, как и все отдыхающие, курортную книжку, правда, значился он под другими фамилиями. Ему предписывали лечение, как и всем, и ставили отметки о принятых ваннах, других процедурах.

Со временем у него появились дачи в районе Цхалтубо, в других местах. Повсюду на Кавказе он был желанным гостем. Отдыхать ездил часто один, а после смерти жены стал еще более замкнутым. Круг его близких товарищей был весьма ограничен. Развлекался он немного, хотя и был неплохим охотником. Главным его «увлечением» была политическая борьба, работа с документами, принятие решений по политическим, экономическим и международньм вопросам.

Летом в середине 30-х годов в воскресные дни московские вожди отдыхали на дачах, выезжали подальше в лес на пикники. В ту пору это была распространенная форма отдыха. Собирались часто без приглашений семьями. Прежние вожди сидели у разостланных скатерок на траве в кругу домочадцев. По воскресеньям старые товарищи по партии приезжали к Сталину, обсуждали различные вопросы, говорили о литературе, искусстве, текущих делах. Но так продолжалось сравнительно недолго, пока вирус должностного положения; чинопочитания и репрессий не разъединил этих людей, и вместо прежних кличек, домашних имен появилось официальное — «товарищ Сталин».

Даже Ворошилов, который был, пожалуй, ближе других к Сталину, после войны от дружеского имени «Коба», «Сосо» перешел к «дорогой, многоуважаемый товарищ Сталин», «вождь мирового пролетариата» и еще куче всяких выспренних характеристик вождя. Но это было потом. А в 20-х, 30-х годах все еще было иначе.

В конце 30-х годов, в преддверии войны, режим работы ужесточился и Сталин часто засиживался на работе до 10—И часов вечера, а нередко и до утра. В эти годы форсированными темпами создавались новые виды вооружений, строились оборонные заводы, налаживался выпуск современных танков, самолетов, артиллерии, стрелкового вооружения.

Война — особый период, и режим труда — время работы руководства стало почти круглосуточным. Это были изматывающие ночные бдения, связанные с ночным режимом работы Сталина. Фактически таким стал и режим жизни всей страны. Но это действительно были экстремальные условия, которые, правда, сильно затянулись.

Приход Хрущева не сразу изменил сложившуюся практику, уж слишком все привыкли к существующему положению дел. Но, разрушив миф о Сталине, Хрущев выкорчевывал и все прежние его атрибуты. При нем чиновники начали работать с 8–9 часов утра, а не с 10–12, как прежде, и многим, я помню, это казалось диким. Но генсек сам показывал пример и аккуратно приезжал на работу к 9 утра, заставляя и других утверждать новый порядок.

Правда, сам Хрущев славился своей непоседливостью, часто и много ездил по стране, проводил невероятно большое количество совещаний с многочисленным приглашением различных гостей. Не упускал он возможности и поразвлечься во время поездок. Но режим работы его скорее имел индивидуальный рисунок. Делото было не только в генсеке. Главное — по-новому работали все структуры власти, что благотворно сказывалось на деятельности многих органов управления и предприятий. Секретари ЦК в ту пору аккуратно приезжали к 9 утра, а то и раньше. Я упоминал уже, как вслед за Сусловым вышагивали на работу многие партийные работники.

После Сталина упорядочился и отдых руководителей страны. Хрущев поручил Ильичеву по четвергам собирать всех секретарей и членов Политбюро ЦК в спортивном комплексе на Ленинских горах для проведения культурной программы, где им демонстрировались новые отечественные и зарубежные фильмы, проходили встречи с деятелями культуры. Тогда же осуществлялись по хрущевскому решению оздоровительные мероприятия в бассейне. Генсек заботился о здоровье членов

ареопага и старался хоть как-то физически нагрузить сподвижников. Дело это было нужное, ибо здоровье многих желало быть лучшим. Медицинское обслуживание их тогда только начинало совершенствоваться, достигнув своего блеска при Е. И. Чазове. Требовалось это еще и потому, что в ту пору на дачах секретарей ЦК бассейнов практически не было, да и дачи были построены еще в дореволюционные или предвоенные годы. Это позже проекты таких особняков не утверждались, если не было бассейна. А тогда все еще было проще и скромнее.

Сам Хрущев увлекался охотой и в командировках, как я уже отмечал, при первой возможности высиживал зорьки. Вышками и прикормкой зверья тогда, по-моему, вообще не пользовались или делали это лишь для высоких заезжих гостей. Это позже Леонид Ильич Брежнев и его команда забирались на вышки, иные из которых были оборудованы всеми мыслимыми и немыслимыми удобствами. Охотники-любители нередко зазывали Хрущева «на уток», «на гусей», другую дичь. Писали, где обнаружена медвежья берлога. Не знаю, как откликался на это Хрущев, но, видимо, приглашали его в надежде поколебать сердце страстного охотника.

Как-то я обнаружил письмо М. А. Шолохова, в котором он звал Хрущева поохотиться на стрепетов в придонскую степь. Что за чудо читать эти шолоховские строки! Он так страстно и красочно описывал предстоящую охоту и возможности за день отвести душу, что я воочию представлял жаркую южную степь, ковыль и этих небольших птиц, которых я, к сожалению, никогда не видел. М. А. Шолохов писал, сколько потребует времени полет в Ростовскую область, сколько езды до гнез-дилища и какая радость ждет охотников впереди. Не знаю, ездил ли Хрущев охотиться к Шолохову в тот раз, но то, что он был любитель такого проведения времени, — очевидно.

Отдых у членов Политбюро ЦК и генсека продолжался тогда месяц. Хрущев, как правило, ездил к морю. Секретари ЦК отдыхали и в санаториях, в которых поправляли здоровье многие другие, кто получал путевки в это время. Мне самому приходилось отдыхать одновременно с Шелепиным и Полянским, Кунаевым, хотя, может быть, это и не типичные случаи.

На отдыхе руководители страны часто встречались, вместе обедали, купались. Думаю, тогда начали восстанавливаться нормальные человеческие отношения.

Многое изменилось с приходом Брежнева. Его команда подошла к режиму труда и отдыха с размахом и широтой. Было подготовлено постановление Политбюро ЦК, в котором определялся порядок работы и возможности отдыха

руководителей страны. Если первые годы своей работы Брежнев приезжал к 9—10 часам утра и заканчивал часто за полночь, то скоро он стал регулярно уезжать смотреть программу «Время» на дачу. Регулярно отдыхал днем. В последнее время Брежнев появлялся на работе как «солнышко в ненастный день». По принятому постановлению ему разрешалось работать 4–5 часов в день с перерывом на отдых. Определялось время окончания труда. Да и приезжать он мог к 12 часам. Три дня в неделю отводились для отдыха. Отпуск составлял два месяца, имелась возможность отдыхать и зимой. Постановлением определялось, что членам Политбюро ЦК, достигшим 60 лет, время отдыха увеличивалось. В общем делалось все, чтобы поддержать стареющих лидеров. Брежнев скоро переехал в кремлевский кабинет, где он стал менее доступен.

По примеру Брежнева изменили режим труда и приближенные. Любители охоты уже в пятницу разъезжались в охотничьи хозяйства, где все было приготовлено и обустроено. Часто сам Брежнев звал поохотиться своих приближенных, в этом он знал толк и часто уединялся с егерями, чтобы отстрелить облюбованного лося или кабана. Поездки эти были частыми. Иногда он приглашал Кулакова, Полянского или еще кого-то для совместного отстрела дичи.

Говоря о возможности хорошо и полнокровно отдыхать, ничуть не хочу умалить большую работу многих секретарей ЦК, заместителей Председателя Совмина СССР и министров. «Пахали» тогда много и не считаясь со временем.

С приходом Ю. В. Андропова в режиме труда и отдыха произошли некоторые перемены. По существу это был конец вольнице в труде. Приезжать стали на работу к определенному часу, уходить вовремя.

Правда, это был короткий испуг, а с приходом Черненко все вернулось на «круги своя». Сам Черненко, проводя в прошлом много времени на работе, теперь по состоянию здоровья не мог долго сидеть, постоянно нуждался в медицинской помощи, и это, конечно, сказывалось на режиме труда всех.

Избрание М. С. Горбачева генсеком поначалу мало изменило режим его работы и отдыха. Он по-прежнему вставал в 7. часов утра, совершал прогулку, плавал в бассейне, просматривал газеты. В 8. 30 к особняку подавались машины, и в 9. 00 он был на работе. Новые обязанности, конечно, прибавили работы, существенно изменили ее характер. Рабочий день стал более насыщен и уплотнен. С утра он принимал заведующего общим отделом ЦК А. И. Лукьянова с документами, поступившими в ЦК КПСС. Объем этой почты был достаточно велик, но М. С. Горбачев

просматривал все, что ему докладывалось. А докладывалось практически все, что касалось деятельности Политбюро и Секретариата ЦК. Обширной и разносторонней была информация. С утра на его столе лежали все шифротелеграммы, сводки происшествий в стране, другая информация. Пожалуй, вся организованная деятельность и кончалась приемом А. И. Лукьянова. Далее начиналась импровизация. Никто графика работы генсека не знал, за исключением времени приема иностранных визитеров, которым всегда отдавалось предпочтение. Что касается желающих встретиться и доложить Горбачеву внутренние вопросы, то это во многом зависело от упорства и натиска посетителей. С утра начинались звонки в приемную с просьбой проинформировать, когда появится свободное «окошечко». Члены Политбюро ЦК, секретари ЦК ждали сигнала либо приглашения на встречу с генсеком. Одних Горбачев принимал побыстрее, некоторых «мариновал» подчас неделями. Чаще других он принимал секретаря по организационно-партийной работе, который приходил согласовать вопрос о новых кадровых назначениях. Эмоциональный по характеру, генсек не мог долго заниматься каким-то одним делом, быстро «перегорал», часто отвлекался. Во время приема посетителя мог звонить по вопросам, не имеющим никакого отношения к обсуждаемой проблеме, вынуждал других слушать его телефонные переговоры. Иногда впадал в воспоминания, рассказывая о свое работе на Ставрополье. Зашедший на несколько минут секретарь ЦК мог просидеть у Горбачева несколько часов. Мне самому приходилось проводить у Михаила Сергеевича по пять-шесть часов подряд, являясь невольным свидетелем его многочисленных переговоров и даже встреч с членами Политбюро. Обычно при их появлении я поднимался, чтобы переждать беседу в приемной, но чаще всего Горбачев останавливал меня:

— Поприсутствуй.

Не знаю, что думали посетители, но я чувствовал себя неуютно. Однако Горбачев успокаивал меня, когда дверь за визитером закрывалась.

— Видишь, как мы быстро его выпроводили. А то придут и стараются на меня перевалить груз проблем. Пусть сами работают.

Кроме чтения шифротелеграмм и информации о своей деятельности генсек любил читать и править записи своих переговоров с зарубежными деятелями.

Процеженную Черняевым запись он еще сокращал, выбрасывал какие-то фрагменты.

— Не надо дразнить гусей, — говорил при этом он. — Наши твердолобые не поймут игру мысли. Международная политика слишком тонкое дело и непосильна для всех.

Другим любимым занятием были, как я говорил, тексты подготовленных для него речей, статей, книг. Он с таким упоением пускался в редактирование материалов и так увлекался, что не сразу понимал, что успел безнадежно испортить текст. Он далеко отходил от тех задумок и задач, которые сам же и предлагал.

— В этом и есть диалектика, — успокаивал он себя и тех, кто при этом присутствовал.

— Вы знаете, что однажды Сталин, следивший за работой Шолохова над романом «Тихий Дон», его сюжетной линией, спросил писателя:

— Товарищ Шолохов, а почему бы Григорию Мелехову не встать на сторону большевиков и не остаться в Красной Армии?

На что Михаил Александрович ответил:

— Пробовал, товарищ Сталин, но не идет туда Мелехов.

И, рассказав нам эту байку, наверное, в десятый раз, Горбачев делал вывод:

— Нужна логика, правда жизни. Раз текст повело в сторону, значит, он ущербный, значит, надо следовать туда, куда ведет логика. Пока я не уловлю логики, ни писать, ни выступать не могу — не получается.

К сожалению, «логика жизни» генсека часто зависела от его настроения. На другой день появлялись еще более логичные построения, что ничуть не смущало генсека.

— Не можете вы уловить сути, какие-то штампы газетные подсовываете. — Последние слова он обычно адресовал мне. — Это тебе не в «Правду» писать, поосновательнее надо, поглубже, — назидал Горбачев.

Однажды я не выдержал такого наскока на газетчиков.

— «Правда» не самая плохая газета, — возразил я.

— Помню, вы бывали весьма довольны и признательны, когда «Правда» публиковала ваши статьи, кстати, в немалой мере с помощью газетчиков.

Горбачев удивленно поднял брови и побагровел, но сдержался. Вообще он не любил журналистов. Однажды, когда я хотел привлечь к подготовке какой-то очередной речи, которую генсек должен был произнести у себя на родине, местных газетчиков, он решительно возразил:

— Брось ты это. Бездарные лизоблюды. Пустой номер.

Согласиться с этим было трудно. Некоторых ставропольских газетчиков я знал лично, ценил их знание дела и сам

приглядывался к ним, надеясь кого-то перетащить в редакцию «Правды».

Практически ежедневные занятия литературным трудом отвлекали Горбачева от других дел. Он наскоро и без особого желания принимал секретарей обкомов и крайкомов, практически не встречался с министрами, другими хозяйственными руководителями, думаю, и чувствуя недостаточную свою компетентность, и не желая брать на себя ответственность за хозяйственные решения. Попытки его окружения установить порядок регулярных встреч с министрами, другими хозяйственными руководителями ни к чему не приводили. А когда пожелания наши были особенно настойчивыми, он говорил:

— Хорошо, давайте соберем совещание министров с отчетами о деятельности подчиненных им министерств. Скажите в Совмине, чтобы внесли на этот счет предложения.

— Но это надо вам позвонить Рыжкову и лично договориться, — возражали помощники.

Горбачев нехотя соединялся с Председателем Совета Министров СССР, и начиналось долгое обсуждение: кого, когда и с какой целью пригласить, кто сделает обзорный доклад. Сроки отодвигались, и нередко случалось так, что актуальность вопроса снижалась, возникали новые проблемы и все тихо умирало.

За шесть лет правления Горбачева я не могу вспомнить, чтобы он инициативно пригласил министра и послушал его, разобрался бы в возможностях человека, поддержал и помог ему. Исключение составляли два-три министра из числа тех, кого он знал давно. Да и к ним он относился с неприязнью, даже к тем, в чьей помощи и поддержке когда-то нуждался и получал ее. По его замечаниям и репликам можно было судить, что генсека тяготили, например, звонки Б. П. Бугаева, министра гражданской авиации, с кем Михаил Сергеевич, зная близость Бориса Павловича с Брежневым, поддерживал, как мне казалось, доверительные отношения. Во всяком случае, обменивался поздравлениями, принимал подарки.

Потерял былое расположение и Е. И. Чазов, начальник Четвертого главного управления, вызывая все большее раздражение у Горбачева.

— Опять академик навострился за границу, — говорил Михаил Сергеевич, подписывая решение Секретариата ЦК о поездке Чазова в зарубежную командировку.

— Политиком себя возомнил. Здесь урожай всех наград, званий и должностей собрал, теперь на международную арену вышел…

Михаила Сергеевича раздражала популярность Чазова,

потребность в нем руководителей страны. Он все чаще говорил, что Чазов изжил себя.

— Сколько генсеков и членов Политбюро перехоронил, а сам все на плаву. Своим делом перестал заниматься, только представительствует, — рассуждал Горбачев.

— Его надо запрячь в настоящую работу.

Скоро стало очевидным, что Горбачев ищет повода избавиться от Чазова, назначить на это место «своего» человека. И выход он нашел в духе сусловских решений.

— Думаю Чазова назначить министром здравоохранения, — сказал он как-то. — Пусть поработает. Хотя я не уверен, что он согласится на такое назначение. Давно, видимо, понял, что надо уходить. Видел, какой под себя отгрохал кардиологический центр…

Конечно, Горбачев не мог допустить простого освобождения Чазова от должности начальника «Сануп-ра Кремля», дабы избежать кривотолков. Поэтому лучшим методом «изгнания» он считал повышение в должности.

Не помню, начал ли Горбачев разговор с Евгением Ивановичем с глазу на глаз, пригласив его в ЦК, но при мне он однажды звонил Чазову. Сетовал на запущенность дел в медицине, на жалобы людей по поводу лечения, говорил ему:

— Прошу тебя, помоги сдвинуть дело с места. Поддержка тебе обеспечена.

Евгений Иванович, видимо, отказывался. Во всяком случае, разговор был долгий, и Горбачев просил еще раз подумать. Возможно, Чазов понял, что больше не нужен в прежнем качестве генсеку, и принял решение лучше уйти с повышением, исполняя просьбу Горбачева, чем Хлопнуть дверью» и остаться только руководителем кардиологического центра. Тем более что и с этой должности его могли всегда сместить.

И вот Евгений Иванович возглавил Минздрав СССР, где мог применить свой опыт ученого и организатора для улучшения здравоохранения в стране. Не знаю, насколько держал свое слово генсек и какую оказывал помощь Чазову, но задерживать его на этом посту не хотел и не стал, тем более что Евгений Иванович попал в автокатастрофу и работать с прежней энергией, видимо, не мог. Но этот вопрос, как я понимал, уже мало интересовал Горбачева, добившегося ухода Чазова из системы медицинского обслуживания руководства страны.

Еще раз я убедился, что у Горбачева, как, видимо, у многих политиков, чувства дружеской привязанности атрофировались, если, конечно, были вообще. Ненужный человек выпадал из поля горбачевского зрения, хотя именно Чазову он многим обязан, так

как Евгений Иванович был не только врачевателем вождей, но нередко и их поверенным. Не раз присутствуя при разговорах Горбачева с академиком, я слышал оценки не только состояния здоровья лидеров, но их суждения по самым деликатным вопросам кадровой политики, а также оценку расстановки сил в Политбюро. Знание этого позволяло Горбачеву достаточно удачно маневрировать в лабиринтах политической кухни.

Когда Горбачев решил разрушить Четвертое главное управление Минздрава СССР, Н. Е. Кручина, А. Н. Яковлев и я не раз просили его не делать этого. Не разорять и губить надо было созданную систему, а найти возможность расширить обслуживаемый контингент. Но нажим депутатских комиссий по привилегиям приводил в трепет нестойкого генсека, который не понимал, что критика идет не системы здравоохранения, а партийного и правительственного аппарата, который нужно было ослабить и устранить от власти, заменить его более удобными людьми, а самое главное — самим присосаться к этой системе. По-моему, многие в конце концов этого добились и успокоились.

Не только к ближайшему окружению, но и к своим землякам генсек относился сдержанно, а подчас необъяснимо черство. Как-то позвонил В. С. Мураховский, возглавлявший в ту пору Агропром СССР. Родом он из Ставропольского края. Был первым секретарем крайкома КПСС, прошел войну, все ступеньки в партийной, советской, хозяйственной работе. Горбачева знал с комсомольских лет и связей с земляками не порвал.

— Письмо тут одно до меня дошло, — говорит Всеволод Серафимович, — пишет председатель колхоза «Заветы Ленина» Копликов. Знаешь, наверное.

О Михаиле Ивановича Копликове я слышал. Колхоз «Заветы Ленина» славился на Ставрополье своими показателями. Председатель его, талантливый организатор, вывел хозяйство в передовые. Здесь собирали высокие урожаи на солонцах, да и остальные показатели колхоза были, как говорится, на высоте. Особенно в овцеводстве.

— А что случилось?

— Да кому-то он поперек дороги встал. Посадили Михаила Ивановича за использование на строительстве шабашников. В вину ставят перерасход колхозных средств, личный интерес председателя. Да ладно следствие бы велось по закону, а то пытки устроили. Посмотри письмо и постарайся доложить Горбачеву. Копликов — его выдвиженец. Он двигал его в председатели, да и позже помогал хозяйству.

Минут через тридцать получил я письмо от Всеволода Серафимовича. Читаю и глазам не верю. Не только посадили

известного председателя, члена крайкома партии, но и выдавливают признание силовыми методами в том, что он не совершал. В камеру к нему специально подсадили нелюдей, а те бьют его смертным боем. В общем, отбили почки, сделали инвалидом.

Читал я письмо, каждая строчка которого взывала о помощи. Не дожидаясь случая, пошел сразу к Горбачеву, благо был он один.

— Что еще случилось? — встретил он меня вопросом, не поднимая глаз от шифротелеграмм.

— Вы Копликова знаете?

— Из «Заветов Ленина»? — спрашивает Горбачев.

— А о том, что он в тюрьме сидит, стал инвалидом, слышали?

— Нет.

— Почитайте его письмо, — протягиваю я конверт Михаилу Сергеевичу.

— Скажи, в чем дело, не подсовывай мне лишних бумаг.

Желания читать письмо у него не было. И я довольно подробно пересказал одиссею Михаила Ивановича, со своими замечаниями и предложениями. Мне хотелось, чтобы из этого дикого случая были сделаны далеко идущие выводы: нельзя ограничивать свободу хозяйственной деятельности руководителей колхозов и совхозов, расправляться с ними, тем более садистскими методами, и показать на его примере, что правоохранительные органы не могут добывать признание пытками, другими преступными способами. Но выслушав меня, Горбачев равнодушно бросил:

— Поговори с Иваном.

Иван Сергеевич Болдырев был в ту пору первым секретарем крайкома КПСС и вряд ли не знал о том, что происходило с таким известным председателем колхоза. Видя мое промедление, Горбачев спросил:

— У тебя все? — и, не дожидаясь ответа, углубился в чтение телеграмм.

Я вышел обескураженный равнодушием к беде человека, которого генсек хорошо знал и в свое время помогал его деятельности в новой должности председателя. Но и Копликов доказал свое умение работать, много новаторского внес в производство, помогая тем самым росту авторитета секретаря крайкома Горбачева.

Конечно, не откладывая, я позвонил Болдыреву, но разговор не получился. Разумеется, он знал о случившемся с Копликовым, может, докладывал и Горбачеву, а потому ответил уклончиво:

дескать, поручу посмотреть, в чем дело. Не удовлетворившись разговором, позвонил я и Генеральному прокурору СССР, настойчиво просил не только разобраться в случившемся, но и принять меры. Без резолюции генсека это было все, что я мог.

Вмешательство прокуратуры помогло, и дело закрыли, но закончилась эта эпопея тяжело для Михаила Ивановича, отдавшего столько сил укреплению хозяйства. Здоровье он потерял, в людях разуверился, из партии был исключен. И наверняка недобрым словом вспоминал всех, кто бросил его в трудную минуту. Впрочем, ничего удивительного тут нет. Как я уже говорил, Горбачев придерживался принципа: «С глаз долой — из сердца вон».

Однажды, когда рассказал ему, что звонили его земляки и я помог им в одной просьбе, он неожиданно ответил:

— Ас чего ты решил, что у меня со всеми ставрополь-чанами хорошие отношения? Не делай впредь ничего, пока я не скажу.

Но почту из края я продолжал докладывать ему всю, хотя большая часть ее возвращалась им без всяких пометок. На мой вопрос, как поступать с такими письмами, он раздраженно бросил:

— Никак.

Бесплодными оказались все попытки окружения внести порядок в расписание деятельности генсека, а позже президента СССР. Мало сказать, что архитектор перестройки воспринимал советы болезненно, но он еще относился к ним как к покушению на его власть.

Я уже говорил, что он быстро уставал, был рассеян, во время докладов ему документов или беседы с секретарями ЦК он вдруг опускал голову и начинал читать шифротелеграммы, забывая, как мне казалось, что у него на приеме люди. Мысли его уплывали в какие-то дали, и он никак не мог вернуться на почву реальности. Часто комкал беседу или, как мне, начинал вслух читать зарубежные отклики о его великой преобразовательной миссии в мире. Подобные чтения подчас затягивались на долгие часы. Время уходило, и вместо оперативного рассмотрения многочисленных документов он оставлял их у себя, забирал на дачу. Если Горбачев не готовился в командировку или не переписывал доклады, ища в них логику и правду жизни, то рабочие дни у него были, как правило, организационно хаотичны и сумбурны.

Первый год пребывания у власти тем не менее был насыщен поиском решения экономических проблем. Он довольно часто приглашал к себе ученых и слушал их предложения по улучшению дел в народном хозяйстве страны. На таких

совещаниях обсуждались главным образом финансово-производственные вопросы. Никто и не мог помышлять о каких-то серьезных изменениях в политической системе. И меньше всего об этом думал генсек — главный хранитель чистоты исповедуемого партией учения. Поэтому на совещания и пленумы ЦК выносились проблемы организационно-технических преобразований. Не случайно в ту пору шла подготовка совещания по ускорению научно-технического прогресса, преобразований в ряде отраслей индустрии. Мало сказать, что в 1985 году у Горбачева не было плана глубоких и комплексных планов социально-экономического реформирования общества. Не было мало-мальски целостного плана перемен вообще. Существовали, пожалуй, лишь некоторые контуры движения по пути реформ.

Как правило, с 13 до 14 часов Горбачев обедал. Обед его обычно занимал всего 5–7 минут, и часто генсек говорил: «Подожди минутку» — и выходил в комнату отдыха, чтобы быстро перекусить.

Скоро он возвращался, и, если были приглашенные для подготовки текстов, работа продолжалась, правда, вяло, с отвлечениями. Иногда обеденное время затягивалось, Горбачев отдыхал или принимал врачей, ему делали массаж. На протяжении дня он раз пять-шесть разговаривал с Раисой Максимовной, которая была в курсе его планов и дел.

Вечернее время он отводил для чтения различной информации, других документов. Но часто отвлекался и вновь начинал читать вслух отклики на результаты своей деятельности. Когда этого ему казалось мало, он брал подобную информацию с собой, видимо, для того, чтобы почитать ее в узком домашнем кругу.

Если не было срочных дел, генсек уезжал в 8–9 часов вечера, предварительно поужинав. На даче он практически сразу шел на прогулку с Раисой Максимовной. И гулял полтора-два часа. Затем снова садился за стол и занимался делами. Во время прогулок возникали какие-то мысли, и генсек в 11–12 часов ночи, а иногда и позже, звонил, поручал мне что-то сделать к его утреннему приезду, неожиданно намечал другие утренние мероприятия. Обзванивал он в это время и некоторых членов Политбюро ЦК. Но звонить ему на дачу большинство соратников боялось. Он отучил это делать раз и навсегда.

— Что за моду взяли: днем их не сыщешь, а как вечер, так обрывают провода, — возмутился он как-то. — Громыко на ночь все домогается душеспасительных бесед, да и другие все время рвутся. Пришлось поговорить как следует. Не буду брать трубку

или поменяю номера телефонов и никому их не скажу.

Генсек-президент вынужден был терпеть звонки только Язова, Крючкова, Пуго, Яковлева и, пожалуй, мои. Зря ему не звонили, но соединялся он не со всеми. Часто мои попытки дозвониться до него не имели успеха, хотя я знал, что ему об этом докладывали. Соединялся обычно лишь сам. И попробуй в это время не сидеть у телефона. Следовал жесткий и подозрительный допрос: где я, с кем и почему не на месте.

Возглавив Политбюро, в дни его заседаний М. С. Горбачев приезжал на работу пораньше. Он внимательно рассматривал документы и дополнительную информацию, которая готовилась к обсуждаемым на заседании вопросам. До 11 часов он принимал людей, которые должны были утверждаться на заседании. Как правило, это были первые секретари обкомов, крайкомов и ЦК компартий республик, министры, военачальники. В 11 часов начиналось заседание Политбюро и длилось иногда до 9—10 часов вечера с небольшим перерывом на обед, а то и без перерыва.

После заседаний Горбачев приглашал кого-то из своих приближенных и делился впечатлениями о тех или иных выступлениях членов Политбюро ЦК, комментировал их слова, соглашался или негодовал. Но шло время, и генсек перестал приезжать раньше начала заседаний. Он не готовился к обсуждению вопросов, видимо, рассчитывая на их знание. Но выходило часто иначе. Михаил Сергеевич проявлял незнание проблемы, заключая обсуждения, выхватывал какую-то мысль из выступлений других и, как я уже отмечал, пытался ее развивать, большей частью поверхностно. Это было заметно и оставляло в душе людей горький осадок и чувство беспомощности. Меня не покидало ощущение, что заседания надоели Михаилу Сергеевичу, они становились для него обузой.

М. С. Горбачев стал все позже приезжать на работу, если не было каких-то встреч и бесед с иностранцами. Уезжал он пораньше. Правда, дома Михаил Сергеевич по-прежнему засиживался допоздна и спал, как говорил, плохо и мало.

Свои отпуска генсек-президент проводил в Крыму, последнее время в Форосе, на вновь возведенной для него вилле. Отпуск ему был летом положен 45 дней, но отдыхал он около месяца. Первое время пользовался и зимним отпуском, выезжал в Пицунду, но скоро отказался от этого. Состояние дел в стране не позволяло и не располагало к отдыху. Следовали его примеру и другие члены Политбюро ЦК.

Во время летних отпусков Горбачев часто работал, привлекая для этой цели Черняева, шли в дело также «заготовки»,

полученные от других помощников. Так появилась книга «Новое мышление для нашей страны и для всего мира». Ее издали на Западе, и она принесла автору кроме известности весомый доход.

Никаких особых увлечений — охоты, рыбалки — у Горбачева не было, хотя с ружьем он управлялся довольно квалифицированно, как я видел во время одной из поездок в Белоруссию. Приходилось ему охотиться и раньше.

Работая первым секретарем Ставропольского крайкома партии, Михаил Сергеевич часто встречал высоких гостей из Москвы, организовывал для них отдых, развлечения, в том числе и охоту. Так что вольно или невольно стрелять было нужно.

Не играл он в теннис и «тихие игры», предпочитая всему этому игру в политику, где, конечно же, считал себя гроссмейстером. На отдыхе Михаил Сергеевич практически не встречался ни с кем, кроме самого узкого круга лиц. Если Брежнев любил «крымские встречи», приезды своих коллег из бывших социалистических стран, отдых у моря, то Горбачев слыл отшельником.

Правда, раз в месяц, где-то поближе к отъезду, он собирал две-три пары отдыхавших по соседству близких ему людей: супругов Лукьяновых, Медведевых, Яковлевых, иногда еще кого-то. Это была, как мне рассказывали, хотя и не формальная, но все-таки неискренняя встреча. Возвращаясь из отпуска, Горбачев делился впечатлениями от этих встреч и тем впечатлением, которое оставили у Горбачевых супруги его соратников.

После того как Горбачев раздал государственные дачи на юге различным организациям, условия отдыха руководителей партии и страны изменились. Начались трения по поводу того, кому, когда и где отдыхать. Привычки были настолько живучими, что никто из них не хотел ехать в обычный санаторий. Впрочем, стали другими условия пользования и дачами в Подмосковье. Теперь каждый мог отдыхать лишь на ведомственных дачах. И хотя это было совсем неплохо, но прошлого величия, таинственности в жизни секретарей ЦК, членов Политбюро, заместителей Председателя Совета Министров уже не было. Все вокруг увидели, что они — обычные смертные, и это было довольно неожиданным для них, привыкших за долгие годы к обожествлению начальства. Кое-кто считал, что иначе нельзя было рассчитывать на долгие годы владычества. Чем деспотичнее и недоступнее был вождь, тем дольше он сидел на троне.

Закат перестройки

Вот уже две недели я не нужен следователям. Хотя, если сказать по правде, неплохо бы посмотреть сейчас на них. Чувствует мое сердце, что в Российской прокуратуре творится нечто непонятное. И есть отчего: прокуратуру обокрали. Видеозапись допросов В. А. Крючкова и Д. Т. Язова, В. С. Павлова «крутят» за кордоном. Западногерманский журнал «Шпигель» публикует на них обширные выдержки, мы перепечатываем. У следственной бригады неприятности — их подозревают в приватизации и распродаже казенных ценностей. Лучшие журналистские перья строят догадки об утечке страшной тайны из бронированных сейфов, умело направляя мысли обывателя по ложному следу. Кому-то это очень нужно. Во всяком случае, не арестантам. И вряд ли серьезную роль сыграла погоня за презренным металлом. Скорее, деньги должны были «прикрыть» политическую акцию, свести все к уголовщине. Хотя исполнители могли сочетать, как говорят, полезное с приятным. Может быть, Степанков исполнял важный заказ? Но тогда чей?

Размышляю об этом и прихожу к выводу, что публикация на руку форосскому страдальцу. В последнее время в некоторых поостывших от победной эйфории газетах появились проблески сомнения в непричастности «лучшего немца» к августовскому экспромту. А это грозит ему потерей доверия, и не только в нашей стране. Спасти дело могли только откровения, которые, как выяснилось, от подследственных добывались обманным путем. Отсюда версия о насильственных акциях и, значит, непричастности Михаила Сергеевича к этому действу. Во всех случаях подобное воровство может совершаться только могучей и опытной рукой, не оставляющей следов. Это предположения, которые еще надо доказать. Если виновные не будут найдены, сомнения в причастности к акции сильных мира сего отпадут.

…Три дня спустя меня ведут длинными тюремными коридорами к следователям. Нашлись все-таки ребята. А я, откровенно говоря, думал, что больше уже не увидимся. В коридорах полумрак. Конвоиры спешно прикрывают глазки камер, чтобы, не дай Бог, меня кто-то не увидел или я не обнаружил знакомых и близких, которых, как считают конвоиры, полно в каждой камере. Моим непредвиденным встречным звучит грозная команда: лицом к стене, не поворачиваться. Вот так встретишь сослуживца и не поболтаешь о том о сем, даже толком не разглядишь, кого же распластали вдоль стены. Впрочем, нечего сожалеть. Сейчас со следователями наговорюсь на неделю вперед.

Вот тут я угадал: сидят довольно мрачные, настроение не боевое. Интересуются, что я думаю по поводу тяжелой утраты видеозаписей. Узнав, что я склонен подозревать «руку окружения Горбачева», оживляются. Следователям не легко. Они и сами понимают, что стали пешками в игре политиков, и нечего их винить в распродаже секретов Родины. Итак, ясно, что внутренние конфликты в прокуратуре сказываются на ходе дознания. Следственная бригада тает с каждым днем. Но те, кто остался, вынуждены интересоваться побудительными мотивами, как подследственные дошли до измены Родине. То ли с целью, то ли в виде захвата власти. И вопросы следуют вялые, подчас далекие от сути всего происшедшего. У меня давно сложилось мнение, что вопросы задаются не ради поиска истины, а в интересах заполнения доказательствами некой заданной схемы. И то, что соответствует сценарию, фиксируется, а то, что противоречит ему, — отбрасывается.

Не первый раз спрашиваю следователей, почему нет интереса к истинным фактам, к реакции форосского заточенца на наш приезд. Почему на веру взята только его версия, представляющая смесь фантазии, полуправды и полулжи. Конечно, была стрессовая ситуация и многое желаемое, возможно, представляется теперь ему как действительное. Но надо разобраться с этими фантазиями. Вот этого-то желания как раз и нет. Все, что касается поведения генсека, тщательно обходится. Ответ один: это предмет специального расследования. Горбачева оберегают от всех неудобных вопросов, его имя в протоколах стараются не упоминать. По-человечески это понятно. Все-таки какой-никакой, но пока еще президент. Пусть неудачник с подмоченной репутацией, допустивший бунт своих ближайших, но формально верховный властитель. Кто его знает, куда выведет знание истины. Полагаю, это обстоятельство давит и на подследственных.

В общем, вопросы следуют один за другим. Но теперь они для проформы. Ответы для дознавателей —. не главное. Руководство следственной бригадой давно определило меру вины и наказания каждому. По-моему, это случилось еще до начала допросов, а может быть, и до ареста, и удивляться тут нечему. Правоохранительные органы верны российским традициям. Сначала выносится приговор, затем ведется следствие по подбору каких-нибудь доказательств и, наконец, судебное разбирательство.

Об этом я думаю уже в камере. Как и о той поре, когда перестройка из системы мер по созиданию превратилась в фактор разрушения партии, государства, всего Советского Союза.

Отлаженная десятилетиями машина управления обществом еще безотказно работала, еще принимались, как прежде, решения и постановления, но чувства уверенности в правильности принимаемых мер среди работников партийного и хозяйственного аппарата уже не было. Иногда замечал, как на заседании Политбюро ЦК кто-то из руководителей министерств вдруг срывался и резко, порой саркастически говорил о готовившихся постановлениях, обстановке в стране, необязательности в выполнении планов. Но еще хуже было презрительное молчание или нежелание высказать свое мнение. Пожалуй, никто больше не боялся критики на Политбюро, она воспринималась с иронией и издевательством. После заседаний я видел, как кто-то из министров, копируя голос, интонации и жесты генсека, говорил, что нужно делать, и окружающие невесело смеялись.

Я все реже участвовал в подготовке докладов и выступлений. Видимо, Михаил Сергеевич чувствовал мое негативное отношение к словоблудию и привлекал новых людей, не так уставших от затертых слов, среди которых стало все больше появляться иностранных.

Как человеку из сельской глубинки, быстро поднявшемуся до вершин власти, генсеку нравились загадочные заграничные слова. Он на редкость быстро запоминал их, но не всегда понимал значение. Однажды он спросил меня:

— Скажи-ка, что значит брифинг?

Я объяснил, что это форма информирования представителей средств массовой информации. Он перепроверил его значение у Яковлева. С тех пор слово «брифинг» часто звучало в его речах, и, мне казалось, он стал обозначать им и совещания, и заседания, и собрания. Последнее время свой словарный запас Горбачев усиленно пополнял за счет понятий из языка западных стран и всячески украшал ими свою речь. И должен сказать, что это звучало действительно красиво: «надо дать брифинг для тружеников села» или «обеспечьте консенсус на брифинге». В общем что-то в этом духе.

Я не скрывал своего отношения к болезненному пристрастию генсека-президента много писать и говорить.

По этому поводу с ним был не один разговор. Еще в 1988 году в вечерние часы, когда Горбачев был расположен к душеспасительным беседам и можно было затронуть разные темы, я сказал, что очень боюсь девальвации слов. Наговорено за два-три года слишком много. Некогда покупаемые «нарасхват» его книги с выступлениями теперь начали залеживаться на

складах, выцветали в витринах магазинов, не находя распространения. Нужно быть экономным на слова и говорить их только тогда, когда есть новые мысли, рассуждал я. Но это его только обижало. Чрезмерное количество речей, кстати, было очень частой темой и в наших беседах с некоторыми членами Политбюро ЦК, которые также считали, что только скупость в словах и щедрость в делах могут избавить генсека от насмешек.

Иногда, приезжая в Волынское, где не разгибая спины писали многие мои товарищи, я видел их неуверенность и обеспокоенность происходящим. Бригады консультантов ЦК, привлеченные работники из различных институтов для подготовки очередной речи или доклада М. С. Горбачева, не были, как прежде, полны энтузиазма по реализации той или иной идеи, заложенной в текст генсека-президента. Да и идеи были одна худосочнее другой. Среди Спичрайтеров» царила какая-то растерянность. Иногда мы обсуждали те или иные вопросы, просто говорили о сложностях, появившихся в деятельности партии, жизни общества. Конечно, не все были до конца откровенны. Но положение было таким, что люди уже не опасались говорить об ошибках, не скрывали свою обеспокоенность и тревогу состоянием дел в стране. Иногда товарищи спрашивали меня, все ли знает Горбачев, понимает ли он, чем может кончиться перестройка. И эти вопросы задавали люди очень высокой квалификации, с заметным положением в обществе. Не видя реальных перемен, они постепенно отходили от Горбачева, перестав консультировать его и помогать в подготовке речей.

Если почистить многие горбачевские выступления от эмоциональных наносов, навязчивых идей по переделке мира, то окажется, что в них есть вполне разумные и здравые рассуждения. Беда только состояла в том, что словами, какими бы они ни были мудрыми, у последнего генсека все начиналось и, увы, все ими заканчивалось. По части словотворчества Горбачев быстро превзошел всех своих предшественников и, думаю, по человеко-слову на единицу времени пребывания у власти надежно занял одно из первых мест среди лидеров послесталинского периода. Беда состояла в другом. Как оратор, трибун-трубач Горбачев в течение многих лет словом призывал массы на героические подвиги. Но сам не знал как и не умел воплотить в жизнь свои призывы. И если для разрушения действующей системы не требовалось много ума и навыков и тут он добился успеха, то процессы созидания оказались ему не по плечу. И эта переоценка влияния слова дорого обошлась народу. Почти семь лет бесперебойной и бесплодной говорильни не только остановили

развитие страны, но повернули его вспять.

Талантливого руководителя от посредственности отличает не то, как он говорит и что говорит, а то, как он воплощает сказанное в жизнь. Не говоруны, а лишь великие организаторы добиваются намеченных целей и остаются в памяти народа. Именно они способны реализовать самые грандиозные идеи. Сколько бы ни топтали Сталина, справедливо критикуя его за уничтожение безвинных соотечественников, народ не выкинет его из своей памяти прежде всего потому, что он реализовал в жизнь многие национальные идеи и вслед за Иваном Грозным, Петром Первым, Екатериной Великой создал и укрепил могущественное государство, заставившее считаться с собой все страны мира.

И если общенациональные идеи отброшены и заменены лозунгом лавочников «обогащайтесь!», то с этого момента рушится все. Распадается некогда могущественное государство, его армия, деградирует производство, наука, образование, расцветает махровый национализм. Распродаются богатства страны от природных до культурных. И вот результат — жирный кусок для одних и благотворительная похлебка для других. Чтобы поставить державу на ноги, нужны достойные человечества цели и талантливые организаторы — люди с сильным характером, чистыми совестью и руками.

…Когда же я почувствовал первые признаки заката перестройки? Конечно, не о дате идет речь. Закат наступал постепенно, но стал ощутим, когда в словах и действиях М. С. Горбачева появилась неуверенность, когда начались метания в поисках новых методов хозяйствования, возложение вины за провалы на других, боязнь признаться в ошибках и взять ответственность на себя. По-прежнему звучали слова и принимались скоропалительные решения, не дававшие ничего. А может быть, все началось чуть раньше, когда окончательно распалось единство в действиях членов Политбюро, ЦК и правительства? Может быть. Но для меня все стало очевидным, когда Михаил Сергеевич стал говорить неискренне, неоправданно оптимистично, хотя знал положение дел в стране. Он все больше надеялся на некое чудо, которое поможет выбраться из зыбкой трясины.

А чудо было известное, заморское: «Запад нам поможет».

— Вы думаете, я экскурсии совершаю по западным странам? — оправдывался Михаил Сергеевич по поводу своих частых вояжей за рубеж. — Ошибаетесь. Выпрашиваю кредиты, экономическую помощь. Сейчас с итальянцами идут переговоры о кредитах, западногерманские банки готовы нам помочь. Американцы заинтересованы в развитии экономических связей.

Не бросит нас Запад на пути реформ. Не в их это интересах. А мы получим передышку. Да и нам нужны мир, разоружение.

Так или почти так обосновывал генсек свои зарубежные поездки во время развала экономики нашей страны. Мне казалось, что Горбачев сам верил в эти сказки, и не было месяца, чтобы он не обещал золотого дождя от своих западных друзей. Но они обещания давали, а реальной помощи все не было. Ожидающих манны небесной западные лидеры просто водили за нос в надежде на полный крах восточного гиганта. Им не нужны были ни великий Советский Союз, ни великая Россия.

Чем тревожнее становилась обстановка в партии и стране, тем разнообразнее стали конфиденциальные встречи Горбачева с представителями разных движений. Он встречался с демократами и убеждал их в своей приверженности свободе, гласности, серьезным преобразованиям на пути демократических реформ. Но он заверял и сторонников курса постепенных преобразований, что только КПСС способна совершить перестройку и остается верным ленинским заветам.

Видя серьезность положения в экономике и необходимость когда-то отвечать за содеянное, генсек вынужден был перебежать на левый фланг сил перестройки и довершил развал государства уже под знаменами своих недавних критиков. Но до этого он неоднократно бегал от левого к правому борту тонущего корабля, путая всех и тая свои истинные намерения. Возможно, страх и не позволял ему осознать свои инстинктивные действия по спасению, но со стороны был лучше виден этот «заячий след» в политическом курсе.

Нельзя отбросить и того, что в партии чувствовали неискренность и нереальность многих предложений и проектов генсека, и это вело к разногласиям в партийных комитетах и организациях, среди членов ЦК. Выдвинув курс на демократизацию общества, Горбачев на январском Пленуме ЦК в 1987 году, как уже отмечалось, сказал, что избранниками народа и партии руководят аппаратчики, а не члены ЦК, исполкомов, Советов. И эту систему надо менять. Правда, он забыл уточнить, что всем правительством, Президиумом Верховного Совета страны, профсоюзами, другими общественными организациями фактически единовластно руководило Политбюро ЦК, а это значит — генсек и его аппарат. И перестраиваться надо было в первую очередь ему.

И тем не менее постановка вопроса о демократизации общества была правильной. Видимо, следовало сократить и аппарат управления, придать ему новые функции. Сказав о недостатках в работе, генсек приступил к конкретным действиям,

и такого рода решения ему удавалось успешно реализовать. До недавнего времени функции управления народным хозяйством практически осуществлялись Политбюро и Секретариатом ЦК. Совет Министров оформлял многие постановления партийных органов или решал частные задачи, предусмотренные утвержденным планом действий. А это объясняет многое. Поскольку для принятия решений Политбюро требовалась квалифицированная проработка документов, в последние десятилетия в ЦК КПСС был создан мощный аппарат специалистов. В нем имелись не только отделы, занятые партийными комитетами и организациями, идеологической работой, но и подразделения, которые досконально знали вопросы машиностроения, строительства, химии, сельского хозяйства, экономики, науки и учебных заведений. В аппарате были весьма квалифицированные отделы оборонной промышленности, административных органов, международной деятельности и некоторые другие.

Ни один сколько-нибудь серьезный вопрос не обсуждался и не принимался в стране, не пройдя апробации в отделах ЦК КПСС. По многим проблемам проекты решений инициативно вносились на рассмотрение Политбюро отделами или Секретариатом ЦК и принимались как постановления Политбюро ЦК и Совмина СССР.

После Пленума ЦК по кадровым вопросам М. С. Горбачев дал поручение Е. К. Лигачеву и Секретариату ЦК внести предложения по резкому сокращению аппарата. Такая работа была проделана. Проект перед внесением в Политбюро М. С. Горбачев рассматривал лично и сам с пером в руке сокращал многие отделы вообще или «сливал» их с другими, уменьшал численность работников. Сокращение коснулось не только отделов, курирующих так называемые хозяйственные органы, но и чисто партийных и идеологических. Рассматривая проекты решений, готовя доклады, генсек часто приглашал работников, занимающихся обсуждавшимися проблемами, а также своих помощников. При этом он читал вслух документ, комментировал неудачные формулировки и с помощью присутствующих предлагал новые.

— Ну зачем нам отдел химической промышленности? — обращался он к присутствующим. — Убрать это все надо.

Во многом он был прав. Однако не в отделе машиностроения или строительства была загвоздка. Вся система руководства еще отражала требования командных методов управления времен войны, послевоенного восстановления. Менять надо было многое, но делать так, чтобы не разрушать экономику, не отбрасывать

страну на десятилетия назад.

Начало раскола партии

28 июня 1988 года в Москве открылась XIX партийная конференция КПСС. Это была первая конференция за все послевоенные годы, — и нужда в ней состояла в том, чтобы принять ряд резолюций, других партийных документов и попробовать решить вопрос о доизбрании в состав ЦК новых членов. Правда, последнее намерение осложнялось тем, что на XXVII съезде забыли сделать запись, предоставляющую возможность конференциям доизбирать членов ЦК. Но сам факт проведения конференции и принятия на ней резолюций делал ее значительным событием в жизни КПСС. Там намечалось принять документы о демократизации советского общества, реформе политической системы, борьбе с бюрократизмом, межнациональных отношениях, гласности, правовой реформе и другие.

К середине 1988 года партия и общество, осуществляющие социально-экономические реформы, которые для многих стали неприемлемы, с одной стороны, как чересчур революционные и необычные, с другой — как рутинные, были растревожены, словно лесной муравейник. Шло размежевание и консолидация сил на иной основе, формировались новые течения. Гласность развязала языки всем, и прежде всего средствам массовой информации. В печати, по телевидению говорилась правда, полуправда и откровенная ложь. Сообщались невероятные факты из жизни партаппарата. Общество было наэлектризовано до предела, и все это вольно или невольно передавалось каждому коммунисту.

Выбор делегатов на конференцию претерпел серьезные изменения. Под общим настроением коммунисты выдвигали прежде всего тех, кто умел со страстью и накалом говорить, критиковать партийные порядки. В результате среди избранных было много не только толковых новаторски настроенных людей, но и явных популистов, стремившихся главным образом показать себя на экранах телевизоров.

Это была неповторимая конференция, с резкой критикой руководства, скандальными выступлениями. Начало им положил В. Коротич, редактор журнала «Огонек», заявивший, что, по его данным, на конференции присутствуют руководители-взяточники. Эти слова всколыхнули и взвинтили всех делегатов. Представитель Алтая сразу попросил назвать этих делегатов. Пришли к выводу о необходимости создания комиссии, которая могла бы расследовать справедливость этого заявления. Конечно, В. Коротич, делая подобное заявление, опирался на материалы

следствия. Как позже выяснилось, следователи Гдлян и Иванов предоставили В. Коротичу материалы, из которых можно было сделать вывод, что ряд секретарей обкомов Узбекистана имели отношение к взяточничеству. С этим и выступил редактор «Огонька».

Особой новости для делегатов тут не было. «Узбекское дело» уже давно рекламировалось следователями в печати и по телевидению. На экранах телевизоров не раз можно было видеть груды золота и денег, изъятых у взяточников. Поэтому дополнительные факты возмутили только своей безадресностью, ибо бросали тень на всех делегатов конференции. Пока комиссия разбиралась в обоснованности заявления В. Коротича, пришлось вспомнить многое из того, что знал раньше по этому вопросу.

Начало всего, что связано с коррупцией в республике, уходит корнями далеко вглубь, переплетено с национальными традициями узбеков. Гостя всегда встречали подарками, высокого гостя — особенно. Даже в разгар следствия эти качества у узбеков не исчезли и они продолжали настаивать: так ведь дыню дарю, солнечный виноград. Но обычное, традиционное в последующем переросло в нечто другое, символические дары резко «подорожали», и тут, конечно, большую роль сыграли визитеры Москвы. В том числе на очень высоком уровне. Они сами ехали в Узбекистан с подарками. Получали ответные дары. От дорогих сувениров размягчались сердца, увеличивались поставки материально-технических ресурсов, расширялись площади мелиорированных земель. И замелькали дела группы работников «Сельхозтехники» и других поставщиков материально-технических ресурсов. Не зная многих тонкостей узбекских дел, «Правда» еще в конце 70-х годов невольно оказалась в центре этой истории. Сотрудники редакции высчитали, что удобрений и воды на тонну хлопка идет больше нормы, а это значило либо нерациональное использование того и другого, либо наличие излишних, скрытых площадей. Газета наступила на больное место руководителей республики, которые не хотели, чтобы кто-то знал о лишних площадях посева хлопчатника. Были и другие критические выступления по республике. В результате Ш. Рашидов неожиданно объявил врагом узбекского народа Л. В. Зимянина, тогдашнего главного редактора «Правды», и меня, в то время редактора сельхозотдела. Причем говорилось это в республике открыто при встречах многочисленных московских гостей.

Мне не раз рассказывали журналисты и писатели, часто бывавшие в Ташкенте на всесоюзных совещаниях, что кандидат в члены Политбюро Ш. Р. Рашидов называл Зимянина и меня

врагами узбекского народа. Когда Зимянин ушел в ЦК КПСС, врагом остался только я. Мне было неуютно, а главное — непонятно, за что такая «великая честь». Но это не охладило моего желания публиковать статьи на темы производства, как тогда писали, «белого золота». И вновь самая негативная реакция. После одной из таких публикаций мне позвонил В. А. Карлов, заведующий сельхозотделом ЦК.

— Опять жалуется Рашидов, что-то вы там напутали, — посмеиваясь, говорил Карлов. — Он считает, что газета пишет, а работники ее хлопка в глаза не видели. Ты бы съездил туда, посмотрел. — Он смеется. Проработав в Узбекистане несколько лет вторым секретарем ЦК, знает все восточные приемы. И совет его поехать «туда» не случаен.

— Так не я же пишу о хлопке, — отвечаю Владимиру Алексеевичу. — Это делают корреспонденты, которые живут там не один десяток лет и дело знают.

— А ты все же поезжай, хуже-то не будет, — продолжает Карлов, — там много занятного.

Что же мне делать? Ехать я категорически не хочу, особенно в республику, где тебя объявили врагом народа. С другой стороны, и игнорировать рекомендации завотделом ЦК неудобно. О хлопке я действительно знаю только по книгам. В республике не был. Но я оттягиваю, как могу, поездку, пока не звонит один из помощников Л. И. Брежнева:

— А ты что, хлопка не знаешь, а посмотреть не хочешь. Статьи некомпетентные печатаешь. Ты давай-ка посмотри.

— Да меня там врагом народа объявили, куда же ехать, ведь и до греха так недалеко, — возражаю я.

— Да брось-ка, выбери время и поезжай, — завершает он.

«Ну и обложили», — думаю я. Видимо, Ш. Р. Рашидов, сам газетчик, старается показать достижения республики. Но все равно ехать не хочется. Да и обидно: вроде на поклон собираюсь. И я продолжаю тянуть.

Через несколько месяцев, где-то ближе к осени, неожиданно «подвертывается» подходящий случай для поездки в Узбекистан. В Ташкенте намечается выездная сессия ВАСХНИЛ по вопросам ирригации. Вот, думаю, и повод съездить. Было среди ученых ВАСХНИЛ у меня много друзей, и я, ничего не говоря корреспондентам «Правды» в Ташкенте, прошу академика Г. С. Муромцева, главного ученого секретаря ВАСХНИЛ, заказать мне гостиницу и скоро вылетаю с ним в Ташкент.

Часа через четыре самолет приземлился на пышущем жаром аэродроме. Пассажиры покидали самолет. Я шел среди академиков к аэровокзалу, когда заметил группу людей,

пропустивших президента ВАСХНИЛ Лобанова, вице-президентов и загородивших мне дорогу. Встречали меня секретарь ЦК Узбекистана по сельскому хозяйству, заместитель заведующего отделом ЦК, главный редактор «Правды Востока» и еще какие-то люди. Они представляются. Мы здороваемся, и они предлагают проехать в партийную гостиницу, а потом доверительно говорят:

— Вас ждет Шараф Рашидович.

От гостиницы я отказываюсь, сказав, что поселюсь с товарищами в другой, друзей оставлять негоже.

— А мы и товарищей ваших приглашаем, — успокаивают меня — там ближе к центру, тише.

Я поглядываю на академика, который ждет меня в стороне, и, видя, что он не возражает, соглашаюсь. Через 15 минут мы в гостинице. Тут действительно тихо. Размещаемся и через несколько минут с узбекскими товарищами отправляемся в ЦК компартии, в приемную Ш. Р. Рашидова. Он сразу принимает меня, поднимается из-за стола и идет навстречу. Я вижу столько искренней заинтересованности во взгляде, столько доброты и уважения, что страхи мои исчезают. А говорил ли он, что я враг узбекского народа? — уже сомневаюсь я. Рашидов просит присаживаться. Заказывает чай и начинает долгий рассказ о республике. Получается, что он очень рад этой встрече, и спасибо, что я выкроил время познакомиться с младшим узбекским братом. Он сделал обстоятельный обзор состояния дел, обозначил проблемы, показал трудности, а я сидел и думал: как это все понимать? Ведь он ставит вопросы острее, чем мы их обозначали в «Правде», тогда на что сердиться?

Минут через 50 Рашидов взглядывает на часы и предлагает с ним отобедать. Было уже 20 минут второго, и я соглашаюсь, отлично понимая, что разговор на этом завершиться не может. Мы пересекаем приемную, коридорами попадаем в небольшой зал, где уже сидят человек 15 членов Секретариата ЦК, руководителей Совмина. Это — ритуальный обед, каждый день в 13. 00 эти люди собираются здесь, обмениваясь информацией. Место в торце стола и еще одно по правую руку пустуют. Рашидов садится, приглашая сделать это и мне. Комната выходит на теневую сторону, кроме того, спущены жалюзи. Передо мной по-европейски накрытый стол, нежноголубая скатерть, крахмальные салфетки. На столе много овощей и фруктов, на тарелках свежий, слезящийся сыр, копчености, какие-то сласти. Я разворачиваю салфетку, слушая, как Ш. Р. Рашидов говорит: «Сегодня у нас в гостях Валерий Иванович Болдин, член редколлегии «Правды». И в этой тишине я отчетливо слышу тихий голос секретаря ЦК КП Узбекистана, работавшего до недавнего времени в Московском

горкоме КПСС:

— Это не той ли газеты, которая чернит дела узбекского народа, обливает его грязью за тот многострадальный труд…

Будто разорвалась бомба; все сидевшие за столом, перекрикивая друг друга, хулят газету за ее публикации, обвиняют в предвзятости и еще в чем-то таком, за что можно упрекать действительно лишь врага народа. Но я уже плохо слышу, поднимаясь и срывая салфетку, готов покинуть это сборище. В конце концов, я приехал не к ним и мне с этой публикой крестить детей не придется. Рашидов в этот миг, одной рукой останавливая меня, произносит с упреком:

— Товарищи, у нас гость из ленинской «Правды»…

И вдруг я слышу столь же могучий, но более слащавый хор голосов:

— Ленинской «Правды», газеты, которая всегда была и есть наша помощница и учитель… ленинской «Прав-ды», ленинской «Правды», — звучит у меня в ушах.

Смена настроения столь решительна и быстра, что не могу вспомнить, а были ли иные слова. *Я* гляжу на секретаря ЦК, и он отечески улыбается, очень счастливый, что наконец-то увидел меня. Рашидов тем временем уже начинает есть, приглашает других. Подают борщ или еще что-то в этом духе. Но я весь внутренне дрожу, понимая, что урок мне попытались преподнести здесь и сделали это чужими руками. А в это время обсуждается поездка, что мне надо посмотреть, что следует показать. Говорят все, и только я безучастен, полагая, что мне все равно, поскольку не был нигде. Единственное, на чем я настаиваю, особенно после этого застолья, чтобы со мной был мой старый товарищ, академик ВАСХНИЛ Г. С. Муромцев. И с этим не очень охотно, но соглашаются.

В эту поездку мне продемонстрировали все могучее влияние Рашидова, порядки в этом доме. Преподнесли мне и уроки. Но я увидел и другое, пожалуй, самое для меня важное, — это самоотверженный труд народа, бедного, но на редкость трудолюбивого. Во время поездки я увидел трактористов и комбайнеров, сидевших в кабинах машин, раскаленных до 70 градусов, оставляющих ожоги на ладонях и пальцах от рычагов, я видел женщин, согнувшихся под палящим солнцем над хлопком. Я многое понял в этой доброй, доверчивой душе народа и не удивлялся тому, что в годы войны они приняли к себе тысячи эвакуированных из разных районов страны и воспитывали чужих детей, как своих. И это никто и никогда не может и не должен забыть. И за это мы все и всегда останемся в долгу перед великим сердцем узбекского народа.

И вот теперь на партийной конференции разворачивалось дело о коррупции. Нельзя, конечно, сомневаться в том, что какие-то руководители брали взятки или подарки в самых разнообразных формах, нельзя не видеть нуворишей, использующих свое положение для обогащения. Но нельзя распространять это на всех руководителей, на весь народ. Слишком хваткие парни занялись работой, стараясь на Узбекистане приобрести большой моральный и политический капитал. Святое дело очищения не творится сомнительными методами и нечистыми руками.

Поняв, что ошибки по обвинению народа могут дорого стоить, огонь перенесли на различные этажи центральной власти. Не только заподозрили, но и обвинили, не имея доказательств, и тех, кто был непричастен к махинациям. Как говорили следователи, «замелькали» тогда имена ряда членов Политбюро. Но главный удар был сконцентрирован на Е. К. Лигачеве.

Горбачев, как мне казалось, не слишком тяжело переживал обвинения своих соратников, пока это не касалось его самого. Он принимал Гдляна и внимательно слушал его. Но, как я уже отмечал, генсека беспокоили не узбекские дела, а то, что Гдляну и кому-то еще понадобилось покопаться в ставропольском прошлом Горбачева. Что касается «узбекского дела», то оно часто обсуждалось на закрытых заседаниях Политбюро, давались соответствующие поручения, и не без согласия М. С. Горбачева были привлечены к ответственности некоторые члены ЦК, правда, затем освобожденные за недоказанностью нарушений законов. Как выяснилось, применялись к ним запрещенные методы допросов.

Поездка моя в Узбекистан завершилась тогда довольно своеобразно. Когда я вернулся, то не успел еще закрыть за собой дверь, как раздался звонок из Ташкента. Звонил Рашидов. Он спрашивал, как я долетел, как самочувствие. Сообщил, что нового в республике произошло за сутки. Я понял, что Рашидов предпочитает иметь друзей, а не устранять, используя свой вес кандидата в члены Политбюро, кого-то со своего пути. Затем он еще несколько раз звонил без всякого повода и говорил о положении дел в республике, что ставило меня в несколько щекотливое положение, и все же газета продолжала публикации критических материалов, и едва ли кто-то мог подумать, что я после поездки стал ручным. Однако больше обид в республике не было. Во всяком случае, на меня никто не жаловался, а все статьи из «Правды», в том числе критические, аккуратно перепечатывались в местной печати.

Из Узбекистана продолжали поступать десятки и сотни писем

о нарушении сдачи и приема хлопка, комбинациях, происходивших вокруг этого. Что нельзя было опубликовать из-за сложности проверки, я направлял в ЦК КПСС или КГБ СССР, тогда еще Ю. В. Андропову. Правда, ответов я никогда не получал, хотя очевидно, что Андропов все знал и, когда пришел в ЦК, начал усиленно проверять все дела, что привело в конечном счете к инфаркту и смерти Рашидова.

Размышляя сегодня о том времени и о Рашидове, я прихожу к выводу, что это был, несомненно, незаурядный человек, достаточно мудрый, чтобы не дать волне национализма разгуляться в такой республике, где проживали сотни тысяч русских, украинцев, представителей других народов, но властный и жесткий. Сам журналист и писатель, Рашидов ценил пишущих людей, издавна имел друзей в газетах и часто, уже будучи кандидатом в члены Политбюро, приходил к редактору отдела науки «Правды», своему старому товарищу и, как он говорил «учителю». Рашидов пользовался популярностью среди лидеров Азии, Африки и Южной Америки. Он много сделал для республики. Строительство каналов и сети орошения, увеличение производства хлопка, развитие науки, литературы и искусства в республике, широкое строительство, в том числе возрождение Ташкента после разрушительного землетрясения, — это и его заслуга. Но он не мог не быть детищем своего времени, тех нравов, что царили тогда в стране. Как и Брежневу, ему были присущи многие пороки, он закрывал глаза на чудовищные негативные процессы, о которых не мог не знать. Именно при нем в республике процветали все формы чинопочитания, мздоимство, приписки, коррупция. Думаю, он многое знал, многое делалось с его явного или молчаливого согласия. И оправданием этому не может служить то, что он вынужден был действовать по сложившимся в ту пору в стране правилам игры. Московское начальство во многом способствовало созданию условий для различных злоупотреблений уже тем, что не проверяло положение дел на местах и пресекало сигналы о нарушениях в республике или направляло их для проверки тем, на кого жаловались люди.

Наверное, это будет не полный портрет лидера, и только время покажет, кто и насколько ошибался в оценке этого крупного партийного и государственного деятеля.

И вот теперь на XIX партконференции вопросы «узбекского дела» стали постепенно заслонять конструктивные обсуждения проблем современной жизни партии и общества. И вылазка В. Коротича, как считали, была не случайна. Кому-то очень хотелось доказать, что руководство партии преступно и коррумпированно,

а сама партия по своей сути антинародна и кровожадна. Ну, если не доказывать, то хотя бы бросить тень, поставить под сомнение все сделанное в стране за семь десятилетий, опорочить имеющиеся достижения. Конечно, для этого было изыскано немало всяких «доказательств». Каждый факт о привилегиях аппарата взрывал аудиторию. Делегаты выступали с требованиями разобраться, куда идут их деньги, на что «жирует» партийное начальство.

Взвинченность делегатов объяснялась не в последнюю очередь и теми фактами, которые стали известны новому поколению коммунистов о сталинских преступлениях в 30—40-х и в начале 50-х годов. Для старшего поколения партийцев это не было новостью. Либо они пережили все это сами, либо знали из материалов XX и XXII съездов КПСС, писем ЦК КПСС в партийные организации. После XX съезда партии Президиум ЦК направил закрытое письмо, в котором рассказал о беззакониях, творимых тогда руководством, возглавляемым Сталиным. Теперь эти факты появились в печати снова. Начало этому было положено М. С. Горбачевым.

В конце 1986 года ему доложили материалы комиссий по реабилитации репрессированных в сталинский период, о нарушениях законности прокуратурой, НКВД — МВД — МГБ и другими правоохранительными службами. Это были доклады комиссий, которые Н. С. Хрущев создал после избрания его первым секретарем ЦК КПСС.

Первую комиссию возглавлял В. М. Молотов. Все эти материалы хранились в архиве Политбюро ЦК, представляли и представляют несомненную ценность, так как по свежим следам обобщают материалы страшной обличительной силы. Однако Хрущева не удовлетворили данные, обобщенные В. М. Молотовым, а может быть, вскрылись новые факты, поскольку само расследование привело в действие цепную реакцию свидетельских показаний. Сегодня уже трудно говорить об этом с полной уверенностью. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что Н. С. Хрущев не доверял В. М. Молотову, причастному в той или иной мере к нарушениям законности. В свою очередь и Молотов отлично знал, что Хрущев сам «по уши» запачкан грязными делами истребительной машины прошлого. Во всяком случае, создавались новые комиссии, возглавляемые «людьми Хрущева», накапливался и обобщался обширный дополнительный материал.

Хорошо помню начало 60-х годов, когда на имя XXII съезда КПСС хлынул поток писем осужденных, возвращавшихся из лагерей, сообщавших страшные факты из своей жизни и жизни

своих товарищей. Шла огромная почта и от осужденных следователей МГБ и прокуратуры, которые писали о том, как их заставляли «добывать» следственные показания. Вся эта почта направлялась в комиссии. К тому времени уже были написаны или готовились к публикации книги бывших заключенных.

Писала такую книгу и Галина Серебрякова. В те годы она часто приходила к Л. Ф. Ильичеву и приносила рукопись книги о времени, проведенном в Гулаге. Скоро ее начали печатать, и эти страницы лагерной жизни потрясли своей обнаженностью и фактологической силой. Однако это были уже годы завершения разоблачений злодеяний сталинской эпохи. Воспоминания Серебряковой не были напечатаны полностью. Политбюро ЦК приняло решение создать в Институте марксизма-ленинизма специальный сектор, куда направлялись все рукописи воспоминаний, другие материалы о той поре.

Что же остановило Хрущева в его разоблачительной кампании?

Объяснить это можно рядом причин. Прежде всего тем, что период подъема экономики, оживления работы колхозов и совхозов в то время уже завершался. Н. С. Хрущев нанес смертельный удар по личному подсобному хозяйству, ввел многие ограничительные действия в работу кооперации. И это самым драматическим образом сказалось на жизни деревни и всего общества. Социально-экономическое положение народа начало ухудшаться. Возросли трудности с продовольствием. Попытки изменить систему управления экономикой, создание совнархозов также не дали должной отдачи.

К тому же периоду относится и муссирование фактов о крупных просчетах Сталина в оценке ситуации накануне нападения фашистской Германии на СССР, неоправданной гибели миллионов советских людей.

В этих условиях, по мнению Хрущева, факты о страшных преступлениях сталинского периода, неподготовленности к войне вели к потере народом уважения к руководству страны. Поэтому было решено свернуть деятельность комиссий по реабилитации, замедлить процесс восстановления истины, прекратить публиковать материалы свидетелей того периода. Но документы о репрессиях сохранились в архивах.

Особенно обстоятельной была записка комиссии, которую возглавлял Шверник. Ее наряду с другими документами и доложили Горбачеву. Новое поколение руководителей партии не было достаточно осведомлено о событиях тех дней. Факты, приведенные в записках, произвели на Михаила Сергеевича сильное впечатление.

— Есть ли в архиве еще какие-то материалы по репрессиям? — спросил он меня. — Поищите.

— Только отчеты трех комиссий. Записка Шверника наиболее полная.

Он задумался.

— Кто знает об этих документах еще?

— В начале 60-х годов о них знало все партийное руководство, члены ЦК. На этих записках основывался доклад Хрущева, письмо ЦК членам партии, — ответил я. — А кому они известны из членов нынешнего руководства, надо спросить у А. И. Лукьянова.

— Подержи документы у себя. А записку Шверника оставь мне, я ее еще почитаю.

Прошло недели две-три, и Горбачев вернулся к этой теме:

— Надо ознакомить с фактами членов Политбюро и Секретариата ЦК. Сделаю это сам.

Он нажал кнопку прямой связи на пульте управления и, услышав голос Рыжкова, спросил:

— Ты можешь сейчас подъехать ко мне? Отложи все дела.

Затем он позвонил А. А. Громыко, Е. К. Лигачеву и еще нескольким членам Политбюро. Когда все собрались в кабинете Горбачева, несколько обеспокоенные срочностью вызова, Михаил Сергеевич сказал:

— Все мы знали о репрессиях в годы сталинского правления, но вот есть документы, о которых мало кто знает. Выдержки из них я хочу зачитать.

Он открывал страницы объемной записки Шверника и зачитывал вслух некоторые фрагменты стенограмм допросов, выводы комиссии.

Мне казалось, что никто из собравшихся еще не понимал, к чему такая срочность созыва и громкая читка документов и куда клонит генсек. И лишь в конце встречи Горбачев с каким-то внутренним блеском глаз, быстро, проглатывая слова, заговорил о своей цели. Смысл его слов состоял в том, что партия, общество не информированы обо всех злодеяниях сталинского режима и, следуя урокам правды, надо сказать во всеуслышание правду о том времени. Но прочитать записку Шверника членам Политбюро Горбачев не дал, сказав, что будет лично знакомить с ней остальных руководителей страны.

В течение месяца-полтора он собирал у себя по три-четыре секретаря ЦК, других руководителей партии и зачитывал им выдержки из документа. После такого ознакомления генсек вынес вопрос на заседание Политбюро ЦК. Было принято решение создать новую комиссию и довести до конца то, что недоделал в

свое время Н. С. Хрущев. Никто тогда из участников заседания, кроме, пожалуй, М. С. Горбачева, не предполагал, что поднятый вновь вопрос о репрессиях обернется против партии, членов ЦК, политического руководства.

Комиссию Политбюро было предложено возглавить М. С. Соломенцеву, в то время Председателю Комитета партийного контроля ЦК КПСС. В нее вошли А. Н. Яковлев, А. И. Лукьянов, Г. Л. Смирнов, директор ИМЛ, Генеральный прокурор СССР и ряд работников КГБ. Состоял в этой комиссии и я. Предстояла огромная работа по восстановлению доброго имени людей, безвинно осужденных в тот сложный период жизни страны.

Приблизительно два раза в месяц комиссия Со-ломенцева заседала и принимала принципиальные решения, которые обеспечивали реабилитацию репрессированных. Столкнувшись с огромным числом осужденных, мы пришли к выводу, что нужно считать невиновными всех, кроме тех, чья вина обоснованно доказана. Во всяком случае, я выступал за такой подход, хотя у некоторых были и сомнения. Дело в том, что вместе с невинными сидели действительно злостные враги государства, предатели Родины, уголовные элементы. Только на стороне фашистской Германии сражались с советским народом несколько сотен тысяч изменников — граждан нашей страны. И они несли справедливое наказание. К сожалению, и виновных и безвинных расстреливали и хоронили вместе. Но я исходил из известного принципа: лучше ошибиться и реабилитировать одного виновного, чем забыть одного невиновного.

Комиссия Соломенцева, позже возглавленная Яковлевым, сделала многое. Она не только восстановила справедливость, но и показала порочность всей системы правоохранительной деятельности прокуратуры, суда, НКВД — МВД — МГБ и некоторых других органов. Становилось все более очевидным, что немало пороков прошлого в судебной и прокурорской работе дошло и до наших дней.

Рассмотрение преступных деяний той поры, которое началось в годы перестройки, многие органы печати попытались связать с деятельностью всей партии, обвинив ее в соучастии в них. На волне критики сформировали мнение, что и сегодня партия ограничивает свободы и карает безвинных. Вовсе не хочу умалить вину партии, особенно ее прошлых руководителей, тем более что среди моих родственников есть репрессированные. Но справедливость должна быть. Иначе из одной крайности можно впасть в другую, а истина от этого вряд ли выиграет. Во всяком случае для меня вопросы справедливости носят принципиальный характер.

Во-первых, от репрессий прошлого страдали в первую очередь коммунисты. Во-вторых, большинство членов партии в период перестройки составляли люди, родившиеся после войны, не знавшие ужасов прошлого. Они искренне хотели изменить к лучшему нашу жизнь.

Партия первой подняла знамя перестройки. Она, несмотря на все трудности, смогла многое разрушить из того, что мешало двигаться вперед. КПСС осудила командно-административные методы работы, развернула борьбу за демократизацию. Не случайно большая часть так называемых демократов — бывшие члены КПСС, ее руководители. Более того, партия создала условия для дальнейшего движения вперед. Могут сказать: КПСС была вынуждена это сделать под напором жизни. Возможно, это и так. Но нельзя забывать, что в 1985 году, кроме КПСС, не было такой силы, которая могла бы так быстро изменить курс общественного развития.

Уже в первых выступлениях ораторов чувствовалось, что делегаты конференции настроены критически, легко возбуждались, а многие говорили, не выбирая особенно эпитеты. Все это отражало настроение не только в партии, но и в стране в целом. Особый накал конференции придали два выступления — Ельцина и Лигачева. Егор Кузьмич уже давно стал объектом критики средств массовой информации, выступлений представителей различных, демократического толка, направлений в общественном мнении. И на конференции звучала критика его деятельности с разных сторон. Его упрекали за приверженность административно-командным методам руководства партией и страной, за жесткий контроль прессы, за развал идеологии, неспособность отстаивать принципы партийной работы и за многое другое. По существу, он стал «мальчиком для битья» вместо М. С. Горбачева, трогать которого по ряду причин тогда побаивались.

В этих условиях Е. К. Лигачев и решил дать отпор своим критикам и объяснить истинное положение дел. Во время одного из перерывов он сказал об этом М. С. Горбачеву. Михаил Сергеевич не советовал ему этого делать и пытался отговорить от выступления.

— Зачем ему нужно выступать, — говорил мне генсек.

— Ведь это только подольет масла в огонь. Видишь, какая обстановка.

Обстановка, конечно, была крайне напряженной, но видел я и то, что Егор Кузьмич продолжает готовить свое выступление. К нему приезжали помощники и привозили страницы напечатанного текста, он правил написанное и вновь направлял в

перепечатку. И тем не менее мне казалось, что он будет готов к выступлению, но без особой нужды этого не сделает. Но я ошибся. Е. К. Лигачев настоял на своем и скоро получил слово.

В своей речи он сказал все, что думал о происходящем, ответил на критику, объяснил свои отношения с Б. Н. Ельциным, за что делегаты его упрекали на конференции. Выступление было откровенным, порой резким и получило отклик среди участников конференции, широкой общественности. Но главным мотивом остались его отношения с Б. Н. Ельциным. Разногласия между ними начались, видимо, давно. Я не знаю всех деталей, которые привели к размолвке, но совершенно ясно, что это были два крутых человека и столкновение между ними, пожалуй, было неизбежно, несмотря на то что их связывали годы знакомства. Именно Е. К. Лигачев, как он признавал сам, являлся, как говорится, крестным отцом, помогшим Б. Н. Ельцину подняться на высокие ступени партийной, а затем и государственной пирамиды. Возможно, тень в отношениях легла еще тогда, когда Б. Н. Ельцин работал в Свердловске. Одна из причин недоразумений, как мне рассказывали, зарождалась так.

Положение дел в сельском хозяйстве многих областей, краев и республик оставалось тяжелым. Относилось это и к Уральскому региону. Здесь издавна руководители подбирались из промышленников и строителей, хорошо знающих свое дело, но в силу ряда причин недостаточно уделяющих внимания селу. К этим областям относилась тогда и Свердловская область. Многочисленная почта свидетельствовала о трудностях с продовольствием. Руководители говорили, что они перегружены промышленными, оборонными отраслями и не в состоянии улучшать дело в деревне, из которой люди уходили на работу в города.

Сельхозотдел ЦК в ту пору внимательно следил за состоянием дел в разных регионах, и потому было решено изучить положение в аграрном секторе Свердловской области, заслушать руководителей на заседании Секретариата ЦК и наметить меры по улучшению дел. Горбачев одобрил это намерение. В область выехала бригада работников ЦК и некоторых других ведомств. Была составлена записка с довольно серьезными выводами и предложениями, критикой обкома партии за недоработки. Записку в ЦК рассмотрели, но, учитывая возражения области и щадя самолюбие руководителей, решили отдать ее на рассмотрение обкома КПСС. С этой целью туда выехал заместитель заведующего отделом сельского хозяйства. Однако на пленуме обкома документ ЦК был воспринят критически, в том числе и руководством обкома.

ЦК КПСС было доложено о реакции свердловчан на решение Секретариата ЦК. Не знаю уж всех деталей, но было поручено провести с Б. Н. Ельциным серьезный разговор в ЦК. Видимо, беседу эту проводил Е. К. Лигачев. В то время он возглавлял организационно-партийный отдел. Разговор такой состоялся. Б. Н. Ельцин понравился Е. К. Лигачеву, о чем он говорил и Горбачеву. И скоро последовало предложение пригласить его в Москву, где он возглавил отдел в аппарате ЦК КПСС, занимавшийся строительными делами. Б. Н. Ельцин приехал в столицу, быстро включился в работу. А когда М. С. Горбачев стал генсеком и Е. К. Лигачев получил большую свободу действий в кадровых вопросах, Б. Н. Ельцину предложили должность первого секретаря Московского горкома партии. К тому времени В. В. Гришин уже завершал работу. В Москве складывалось тяжелое положение с социальными делами, продовольственным снабжением, с жилищным строительством. Нужен был «свежий» человек, а главное, близкий по духу Горбачеву и, что еще важнее, как считал он, лично преданный ему.

В общем, замена назрела, а энергичный Б. Н. Ельцин как нельзя лучше подходил для такого дела. Он не был связан с московской коррумпированной верхушкой, чему тогда придавалось очень большое значение. Правда, были и сомнения, которые шли от москвичей: как это так, свердловчанин будет руководить Москвой. Что же, столица совсем обезлюдела, раз потребовался варяг? Но этим мнением пренебрегли, и Б. Н. Ельцина избрали первым секретарем горкома КПСС, кандидатом в члены Политбюро ЦК.

Приход Б. Н. Ельцина в Москву был ознаменован многими новациями. Начались кадровые замены. И это надо было делать, ибо аппарат всех структур руководства не просто состарился, а еще привык к тому, что творилось. Но были и объективные трудности. Снабжение города не улучшалось, назревали многие другие социальные проблемы, и Б. Н. Ельцин чувствовал тупиковое положение. А в это время Е. К. Лигачев уже вел Секретариат ЦК и жестко спрашивал за дела, а может быть, и переходил какие-то грани. Во всяком случае, Б. Н. Ельцин на Секретариат приходил довольно редко. Между ними появилась натянутость в отношениях. Для этого появился еще один повод. Смена кадров в Москве не дала результата, пошли замены по второму кругу, а это уже вызывало стоны со стороны москвичей, вселяло беспокойство в умы начальства. И оно начинало размышлять, все ли было сделано правильно с приходом нового секретаря. Трения обострялись, Б. Н. Ельцин чувствовал свою изолированность, вокруг него словно образовался вакуум, что

заставляло его действовать порой не лучшим образом. На заседаниях Политбюро ЦК он часто отмалчивался, видимо не согласный с многословием, бесплодностью длительных сидений, которые продолжались порой по 8 — 10 часов подряд, часто без перерывов.

Летом 1987 года Б. Н. Ельцин обратился с письмом к М. С. Горбачеву по поводу сложившегося положения с перестройкой, нечеткостью работы Секретариата ЦК и невозможностью своей дальнейшей работы в Политбюро ЦК. И тогда и сейчас считаю, что это было письмо от безысходности. Привыкший к маневрированию М. С. Горбачев действительно делал часто два шага вперед, три в сторону и шаг назад, и это обескураживало. У него была манера — говорить твердокаменным марксистам, что он борется за светлое будущее — коммунизм и никогда не свернет с этого пути; приверженцам рынка — что только на пути расцвета рыночных отношений, демократии и свобод по типу Австрии и Швеции можно достичь успеха. " Плюрализм " мнений генсека приводил к тому, что люди сбивались с толку. Двойственный подход к будущему вызывал сомнения и у тех, и у других.

Однажды в моем присутствии состоялся телефонный разговор Горбачева и Ельцина. Борис Николаевич, видимо, напомнил о письме, необходимости встретиться.

— Подожди, Борис, встретимся, обсудим твои болячки, — отвечал генсек. — Дай только праздник Октября отметить. Дата юбилейная, и мне и тебе надо много поработать, сейчас не до разбирательств.

На этом разговор кончился, и Горбачев, уже обращаясь ко мне, спросил:

— Ты знаешь, что Ельцин мне во время отпуска письмо прислал? Недоволен ходом перестройки, работой Секретариата и многим другим. Ставит вопрос об его освобождении от работы в Политбюро. Наворочал дров в Москве и теперь ищет, на кого свалить.

О письме я тогда еще ничего не знал, но и не удивился, поскольку с генсеком многие хотели встретиться, получить поддержку или совет. Но, занятый значительную часть времени литературным творчеством, Горбачев от встреч и конкретных дел старался держаться подальше.

На этом история с письмом вроде и заглохла. Зная характер Горбачева, я считал, что дело не в предстоящем празднике Октября, а в том, что генсек хочет помарино-вать Ельцина в связи с такого рода письмом, сбить эмоции и принять секретаря горкома не тогда, когда он просит, а когда захочет сам.

И вот в октябре 1987 года собирается Пленум ЦК, на котором рассматриваются тезисы юбилейного доклада М. С. Горбачева. Все шло спокойно, я бы сказал, рутинно. М. С. Горбачев сделал сообщение. Председательствующий Е. К. Лигачев спросил:

— Товарищи, есть ли желающие выступить?

В зале молчали, желающих не нашлось. Уже готовились зачитать резолюцию. Е. К. Лигачев еще раз оглядел зал и сказал:

— Если нет желающих, будем переходить к следующему вопросу.

Как это нередко в жизни бывает, все последующие события в какой-то мере зависели от случая. М. С. Горбачев взглянул на первый ряд, где сидели кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК, и перебил Лигачева:

— Вот, кажется, Борис Николаевич что-то хочет сказать.

Не знаю, действительно ли Ельцин хотел что-то добавить или нет. Видно это было только членам президиума. Б. Н. Ельцин сидел в первом ряду, и многие, глядя в зал, могли не заметить его поднятую руку.

Тем не менее Б. Н. Ельцин встал и вышел на трибуну. Выступление его было коротким. Он в целом одобрил концепцию доклада, но дальше повел речь о перестройке. Стенограмма его выступления опубликована. Она соответствует тому, что говорилось, и учитывает небольшую правку Б. Н. Ельцина. Смысл выступления состоял в том, что перестройка захлебывается, идет непоследовательно, Секретариат ЦК не справляется со своими обязанностями, а порой мешает делу, плохо помогает парторганизации Москвы, решения его отдают нафталином и в этом духе дальше. В каком-то контексте прозвучала и фраза, которую можно было трактовать как возрождение у нас культа личности. Все сказанное развеяло сонливое состояние участников Пленума, завело многих. Они начали подавать реплики. Обстановка накалялась.

М. С. Горбачев объявил перерыв. Я видел его разъяренное, багровое лицо, желание скрыть досаду. Он старался подавить эмоции, но упоминание о его стремлении к величию попало в цель. Не будь этого, наверное, не потребовалось бы выпускать на трибуну всю королевскую рать. К отпору начали готовиться все — и члены Политбюро ЦК, и члены Пленума. А в это время М. С. Горбачев уже примерял маску миротворца. Наверное, ему и впрямь не очень хотелось лично участвовать в разжигании конфликта, но машина была уже запущена. Члены ЦК спешно набрасывали тезисы своих выступлений. Я увидел, что М. С. Горбачев намечает порядок выступлений членов Политбюро ЦК.

Прозвучали звонки, все расселись на свои места, и я вдруг

увидел совсем иной состав ЦК. К Б. Н. Ельцину и в прошлом многие относились негативно, а тут словно прорвало плотину. Начались выступления, порой резкие, безудержные, полные неприязни. Горбачев больше не сдерживал аудиторию. Выступали рядовые члены ЦК, в том числе москвичи, члены и кандидаты в члены Политбюро. В общем, «молотили» по всем правилам искусства. И не просто поддерживали поставленный Б. Н. Ельциным вопрос о выходе из состава Политбюро, а настаивали на этом. М. С. Горбачев все-таки в последний момент спросил:

— Скажи, Борис Николаевич, у тебя хватит сил дальше вести дело?

Но было уже поздно, все перекалилось, и Б. Н. Ельцин настаивал на выходе из состава Политбюро и уходе с поста первого секретаря МГК КПСС. Правда, впоследствии он пожалел о своем поспешном отказе и написал письмо Горбачеву с просьбой сохранить за ним пост секретаря горкома партии. Но многое уже стало необратимым. Эмоции перехлестывали через край. В результате Пленум ЦК принял постановление, в котором выступление Б. Н. Ельцина было признано политически ошибочным. Политбюро ЦК, Московскому горкому партии поручалось рассмотреть вопрос об освобождении его от обязанностей первого секретаря МГК КПСС. Не затягивая, Политбюро приняло решение освободить Ельцина от всех партийных должностей, сформулировав это как необходимость укрепления руководства МГК КПСС.

От нервных перегрузок Б. Н. Ельцин попал в больницу. Когда ему стало несколько лучше; о чем сообщили врачи, был назначен пленум МГК. Он состоялся вечером И ноября. На пленум поехали Горбачев, Разумовский, кажется, Лигачев. Слово взял генсек, он начал критиковать Ельцина по широкому кругу проблем, вдохновив москвичей, которые за словом в карман не лезли и показали себя в области критики высокими профессионалами.

Вместо Ельцина в МГК КПСС пришел Л. Н. Зайков, что не утихомирило страсти в городе, а неопытность довольно мягкого по характеру нового московского лидера была явно не на пользу дела. И скоро многие вспоминали Ельцина за решительность в действиях. Но он к тому времени был уже назначен министром СССР и направлен в Комитет по строительству и архитектуре.

С тех пор развернулась уже внешне хорошо видимая борьба Горбачева и Ельцина, Ельцина и Лигачева, большей части ЦК и Ельцина. Хотя были и те, кто сочувствовал ему, поддерживал контакты. Для многих изгнание Ельцина из Политбюро и горкома партии стало символом объединения, широкой борьбы с КПСС. Чем больше Б. Н. Ельцин набирал авторитет в народе, тем

тревожнее становилось на сердце М. С. Горбачева. Теперь он увидел в новом министре серьезного политического противника. Генсек делал попытки примириться и вернуть Ельцина в подчиненное состояние. Но из этого ничего не вышло.

Тогда борьба вступила в новую стадию: начались поиски компромата с использованием всех средств и методов, которыми владеют правящие структуры всех стран в век научно-технического прогресса. И здесь, мне казалось бы, надо сделать отступление, чтобы рассказать об истории борьбы генсека со своими оппонентами.

Основоположник свободы и гласности на шестой части земного шара внимательно следил за паствой, особенно той ее частью, которая имела свое мнение на происходящие в стране события или выступала против авантюрных новаций. Не знаю, когда начал пользоваться услугами спецслужб по подслушиванию разговоров генсек, скорее всего, одновременно с восхождением на олимп политической власти. Но мне пришлось столкнуться с этим впервые, когда следственная бригада Прокуратуры СССР, возглавляемая «вошедшими в историю» Гдляном и Ивановым, не только приступила к сбору материалов о некоторых не совсем светлых делишках узбекского начальства, но и имела неосторожность тронуть ставропольское прошлое генсека, о чем я упоминал. Вот тогда-то и разразилась буря. Негодование Михаила Сергеевича было столь велико, что он тотчас поручил КГБ заняться этим делом и выяснить, кто заинтересован покопаться в прошлом, откуда исходят команды и не является ли это политическим заговором против архитектора перестройки. А началось все с копии письма Н. Лоб-женидзе, работавшего, кажется, управляющим Кисло-водским трестом ресторанов и столовых и осужденного за какие-то реальные или мнимые злоупотребления. К этому письму прилагались и комментарии юриста, как выяснилось, проживавшего в подмосковном городе Химки. Около полугода назад, когда Горбачеву еще мало что говорила деятельность Гдляна и Иванова, я докладывал о письме Н. Лобженидзе, полагая, что связанное со Ставрополье должно быть известно генсеку, тем более что автор утверждал о личном знакомстве с ним. Но генсек не проявил никакого интереса к письму и даже, как он сказал, не помнит, кто это такой. Тем не менее письмо я направил Генеральному прокурору СССР с просьбой внимательно разобраться с приведенными фактами и принять меры. И вот теперь я вторично доложил о письме с комментариями, смысл которых сводился к тому, что против Горбачева уже когда-то собирали компромат и занимаются этим вновь. Сообщение настолько взбесило генсека, что он тут же при

мне позвонил В. А. Крючкову и поручил досконально разобраться в интригах против него.

— Докопайся, Володя, до сути. Очень тебя прошу, — говорил генсек председателю КГБ. — Каким-то сволочам надо вымазать меня в грязи.

Генсек поручил и мне переговорить с бывшим Генеральным прокурором СССР А. М. Рекунковым и узнать, кто давал команды заниматься Ставропольем. *Я* созвонился с Александром Михайловичем, который в ту пору был уже на пенсии, и договорился о встрече. Но как только Рекунков появился у меня, раздался звонок М. С. Горбачева с просьбой зайти к нему.

А. М. Рекункова генсек знал давно, и это, видимо, давало ему право сразу «взять быка за рога». Начал он допрос напористо. Кто поручал прокуратуре копаться в ставропольском прошлом Горбачева? Кто направлял туда следователей? Не исходило ли это от К. У. Черненко или кого-то еще из московского руководства? Рекунков утверждал, что он никого туда специально не направлял и команд ни от кого не получал. Не знает он и о попытках Гдляна и Иванова реанимировать старое дело. Генсек энергично и заинтересованно, даже с пристрастием, допрашивал экс-Генерального прокурора СССР, но в своем дознании, по-моему, далеко не продвинулся. Во время беседы был возбужден, негодование проскальзывало в каждом его слове. А. М. Рекунков, обескураженный напористостью и резкостью в постановке вопросов, отвечал, как мне казалось, не очень уверенно, а может быть, знал несколько больше, чем говорил. Во всяком случае, признательных показаний юристу Горбачеву он не дал, и результаты допроса не удовлетворили генсека. Он еще долго с разных сторон подступался к интересующему его делу. Но желаемых ответов не получил. Рекунков утверждал, что всегда уважал Горбачева и ничего не делал, чтобы копаться в его прошлом.

Когда Александр Михайлович ушел, М. С. Горбачев озадаченно посмотрел ему вслед и сказал, что не слишком верит в заверения экс-прокурора.

— Здесь не обошлось без участия тех, кому уж очень хотелось помешать моему избранию генсеком. Да и сегодня кому-то выгодно ворошить старое. Надо разобраться во всем. Я давал тебе письмо моего старого знакомого, заместителя министра внутренних дел, который прямо утверждает, что была команда покопаться. Санкционировало ее высокое руководство. Я доберусь до истины, Крючкову уже даны поручения. Попробуй с Владимиром Александровичем поговорить с этим заместителем министра внутренних дел. Он, правда, болеет и, мне сказали,

находится в больнице.

Визит к заместителю министра внутренних дел дал немного. Он был тяжело болен, с трудом говорил, и, как намекали врачи, дни его были сочтены. Единственно, что он сказал определенно, так это то, что команда о проверке деятельности ставропольского руководства шла от очень высоких лиц из ЦК. И задание имела союзная прокуратура.

Мы с Владимиром Александровичем попросили замминистра позвонить нам, если он вспомнит еще что-то. Действительно, через неделю он позвонил, но сказал о том, что министр внутренних дел В. Бакатин подготовил приказ о его увольнении и он просит передать Горбачеву, что не по-людски выгонять человека, находящегося в больнице.

— Скажи Бакатину, этому… (дальше шли не слишком почтительные выражения), что я раньше выгоню его. Человек одной ногой в могиле стоит, а этот новоиспеченный… (дальше опять следовали столь же лестные слова) готов на трупах танцевать.

Встретиться больше с заместителем министра внутренних дел уже не пришлось, потому что он был очень плох, а недели через три умер, унеся с собой тайны, которые интересовали Горбачева.

Кому было выгодно спустя много лет вернуться к старому делу, генсек догадывался, а может быть, и знал достоверно. Он не сомневался, что этим заняты политические оппоненты и они могут долго дергать за этот крючок в его биографии, распускать различные слухи, в основе которых, видимо, что-то было. Иначе вся эта нервозность Горбачева, мобилизация сил не понятны. Во всяком случае, с тех пор Гдлян и Иванов попали под пристальный контроль, а это просветлило и некоторые стороны так называемого «узбекского дела», ту кухню, в которой оно было поспешно сляпано.

Разматывалось дело с использованием средств массовой информации, зрителю и читателю активно внушали мысль о взяточничестве центральной власти. Одни и те же деньги и золото, изъятые, кстати, совместно с КГБ, многократно демонстрировались по телевидению. В газетах и журналах публиковались жуткие материалы. Все это нагнетало обстановку. Скоро у следственной группы появился соблазн сказать, что взяточничество охватило и кремлевских руководителей. То ли Прокуратура СССР не давала хода недостаточно проверенным фактам на этот счет, то ли по каким-то иным соображениям, но Гдлян и Иванов предприняли немало попыток, чтобы лично доложить Политбюро ЦК о создавшемся положении. Они

направили письмо Б. Н. Ельцину и попросили его доложить Горбачеву. И вот скоро на Политбюро, когда был оставлен узкий круг приглашенных на заседание, М. С. Горбачев зачитал письмо московских следователей. В нем говорилось, что показания подследственных указывают на то, что во взяточничестве замешан ряд руководителей партийных и хозяйственных органов, аппарата ЦК КПСС. Назывались фамилии, причем самые невероятные.

Участники заседания молча выслушивали информацию. Некоторое время в зале царило глубокое молчание, которое свидетельствовало о том, что сказанное произвело впечатление на присутствующих. Затем состоялся короткий обмен мнениями и было поручено создать комиссию и все тщательно проверить. Следственная бригада Гдляна и Иванова должна продолжать работу. Комитету партийного контроля также предстояло разобраться в приведенных фактах.

Чем сильнее раскручивался этот маховик, тем выше поднимали планку обвинений Гдлян и Иванов. Видимо, они чувствовали слабость доказательств и возможные последствия этого. Не исключено, что действовали и иные силы, умело направлявшие их сыскной талант по нужным адресам. И скоро, как они утверждали, в деле замелькали фамилии Лигачева, Медведева, Яковлева, а затем и Горбачева. Но в это время действия Гдляна и Иванова находились под контролем технических средств подслушивания, что достаточно ясно показывало движущие пружины многих утверждений, недозволенные методы допросов, беспочвенность выводов. Службы КГБ знали тогда все и, наверное, могли принять меры по оговорам высшего руководства партии. Но генсек не спешил пресечь неправомерные действия.

Со временем М. С. Горбачев все больше входил во вкус изучения расшифровок бесед своих оппонентов. Если первое время он сам получал такого рода информацию, конвертовал и возвращал в КГБ, то с ростом объема бумаг поручил делать это мне, кроме особо секретных документов. Так продолжалось до первого Съезда народных депутатов.

Избрание ряда политических противников Горбачева депутатами, видимо, серьезно озадачило В. А. Крючкова.

Я был свидетелем разговора по демофону М. С. Горбачева с председателем КГБ, когда Владимир Александрович доложил, что его специальные службы больше не могут вести записи разговоров депутатов.

— Михаил Сергеевич, люди у меня отказываются это делать, и я не имею права настаивать. Это нарушение закона, — говорил Крючков.

— Ты что, Володя, говоришь? Политическая борьба нарастает, а вы все хотите отсидеться в сторонке. Думайте, как сделать.

Как я позже понял, В. А. Крючков не собирался вести записи непосредственно. Теперь это делалось через собеседников того или иного интересующего Горбачева лица. Во всяком случае, об основных действиях оппозиции М. С. Горбачев был хорошо информирован.

Разумеется, главным объектом интереса в то время был Б. Н. Ельцин. Однако после избрания его в Верховный Совет СССР, а позже президентом России спецслужбы не могли делать то, что нарушало дозволенные методы. И в этой связи Крючков вновь поставил вопрос перед М. С. Горбачевым. Но получил однозначный, раздраженный ответ:

— Мне что, нужно учить КГБ, как следует работать?. .

Тем не менее В. А. Крючков, насколько я понял по бумагам, прямых записей уже не вел и не предоставлял их генсеку. Никогда не велось прослушивание телефонов членов Политбюро и членов Центрального Комитета, вообще руководства партии, правительства и государства. Без указаний Горбачева вообще не было никаких экспромтов. Разумеется, я не знаю всех тонкостей этого дела, бесед М. С. Горбачева и В. А. Крючкова, но внешне все выглядело именно так, так я описываю.

Полученные документы такого характера регулярно докладывались генсеку. Сначала я делал это лично, но быстро понял, что генсеку не очень удобно при мне основательно вчитываться в тексты, и потому скоро я стал направлять закрытые пакеты с материалами на дачу, а во время отпуска Горбачева — в место его отдыха. По возвращаемым бумагам, подчеркиваниям чувствовалось, что Михаил Сергеевич внимательно читал их. Иногда, возвращая пакет, он просил задержать некоторые записи, а, возможно, что-то оставлял и у себя.

Любознательность генсека-президента касалась и многих других сторон жизни как своих единомышленников, так и известных в стране людей. Устная информация дополняла официальную, делала информацию президента более полной и объемной. Видимо, архитектор перестройки считал, что демократия демократией, а знание замыслов его противников все-таки важнее.

…Критика многих выступивших на конференции делегатов, речь Е. К. Лигачева, где он задевал и позиции Б. Н. Ельцина, вызвали обострение дискуссии. Б. Н. Ельцин решил также выступить. Конференция шла к завершению, а слово ему не предоставлялось. Тогда Б. Н. Ельцин решил идти прямо на

трибуну. Зал настаивал, чтобы ему дали слово. М. С. Горбачев подозвал меня и сказал:

— Пригласи Бориса Николаевича в комнату президиума и скажи, что я дам ему слово, но пусть он присядет, а не стоит перед трибуной.

Я подошел к Б. Н. Ельцину, и мы уединились в комнате президиума. Б. Н. Ельцин был напряжен и нервничал. Как мог, я успокоил его, сказав, что слово ему М. С. Горбачев обещал предоставить. Но он просил, чтобы Б. Н. Ельцин присел где-то в первых рядах. Б. Н. Ельцин вернулся в зал и сел, по-моему, в кресло первого ряда. Скоро М. С. Горбачев дал ему слово.

Выступление Б. Н. Ельцина было критичным, с ответом на слова Е. К. Лигачева и многие другие вопросы. Это, по существу, был обзор хода перестройки в его видении и постановка вопросов, какие нужно решать. Речь шла о недостатках перестройки, медленных переменах в партии, возможности появления культа личности. Б. Н. Ельцин предлагал со сменой генсека отправлять в отставку практически всех членов Политбюро и заменять аппарат, предавать гласности партийный бюджет. Вновь был поднят вопрос о недостаточной помощи Москве. В заключение Б. Н. Ельцин просил отменить решение октябрьского (1987 года) Пленума, в котором выступление его признавалось «политически ошибочным». Сам он признавал ошибкой лишь то, что выступил не вовремя — перед 70-летием Октября.

Но началось некое повторение октябрьского Пленума, и выступавшие не хотели поддержать эту просьбу Б. Н. Ельцина. Конференция продолжала бурлить, выплескивая эмоции через край. Для партии, народа, привыкшим к размеренным речам и решениям, она стала своеобразной бомбой, способствовавшей разрушению единства КПСС.

С того самого дня, когда открылась партийная конференция, впервые собравшаяся за последние 50 лет, в жизни партии начались необратимые изменения. Это были перемены, потрясшие страну и весь мир. Люди понимали, что без должного порядка в стране можно потерять все достигнутое, разрушить само государство. Не все, однако, понимали замыслы руководства. Не всё понимал и я. Несколько раз заводил с М. С. Горбачевым разговор на эту тему, но он лишь однажды бросил фразу:

— Подожди, то ли еще я сделаю.

Он замысливал комбинации, о которых не знало его окружение: ни Политбюро ЦК, а позже ни члены Президентского Совета и Совета Безопасности, ни правительство. Даже ближайшие соратники вводились в заблуждение по поводу его

истинных намерений. Был ли у него стратегический план ликвидации партии, развала страны? Полагаю, плана не было, но была некая идея-фикс, та конечная цель, достичь которую без уничтожения существовавшей системы было невозможно. Двигался он к ней импульсивно и с опаской. Большинство понимало перестройку как укрепление страны, ее могущества, рост благосостояния людей. Но это, как показала практика, осуществить генсеку было не дано. Пытаясь изменить общество, он невольно уничтожал государственность. Рвались подгнившие корни власти. И она, как перекати-поле, кувыркалась по просторам огромной страны в ожидании своей участи, появления твердой руки.

XIX Всесоюзная партийная конференция подходила к завершению своей работы. Острота дискуссий, невосприимчивость, порой нетерпимость иных взглядов не помешали все-таки принять ряд важных решений. Конференция приняла постановления по углублению перестройки, а главное — о реформе политической системы. Предстояло провести в тот год отчетно-выборную кампанию в партии, реорганизовать партийный аппарат и советские органы, подготовить дополнения и изменения в действующую Конституцию СССР, осуществить выборы народных депутатов, а затем образовать новые органы государственной власти. И делать это нужно было немедленно.

Демократизация по-горбачевски

Ни делегаты XIX партконференции, ни члены ЦК, принимая постановления и резолюции, не знали, что создавали основы своего отстранения от власти. Десятилетиями складывавшиеся устои общественного развития напоролись на попытки реформирования, как корабль на топляк.

А ведь, как говорил поэт, так все хорошо началось. Идеи демократизации общества витали в воздухе, словно тополиный пух. У многих свободнее стала дышать грудь. Недооцененные младшие научные сотрудники и обойденные властью завлабы, покинув опостылевшие институты, перестали дремать и произносили столь пламенные речи, что многие твердокаменные материалисты быстро превратились в искренне верующих в «капиталистический рай». КПСС позволила всем желающим немного пору-лить государством, принять участие в выборах народных депутатов на альтернативной основе. ЦК КПСС, местные партийные комитеты готовились к избирательной кампании в необычных условиях с лозунгами большей самостоятельности и свободы действий представительным органам. На одно место выдвигалось несколько кандидатур. Эта формула позволила принять участие в выборах всем желающим.

За долгие годы правления КПСС у части населения выработался довольно стойкий принцип неприятия представителей партии. Как показала жизнь, даже очень толковые, знающие люди, поддержанные партийными комитетами, легко проигрывали малоизвестным противникам КПСС. На волне неприязни к КПСС в народные депутаты было избрано немало случайных людей, не выдержавших, к сожалению, элементарную проверку делом и временем. Разумеется, было немало талантливых, весьма квалифицированных и разносторонне подготовленных людей. Но во всем этом было много случайности. Не было оппозиционных партий, которые могли бы вести хоть какой-то отбор кандидатов. К сожалению, в начале 1989 года обо всем этом никто даже не думал. Альтернативный принцип выборов казался очень привлекательным. Но для части претендентов от КПСС он был и опасен. Не сразу, но достаточно скоро это понял М. С. Горбачев. Он чувствовал, что многие партийные и хозяйственные деятели, в том числе и он сам, могут не выдержать соперничества и не получат мандата. Поэтому у него зародилась идея провести выборы депутатов не только от округов, но и от общественных организаций. Под такую идею подводилось соответствующее

обоснование. Необходимо, мол, чтобы представители профсоюзов, комсомола, партии, творческих союзов и организаций, различных обществ также были представлены в законодательных органах, что позволит полнее отразить настроения масс не только по территориальному, но и по профессиональному признаку.

Идея эта выглядела красиво. Она была хорошо воспринята не только в партии, но и среди представителей профсоюзов, писателей, художников, артистов, журналистов и многих других. М. С. Горбачев поручает проработать и нормы представительства: от партий, профсоюзов, других крупных организаций она определена в сто человек. Это была, как я говорил, маленькая хитрость, но и при ее реализации появлялись свои трудности. В этих «сотнях» выборы должны были проходить также на альтернативной основе, что могло свести всю идею к нулю. И здесь опять совместными усилиями договорились, что это право общественной организации: избирать кто как хочет. С альтернативой или без нее.

— Не будем же мы устраивать конкурс на Пленуме среди уважаемых людей, — говорил М. С. Горбачев, когда обсуждал этот вопрос в кругу своих помощников. -

Последнее время он беспокоился за свою популярность, начавшую неуклонно падать. Михаил Сергеевич опасался выдвигаться в избирательном округе, боясь популярного соперника и возможной неудачи, но смущали его и тайные выборы на Пленуме.

— Из вредности ведь могут набросать много голосов «против». А потом человек, спрашивающий и требующий с кого-то за дело, обязательно кому-то неудобен. Нельзя идти на выборы «сотни» с альтернативой.

Это его беспокойство понять было можно. Он чувствовал себя не лучшим образом, плохо спал. Знавшие его близко видели, как он менялся и быстро старел. Раздражительность все больше сквозила в его словах, интонациях. Он принимал неожиданные решения, часто отказываясь от них. Вот и перед выборами он задумался, где должен баллотироваться сам.

— Ну скажите мне, — обращался он к своему окружению, — если я буду избираться в округе, то что скажут коммунисты: генсек не захотел избираться от партии?

А если я буду избираться на Пленуме ЦК, то что подумают люди? Не доверяет народу.

Вопрос, конечно, в этом был. Но я считал, что надо избираться в крупном избирательном округе, где есть и коммунисты, и беспартийные избиратели. В конце концов,

говорил я Горбачеву, он баллотируется в народные депутаты, а не в делегаты партийного съезда. Он вроде соглашался, но, видимо обсудив вопрос дома и с членами Политбюро, пришел все-таки к выводу, что будет избираться от партии.

Много позже я понял, почему М. С. Горбачев решил баллотироваться на партийном пленуме. Выдвинуть свою кандидатуру в Москве он не решался, в связи с тем что мог скандально провалиться из-за сильной оппозиции ему, сложившейся в столице. Идти же в какой-то другой округ было для него унизительным, тем более вступать в борьбу с кем-то при альтернативном голосовании. Он боялся проиграть, боялся получить меньшую поддержку, чем набирающий силу его главный политический противник Б. Н. Ельцин. Взвесив все «за» и «против», Горбачев решил, что единственно, кто ему не изменит, это родная партия, ее ЦК.

И тогда началось составление списка «сотни». Проект его готовил Г. П. Разумовский совместно с работниками оргпартотдела. Они вписали туда многих членов Политбюро и ЦК, первых секретарей ЦК компартий республик, крайкомов и обкомов партий. Это не очень понравилось Горбачеву. Понимая всю сложность своего участия в Сотне», Михаил Сергеевич вот уже который день сидит за длинным столом заседаний и черкает вместе с Разумовским список возможных кандидатов в депутаты. Генсеку очень важно быть в «хорошем» окружении. И партийный список все больше становится похож на список кандидатов, выдвигаемых для избрания в творческий союз. Появляются имена известных писателей, артистов, вписывают туда рабочих, колхозников, вычеркивают одних партийных функционеров и заносят других. Главная задача Горбачева — внести в список известные имена представителей творческих коллективов и организаций. Вот уже который раз в кабинет приносят кофе и чай, подают бутерброды, а конца работе не видно. Скоро Пленум ЦК, и нужно успеть представить этот список на его рассмотрение, и он не должен вызвать особых сомнений, иначе начнутся изменения, могут появиться дополнительные кандидатуры, а это приведет к непредсказуемым результатам.

И вот 10 января 1989 года открылся Пленум ЦК КПСС. Слово взял М. С. Горбачев. Он говорил о важности демократизации общества, росте политической активности трудящихся. В его докладе дается характеристика проекта обращения ЦК КПСС к партии, всем избирателям. Эти слова участники Пленума слушают вполуха. Опытные люди давно научились отделять словесную шелуху от сути дела. А суть — в списке кандидатов в депутаты от партии. *Я* видел, как формировался этот список и чья

«мозолистая» рука вычеркивала и вписывала угодные фамилии. Но в докладе о демократизации общества на уши слушателей вешается лапша о всепартийном участии в выборе кандидатов от КПСС.

— В выдвижении кандидатов в депутаты из числа коммунистов, работающих на местах, участвовало 105 тысяч первичных организаций, — иллюстрирует фактами партийную демократию генсек. — На рассмотрение вышестоящих органов ими было предложено 31,5 тысячи кандидатур. При последующем рассмотрении горкомы, райкомы партии поддержали 3,5 тысячи человек. В дальнейшем обсуждение шло в обкомах, крайкомах партии, в ЦК компартий союзных республик. Тут использовались разные формы — пленумы партийных комитетов, собрания партийного актива, расширенные заседания бюро. В конечном счете партийные комитеты представили в ЦК КПСС 207 кандидатур.

Большая почта с предложениями о кандидатах в депутаты Верховного Совета СССР поступила непосредственно в ЦК. Это позволило довести список претендентов до 312 человек.

Правда, Горбачев не сообщает, что он от этого списка оставил с гулькин нос: в лучшем случае десятка полтора кандидатур. Вычеркивал и дописывал сам. Так что борьба за демократические принципы избрания кандидатов в депутаты велась Горбачевым по заповедям незабвенного Михаила Андреевича Суслова.

Провозвестник уроков правды демонстрировал теперь и уроки демократии. Смысл их состоял в том, что если демократия позволяет взобраться на вершину власти и долго держаться у руля, то это хорошая демократия. Если к тому же она не мешает делать все, что хочется, то не нужно и никакой диктатуры.

Участники Пленума ЦК знакомятся со списками «сотни», и, конечно, у них возникают вопросы. Первый среди них — почему же нет «его» в списке. Внутренне многие побаиваются выборов по округам, появления альтернатив. И не без оснований. Но М. С. Горбачев объясняет, зачем необходим именно такой состав участников. Говорит он долго, хотя в общем-то многие уже поняли, что для хорошего блюда должен быть соответствующий гарнир. Ради нескольких человек, которых следует обязательно избрать, предлагаются известные артисты и писатели, рабочие и крестьяне. Их участие в партийном списке не позволит сказать злопыхателям, что это «сотня» функционеров, дабы не обидеть известных и уважаемых людей. Впрочем, как позже показала практика, эта хитрость не очень-то помогла и название «красная» или «черная» сотня прилипло к избранным депутатам.

Широкая дискуссия на Пленуме не разворачивается, все еще

действует партийная дисциплина, и выборы проходят сравнительно благополучно. Есть бюллетени с вычеркнутыми фамилиями, но это в пределах нормы. Будь, однако, альтернатива, многие могли бы лишиться надежды на депутатский мандат. Такие выборы попроще. Здесь гарантируется избрание, выступать на митингах перед населением не надо. Отчитываться за исполнение депутатского наказа тоже. Теперь только еще один рубеж — утверждение Центральной избирательной комиссии. По существу — формальность.

А в это время в стране разворачивалась невиданная прежде избирательная кампания. В нее включились огромные силы как общественных организаций, так и различных инициативных групп. Среди кандидатов в депутаты нередко происходили яростные словесные схватки. На одно место выдвигалось по нескольку человек. Страсти нарастали. Чем больше критики, резких эпитетов, обвинений власть предержащих, тем больше гарантий успеха. Если ругаешь партию, то можешь быть спокойным — тебя выберут. И этим приемом пользуются кто и как хочет. Второй метод — обещание сделать жизнь зажиточной. Этому верят, и успех тоже будет. — Все критические слова хорошо ложатся на душу людей. Они много ждали от перестройки, новаций Горбачева, но через четыре года вера иссякла, бытовые трудности, всякие неурядицы растут. Народ чувствует, что грядут трудности, обостряются национальные отношения, усиливается преступность, ухудшается снабжение. Впереди хаос. И люди ищут спасения, отвергая тех, при ком стало жить труднее. Они могут восторгаться кумирами, принесшими благополучие, славу отечеству, но не прощают ухудшений в своем положении.

Впрочем, ажиотаж главным образом в ряде крупных городов. Во многих районах положение достаточно спокойное. Несмотря на альтернативу, избирают тех, кого ценят за деловитость, принципиальность, справедливость. Люди все-таки видят, кто посолиднее, и не допускают того, чтобы случайные претенденты избирались в Советы. Но и кандидаты в депутаты хороши: обещают все, что угодно. Хотите улучшение экологической обстановки — пожалуйста, лучшее снабжение — да за чем дело стало, новую квартиру — да сколько хотите и не позже чем через пять лет. И самое трогательное и трагическое, что народ этому легко верит. Даже если кто-то и сомневается, то обнадеживающие слова приятны, и они западают в душу, оставляют доброе чувство о человеке.

Конечно, тогда был начальный период демократических преобразований. Нельзя слишком строго подходить к тем дням и

событиям. Руководство партии само виновато, что истомило народ в ожидании нормальных выборов, свободного волеизъявления. Пройдет время, разберутся люди — кто есть кто. Выдвигать кандидатов и выбирать депутатов будут осмотрительнее, и только тех, кто взвешенно, ответственно подходит к своим обязанностям. А в те дни?

Экономические неурядицы подтолкнули руководителей, лидеров разных движений к разъединению, борьбе суверенитетов, противостоянию людей, по-разному воспринимающих действительность.

В мае 1989 года прошли выборы в высший законодательный орган страны, были избраны народные депутаты. Впереди съезд, формирование его руководящих органов. Не все еще ясно: будут ли две с половиной тысячи народных депутатов приезжать на каждую сессию или выберут из своего состава Верховный Совет. М. С. Горбачев чувствует, что здесь не все продумано до конца, и как быть, пока не знает. Не знает он и подлинного настроения депутатов и депутаций. Много потом будет неожиданностей. А пока он готовится занять место Председателя Верховного Совета СССР. Работа в этом направлении им началась давно.

М. С. Горбачев все больше убеждался, что так любимые им поездки за рубеж, переговоры с руководителями других государств для него, как генсека, не очень приемлемы. Не устраивало это и западных партнеров. Поэтому, нарушая данное ранее обещание не занимать двух постов, Михаил Сергеевич начинает теоретическую подготовку и практическую работу для избрания себя лидером государства. Сначала проблема обсуждается в узком кругу доверенных лиц, затем среди членов Политбюро ЦК. И выясняется, что все только и ждут такого решения. Договариваются до того, что перестройка идет кувырком потому, что Верховный Совет СССР не возглавляет лидер партии. В общем, получив согласие или, точнее, не получив серьезных возражений, М. С. Горбачев приступает к новому этапу подготовки избрания — агитации среди членов ЦК. Он приглашает значительную группу секретарей ЦК союзных республик, крайкомов и обкомов партии и выдвигает идею о том, что в условиях демократии партийные лидеры должны возглавить Советы. Причем сделать это необходимо на всех уровнях. В цивилизованных странах, говорил Горбачев, правящая партия выдвигает президентом или председателем правительства своего лидера. Нам негоже отступать от демократических традиций. Следует перестроить руководящие органы и в центре, и на местах. В сложных условиях политической борьбы мы не должны потерять рычаги управления в государстве.

Секретарям предлагается выставить свои кандидатуры для избрания в советские органы. Сообщение вызвало некоторое недоумение у секретарей. Они не против такого шага со стороны Горбачева, но зачем нужно это им? В зале заседаний наступает молчание. Кто-то пытается выступить; смысл такой, что предложение надо продумать и не стоит спешить. Чувствуется, что секретари не готовы «брать» власть в Советах. Для одних это лишние хлопоты, для других опасение — а вдруг не выберут? Короче говоря, поддержки явной нет. Даже несколько одобрительных голосов не меняют общее настроение.

Но умение уговорить людей доведено у Горбачева до высшей степени искусства. Он говорит так пленительно и азартно, глаза его полны искренности, в голосе столько уверенности в необходимости этого шага, что секретари начинают колебаться. *Я* чувствую, как они примеряют свои обязанности к обязанностям руководителей советских органов, и понимаю, что сопротивление сломлено. Даже если кто-то и не захочет занимать два поста, то он с радостью согласится, чтобы генсек был Председателем Верховного Совета, только бы его не трогали. А для других теперь просто необходимо, чтобы генсек, как и они, возглавил два органа.

Эта «простенькая» операция, длившаяся три часа и стоившая ему, как делился Горбачев, «мокрой спины», закончилась успешно, чистой победой. Теперь нужно преодолеть следующий рубеж. Но в этом ему помогут первые секретари комитетов и депутации от республик, краев и областей. Все будет как надо. Для того чтобы занимать новые позиции, опыта у генсека уже более чем достаточно.

25 мая 1989 года открылся Съезд народных депутатов СССР. Погода в те дни стояла необыкновенная: было тепло, изумрудная зелень листвы покрывала деревья, цвели травы. Народ съехался необычный. Это и те скромные передовики производства, умеющие хорошо работать, а не произносить речи. Тут и партийные работники, занятые хозяйственными делами. Они тоже не «Цицеро-ны», давно разучились говорить убедительно, страстно и остро. А вот и новая когорта депутатов — депутатов-трибунов, прекрасно владеющих словом, ораторским искусством и неплохо подготовленных теоретически. В последнее время можно было ругать советскую власть за все. Но в чем не откажешь, так это во внимании к развитию высшей школы, образования, науки. Вряд ли оппоненты могли пожаловаться на недостаточную грамотность. Многие из них имели ученые степени. Не беда, что они не знают производства или не занимались практическими хозяйственными делами. Это научные

работники, писатели, журналисты, юристы. В общем народ образованный и за словом в карман не полезет.

Зал полон — депутаты, гости, пресса. Смотрю я на избранников нового созыва и чувствую, что кончилась прежняя спячка на заседаниях. Теперь не вздремнешь. Здесь уже депутаты кучкуются, уточняют стратегию, распределяют силы. В депутациях идет своя работа. Прибалты решились на открытый «бунт». Первые секретари жалуются: у нас тут неуправляемые имеются. Дома молчали, а здесь дерзят, свою линию гнут. Народу прибавляется, огромный зал, как муравейник. В первых рядах, где сидят москвичи, ленинградцы, собирается особенно много депутатов из всех областей страны. Там идет работа по тактике обсуждения вопросов, хотя все давно ими обговорено и уточнено.

Накануне открытия съезда состоялось заседание так называемой партийной группы депутатов. Вел его Горбачев, и проходило оно крайне сложно. Среди коммунистов тоже различные настроения и мнения. Трудно выработать единый подход к избранию президиума, других руководящих органов съезда. Раньше активно в этом помогали оргпартотдел ЦК, а сейчас его работники держатся осторожно, боясь, что их обвинят в давлении на депутатов. После слов Горбачева на Пленуме о командных функциях аппарата все запуганы и предпочитают лучше не сделать, чем сделать.

Интересная получилась, кстати сказать, картина. Десятилетиями Политбюро и Секретариат ЦК считали работников аппарата своим приводным ремнем, особенно когда дело касалось местных партийных органов, а теперь его стали обвинять в превышении власти. М. С. Горбачев сам неоднократно поручал работникам отделов держать под контролем работу партийных комитетов, чаще выезжать в районы, области, края и республики для проведения линии ЦК. В аппарате даже специально существовала должность инструктора, в обязанности которого входил инструктаж деятельности партийных организаций и комитетов. Теперь этих работников третировали, критиковали, запрещали делать то, что прежде входило в круг их задач. Люди от удивления и растерянности только пожимали плечами, видя, как быстро вина Политбюро переложена на стрелочников партийного аппарата.

…И вот съезд открыт. Рассматриваются организационные, процедурные вопросы. И с первых минут начинается борьба. На трибуне депутат В. Ф. Толпежников, заведующий кабинетом 1-й Рижской городской клинической больницы «Скорой медицинской помощи». Он просит сообщить во всеуслышание, кто отдал приказ об избиении мирных демонстрантов в городе Тбилиси 9 апреля

1989 года, а также предлагает почтить память погибших. Словно искра сверкнула в бензиновых парах и взорвала съезд. В зале шум, аплодисменты, выкрики. Атмосфера раскалена с первой минуты. Врач знает, что делает, спокойствие и рассудительность покидают многих депутатов. К микрофонам очередь. Каждый хочет высказать свое мнение, появиться на телеэкране, чтобы избиратели видели: они не ошиблись в выборе — вот как их депутат борется за правое дело.

Москвичи особенно активны, но им достается от других депутатов. Москву не любят многие за ее сытость, ухоженность, за неплохое снабжение товарами по сравнению с другими городами. Сформирована межрегиональная группа — центр руководства оппозиционных сил. В общем, борьба разворачивается настоящая, активная, едва не доходит до рукопашной схватки. И оскорбительных эпитетов предостаточно. Идут нападки на партию, партаппарат, армию, КГБ. Особая тема — привилегии номенклатуры. Нападки-то есть, но многое извращено и неверно. А отвечать на критику некому. Пытаются депутаты-коммунисты пробиться к микрофону, но до них очередь не доходит. Да и говорят они блекло, неуверенно. Только несколько женщин, возмущенных откровенной ложью, выступили искренне и мощно, особо не выбирая слов.

Нападки идут на партию, видимо, важной целью была и армия. В зале с подачи Толпежникова разыгрывается сценарий по обвинению солдат, офицеров, генералов в разгоне демонстрации в Тбилиси и жертвах среди мирных граждан. Требуют объяснения военачальников, руководства Грузии. Зал то и дело встает, почитая память погибших в разных районах страны. Я смотрел на происходящее и думал: почему упрекают военных? Почему унижают тех, кто исполнял приказ? Разве солдаты виноваты, что их послали в Афганистан, разве это добровольное желание — разгонять демонстрацию в Тбилиси? Может быть, ошибаюсь, но у меня свой взгляд на эту проблему. И его я изложил Горбачеву.

Когда с участием военных произошли события в Тбилиси, по каким-то причинам погибли мирные люди, надо было обо всем правдиво сказать народу. О событиях тех дней все знал М. С. Горбачев: в стране никогда и ничего не происходило без того, чтобы генсек не был бы информирован своевременно, где бы он ни находился —[1] в столице или тридевятом царстве, в тридесятом государстве.

Это касается и положения, сложившегося в апреле 1989 года в Грузии. Дни эти остались в памяти, 2 апреля М. С. Горбачев вылетел на Кубу, выполняя обещание посетить остров Свободы. Намеченная ранее поездка генсека туда не состоялась из-за

катастрофического землетрясения, разразившегося в Армении. И вот теперь он прибыл для встречи с Ф. Кастро и кубинцами. Визит прошел сравнительно успешно, хотя и были щекотливые моменты в связи с тем, что Советский Союз втягивался в перестройку, конечные цели которой были не совсем понятны не только советским людям, но и кубинцам.

На обратном пути должен был состояться визит в Великобританию, насыщенный многими встречами. В те дни я окончательно убедился, что партийная скромность, товарищеское отношение к окружающим покинули генсека. Это был скорее император, в резиденции которого, а также вокруг нее уже не один час дожидались члены делегации, десятки сопровождающих. Генсек почему-то задерживался, наверх в его апартаменты то и дело поднимались адъютанты, охранники, горничные. Н. Е. Кручина и я сделали несколько кругов вокруг посольства, но положение не менялось. Мы уже начали беспокоиться о его здоровье, но, оказывается, речь шла всего лишь о переносе времени каких-то встреч, смене платья, всей той возне, которую я никогда не понимал, считая, что деловитость и простота — главные признаки, отличающие подлинного лидера от любого другого.

Пока в Лондоне менялись декорации, в Тбилиси назревали серьезные события. Об этом, насколько я знаю, генсеку докладывал Ю. С. Плеханов, поддерживавший постоянную связь с Москвой. Говорил М. С. Горбачеву о тревожной обстановке в Грузии и я, со слов Ф. Д. Бобкова, первого заместителя председателя КГБ, который разыскал меня и по спецсвязи сообщил, что в Тбилиси обстановка выходит из-под контроля. Полагаю, после такой информации М. С. Горбачев звонил в Москву, во всяком случае в день возвращения в Союз он получил исчерпывающую информацию и в аэропорту. Между встречавшими генсека членами Политбюро ЦК была достигнута договоренность о действиях, в том числе и о поездке Э. А. Шеварднадзе в Тбилиси с миротворческой миссией. Но туда руководитель МИД не вылетел, несомненно обговорив этот вопрос с М. С. Горбачевым.

Уже после событий в столице Грузии я узнал некоторые их подробности от бывшего первого секретаря Компартии Грузии Д. И. Патиашвили. Он прилетел в Москву и искал встречи с М. С. Горбачевым, с которым был в хороших отношениях. Два дня он упорно сидел в приемной генсека, ожидая беседы, но Горбачев избегал с ним встречи. Патиашвили было сказано ожидать в гостинице вызова. Но как я понял М. С. Горбачева, он не хотел этой неприятной встречи, всячески ее оттягивал, а потом и вовсе

попросил меня встретиться с Д. И. Патиашвили и узнать, что он хочет. Я уже отмечал, что многие нежелательные встречи, неприятные сообщения генсек перекладывал на кого-то другого. Так случилось и в тбилисском деле. Расхлебывали его Е. К. Лигачев, Г. П. Разумовский, военные. А беседу с Д. И. Патиашвили генсек возложил на меня, хотя это было более чем нелогично. Удивлен был и Патиашвили. Факт отказа от встречи свидетельствовал, что Горбачев все знал, но не хотел иметь свидетеля этой информации.

Выглядел Джумбер Ильич подавленным. Срывающимся голосом со слезами на глазах объяснял, почему поездка Э. А. Шеварднадзе своевременно не состоялась, как конфликт приобретал необратимый характер, что все решения в связи с событиями в Тбилиси согласовывались с руководством. Правда, не сказал мне — с кем. У Патиашвили крайне сложное положение. Он не может сказать всю правду никому, кроме М. С. Горбачева, но и не желает брать вину на себя. Ко всему этому примешивались отнюдь не теплые отношения его с Э. А. Шеварднадзе, корни которых тянулись из комсомольского прошлого. Однако прошло еще немного времени, и уже на первом Съезде народных депутатов Д. И. Патиашвили говорил несколько иначе, чем мне. Вина за гибель людей все больше возлагалась на военных. Солдаты, офицеры и генералы оказались козлом отпущения. Такая позиция не просто удивляла, она поражала тем, как легко перекинули вину политические руководители на стрелочников в погонах. И ни у кого из политиков не хватило мужества защитить тех, кто был им подвластен и исполнял приказы.

Но военные были всего лишь исполнителями чужой воли. Считал и считаю, что М. С. Горбачев должен был занять принципиальную позицию, когда вопрос стал обсуждаться на Съезде народных депутатов. Я хорошо понимал, как это непросто сделать и сколько нужно мужества, чтобы взять на себя ответственность. Казалось, что такого признания ждут депутаты, вся страна. Но признания не последовало. И однажды я заговорил об этом с М. С. Горбачевым.

— Вы могли бы взять ответственность за случившееся на себя, — сказал я. — Нехорошо, когда топчут ваших подчиненных. Если даже исходить из того, что вы ничего не знали о происходящем, это все равно бросает тень на генсека, Верховного главнокомандующего Вооруженными Силами, Председателя Совета Обороны. Вас могли ввести в заблуждение подчиненные. Плохие они или хорошие, никудышные командиры или толковые, назначали их вы, и нельзя отдавать их на эмоциональное

поругание другим. А потом уже разобраться, кто и в чем конкретно виноват. Тогда люди увидят ваше мужество, честность и благородство и поверят вам. Вы отведете удар от безвинных солдат, защитите армию.

Но Горбачев ничего не ответил. Я знал, что затронул больную струну, и это, думаю, ему безусловно не понравилось. Была ли в данном случае проявлена трусость или осторожность политика — судить тогда со всей определенностью я не мог. Лишь позже, столкнувшись с подобными фактами, я убедился, что ему свойственна трусость, которая в конце концов лишает власти любого лидера государства.

Полагал тогда и считаю сейчас, что замеченная многими фигура умолчания генсека, Верховного главнокомандующего Вооруженными Силами страны на том Съезде народных депутатов, не подняла его авторитет, а в глазах многих, и прежде всего военных, он потерял все. Веры ему больше не было, и это стало одной из причин расширяющейся бездны между президентом СССР и офицерским корпусом, всей армией.

…День за днем на съезде ведется изнурительная, надоевшая большинству борьба сторонников разных политических убеждений за влияние среди депутатов и в обществе. М. С. Горбачев председательствует, все время маневрирует, успокаивает одних, снижает страсти у других, подбадривает третьих. Но терпение его иссякает. Он все чаще срывается, повышает голос, отключает микрофон во время выступления А. Д. Сахарова. Это вызывает, с одной стороны, гул одобрения, с другой — негодования. Президиумом недовольны все, считая, что трибуна предоставляется не тем, отсутствует требовательность, соблюдение регламента, царит хаос. В перерывы М. С. Горбачев приходит в зал отдыха президиума измочаленный и растерянный. Собственно, это не комната президиума, а помещение, где в прошлом во время съездов КПСС, торжественных заседаний собиралось Политбюро ЦК. На этот раз руководителей партии не избирали в президиум. Они сидят в амфитеатре или вместе со своими делегациями. Но часто собираются вместе в прежнем месте, где отдыхали всегда за чашкой чая. Остальные члены президиума в комнате этажом ниже. Там все поскромней и проще.

А здесь, наверху, открывается своеобразное заседание Политбюро. Все озабочены, обмениваются мнениями, предлагают решения, дают советы. Впервые эти люди не в состоянии управлять процессом, не в силах изменить ситуацию. Что думали они в такие минуты? Большинство понимает, что открылась дверь, в которую хлынула пестрая толпа народа, и голос ее, зазвучавший на всю страну, пугает и обезоруживает. Но этот

голос волнует и миллионы граждан, которые с недоумением смотрят на телеэкран и видят вавилонское столпотворение.

В дни съездов партии и народных депутатов СССР М. С. Горбачев приезжал в Кремлевский Дворец съездов минут за 30–40 до начала заседания и очень редко к самому открытию. Служба безопасности отслеживала движение генсека-президента, и мне часто говорили: проехал Триумфальную арку, подъезжает к Кремлю, машины вошли в Кремль. Встречал генсека при входе в специальный подъезд Дворца обычно начальник службы охраны. М. С. Горбачеву помогали раздеться и провожали к лифту, на котором Михаил Сергеевич поднимался на третий этаж, где у него имелся небольшой кабинет, оборудованный для работы, отдыха, приема некоторых медицинских процедур, а также каждодневной встречи с парикмахером. Он начинал свой день с мытья головы. Ему подравнивали шевелюру, подбривали затылок и виски, причесывали, сушили волосы. Долгое время его подстригал парень, который работал еще с Л. И. Брежневым. Потом на его место взяли молодую женщину. Во время работы парикмахера генсек иногда приглашал меня с бумагами и после доклада распоряжался, кому какую записку послать для исполнения или ознакомления. Ко времени появления в Кремлевском Дворце съездов он успевал уже переговорить с В. А. Крючковым, А. В. Власовым или с Б. К. Пуго, Д. Т. Язовым, Э. А. Шеварднадзе, премьер-министром и кем-то из секретарей ЦК и получить самую свежую информацию о событиях в стране и за рубежом.

После освежающей процедуры и колдовства мастера над прической М. С. Горбачев спускался на лифте в зал президиума, а точнее, комнату, где собиралось Политбюро ЦК. Он здоровался с присутствующими, иногда присаживался за стол и выпивал чашку кофе, советовался с членами Политбюро, кто будет вести следующее заседание. Но чаще, поздоровавшись со всеми, направлялся в зал, где собирались члены президиума. Нередко там начиналось обсуждение проблем предстоящего заседания.

Во время работы съезда М. С. Горбачев нередко выходил из зала, чтобы выпить кофе или позвонить Раисе Максимовне, встретиться с кем-то из членов Политбюро ЦК, помощников или руководителей союзных республик.

Вот и в дни первого Съезда народных депутатов М. С. Горбачев все чаще покидает заседания, приглашает к себе кого-то из руководства страны или республик, встречается с лидерами оппозиционного крыла.

Несколько дней работы съезда показали, что депутаты-коммунисты находятся в глубокой обороне. Понимает это и

Горбачев. С большим запозданием он собирает первых секретарей обкомов и крайкомов партии в зале Секретариата ЦК на Старой площади для того, чтобы вселить в них дух уверенности. Идет обсуждение хода дискуссий на съезде, звучат упреки, кое-кто говорит, что руководители делегаций, партийные органы ЦК не работают как следует с депутатами, нет организующего начала и индивидуального подхода. Михаил Сергеевич в растерянности, предлагает активнее идти к микрофонам. Впрочем, это метод оппозиции. Она не дремлет, представители ее все время совещаются, вырабатывают меры, обеспечивающие им успех. Главное средство этого успеха — зубодробительная критика партии, привилегий номенклатуры, сложившееся положение в стране. По-прежнему звучат хлесткие фразы, бичующие военных, и все это находит отклик у части населения. Оно еще не пробудилось, чувствуется, что легко увлекается критикой.

Члены Политбюро собираются все чаще. Впервые я вижу столь встревоженные лица, обеспокоенные суждения. На заседаниях дается анализ происходящего на съезде, намечаются меры по стабилизации обстановки, предлагаются контрмеры. Вывод один: сегодня у микрофона уже ничего не решишь, надо вести индивидуальную работу, идти к депутатам, особенно к тем, кто колеблется, легко поддается на экстремистские лозунги. Такая работа уже ведется демократами, причем ведется искусно, жестко. На съезде выступающие говорят, что в гостиницах людей уговаривают, увещевают, подкупают, а то и терроризируют. Ночью звонят в номера гостиниц с угрозами. Многие депутаты сбиты с толку, запуганы. Не защитив депутатов от нападок и угроз воинствующей части демократов, партия проиграла съезд, оттолкнула своих сторонников.

Чем дольше продолжается съезд, тем очевиднее, что при выявившихся противоречиях принимать конструктивные решения он не может. Предлагается избрать из депутатов Верховный Совет как постоянный орган, и это принимается. Но борьба за персональные кандидатуры развернулась активная. Многие из тех, кто особенно яростно, подчас некорректно выступал на съезде, в Верховный Совет не прошли. Механизм большинства отсекает неугодных. И это приводит демократов в неистовство. Они выдвинули тезис об агрессивно-послушном большинстве, о бездумном и единогласном голосовании депутатов из Средней Азии. Оппозиция, чтобы избавиться от этой мощной поддержки линии КПСС на съезде, готова поддержать националистические силы, выступающие за выход союзных республик из СССР. Все чаще звучат предложения о суверенитете, образовании независимых государств. Больше всего об этом хлопочут

москвичи, прибалты. На съезде назревает раскол, в связи с тем что значительная часть их готова покинуть зал заседаний. Опять идут уговоры и маневры.

Конечно, это был первый съезд такого состава. Депутаты собрались на него, не остыв от предвыборной борьбы, резко, подчас бездумно бросая обвинения друг другу. Каждый хотел заявить о себе, быстрее обозначиться в числе выступавших. В речах избранников народа потрясались структуры власти и ее авторитеты. Это был тот накал страстей и та волна эмоций, которые еще долго бродили по стране, захватывая не только депутатов, но и многих партийных работников.

Выборы Верховного Совета СССР, его Председателя и заместителя проходили бурно. Опять схлестнулись в борьбе за власть разные силы, течения, фракции. Выдвижение и избрание М. С. Горбачева проходило далеко не просто. Многие выступающие, поддерживая кандидатуру генсека, говорили о неприятных для него вещах, предлагали ему покинуть пост лидера партии и сосредоточиться на государственной стезе. А. Д. Сахаров заметил, что его поддержка лично Горбачева на выборах носит условный характер и зависит от того, как будет проходить дискуссия по основным политическим вопросам. Нельзя допустить, чтобы выборы шли формально. В этих условиях, сказал Андрей Дмитриевич, я не считаю возможным принимать участие в этих выборах. Депутаты просят М. С. Горбачева дать пояснения о строительстве его дачи в Крыму.

Народный депутат Л. И. Сухов напомнил о том вопросе, который он адресовал М. С. Горбачеву на XIX партконференцию: «Слушая ваши правильные пламенные речи, даже те, которые нетактично начинали, обрывая выступающих, я вас сравнивал не с Лениным и Сталиным, а с великим Наполеоном, который, не боясь ни пуль, ни смерти, вел народ к победе. Но благодаря подпевалам и жене пришел от республики к империи. Хоть смерти предайте, но боюсь я этого пути, а коль это так, то дело революции обречено на провал. По-видимому, и вы не способны избежать мести и воздействия жены… " Я буду голосовать за вас, говорил Л. И. Сухов, но учтите эти замечания, чтобы в народе действительно поверили, что мы придем к идее коммунистического движения…

Обсуждение кандидатуры М. С. Горбачева на пост Председателя Президиума приобрело тогда неизвестную прежде остроту. Предложена была и кандидатура Б. Н. Ельцина, но в тот раз он не стал тягаться с силами, приверженными генсеку. Итоги голосования показали, что из 2221 депутата 2123 голосовали за М. С. Горбачева. Достигнута одна из вожделенных целей генсека.

Первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета был избран А. И. Лукьянов.

Съезд завершился, оставив впечатление пронесшегося тайфуна, взбудоражившего все общество, всю страну и даже мировое сообщество, которое с замиранием сердца следило, как разбуженный российский медведь выбирается из берлоги, направляясь в цивилизованный мир. Что будет, когда он появится среди благопристойных буржуазных демократов, не рухнет ли все вокруг?

Дух перемен заразителен. Он всколыхнул население союзных республик и автономий, он воспламенил то, что подспудно тлело и нередко возгоралось в восточноевропейских странах.

Были еще съезды народных депутатов СССР, продолжалась активная борьба, но все больше полномочия переходили к Верховному Совету СССР. Скоро Председателем его стал уже А. И. Лукьянов, а М. С. Горбачев избран первым президентом СССР. Генсек-президент сосредоточивал в своих руках беспредельную власть, а получив чрезвычайные полномочия, мог осуществлять в стране любые реформы, довести до конца перестройку, добиться того, чего добился, например, за короткое время Китай, не разрушая страну, не четвертуя и не разделывая ее так, как разделывают для продажи говяжью тушу.

Что показали дни Съезда народных депутатов и работы Верховного Совета СССР? Они выявили то, что уже давно ощущалось в обществе, о чем знали специалисты-аналитики. Партия оказалась не готова вести борьбу в новых условиях, она все больше теряла управление происходящими в стране процессами. О причинах этого я уже говорил. Здесь лишь можно добавить, что съездовская дискуссия подтвердила: население в значительной части не поддержало партию еще в дни выборов. А это более серьезная причина, которой ЦК КПСС не придал должного значения. Более того, Съезд народных депутатов расширил брешь в отношениях КПСС и всего населения, воодушевил тех, кто был некогда индифферентен к политической борьбе.

Первый съезд показал, что Центральный Комитет и его аппарат также оказались не готовы к новым формам и методам политической дискуссии и борьбы. Тем самым была поколеблена уверенность коммунистов в способности руководства отстаивать свои принципы и идеалы. И наконец, итоги работы съезда подтвердили горькую истину — неавторитетность Политбюро и генсека, их неспособность в решающие моменты мобилизовать силы партии для достижения намеченных целей. Но только ли неспособность?

Разумеется, надо учитывать, что Съезд народных депутатов, весь демократический процесс проходил на неблагоприятном для партии фоне. Захлебывалась перестройка, ухудшалось социально-экономическое положение в стране, разворачивалась критика партноменклатуры и аппарата за прошлые и настоящие ошибки, центральные средства массовой информации вышли из-под традиционного контроля партии. Состоявшиеся ее XXVII и XXVIII съезды лишь подтвердили и дополнили картину тяжелой болезни КПСС.

Понимал ли все это М. С. Горбачев? Из того, что знаю я, объективного анализа ситуации не делалось, думаю, он считал это излишним. Более того. Неурядицы на съезде и даже трудное избрание на высший государственный пост в нужной степени не насторожили его. Напротив, у Горбачева прибавилось уверенности, он поверил в свою несокрушимость и часто шел «напролом», порой некорректно и даже неуважительно разговаривал со своими товарищами, руководителями республик, партийных организаций, областей и краев, членами ЦК и правительства. Многие скажут: как же так, такой обаятельный, интеллигентный, предупредительный человек и вдруг — резкость и бестактность. Но в жизни подобное бывает. Думаю, многие заметили, что он всех бесцеремонно называл на «ты», даже женщин старше себя. Распаляясь, мог кричать, не выбирая выражений. Мог оскорбить и обидеть человека. Но когда было нужно, умел «обволакивать» людей обаянием.

— Сашок, — говорил он ласково А. Н. Яковлеву, обидев его перед этим, — как идут дела? Прошу, поработай над моим выступлением. Потом вместе посидим, посмотрим…

Последний съезд КПСС

После XIX партийной конференции в составе ЦК, среди руководителей местных партийных комитетов осталось достаточно много людей, которые хорошо помнили март 1985 года, Пленум, где избирался генсеком М. С. Горбачев. Запечатлелись у них в памяти и его первые довольно робкие шаги, неуверенность в своих действиях и потребность в помощи и советах. Как важна была эта помощь пять лет назад и как мешали теперь те же люди, которые помнили генсека слабым, ищущим поддержки! Драматизм положения, а может быть, и трагедия окружавших лидера людей — они были больше не нужны, потому что многое знали, не лебезили перед начальством. Теперь удобнее стали другие, молодые и старые, почитающие своего кумира. В 1990 году М. С. Горбачев был уже иным человеком, и для задуманного им нужны были другие методы работы, новые люди в руководстве партии, в составе ЦК и правительстве. Но даже после серьезного обновления состава первых секретарей обкомов и крайкомов он продолжал негодовать.

— Разве можно с ними работать, — говорил он, расстроенный критическими выступлениями, в перерыве одного из пленумов. — Обновляться надо, скорее обновляться.

XXVIII съезд партии такую возможность предоставлял, и М. С. Горбачев всячески форсировал его подготовку. Ему хотелось сделать этот съезд столь же звонким и открытым, демократичным, как съезды народных депутатов СССР. Для этого был применен принцип альтернативы при выборе делегатов. И все действительно пошло по схеме работы Советов. Развернулась активная борьба за избрание на съезд. В партийных организациях, распаленных критикой недостатков в работе руководства, порой выдвигались и избирались делегатами не умудренные опытом люди, а те, кто мог произнести самые резкие слова, не взирая на лица.

Прежнего контроля и нужной помощи со стороны оргпартотдела ЦК теперь не было. Он существенно «похудел» после сокращения, работники его боялись вмешиваться в дела партийных комитетов и организаций, и тем более в выборы делегатов. Это и физически стало невозможно. В некоторых секторах отдела осталось по 4–5 человек, хотя курировали они регионы от Курска до Закавказья. В результате секретари ЦК лишились большого объема информации, не знали, что происходит на местах. А в ЦК компартий республик, обкомах и крайкомах КПСС не ведали о делах центра. Количество поездок

работников ЦК на места сократилось, средства на телефонные разговоры резко уменьшились. Происходила та самая потеря рычагов управления, о которой я уже говорил.

В нормальных условиях для партийной организации это вроде бы и не страшно, но в системе, сложившейся за многие годы, когда все исходило из одного центра, самостоятельно решать вопросы на местах не привыкли. В парткомах царила растерянность. К этому следует добавить, что генсек после избрания Председателем Верховного Совета, а затем президентом СССР потерял интерес к рассмотрению вопросов партии на заседаниях Секретариата и Политбюро ЦК. Они, как говорилось, проводились от случая к случаю, документы ЦК на места поступали все реже и не давали достаточно полной информации о том, что происходит в стране и КПСС, какие стоят задачи перед партийными организациями. Кроме того, резко сокращались районные комитеты, которые быстро утратили возможность влиять на обстановку.

В большинстве регионов страны выборы делегатов велись в условиях конкуренции и, конечно, не могли не отражать случайности выбора. Использование демагогических и популистских лозунгов было неприемлемо для серьезных людей, что вело к поражению многих коммунистов. Впрочем, не только это определяло позицию делегатов на съездах. Будь обстановка в стране и партии стабильнее, уверенности в правильности избранного пути больше, люди вряд ли бы изменили свою позицию. Не выборы на альтернативной основе виноваты, а те, кто нес ответственность за страну и партию.

И все-таки партийная конференция, съезды народных депутатов кое-чему научили руководство, во всяком случае лично генсека. В те предсъездовские дни М. С. Горбачев серьезно задумывается о своем дальнейшем положении в партии. Роль руководителя Верховного Совета и тем более президента СССР генсека, безусловно, устраивает. Но заниматься партийными делами ему уже скучно и обременительно. Казалось бы, надо оставить пост лидера партии и полностью сосредоточиться на государственной деятельности. Об этом не раз говорилось народными депутатами и многими коммунистами с мест, а в последнее время и членами ЦК. Но такому решению мешают по крайней мере две причины. Во-первых, уход с поста генерального секретаря сильно ослабит позиции Горбачева и он может стать объектом критики и слева и справа. Появление нового лидера в партии может привести к полному развенчанию главного архитектора перестройки. И во-вторых, М. С. Горбачев сам соблазнял всех секретарей обкомов и крайкомов занять ключевые

посты в партийных комитетах и Советах. А теперь получается, что, добившись государственного поста, он оставляет поле деятельности партийного лидера. Это дополнительный аргумент его критикам. И вот Михаил Сергеевич «гоняет», как он говорил, мысли вокруг этого вопроса. Собрав своих приближенных, он выстраивает все аргументы «за» и «против».

— А почему нельзя, покинув пост генсека, остаться лидером партии, — спрашивает он, — ведь Ленин был лидером партии, хотя и возглавлял правительство?

Он смотрит на своих помощников, ожидая ответа. Одни рассуждают, почему это трудно осуществить, другие считают такое предложение блестящим выходом из положения. А меня так и подмывает сказать, что мысль-то действительно неплохая и так можно сделать, но для этого нужна самая малость — быть хоть в чем-то Лениным. Но я молчу, чтобы не огорчать Михаила Сергеевича.

— А если ввести пост председателя партии? — спрашивает он, выслушав разные соображения.

Идея, конечно, смелая, и даже очень смелая. Будь это год-два назад, она могла бы пройти, но теперь и в партии, и в обществе отношение к Горбачеву, мягко говоря, испортилось. Провалиться с идеей нельзя — это политическая смерть. Значит, надо искать что-то попроще.

Рассуждения ведутся все более нереальные, с историческими аналогиями. Но как-то получается, что все аналогии деятелей прошлого смахивают на диктаторов. А это в условиях демократизации не очень подходяще. Поэтому принимается довольно скромное предложение: генерального секретаря избирать всем съездом и всем съездом избрать его заместителя, сосредоточив внимание и силы последнего на работе с партией, ведении заседаний Секретариата ЦК.

Затем М. С. Горбачев начинает поиск «второго лица». С Е. К. Лигачевым генсек мысленно распрощался после критики его в печати, на Съезде народных депутатов. Он больше Михаила Сергеевича не интересует и не устраивает. Нужен свежий человек. Но не просто незапятнанный. Чтобы пройти через «игольное ушко» партийного отбора на такую должность, следует обладать рядом положительных качеств: быть лидером крупной партийной организации, слыть либералом, иметь опыт партийной, хозяйственной или советской работы. Но это далеко не все. Тот, кто думает, что второй человек в КПСС должен иметь «семь пядей во лбу», твердый характер и отличные ораторские данные, сильно заблуждается. Скорее он обязан иметь совсем иные «достоинства»: быть человеком «на своем месте», не затмевать

первое лицо, уметь собственные мысли выдать за идеи лидера, во всяком случае их не присваивать. Но где найти таких людей? Обладателей вышеназванных качеств в партии, конечно, подобрать можно. А вот с соответствующими «достоинствами» откуда возьмешь? Тут намучаешься. Есть, конечно, один рисковый выход — выдвинуть в Политбюро двух толковых людей и позволить им Схлестнуться». Это, как показал предшествующий опыт, надолго займет силы второго секретаря, и он будет постоянно занят борьбой, искать поддержки генсека. Тут уж не до подсиживания. Но дело, повторяю, рисковое: не дай бог, если два достойных лидера споются, — тогда генсеку хана.

Начинается рассмотрение возможных кандидатур. Но этим Горбачев занимается сам и свой выбор держит в большом секрете. До поры до времени, конечно. Держит он в секрете и список тех членов Политбюро ЦК, которые должны покинуть свой пост, и тех, кто придет им на смену. Принцип подбора здесь не ахти какой новый: нужны «свои» люди, но из тех, кто особенно перечить не будет. Не знаю, как делалось прежде, но последнее время метод формирования партийного ареопага был приблизительно такой.

Возможно, подобная политическая кухня — единственный путь создания послушной команды, но он оставлял ощущение какой-то нечистоплотности. Неужели нельзя провести нормальные выборы? Ведь люди знают своих авторитетных вожаков, пусть предлагают их для избрания. Но так, наверное, может рассуждать человек, никогда не игравший первых ролей.

…В разгаре весна 1990 года. До съезда остается мало времени, и доклад делается наспех. М. С. Горбачев нередко приезжает к бригаде Спичрайтеров» в Волынское, а позже — Новое Огарево, куда ему ближе со своей загородной резиденции. В Завидово больше не выезжают — некогда, да и настроение не то. Тревога за исход съезда не покидает генсека. Я вижу плохое настроение и его команды. Люди устали, изверились, они чувствуют, что для истории творят только слова — дел нет. Пять минувших лет в немалой мере были пустыми, а для народа — временем несбывшихся надежд и утраты иллюзий, реального ухудшения жизни. Общество все взъерошено. На коммунистов идет гонение. Даже на тех, кто работает у мартеновской печи, в поле или на ферме. Об этом свидетельствует почта, поступающая на имя президента и в ЦК КПСС.

Но вот настает пора открытия съезда. На этот раз он проводится летом. 2 июля 1990 года М. С. Горбачев, выйдя к столу президиума, сообщает, что избрано 4683 делегата и, кроме 26 коммунистов, все они прибыли на съезд. Начинается избрание

руководящих органов съезда. И сразу разворачивается дискуссия. Шахтер из Магадана предлагает всю полноту партийной власти передать съезду, объявив отставку ЦК КПСС и Политбюро, и не избирать их в члены руководящих органов за развал работы по выполнению решений XXVII съезда КПСС. Дать персональную оценку каждому секретарю и члену Политбюро ЦК.

М. С. Горбачев обещает к этому вопросу вернуться и маневрирует, снижает накал борьбы. Конечно же, он к этому вопросу никогда не возвращается, но пар спущен, накал эмоций приглушен. Президиум съезда избран сугубо рабочим, он на редкость малочислен. Утверждаются и другие руководящие органы съезда. Надо бы начинать работу, но выступающие от микрофонов постоянно подбрасывают «неуютные» вопросы, возбуждают аудиторию, раскаляют страсти. Лишь через два с половиной часа удается приблизиться к политическому отчету Центрального Комитета КПСС XXVIII съезду партии. Слово для доклада получает М. С. Горбачев.

Доклад его еще дышал оптимизмом, обнадеживал, уверял в правильности избранного пути, невозможности действовать иначе. Но чем больше говорил об этом Горбачев, тем сильнее росло напряжение в зале. Снова звучат слова о партии социалистического выбора и коммунистической перспективы, выражении интересов рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. Перечисляются другие ценности, которые исповедует КПСС. Верил ли генсек сам в то, что говорил, или последующие практические действия, а скорее их отсутствие, были реакцией на изменение ситуации? Те, кто знал его близко, никогда не могли понять, где начиналась и кончалась его искренность.

Если на XXVII съезде М. С. Горбачев заявлял, что частнособственнические настроения означают неверно выбранные партией путь и средства в ее работе и это требует исправления, то в докладе на XXVIII съезде звучат мысли о необходимости разных форм собственности. Слово «рынок», произносимое в прошлом генсеком с опаской, теперь является панацеей от всех бед. Вопрос не в том, конечно, что изменилась точка зрения, а в необходимости ее обоснования, информирования об этом коммунистов, всего общества. Многие повторяют еще вчерашние лозунги Горбачева, а сегодня они заменены и отброшены. Это ведет к непониманию людей: все чаще возникает вопрос, владеют ли генсек, Политбюро обстановкой, не шарахаются ли они в разные стороны под давлением критики. Один из секретарей райкома партии, с которым я познакомился, еще работая в «Правде», как-то мне сказал:

— Что вы там наверху мечетесь. Мы не успеваем следить за изменением ваших теоретических воззрений. Я часто бываю на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах, объясняю людям ситуацию, говорю, что социалистические принципы незыблемы, а глядь — у вас уже новые идеалы. Я опять еду на предприятия, а там мне задают вопрос, что три месяца назад я говорил другое. И спрашивают: имею ли я свою точку зрения? А я ее имею, поверь мне. И заключается она в том, что избрали мы в лидеры каких-то перевертышей. Ну разберитесь вы сначала, в святцы загляните, а потом уж и в колокола бейте. Да не думайте, что в глубинке дураки сидят и ничего не видят. Видим мы все, но пока молчим.

Съезд настаивает на отчетах руководителей партии, и Горбачев уступает. Первым слово получает Н. И. Рыжков, затем В. А. Медведев, которого давно критикуют за развал идеологии, хотя он протестует, говоря, что ему этот развал достался по наследству. Выступали затем А. Н. Яковлев, Э. А. Шеварднадзе, Л. Н. Зайков, Е. К. Лигачев и другие члены Политбюро. Отчеты многих делегатов не удовлетворяют, слышны требования признать ошибки, покаяться. Впечатление от обстановки такое, что находишься на Съезде народных депутатов, — та же безапелляционность, борьба за микрофон. Может быть, это стиль времени, может быть, теперь так выражают свое мнение сторонники западных демократий? А может, настолько «припекло» людей, так надоела словесная болтовня и практическая немощь, что делегаты кричат, как от нестерпимой боли?

И так день за днем. Члены Политбюро раздосадованы и апатичны. Они догадываются, что для большинства из них это последний съезд. В комнате, где они собираются, можно увидеть и услышать все: возбужденные голоса сомневающихся, равнодушие потерявших надежду, горящие борьбой глаза энтузиастов и потухшие взоры не верящих. М. С. Горбачев и сам озабочен. Все чаще выходит в зал во время перерыва, под софитами телевизионщиков дает интервью, с кем-то разговаривает. Этим методом он пользовался и в дни съездов народных депутатов. Многие хотят протиснуться поближе, «попасть в экран». Идет разговор, часто продолжающий те темы, которые только что звучали с трибун съезда. Эти выходы «в люди» М. С. Горбачев попробовал делать и на пленумах ЦК, но там вокруг него не толпились. С мест не вскакивали, а многие и не подходили к генсеку, и это его сильно тревожило. Он возвращался из зала, часто удрученный.

Энергичность, уверенность все больше покидают генсека.

Порой чувствуешь, что ему это все давно надоело и он жалеет, что взвалил на себя непосильную ношу. Обвинения в бездеятельности ЦК и его лично звучат настолько часто и резко, что только хорошие нервы могут сдержать от резкостей. Но добираются и до болевых точек. Генсека призывают заняться внутренними делами и меньше путешествовать за границей. Это не в бровь, а в глаз. Горбачев не выдерживает и срывается, понося автора этого предложения. Он еще долго негодует по этому поводу, и секретарь Алтайского райкома партии, указавший на этот его недостаток, еще раз выступает и подтверждает свою позицию.

XXVIII съезд КПСС был ознаменован еще одним нерядовым событием. Слова попросил Б. Н. Ельцин. К тому времени он полностью перешел на сторону формирующейся оппозиции. И это привлекало внимание к его выступлению. Говорил он тверже и увереннее, чем на партконференции, слова его были резки до жестокости и обращены скорее к народу, чем к делегатам съезда. Упор делался на критику партийного аппарата; перспектива виделась в многопартийности, возможности членам КПСС определиться в своем политическом выборе. Предлагалось изменить название КПСС, освободить ее от всех государственных функций. Народ Поддержит только ту политическую организацию, которая позовет не в заоблачные коммунистические дали, а будет каждодневно делом защищать интересы каждого человека, помогать сделать его и всю страну нашу передовой, богатой и счастливой». Так закончил свое выступление Ельцин.

Но не прогнозы для страны и партии обеспокоили тогда Горбачева. Его взволновали слова Б. Н. Ельцина о перспективе нынешнего руководства КПСС: «Можно предположить, что начнется борьба за привлечение к суду руководителей партии всех уровней за ущерб, который они лично нанесли стране и народу. Могу назвать хотя бы одно из этих дел — об ущербе в результате антиалкогольной кампании. Народ спросит за все остальное: за провалы во внешней торговле, сельском хозяйстве, за национальную политику, политику в отношении армии и так далее и так далее. Страна должна знать, какое наследство оставила ей КПСС».

Это было предупреждение лично генсеку, и, мне казалось, он хорошо запомнил пункты обвинения, стремясь поправить все, что еще мог сделать в тот период. Что касается выступления Ельцина, то по всему было видно, что оно последнее на партийных форумах. Он прощался с партией, предупреждая, что может ждать КПСС и ее лидеров. В конце концов так и случилось. Он заявил о своем выходе из партии, а мандатная комиссия съезда признала

его полномочия как делегата утратившими силу.

Как бы ни был тяжел конфликт Горбачева и Ельцина, Ельцина и ЦК, демонстративный выход из партии произвел впечатление на многих делегатов и коммунистов, сыграл немалую роль в создании обстановки неуверенности, а затем и в развале партии. Разумеется, такому исходу дела способствовало и безвольное поведение Горбачева.

Съезд продолжал работу. Он принял много важных решений по самым разнообразным вопросам, волнующим партию и народ страны. Наметил новые пути дальнейшего реформирования государства. Но, думаю, каждый чувствовал, что намеченные постановления нежизнеспособны, их некому выполнять, за их реализацию некому бороться и некому требовать их осуществления.

И вот наступает финал. Предстоят выборы генерального секретаря ЦК и его заместителя. Мнения разделились с первых минут обсуждения кандидатур. Одни хотят, чтобы дело перестройки до конца доводил М. С. Горбачев, другие говорят о невозможности и некорректности сочетания двух постов. Кое-кто утверждает, что генсек не занимается партией, некоторые — что будет, если Верховный Совет СССР запретит совмещения должностей. Но Михаил Сергеевич выбор сделал и отказываться от поста лидера не собирается. Начинается выдвижение кандидатов. Назвали многих, но все они отказались, остался только Т. Г. Авалиани, первый секретарь Киселевского городского комитета партии из Кемеровской области. Он прошел нелегкий жизненный путь и не дрогнул в «соревновании» с Горбачевым. Правда, Т. Г. Авалиани при голосовании набрал 501 голос. Но удивительно не это, а то, что из 4683 делегатов против Горбачева проголосовало 1116 человек. Это не сотня-другая заблудших, из-за которых, как утверждают некоторые, Сталин уничтожил чуть ли не всех делегатов XVII съезда партии, — сегодня такой результат выглядит как серьезный сигнал. По существу — крупное моральное поражение: четверть состава съезда отказала в доверии…

Внутренне Горбачев потрясен. Он, конечно, знал, что спокойно дело не закончится и без борьбы не обойтись, но такого политического нокдауна, который открыл счет оставшимся дням, он не ожидал.

Впереди было еще одно испытание — выборы заместителя генсека. Наряду с «запланированным» В. А. Ивашко кандидатом был назван и Е. К. Лигачев. В отведенном времени для изложения своих концепций и ответов на вопросы и тот и другой довольно удачно преодолели «сито» проверки. Чувствовалось, что к Е. К.

Лигачеву зубастых вопросов больше и трудности у него при избрании еще впереди. Так и получилось: съезд предпочел заместителем генсека ЦК В. А. Ивашко. Е. К. Лигачев получил всего 776 голосов «за» и 3642 «против».

Я был невольным свидетелем последней сцены, завершающей взаимоотношения Е. К. Лигачева и М. С. Горбачева. Генсек возвращался после голосования за своего «зама» и неожиданно в узком переходе из Георгиевского зала Кремля во Дворец съездов столкнулся с Е. К. Лигачевым. Лишь на мгновение он растерялся, но неожиданно сказал:

— Я голосовал против тебя, Егор.

— А я, Михаил Сергеевич, — ответил Е. К. Лигачев, — голосовал за ваше избрание генеральным секретарем…

И они разошлись в противоположные стороны. Разошлись навсегда. Я вспомнил, сколько делал Е. К. Лигачев для избрания генсеком М. С. Горбачева в весенние дни 1985 года. В ту пору «кадры партии» были в его руках, и он беседовал не с одним десятком членов ЦК, секретарей обкомов и крайкомов, прося их о поддержке при избрании Горбачева генсеком на внеочередном Пленуме в 1985 году. Прошло пять лет, и мировоззрения, характеры, принципы развели этих людей. М. С. Горбачев легко перешагивал через прошлые связи, своих товарищей по работе. А друзей у него, по-моему, никогда и не было. Во всяком случае, в Москве. Да еще большой вопрос: были ли у него вообще товарищи? Вроде не меня надо было спрашивать, но приходилось слышать от членов Политбюро, секретарей ЦК: почему М. С. Горбачев сторонится человеческого общения? Есть ли у него близкие товарищи, или он исповедует философию британских политиков, которые утверждали, что у Англии нет друзей и нет врагов, но у нее есть интересы.

Однажды, когда обстановка располагала к откровенности, я высказал эту мысль Р. М. Горбачевой, которая всегда интересовалась отношением к их фамилии со стороны простых и не очень простых людей. Я сказал, что жаль, когда лидер партии не встречается со своими соратниками в обычной домашней обстановке, не обсуждает простые человеческие заботы. Эти слова, видимо, взволновали Раису Максимовну, она быстро свернула разговор и положила телефонную трубку. А через пять минут перезвонила:

— Но вы ведь, наверное, знаете, что бывают встречи членов Политбюро и секретарей ЦК с женами в Новый год?

Я это действительно знал. Но, во-первых, такое случалось раз в году числа 1–2 января, а во-вторых, как мне рассказывали секретари ЦК, это бывали тягостные часы принудительной

встречи, больше напоминающие заседания Политбюро ЦК, только с женами и фужерами. Многие старались увильнуть от подобной обязаловки, ибо обстановка там была гнетущей и кое у кого оставляла тяжелый осадок.

Наверно, я затронул крайне больное место, потому что на другой день М. С. Горбачев поручил составить список помощников, советников и их жен. Возможно, предполагалась какая-то встреча, но, взглянув на многочисленную «команду» своего окружения, он, видимо, окончательно оставил эту идею. Разумеется, дело не во встречах и тем более не в застольях. В отношениях с соратниками у генсека не было человеческого тепла и уважения. А в такой сложной работе, тяжелой моральной обстановке, которая в последние годы власти Горбачева царила вокруг его команды, необходимы были человеческое тепло, нормальное общение, поддержка и, если угодно, забота. Я всегда считал, что люди, тащившие вместе с ним тяжелейший воз забот и ответственности, могли работать только ради идеи и уж никак не за деньги, тем более небольшие. И потому держать свое окружение в положении дворовых слуг было по крайней мере неуважительно.

…И вот разошлись в стороны два человека, два лидера, в душе которых вряд ли осталась теплота отношений. Неужели политическая борьба выше нормальных человеческих чувств? Или я ничего не понимаю, или есть люди, которые ради власти готовы забыть обо всем другом, а возможно, ничего другого у них и нет?

Вскоре после избрания членов ЦК на XXVIII съезде, проходившем в крайне трудной психологической обстановке, состоялся Пленум. На нем были избраны члены Политбюро и Секретариата ЦК. В Политбюро избирался и Горбачев, так как забыли предусмотреть, что на съезде генсек выбирается не только членом ЦК, но и членом Политбюро. Состав новых высших органов партии сильно изменился. В нем практически не осталось прежних лидеров. Не было Рыжкова, Лигачева, Медведева, Яковлева, Зайкова, Слюнькова и многих других. Пришли «свежие» люди с иными достоинствами и недостатками, о которых я говорил. В составе Политбюро ЦК были и все первые секретари компартий союзных республик. Серьезно изменился и состав ЦК. По существу там процентов на восемьдесят были новые люди.

Как-то в дни съезда я зашел в комнату, где уединился М. С. Горбачев, и застал его за подготовкой списка членов ЦК. Теперь он не доверял эту работу никому. Не мог Горбачев и советоваться с нынешним составом Политбюро, так как знал, что оно практически все уйдет с политической арены. Не мог он советоваться и с Разумовским, который давно просился в отставку

по состоянию здоровья, да и не устраивал Горбачева. Все ясно было и с Лигачевым. И вот Михаил Сергеевич сидел один в маленькой комнатке, какой-то покинутый и печальный, и составлял список членов ЦК — органа, многие десятилетия выше и могущественнее которого никогда не было в нашей стране.

Смотрел я на фамилии, написанные неразборчивым почерком на листах бумаги, и мне вдруг показалось, что на них начертаны последние сцены огромной трагедии, глубину которой тогда никто еще не знал. Это был уже не «монолитный» состав Пленума, а собрание представителей разных платформ некогда великой партии, что скоро и проявилось в бескомпромиссных дискуссиях и острой политической борьбе.

Но виделось во всем этом и другое, нечто зловещее. М. С. Горбачев, растерявший авторитет в народе, утративший даже влияние в партии, все еще мог единолично формировать руководство КПСС, а следовательно, и великой державы, исполнителей своей воли. И это было еще одним свидетельством несовершенства, порочности действовавшей системы, позволявшей одному человеку определять судьбы сотен миллионов сограждан, будущее огромной страны.

Хождение в президенты

27 марта 1990 года. Утром этого дня народные депутаты СССР непрерывным потоком шли из гостиниц «Россия» и «Москва» в Кремль. В 10 часов в Кремлевском Дворце съездов начнется заседание, на котором будут объявлены результаты вечернего голосования по выборам президента СССР. Огромный зал полон народу. Сюда собрались не только депутаты, но и большое количество гостей: министров, работников различных ведомств, дипломатических представителей десятков государств мира. И кругом пресса: телевидение, радио, фотокорреспонденты.

Зал гудит, как огромный растревоженный улей. Ночная работа счетной комиссии не осталась тайной, и результаты выборов тихонько расползаются по депутациям. Но опыт кое-чему уже научил, и до официального сообщения слухам не слишком верят.

В фойе гремят звонки, призывающие депутатов занять места. Сажусь и я на свое место среди представителей Северной Осетии. Только что обошел Дворец съездов, был в месте сбора президиума. Члены Политбюро ЦК, собравшиеся в своей комнате, уже знают результаты подсчета голосов. М. С. Горбачеву об этом, видимо, сообщили еще на рассвете. И он хотя и уставший, невыспавшийся, но, чувствуется, удовлетворен итогами голосования. На лице его рассеянная улыбка, он небрежно принимает поздравления, отзывает в сторону помощников и дает поручение готовить текст присяги. Эта процедура для него и страны внове. Но помощники знают практику США и трудностей не видят. Впрочем, у них кое-что уже и заготовлено — за словами клятвы на верность народу Советского Союза дело не станет…

…Члены президиума съезда занимают свои места. Слово предоставляется председателю счетной комиссии. Зал замирает, слышно, как работают кондиционеры. И вот сообщение: М. С. Горбачев избран первым президентом СССР, набрав 1834 голоса из 2486. Депутаты встают, аплодируя новому главе государства. Теперь ему предстоит принять присягу, и 28 мая президент СССР, держа руку на Конституции СССР, клянется стоять на страже соблюдения ее духа и буквы. Так в Советском Союзе появился первый президент. Республики решили не отставать, и через полгода президентов в СССР было уже больше десятка.

На следующий день Михаил Сергеевич попросил зайти к нему. Вопрос один — для работы президента нужен соответствующий аппарат управления. Эта тема уже затрагивалась в разговорах и раньше, когда только вызревала

идея выдвижения его на президентский пост. Но тогда разговор носил общий характер. Теперь же речь идет о конкретных предложениях. Каким должен быть его аппарат, никто толком не представляет, особенно если учесть, что М. С. Горбачев остается и генсеком, у которого уже есть отлаженные структуры управления. При мне он соединяется с помощниками, затем с В. А. Крючковым, А. И. Лукьяновым и просит их подготовить для него предложения по созданию президентского аппарата.

— Подготовь и ты свои соображения, — заключает он, — аппарат должен быть небольшим, но эффективным.

Легко сказать: «аппарат должен быть небольшим и эффективным». Но это задача со многими неизвестными. Прежде чем заняться структурой и численностью аппарата, надо знать, остается ли Совет Министров СССР. Когда-то М. С. Горбачев обронил фразу, что больше ему не нужно такое правительство ни по численности министерств, ни по количеству работников. Я задаю этот вопрос и понимаю, что ответить на него президенту не так-то просто.

— Думайте, — бросает он, — потом обсудим.

Через некоторое время Михаил Сергеевич приглашает к себе вновь и отдает мне предложения Крючкова, Лукьянова и Шахназарова по возможной структуре управления. Президент с ними познакомился; подходы и концепции разных авторов не совпадают, и аппарат небольшим пока не получался. У Горбачева вызревали предложения и по правительству. Он ходил по кабинету и рассуждал:

— Нам нужно пять-шесть общесоюзных министерств: энергетика, оборона, транспорт, экономика, финансы, ну и что-то еще — надо додумать. Решение всех остальных задач — на места, в республики. Но и оставшиеся в ведении центра министерства сократить и преобразовать. Совет Министров СССР, каким он был, больше не нужен. Все возглавляет президент, а для решения текущих хозяйственных вопросов следует создать Кабинет министров во главе с премьером. Заместителей поменьше, аппарат управления президента и премьера должен быть общий, все технические службы тоже.

Михаил Сергеевич продолжал рассуждать о структуре управления, говорил и о возможных руководителях правительства. Но я чувствовал, что это пока только первые подходы к решению проблем или скорее пожелания. Изменить управление сверху, ничего не трогая на местах, крайне сложно. Есть атомная промышленность и атомные электростанции, как быть тут? Нужны министерства иностранных дел, внешнеэкономических связей. А кому подчинить банки? Я задаю

эти вопросы президенту и предлагаю, чтобы целостную концепцию структуры управления экономикой страны разработало новое правительство или его руководители. Горбачев соглашается с этим.

— В президентские структуры следует включить и подразделения для обслуживания Кабинета министров, — заключает Горбачев.

Недели через полторы после напоминания Горбачева я представляю ему схему президентского аппарата. Каким будет правительство, еще не ясно, предложения не готовы. На большом листе ватмана начертаны все подразделения аппарата, их взаимосвязь и подчинение. Михаил Сергеевич рассматривает схему, читает пояснительную записку и просит все это оставить у него. Через несколько дней он возвращает документы и просит одни службы объединить, что-то, напротив, сделать самостоятельным, добавляет новое подразделение, связанное с его обязанностями как Председателя Совета Обороны. Вводится должность первого заместителя Совета и аппарат его управления армией и оборонной промышленностью, МВД, КГБ. На эту должность он впоследствии утвердил О. Д. Бакланова.

Переделав заново схему, звоню М. С. Горбачеву. Он просит приехать в Большой Кремлевский дворец. В это время в зале дворца идет борьба по выдвижению претендентов на пост Председателя Верховного Совета РСФСР. И главный среди них — Б. Н. Ельцин. Тут старые пристрастия и неприязни, и корпус народных депутатов разделился. Партия делает ставку на А. В. Власова, Председателя Совета Министров РСФСР. Итоги голосования показывают, что нужного числа голосов не могут набрать ни тот ни другой кандидат. Безрезультатно проходят два тура голосования. И тогда КПСС меняет своего претендента. Теперь в борьбу вступает И. К. Полозков.

М. С. Горбачев делает беспрецедентный шаг — он идет на Съезд народных депутатов РСФСР, выступает с речью, в которой сквозит поддержка кандидатуры от партии, и остается в зале до исхода голосования. Ни до ни после избрания Б. Н. Ельцина он никогда как президент СССР не ходил на Съезды народных депутатов РСФСР. Там он появился только после августовских событий и присутствовал совсем уж в ином качестве, не выбирая места, где сесть, и, кажется, позабыв даже о флаге, что непростительно.

А тогда выборы Председателя Верховного Совета РСФСР были одним из главных вопросов. Чтобы решить, где ему разместиться, потребовалось созвать совещание лучших умов, помогавших думать президенту. На помощь привлекается такой специалист,

как А. И. Лукьянов. Сесть в первом ряду — вроде не годится. Кто-то советует занять место в президиуме, но ряда на три-четыре выше депутатов, ведущих заседание Съезда. Идея отвергается потому, что туда М. С. Горбачев решил идти с союзным флагом президента.

Флаг и другая атрибутика были заведены Горбачевым впервые. То ли он сам видел, что президент США находится всегда рядом с флагом государства, то ли это подсказали его помощники, но он дал команду ставить рядом с ним флаг СССР, а на самолетах президента изобразить союзный герб. Служба безопасности все эти пожелания исполнила, и теперь в кабинете президента, в залах совещаний, в других помещениях, где он находился, в специальных подставках красовался алый флаг СССР.

Вот и в тот день, когда решался вопрос, где размещаться М. С. Горбачеву на Съезде народных депутатов РСФСР, многое определял флаг. Поскольку зал и президиум отпали, то возникло предложение сесть на балконе. Там был виден и флаг, и президент. Получалось вроде бы в стороне от депутатов, но и над ними. Это должно было вдохновлять сторонников партийной кандидатуры, выдвинутой в Председатели Верховного Совета РСФСР. Но то ли флаг был недостаточно виден, то ли президент, но поход его на Съезд не принес ожидаемого результата: И. К. Полозкова не избрали.

В те дни были достигнуты и некоторые положительные результаты. Позвав меня приехать в Большой Кремлевский дворец, М. С. Горбачев взял схему структуры аппарата и, пока шло обсуждение кандидатур, внимательно ее изучил и серьезно почеркал. Еще раз упразднил несколько подразделений, другие добавил, изменил подчиненность некоторых отделов, выведя их непосредственно на себя, утвердил численность аппарата и порядок назначения работников. Все заведующие отделами и его окружение утверждались распоряжениями президента и подчинялись непосредственно ему. Вносить предложения и возглавить аппарат он попросил меня.

Предстояло сформировать отделы, обеспечивающие все высшие звенья руководства — президента и вицепрезидента СССР, Совет Безопасности, Совет Обороны, институт помощников и советников М. С. Горбачева, Г. И. Янаева. Численность этого института была по прежним стандартам огромна. В последнее время туда только у президента входили В. А. Медведев, А. Н. Яковлев, Г. И. Ревенко, С. Ф. Ахромеев, В. В. Загладин, В. Г. Егоров, В. И. Карасев, В. Н. Игнатенко, В. А. Ожерельев, А. С. Черняев, Г. Х. Шахназаров, а также Г. В. Пряхин, В. С. Гусенков и

несколько референтов. К аппарату помощников на американский манер относились и их собственные службы, включающие помощников, консультантов, референтов, секретарей, машинисток-стенографисток. Своим распоряжением М. С. Горбачев утвердил также большое количество своих внештатных советников. Это были — Л. И. Абалкин, С. А. Ситарян, В. П. Осипян и ряд других видных ученых, экономистов, политологов.

Скоро М. С. Горбачев утвердил схему президентского аппарата, но жизнь постоянно вносила в нее коррективы. Поначалу Кабинет министров, как я говорил, должен был быть целиком подчинен президенту и состоять из шести — восьми министерств. Но намерения быстро разошлись с делами. Я с удивлением увидел, что формируется полноценный и самостоятельный орган управления под стать прежнему Совету Министров СССР. Как у простейших живых организмов из одной клетки воссоздается нечто целое, так здесь возродилась мощная управленческая структура. С «подачи» премьера В. С. Павлова, всего Кабинета министров М. С. Горбачев вносил предложения, а Верховный Совет СССР утверждал образование все новых и новых министерств. Они практически не отличались от прежних.

Соответственно рухнула и идея создания единого «небольшого и эффективного» аппарата управления и обслуживания. Аппарат Кабинета министров превышал две тысячи человек, и обслуживало его вместе с министерствами около 16 тысяч хозяйственных и технических работников. В аппарате президента СССР в августе 1991 года вместе с техническим персоналом насчитывалось менее 400 человек. Поэтому никакого объединения, а следовательно, и сокращения этих структур быть не могло. Распоряжения о создании совместного аппарата, подписанные М. С. Горбачевым, игнорировались. Он знал об этом и просил:

— Ну как-то уладьте с Павловым вопрос. Почему все должен делать я? Вы-то хоть что-то можете решить?

Что я мог решить? Если не выполнялись указы президента СССР по жизненно важным вопросам государства, то можно ли было «уладить» проблему сокращения и объединения аппарата? Она игнорировалась Кабинетом министров, и М. С. Горбачев видел это и молчал. Видимо, усталость или какие-то иные причины были столь сильны, что он подчас не мог настоять на своем и не решался никому отказать в просьбе, особенно если она исходила от каких-то влиятельных лиц. Это наглядно проявилось при решении вопроса о дальнейшем использовании здания бывшего Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ).

И. С. Силаев, Председатель Совета Министров РСФСР,

обратился к президенту с просьбой передать это здание в его распоряжение. Он обосновывал просьбу необходимостью разместить там российские министерства и службы, близостью здания к Белому дому. М. С. Горбачев поручил В. С. Павлову положительно решить вопрос. Через некоторое время по поводу этого помещения пишет записку А. И. Лукьянов. Ссылаясь на стесненность в работе народных депутатов СССР, он просит передать помещение Верховному Совету СССР.

И президент вновь поручает В. С. Павлову со вниманием отнестись к просьбе А. И. Лукьянова. Затем это здание просит мэр Москвы Г. Х. Попов, и опять положительная резолюция Горбачева с просьбой передать здание М оссове-ту. Наконец, по поводу помещения обращается Б. Н. Ельцин, и вновь следует поручение внимательно рассмотреть и решить вопрос. Такой подход был и ко многим другим проблемам, в том числе принципиального характера.

Превращение генсека партии в президента СССР происходило тяжело и непоследовательно. Многие методы, стиль работы, замашки, приобретенные за долгие годы секретарствования в Ставрополье и Москве, остались неизменными в деятельности высшего руководителя государства. М. С. Горбачеву требовалась и какая-то структура наподобие Политбюро ЦК, где можно выступать и давать поручения, рассматривать возникающие вопросы и прежде всего законодательные акты по различным проблемам жизни общества. Такую идею подсказал ему, видимо, А. Н. Яковлев, и она, как хорошее семя, пала на добрую почву и дала всходы. Вскоре был создан Президентский совет. В него вошли как представители правительства, так и общественные деятели — Ч. Айтматов, Н. Рыжков, В. Ярин, А. Яковлев, В. Распутин, С. Шаталин, В. Медведев и некоторые другие. Вошел в этот совет и я.

Идея создания подобного совета была хороша, но он представлял некую добровольческую организацию. В Конституции СССР такой орган не предусмотрен, численность и состав его определялись целиком президентом. Не было у совета и четких обязанностей. Он собирался всего раз пять — семь, на нем рассматривались некоторые текущие вопросы, проблемы конверсии оборонной промышленности, экономики. Но ни квалификация участников заседания, ни положение их не позволяли решать проблемы глубоко и серьезно. Давать же какие-то советы М. С. Горбачеву стало пустым занятием. Михаил Сергеевич в них не нуждался. Так что заседания совета велись нерегулярно, а скорее хаотично. Я заметил, что собирать его было в тягость президенту, а скоро он просто стал ему мешать.

Наглядно это проявилось, когда однажды М. С. Горбачев попросил высказаться по обстановке в стране. Впервые члены совета почувствовали, что они нужны и могут обрисовать ситуацию и высказать предложения, как улучшить дела.

Вот тогда-то президент услышал то, чего совершенно не ожидал. В. Ярин, В. Распутин и некоторые другие говорили о том, что творится в стране, что народ устал от экспериментов, шатаний и от болтовни. Слово «пере-стройка» у большинства вызывает аллергию, ибо хорошее дело запакощено, стало издевательством над здравым смыслом. Я видел, как М. С. Горбачев багровел, и знал, что это дурной знак. Не дав высказаться всем, президент прервал заседание и больше не спешил его собирать.

— Ты посмотри, какую чушь они несли, — нервно ходя по кабинету, говорил позже Горбачев. — И это люди, которым я доверял, вытащил их черт знает откуда. А Ярин-то, ну хорош! От Валентина Распутина я, правда, другого и не ожидал.

Судьба Президентского совета была предрешена. То ли понимая никчемность этого органа, то ли испытывая неудовлетворенность его составом, а может быть, в результате критики в Верховном Совете СССР, депутаты которого считали, что многие никчемные решения рождаются в Президентском совете, но М. С. Горбачев скоро его упразднил. Причем сделано это было второпях, настолько быстро, что члены совета узнали о своей отставке после принятия решения. Знаю, что многих такая бесцеремонность обидела до глубины души.

— А ты-то хоть знал, что нас упразднили? — спрашивал меня А. Н. Яковлев.

Я отрицательно качал головой, не меньше их обескураженный случившимся.

— Чудны дела твои, Господи, — говорил А. Н. Яковлев, жестоко уязвленный неожиданным разгоном совета.

Впрочем, скоро у него состоялся разговор с президентом. М. С. Горбачев пытался загладить эту бестактность. Обещал сохранить за А. Н. Яковлевым все материальное обеспечение и предложил ему возглавить вновь создаваемый институт президентских советников. Однако этого слова сдержать ему не удалось. Советником становился и В. А. Медведев, в прошлом, как и А. Н. Яковлев, член Политбюро ЦК и член Президентского совета. Он, конечно, не хотел и не мог попасть в подчинение А. Н. Яковлеву, поэтому пришлось и того и другого делать старшими советниками. Не пожелал сохранить М. С. Горбачев и прежнее их транспортное обслуживание, о чем мне сказал Ю. С. Плеханов. То же произошло и с заработной платой, ибо здесь разница в

окладах не была бы понятна другим президентским помощникам и могла образовать узел дополнительных противоречий.

То, что президент СССР не сдержал слово, наводило на грустные размышления. А. Н. Яковлев тяготился своими обязанностями, а в середине лета 1991 года пришел к М. С. Горбачеву с заявлением об уходе.

— Приходил Александр, — сказал он, — оставил заявление об уходе и обстоятельную записку, мотивирующую этот его шаг. Я просил не торопиться, подумать. Возьми заявление, но хода ему не давай.

В начале июля А. Н. Яковлев уехал в отпуск на Валдай и оттуда прислал Горбачеву новое заявление об отставке. На этот раз М. С. Горбачев вернул его подписанным.

Меня это обеспокоило, но не удивило. После неожиданного заявления Э. А. Шеварднадзе об отставке удивляться было нечему. Обстановка вокруг президента была давно нездоровой, какой-то неискренней и гнетущей. Он никому и, полагаю, никогда не доверял, ревниво относился к деятельности и успехам других. Но внешне это не всегда бросалось в глаза, и люди поначалу тянулись к нему.

В первые годы работы на новом посту Михаил Сергеевич, как я уже говорил, был окружен заинтересованным вниманием ученых, литераторов, журналистов, политических деятелей, ему было легко встречаться с той частью интеллигенции, которая не только ждала перемен, но и искала лидера, способного объединить и возглавить все здоровые силы общества. Люди бескорыстно старались помочь Михаилу Сергеевичу, выдвигали новые идеи, приносили разработки, выношенные многими годами размышлений, и делали все, чтобы перестройка не только началась, но закрепилась, принесла положительный результат.

Это был период, когда большинство верило в возможности улучшения жизни в стране при Горбачеве, создания свободной творческой обстановки во всех сферах общества. Однако уже тогда настораживала некоторая скованность Михаила Сергеевича по отношению к тем, кто пришел помогать ему. Было такое ощущение, что он не до конца им верит, сомневается в искренности и потому никогда не говорит откровенно. Эта стена отчужденности, бездеятельности, некорректность в отношениях вели к тому, что многие стали искать предлоги для ухода от Горбачева.

Я знал о его старых, со студенческой скамьи отношениях с А. И. Лукьяновым. Мне всегда казалось, что давняя связь позволяет ему с доверием опираться на помощь и советы А. И. Лукьянова. Но этого не происходило. Он часто пренебрежительно говорил о

Лукьянове, о его «профессорском» тоне, поучающих рекомендациях.

— Что он меня пугает негативным общественным мнением, почтой, — часто с возмущением говорил Михаил Сергеевич. — Меня поддерживает народ, и менторский тон неуместен.

Разумеется, я не знал всех тонкостей их отношений в прошлом и настоящем, но хорошо видел, что Горбачев с трудом переносил Анатолия Ивановича. Все это мешало деловым отношениям. Подливала масла в огонь и Раиса Максимовна, невзлюбившая дамскую половину семьи Лукьяновых. По некоторым репликам и замечаниям создавалось впечатление, что Михаил Сергеевич болезненно воспринимает популярность, которую приобретал А. И. Лукьянов в Верховном Совете СССР. Кроме того, Лукьянов был более начитан и образован, и это раздражало Горбачева. Он часто, не сдерживаясь, отпускал колкости в адрес Лукьянова. Конечно, у Анатолия Ивановича были свои недостатки — обидчивость, мнительность, но он честно исполнял свой долг и те указания, которые давал ему Горбачев. Это не спасло Анатолия Ивановича, и на VI Съезде народных депутатов СССР Горбачев фактически настоял на его виновности в августовских событиях и сдал прокуратуре для ведения следствия. Такое впечатление осталось у многих депутатов, да, полагаю, всех, кто видел эту омерзительную сцену по телевидению.

Я уже говорил о том, что рекомендовал М. С. Горбачеву А. С. Черняева в качестве помощника по международным вопросам. Это был по-настоящему грамотный и энергичный человек.

Работал он, как говорят, не за страх, а за совесть. Не было ни одного соглашения между СССР и другими странами, включая вопросы разоружения, которые миновали бы А. Черняева — горбачевского мини-Шеварднадзе, не были бы им обогащены и одобрены. Думаю, что не вина этого старого партийного работника, фронтовика, как мне когда-то казалось, преданного Родине, что он был втянут в подготовку документов, различных соглашений о разоружении, выводе войск и т. п. , нанесших урон нашему государству, армии, российским интересам. Генсек вводил в заблуждение и более опытных людей.

Вот почему я не удивился, когда однажды Горбачев сказал, что не все важные документы надо доверять Анатолию Сергеевичу.

— У него в семье пятый пункт не в порядке, так что ты строго секретную информацию не посылай, может далеко «убежать».

Это предупреждение его прояснило для меня и то, почему Горбачев так долго не хотел утверждать Черняева своим

помощником.

Я не знал никого из семьи Черняева, не знал и о генетических корнях его родственников, но полагал, что Горбачев о своем окружении имеет проверенные данные и знает, кому и что можно доверять. Но все это выглядело как-то не по-людски, не по-товарищески.

Еще более шокирующим стало утверждение Горбачева, что его помощник В. Н. Игнатенко, устраивая интервью с ним, получает деньги от некоторых зарубежных представителей средств массовой информации. В это было трудно поверить. В. Н. Игнатенко много лет работал в аппарате ЦК КПСС, помогал писать книги Брежневу «Малая земля», «Возрождение» и другие. Его включили в состав группы литераторов, удостоенных Ленинской премии, присужденной за телевизионный сериал о становлении и развитии социалистического государства. Наконец, его неплохо знал и рекомендовал М. С. Горбачеву А. Н. Яковлев. Тем не менее, Горбачев, отказывая в доверии своему помощнику, ссылался на то, что имеет достоверные данные, и запретил направлять ему особо секретные документы, высказывая опасения, что они могут быть проданы иностранцам.

Не во всем доверял он и Шахназарову, часто жалуясь, что решения по карабахской проблеме утекают к армянской диаспоре.

После того, как с одного из заседаний Совета Безопасности утекла крайне доверительная зарубежная информация и стала достоянием тех, о ком в ней говорилось, он поручил В. А. Крючкову расследовать это обстоятельство, а также распорядился не приглашать больше на заседания Совета Безопасности своих помощников и советников. Да и круг доверительных вопросов для обсуждения на Совете был резко сужен.

Вообще-то среди помощников генсека своеобразное место занимал Георгий Хосроевич Шахназаров. Уже сам его внешний вид впечатлял своей монументальностью: густая шапка серебристых волос, мефистофельский профиль лица цвета старой бронзы с налетом патины.

В аппарате ЦК после начала перестройки многие узнали, что Шахназаров из очень древнего, кажется армянского или азербайджанского, рода, о чем Георгий Хосроевич много, но достойно говорил.

Шахназаров, разумеется, был замечателен не только своим благородным происхождением. Это был своего рода человек-реликвия. Он знал практически всех руководителей КПСС и мирового коммунистического движения. Георгий Хосроевич был в аппарате ЦК при нескольких последних генсеках. И при всех

вождях был незаменим, плавно колебался в воззрениях вместе с линией партии. Сколько ему было лет, мало кто знал, да и не годы определяли его значение. Универсальность знаний этого человека обернулась способностью теоретически прокладывать дорогу всем руководителям, которые с удовлетворением узнавали, что, оказывается, действуют согласно марксистско-ленинской теории, во всяком случае, согласно чему-то научному. При Горбачеве талант Георгия Хосроевича расцвел и засверкал новыми гранями, потому что время востребовало именно таких людей. Георгий Хосроевич сидел всегда улыбающийся. Когда ему объясняли, о чем шла речь и что от него требуется, он преображался, дремлющий в нем талант просыпался и Шахназаров быстро набрасывал страницу за страницей хорошего текста. И если что-то оказывалось не так, то в отличие от других помощников не спорил, а писал другой текст, который был более правильным и еще ярче. Он мог писать на любую тему, шла ли речь об экономике, политике, армии, экологии, и все, что выходило из-под его пера, было талантливым.

— Какого журналиста удалось подцепить, — нередко восторгался Горбачев. — И не капризничал, соглашаясь работать. Не то что Ситарян, которого я несколько раз буквально упрашивал идти в помощники. А этот сразу как-то буднично, но достойно сказал: с вами — хоть куда. Каков, а?

— Ничего не скажешь, старый конь борозды не испортит, — поддержал я генсека.

— Вот именно. Еще бы поменьше ему представительствовать в международных организациях и болтать, особенно по телевидению.

— Ну этим-то все мы грешим, — успокоил я Горбачева.

Среди людей, которые обслуживали Горбачева, многие создавали весьма нервозную обстановку в аппарате. Каждый боролся за свое влияние, свои особые привилегии, а некоторые из них писали записки и жаловались на недооценку их роли. Обстановка усугублялась еще и тем, что недоверие президента стало распространяться и на высших должностных лиц. М. С. Горбачев был недоволен отдельными действиями Э. А. Шеварднадзе, полагая, что тот работает на себя и заботится прежде всего о росте своего авторитета. Лишился былого доверия А. Н. Яковлев, который, как считал Горбачев, также начал «вести свою игру». Михаил Сергеевич все чаще отправлял его на загородные дачи готовить те или иные документы.

Мне всегда казалось, что подлинный лидер, тем более такой огромной страны, как наша, не должен и не может копаться в мелочах и дрязгах, которые существуют при дворах практически

всех фараонов. Следить, кто что сказал, как взглянул, куда и с кем пошел, — дело не великих мира сего, в лучшем случае их челяди. Да и то лишь при одном условии, что их не втянут в дворцовые интриги. Увы, Горбачев еще не достиг должного для государственного деятеля опыта и величия и втягивался в разного рода события, случавшиеся с его соратниками. Но особенно раздражала генсека-президента возрастающая популярность кого-то из них. Он никак не мог допустить, чтобы о том или другом из них много говорили и писали. Он буквально терял самообладание, когда узнавал, что кого-то хвалят сильнее, чем его. По опыту я знал, что этим людям скоро придет конец. Генсек-президент отправит их в политическое небытие.

Одна из глубоких причин краха Ельцина на поприще секретаря Московского горкома КПСС как раз и состояла в том, что о нем заговорили, и не только в Москве, как о смелом и решительном деятеле, громящем старые устои. Выступления его в московских газетах читали в разных городах страны, что выводило Горбачева из равновесия. Этого было более чем достаточно, чтобы Ельцина не стало в столице как лидера. Нечто подобное произошло и с некоторыми другими руководителями партии и государства. Почувствовав угрозу своему авторитету, он тут же неуважительно отзывался о людях, будь то премьер-министр, или министр иностранных дел, или секретарь ЦК.

Но столь же нетерпимым был он и к жертвам критики в печати или на сессиях Верховного Совета. Это практически означало, что президент скоро «сдаст» такого политического деятеля на съедение средствам массовой информации.

Вряд ли ошибусь, если скажу, что большинство своих соратников он подозревал в неверности и корысти, желании лишить его власти. Иногда дело приобретало анекдотический характер. Михаил Сергеевич не любил, как я уже говорил, когда ему звонили в загородную резиденцию. Однако сам звонил настолько часто, что, казалось, просто забывал, что пятнадцать минут назад уже разговаривал на данную тему. Иногда он и вовсе звонил без видимой причины.

— Ты где сейчас? — спрашивал он и, услышав ответ, говорил: — Ну хорошо, я тебе еще позвоню.

Поскольку подобные звонки шли и другим, я все больше склонялся к мысли, что эти проверки отражали мнительно-болезненное состояние человека, который мало кому верит. И в этом я скоро убедился.

В конце лета 1990 года, отдыхая в Крыму, Михаил Сергеевич неожиданно позвонил мне около И часов утра. По голосу, характеру разговора я понял, что он возбужден и расстроен

каким-то происшествием.

— Ты знаешь, где сейчас Яковлев? — спросил он меня нервно.

Ответил, что не знаю, сегодня суббота и, наверное, где-нибудь на даче.

— Нет, нет, — быстро говорил Горбачев. — Я звонил на дачу — его там нет. Ну а хоть где Бакатин-то, ты знаешь?

Я удивился этому вопросу еще больше, теряясь в догадках: что, собственно, от меня требуется.

Ну где могут быть люди в выходной день летом, рассуждал я, ну не на даче, так, наверное, в лесу. Наконец, в речке купаются.

— Ты, как всегда, ничего не знаешь, — бросил он. — На месте нет и Моисеева, начальника Генерального штаба, — сказал Михаил Сергеевич трагическим голосом. — Мне доложили, что все они выехали в охотничье хозяйство. Если что-то узнаешь, позвони мне сразу. — И он положил трубку.

Разговор оставил у меня неприятное чувство и какое-то внутреннее беспокойство. Мне была непонятна его тревога от того, что кто-то выехал отдыхать в лес или на рыбалку. Но откуда он все это знает, находясь у моря? — задавался я вопросом. Видимо, кто-то постоянно и обстоятельно следил и информировал его по всем этим вопросам.

Минут через 40 раздался снова телефонный звонок. Михаил Сергеевич говорил, что дозвонился до машин, которые находились в лесу, где-то, кажется, в Рязанской области, но, кроме водителей, там никого нет, все куда-то удалились и к телефону не подходят. Водители пошли их искать.

— Зачем они там собрались вместе? Для чего кучкуются? Что они задумали? — нервно спрашивал Горбачев.

Я осторожно высказал предположение, что они собирают грибы.

— Да ты что, там ведь с ними еще несколько генералов, видимо, что-то задумали.

Настроение у меня было испорчено. Понял, что он будет звонить часто и я надолго останусь привязанным к телефону. Но позвонил Горбачев только поздно вечером и уже спокойнее сказал, что он разговаривал с Моисеевым и тот объяснил, что приехал в охотничье хозяйство отдохнуть и случайно встретил там Яковлева с Бакатиным.

— Но до Александра я так и не дозвонился, говорят, где-то в лесу. Это неспроста. От него я подобного не ожидал, — заключил Горбачев.

Я знал, что не очень он доверяет и Бакатину, особенно встревожившись, когда тот стал «набирать очки» своими

выступлениями в Верховном Совете и на Съездах народных депутатов. Всячески уговаривал его выставить свою кандидатуру в президенты России.

— Рыжкова ему не обойти, — говорил он, — но польза будет — оттянет голоса.

Такие проверки Михаил Сергеевич устраивал часто, и, чем сложнее у него становились отношения с Яковлевым, Бакатиным или Шеварднадзе, тем пристальнее он следил за их деятельностью и часто говорил:

— Александр все рвется в лидеры, чего ему не хватает?

В ту пору, как я говорил, отношения между Горбачевым и Яковлевым были уже натянутыми, и Александр Николаевич все чаще подумывал о том, что надо уйти на другое место работы. Среди окружения Горбачева было какое-то поветрие — покинул президента его помощник академик Н. Я. Петраков, отдалился академик С. С. Шаталин. Сложил полномочия Шеварднадзе. Уже не было Н. И. Рыжкова, Е. К. Лигачева, таяло окружение в среде членов ЦК, решил уйти и помощник Горбачева Маршал СССР С. Ф. Ахромеев.

Этот честный и преданный Родине человек оказался в трагическом положении, приведшем его в конце концов к роковому решению. В августе 1991 года С. Ф. Ахромеева нашли мертвым в его кабинете. Его, солдата, прошедшего всю войну, достигшего высших военных должностей и почестей за службу народу, за заботу об обороне страны, теперь шельмовали за то, что приобрел какую-то утварь для дачи. Стыдно было читать в печати, слышать из уст народных депутатов, не знающих, что такое война, но превратившихся в пламенных борцов с привилегиями, о мифических Злоупотреблениях» маршала. Эта мелочность низких людей, у которых не хватило мужества если не защитить Ахромеева, то хотя бы избавить его от наскоков. Никто из них не возвысил голос и не сказал: люди, что же мы делаем с фронтовиком, человеком, которому столь многим обязаны? Где теперь эти люди? История поднимет из архивов стенограммы выступлений и назовет имена тех, кто травил нашу армию, ее заслуженных военачальников.

Меня, да и других поражала, глубоко уязвляла и позиция Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами страны, Председателя Совета Обороны, президента СССР М. С. Горбачева, который отступился от своего помощника, Маршала Советского Союза, широко известного во всем мире.

Мне пришлось быть вместе с Сергеем Федоровичем в США. Я видел, как американские военные, Р. Рейган с уважением и вниманием относились к С. Ф. Ахромееву. С почетом его

встречали и тогда, когда он уже не был начальником Генерального штаба страны. И вот теперь его отдали на съедение мелким крохоборам. Разве такое предательство президента не могло не нанести незаживающей раны ветерану, старому солдату в маршальских погонах? И разве не наплевательское отношение лидеров государства, не пожелавших проститься с ним, привело к тому, что над могилой С. Ф. Ахромеева так преступно и грязно надругались мародеры?

А ведь, как я уже сказал, маршал готовился уйти в отставку. Месяца за два до случившегося С. Ф. Ахромеев подал заявление президенту о своем уходе и откровенно сказал, что в сложившихся условиях третирования его, шельмования военных, поспешного, непродуманного, а главное, одностороннего разоружения не имеет права занимать пост рядом с президентом и не будет участвовать в разрушении армии и государства. М. С. Горбачев был озадачен таким поворотом дел и просил Сергея Федоровича повременить, поработать еще. В свое время он привлек С. Ф. Ахромеева в свой аппарат, полагая прикрыть его именем те не всегда оправданные уступки, которые делались на переговорах с США в то время. Он и не скрывал этого.

— Понимаешь, зачем он мне нужен? — откровенничал Михаил Сергеевич. — Пока он со мной, решать разоруженческие вопросы будет легче. Ему верят наши военные и оборонщики, уважают на Западе…

Маршал СССР Сергей Федорович Ахромеев подал заявление об уходе от Горбачева, но события повернулись так, что он ушел из жизни, не в силах изменить своим принципам, присяге, товарищам по оружию, вместе с которыми прошел боевыми дорогами тысячи километров, укреплял армию, воспитывая солдат и офицеров в верности Родине.

Обстановка в окружении М. С. Горбачева накалялась. Она уже давно не была творческой. Если и в прошлом меня тяготил казенный характер работы, то со временем это стало уже угнетать. М. С. Горбачев последние два года был раздражительным, он все чаще срывался, не мог управлять своими эмоциями. Реформы давно перестали продвигаться вперед. На верхних этажах власти велась борьба нечистоплотными методами. Я подумывал перейти куда-то в газету или журнал и ждал подходящего момента, чтобы попросить об отставке, хотя предполагал, что встречено это будет болезненно. Но нужно было на что-то решаться. Посоветоваться об этом я мог, пожалуй, только с академиком Л. Ф. Ильичевым. Судьба свела меня с ним в начале 60-х годов. Было это так.

Вызывает меня как-то главный редактор «Правды» П. А.

Сатюков и, не глядя на меня — имел такую привычку при разговорах, — говорит:

— Ильичев Леонид Федорович просил ему порекомендовать несколько журналистов для работы с ним, так я назвал и вашу фамилию.

Видимо, по моему выражению лица он почувствовал мое недовольство. Откровенно говоря, я тогда не знал толком, кто такой Л. Ф. Ильичев, но понял, что меня могут оторвать от дела, которое я любил.

— Да вы успокойтесь, рекомендовал я многих, поопытнее вас и постарше, шансов у них больше, — рассудительно, спокойным голосом продолжал П. А. Сатюков, — но и вы тем не менее не отказывайтесь, если спросят, иначе неловко будет.

Так и пошли мы в ЦК, несколько человек. Поднялись на третий этаж основного корпуса, что окнами выходит на Старую площадь. Сидим, ждем. Вот очередь и до меня дошла. Вхожу в кабинет — светлый, просторный, с большим столом заседаний, крытым зеленым сукном, как это тогда было принято. Леонид Федорович сидит за большим столом, усаживает меня и начинает расспрашивать о моей подготовке в области политэкономии, истории КПСС, философии. Потом я узнал, что некогда он преподавал философию во Владикавказском сельхозинституте, многое знал о Тимирязевке.

Человек он подвижный, стремительный, порывистый, часто встает и прохаживается по кабинету. Приглядываюсь повнимательнее: роста небольшого, полноват и лысоват, но лицо симпатичное, глаза внимательные, ум острый, ироничный. Таким он мне запомнился и таким был до последних дней жизни.

Л. Ф. Ильичев вовсе не спрашивал, желаю ли я работать с ним и не говорил о том, что мне предстоит делать. Вел я разговор прямой и откровенный, совсем не желая понравиться. И около месяца оставался спокоен, видя, что мной никто больше не интересуется, поэтому был серьезно взволнован и огорчен, когда П. А. Сатюков пригласил к себе и показал решение о моем назначении в аппарат Л. Ф. Ильичева.

Это переворачивало не только мои планы, но по существу всю мою жизнь. Однако через несколько лет я вернулся в «Правду», а лет через 12 был снова «при-зван» на партийную работу, приблизившись к «кухне», где делалась самая большая политика сверхдержавы.

Был Леонид Федорович сам газетчиком, как говорят, до мозга костей. Отлично писал и редактировал материалы, как ответственный секретарь «Правды», блестяще вел редакционные летучки, на которые собирались все журналисты. Сам он

болезненно переживал свой переход еще в 50-е годы в отдел печати МИД, а затем агитпроп ЦК КПСС. Обладал он и громадным опытом политической работы.

Когда я встретился с ним в конце 1989 или начале 1990 года и сказал о своих планах, он задумался.

— Мне кажется, в стране происходят некие крупные изменения, и видеть все это важно изнутри, а человеку пишущему особенно. Не торопись, подумай. *Я* тоже поначалу очень жалел, что мне пришлось уйти из печати. А потом понял, что в познании я приобрел, может быть, больше, чем потерял.

А как кончилась его работа в «Правде», он мне поведал «в лицах». Рассказчик он великолепный. Богатый язык, очень интеллигентная речь и манера говорить. Да и период, о котором он рассказал, интересен.

— Было это, — Леонид Федорович Ильичев морщит лоб, — где-то в начале 50-х годов. Сталин меня знал хорошо, позванивал изредка по делу. И вот однажды звонит в 12 часов ночи и приглашает на «ближнюю» дачу. Это в Волынском, ты знаешь. Через час приезжаю. На даче, кроме Сталина, Маленков, Берия и еще кто-то — сейчас запамятовал. Они уже сидели за накрытым столом и ужинали. Пригласили меня. Спросив, что буду пить, наливают грузинского вина. А я ужасно голоден, времени второй час ночи. Работали тогда вообще допоздна, а в газете — до рассвета. Пошло это со времен войны, но так и осталось до последних дней жизни Сталина. Да… так вот, наливают мне вина, как сейчас помню: рубиновый цвет и вкус божественный, букет — великолепный… И тост поднимают за Сталина. А фужер великоват, тогда посуда у Сталина вместительная была. Пьют, смотрю, все с удовольствием, со знанием дела и до дна. А я отпил половину и чувствую — задыхаюсь, остановиться надо. Ставлю фужер, тянусь к закуске, и тут до меня слова Берии доходят. Он следит за мной внимательным взглядом и возмущенно говорит, вроде ни к кому не обращаясь, но имея в виду меня:

— За товарища Сталина надо пить до дна.

Я что-то лепечу о работе, самочувствии. А Берия уже стоит и трагическим голосом говорит:

— Товарищ Сталин, разрешите я допью его бокал за ваше здоровье.

У Сталина только глаза поблескивают насмешливо, а может, выпил уже достаточно и шальные мысли витают в его голове. Мне даже дурно стало. Схватился я за бокал и держу накрепко, а Берия руки мои пытается оторвать.

— За товарища Сталина хочу выпить, — и тонкие губы его белеют и кривятся в усмешке.

Чувствую, он пьян, и, чем все кончится, предсказать трудно. Тогда я встаю, говорю здравицу в честь Сталина и, собрав все силы, допиваю фужер.

Тяжело он мне дался. В таких объемах я не пивал, да тогда и вообще пил редко. Сижу и чувствую, что во мне хмель растекается, каждую клеточку дурманит, аппетита уже нет, лишь дурнота наваливается. Смотрю, а уже бокал снова полон, и тост теперь за Берию. Ну, думаю, пропал. Отпил немного, поставил фужер за графин и пытаюсь дотянуться до закуски. И кусок поросятины присмотрел, как слышу — Сталин говорит:

— А почему товарищ Ильичев за нашего уважаемого Лаврентия не хочет выпить? Обиделся или не в ладах с нашими органами? Если обида, тем более надо выпить мировую.

— Товарищ Сталин, — лепечу не своим голосом, — да я еще дух не переведу…

И чувствую, что могу что-то не то сказать, мол, не вождь же он, но умолкаю.

— Нэ может он, — обращаясь к собравшимся, не глядя на меня, говорит с явным акцентом Сталин. — Давайте, товарищ Ильичев, я выпью ваш маленький бокал за уважаемого Лаврентия, нашего друга.

И опять я хватаюсь за фужер и уже без здравиц пью, захлебываясь. Пили мы еще за кого-то, и меня уже не надо было просить, я лишь изредка взглядывал на тот высмотренный мной кусок поросятины, а потом заметил, что его уже нет. Да и есть мне расхотелось. Воспоминания одолели, байки и анекдоты журналистские рассказываю, вижу — все смеются, с интересом на меня смотрят. Запомнил я, что когда уходил, то Маленков, помогая одеться, поддерживал меня за плечо.

…Только через несколько лет я узнал, что было потом. А потом было следующее. Все вернулись за стол, и Сталин спрашивает:

— Так что будем делать с главным редактором «Правды»? Назначать ли Ильичева?

— Пьет много, товарищ Сталин, — говорит Берия.

— Да и на язык не воздержан. Посолиднее бы надо человека, поосновательнее.

— Согласен, Лаврентий, — сказал Сталин, — предлагайте, кого назначать.

— Вот так все это было, — продолжает Л. Ф. Ильичев, с печалью вспоминая события сорокалетней давности. — Назначение мое не состоялось, а пришел главным редактором «Правды» Шепилов. С тех пор газетная работа у меня закруглялась. А с переходом в МИД и ЦК вовсе кончилась. Но я не

жалею. Не жалей и ты, а когда сможешь — пиши, перо из рук не выпускай.

Через несколько месяцев Л. Ф. Ильичев ушел из жизни. Академик, заместитель министра иностранных дел, журналист, бывший секретарь ЦК КПСС, он был большим ценителем живописи. Собрав за многие годы десятки великолепных полотен знаменитых художников с мировым именем, он подарил их музеям, в том числе и своему родному городу Краснодару.

Возможно, и правильный совет дал мне Л. Ф. Ильичев, но обстановка становилась все более чуждой. Не осталось с Михаилом Сергеевичем практически никого, с кем он начинал в 1985 году радикальные реформы. Одних он «ушел», другие ушли сами, и я был как маленький островок в непонятном и все более чуждом мне окружении.

Впрочем, оставались люди, которым, как говорил М. С. Горбачев, он доверял полностью, — Д. Т. Язов и В. А. Крючков. Президент по нескольку раз в день звонил им, часто встречался. Они постоянно докладывали ему о положении дел в стране, армии, о политических течениях, проводимых ими мерах или намечаемых акциях. Михаил Сергеевич ежедневно просматривал или внимательно изучал сотни страниц различной информации. Он просил и меня поддерживать с Крючковым и Язовым постоянный контакт, советоваться и помогать им в чем можно. Но, несмотря на эти частые общения, президент нередко передавал через кого-то им просьбу подготовить тот или иной документ. Сначала я не придавал этому значения, а потом понял, что доверие доверием, а М. С. Горбачев страхуется, решая какие-то деликатные вопросы через других.

Д. Т. Язова я знал меньше, а с В. А. Крючковым меня познакомил несколько лет назад А. Н. Яковлев, когда Владимир Александрович работал еще в разведке. Он пригласил нас к себе на дачу, и я впервые увидел человека, о котором немало слышал. В. А. Крючков обладал спокойным и веселым нравом, тонким и добрым юмором, часто шутил, с близкими ему людьми устраивал забавные розыгрыши и в нерабочей обстановке был компанейским веселым человеком. Насколько я знал, он был трезвенником и практически не пил. И только на официальных обедах набивал льдом стакан, наливал содовую воду, сдабривая все это глотком виски. Он почему-то считал, что талая вода полезна, и льда не жалел.

В. А. Крючков, Д. Т. Язов, да еще, пожалуй, Б. К. Пуго, министр внутренних дел, были основной опорой и поддержкой М. С. Горбачева до того момента, пока им не стало ясно, что со страной, армией, обществом может произойти беда, грозящая

расколом Союза, национальными столкновениями, возросшим потоком беженцев, развалом экономики. В. А. Крючков, насколько я знаю, докладывал президенту добытую нашей разведкой информацию западных спецслужб о целях развала СССР, необходимых мерах для окончательного уничтожения нашего государства как великой державы.

Вместо упраздненного Президентского совета был образован и утвержден на сессии Верховного Совета СССР Совет Безопасности. Это был уже конституционный орган. В него вошли В. В. Бакатин, А. А. Бессмертных, В. А. Крючков, В. С. Павлов, Б. К. Пуго, Е. М. Примаков, Д. Т. Язов, Г. И. Янаев. Большинство из них, насколько я знал, были привержены идеям реформирования жизни общества, укрепления могущества страны. Они поддерживали М. С. Горбачева в его борьбе с возникающими трудностями до тех пор, пока дело не дошло до распада государства, экономического хаоса и кровопролития. И здесь пути их не могли не разойтись.

В. В. Бакатин и Е. М. Примаков не имели определенных должностей и выполняли отдельные поручения. У остальных были высокие посты и ответственные должности. Положения о Совете Безопасности не было, и, чем ему надо заниматься, никто не знал. И меньше всего знал об этом Михаил Сергеевич, поскольку, собрав Совет несколько раз, он убедился, что, кроме хлопот и дополнительной нагрузки, ничего не будет. Президент уже давно решал все вопросы самостоятельно либо выходя непосредственно на того или иного исполнителя и в советах не нуждался. Демократические принципы, которые он исповедовал на публике, ему давно мешали. Президент СССР практически перестал информировать членов Совета, руководителей правительства по большинству внутренних и международных вопросов, рассылать записки бесед с тем или иным государственным или общественным деятелем, как это практиковалось в прошлом. Собрав 1 августа 1991 года Совет Безопасности, М. С. Горбачев буквально в двух словах сказал о визите Д. Буша в Москву. Создалось впечатление, что президент США приезжал посмотреть Кремль и пройтись с Горбачевым по Красной площади. Сообщение было столь скудным, что позже члены Совета заходили ко мне или по телефону спрашивали, нет ли дополнительной информации. Итоги этого визита так и остались тайной для Совета Безопасности, не говоря уже о руководстве партии, Верховного Совета.

Кстати, это был необычный визит. М. С. Горбачев привлек к переговорам с Д. Бушем очень узкий круг доверенных лиц, а чаще всего беседовал с ним вообще с глазу на глаз, старался при

первой возможности уединиться. Так, однажды за обедом, когда еще официанты разносили кофе, Михаил Сергеевич, вставая из-за стола, сказал:

— Джордж, я прошу Вас пройти со мной.

Они вышли из-за стола и черным ходом одни с переводчиком спустились из кремлевских палат на Ивановскую площадь Кремля, а затем прошли на Красную площадь. У них уже давно установились доверительные отношения и шел откровенный разговор. Начало ему было положено еще во время визита Горбачева в Вашингтон. Там во время поездок его сопровождал Дж. Буш. Михаил Сергеевич отлично понимал, что время Р. Рейгана истекает и нужно налаживать отношения с его преемником. Д. Буш, вице-президент США, имел тогда неплохие шансы стать президентом, о чем не стесняясь говорил в своем окружении. Знал об этом и генсек.

И вот как-то, когда Дж. Буш сопровождал Горбачева в Вашингтоне в машине, направлявшейся от советского посольства до Белого дома, между ними состоялся откровенный и доверительный разговор, смысл которого, как рассказывал Михаил Сергеевич, заключался в том, чтобы очертить перспективы перестройки. Он не сказал, в чем заключаются эти перспективы, но несколько раз я был свидетелем, как он просил своих личных посланников, направляющихся в Вашингтон, передать Дж. Бушу, что «договоренности в машине остаются в силе и он будет следовать их выполнению до конца”. Видимо, в ту поездку М. С. Горбачев принял на себя какие-то обязательства, о выполнении которых регулярно информировал.

Эта личная и тесная связь Горбачева и Буша придавала уверенность генсеку-президенту в реализации курса, который он вел, начиная с поездки в Вашингтон. Однако в США лидеры государства и бизнеса были прагматиками и раскошеливались охотнее на различные денежные премии М. С. Горбачеву, другие личные награды, чем на обещанные кредиты, — за малым исключением они так и не дошли до нашей страны. Кредиты были заморожены и не позволили нам облегчить экономическое положение, которое с каждым месяцем ухудшалось. Я думаю, это понимал М. С. Горбачев, осознавая, что дружба дружбой, а табачок врозь. Политику, которая выписывает вензеля, подвержена шараханьям, Запад не хотел, да и не мог кредитовать.

Истинные результаты многих переговоров и обязательств оставались недостаточно ясными для руководства страны, Верховного Совета. Совету Безопасности, как я говорил, вообще придавалось малое значение. Заседания его были нерегулярными. На них чаще всего выносились второстепенные, а подчас и

случайные вопросы. О чем на них шла речь? В апреле 1991 года на одном из заседаний была заслушана информация о деятельности Совета Федерации. Обсуждался вопрос об исполнении республиками обязанностей по отчислению средств в союзный бюджет. Руководители республик ведут линию к обособлению, подозревая, что их грабят другие регионы страны. Говорилось о непонимании многих экономических проблем, некорректности выступлений на заседании Совета Федерации. Обсуждались и возможные меры по улучшению дел.

30 апреля Совет Безопасности заслушал вопрос о землетрясении в Грузии и помощи республике. Рассматривалась также возможность принятия указа президента СССР о введении особого режима работы в отдельных отраслях народного хозяйства страны в связи с забастовками и перерывами в работе.

8 мая 1991 года обсудили возможности вступления СССР в Международный валютный фонд и Мировой банк, а 1 июля под председательством Г. И. Янаева — положение в Нагорном Карабахе. Горбачев участвовать в этом заседании отказался, проведя время в кабинете за чтением шифротелеграмм. Последнее заседание, как я говорил, было в августе и касалось визита Дж. Буша, хода ново-огаревского процесса. Совет Безопасности рассмотрел также ситуацию в агропромышленном комплексе. Решений никаких не принималось, заседания носили чисто информационный характер. Кстати сказать, по сельскому хозяйству не мог принять должное решение и Кабинет министров СССР. Рычаги управления оказались уже в республиках, поэтому вопрос был передан на рассмотрение Совета Федерации.

Несмотря на то что Совет Безопасности был утвержден как конституционный орган, серьезно влиять на практические дела ни в какой области он не мог. И это бессилие лишь подчеркивало глубину кризиса власти, неспособность ее навести порядок. По существу, блокированными оставались деятельность Кабинета министров и указы президента СССР. Руководители глав государств, некогда входивших в Советский Союз, все чаще встречались без Горбачева и вопреки его желанию. Президент СССР действиями республиканского руководства был объективно отстранен от принятия решений. Но М. С. Горбачев до конца этого еще не понимал. Ему казалось, что, сосредоточив партийную и государственную власть, получив чрезвычайные полномочия, генсек-президент безоговорочно управляет великой страной. На самом деле М. С. Горбачев крепко держал только вожжи, а коней его экипажа давно выпрягли и они тащили теперь чужую телегу в другую сторону. Но чтобы понять ситуацию, нужно тонкое политическое чутье, которое на 61-м году жизни

вдруг изменило президенту.

2 марта 1991 года М. С. Горбачеву исполнилось 60 лет. В нашей стране для большинства мужчин это порог, когда можно оформлять пенсию по старости. Но это для тех, кто стоит у станка, трудится в поле, в конторе, институте. У политиков, как они считают, пора зрелости только наступает. Такого мнения придерживался и М. С. Горбачев. На пенсию он не собирался, хотя силы его заметно таяли: он все чаще и больше повторялся, нередко терял нить беседы, забывал, кому что поручал или говорил. Да и старые болячки давали о себе знать — сильные головные боли, высокое, «трансформаторное» давление. Последнее его особенно беспокоило, и он страшился инсульта или чего-то подобного, полагая, что это у него наследственное…

Как-то зимой 1983 года он неожиданно сказал, сильно озадачив меня:

— Ты знаешь, я ведь скоро умру…

Михаил Сергеевич печально смотрел куда-то в пустоту, охваченный своими грустными размышлениями.

— Что это вас в мистику повело? Или врачи запугали?

— Отец умер в моем возрасте, у меня симптомы такие же.

Я хорошо знал, что в ту пору он был здоров, еще крепок, а что касается давления, атеросклероза, других сосудистых заболеваний, то их имеют практически все, особенно если любят сидеть в кресле и хорошо поесть. Мнительность по поводу своего здоровья была у него велика. В молодости он лечился в Железноводске и все время заставлял врачей искать у себя то, чего не было и в помине. Имел он хороший аппетит и если от чего-то воздерживался, то скорее по причине переедания, необходимости сохранения веса. Раза два в неделю у него были «разгрузочные» творожные дни. Генсеку готовился специальный сметанный творог, и на этом надо было «продержаться» сутки. Но он часто не выдерживал. Заказывал себе кофе, который подавался с печеньем, выпечкой, бутербродами, конфетами, зефиром и пастилой. У меня складывалось впечатление, что вся эта игра в диету ведет к тому, что вес набирает он еще больший.

Во время долгих заседаний Политбюро, если генсек не находился на разгрузочной диете, ему и другим членам партийного руководства подавали полноценный обед. Предпочитал он простую пищу, и особенно любил гречневую кашу с бараньим боком или говядиной. Утром ему также готовили каши, и на ужин мне приходилось видеть приготовленную ему гречневую кашу. Правда, это подавалось наряду со многим другим, чем изобиловал стол.

…И вот генсеку исполняется 60 лет. Дата юбилейная. У

Хрущева, Брежнева в такой-то день дым коромыслом стоял. Все руководство собиралось, друзья-товарищи, родственники, близкие. Тосты звенели: за здоровье великого и мудрого, за успехи в строительстве нового общества. Награды высокие обмывались по всем правилам питейного искусства. У М. С. Горбачева все было иначе, скромнее. За великого и мудрого тоста не предложил бы и самый искусный подхалим. За успехи в строительстве тем более. Да и друзей-товарищей не имел генсек, держа всех на дальней дистанции.

В общем, орденов не было, высокопарных речей тем более. И в этом я Горбачева поддерживал. Не считал, что нужна помпезность. В конце концов, не время ликовать на обломках экономики страны. Но мини-прием все-таки состоялся. В зале Секретариата ЦК собрались секретари ЦК, Московского обкома и горкома партии и поздравили Горбачева. Несколько минут посидели за столом, послушали исповедальную речь генсека, в которой он говорил о роли партии в своей жизни и перестройке. Говорил он вроде искренне, и я часто обманывался, слушая, какие он плел кружева, чтобы усыпить бдительность и на практике сделать все наоборот. Или он и сам верил в то, что говорил, как верил и в то, что делает правильно. Человеческая душа — потемки, лабиринт, и, чтобы добраться до Минотавра и вернуться обратно, одной нити Ариадны маловато.

В заключение принесли шампанское. Осушили бокалы и сфотографировались. М. С. Горбачев сразу уехал в Кремль, где предстояло продолжить прием поздравлений на уровне Совета Безопасности, руководителей правительства и Верховного Совета. Н. Е. Кручина ушел распорядиться, чтобы подали еще вина оставшимся в одиночестве после этой казенной получасовой встречи со своим лидером партийным работникам.

А в Кремле в это время началась вторая серия поздравлений. И хотя Горбачев предполагал, что выступит Павлов, слово взял А. И. Лукьянов. Он произнес поздравительную речь и вручил подарок. Затем последовали поздравления Д. Т. Язова, который подарил саблю в ножнах с инкрустацией и эфесом из желтого металла. Б. К. Пуго вручил М. С. Горбачеву коробку с пистолетом Макарова с дарственной надписью и обоймами с патронами. Это был уже второй пистолет Макарова. Первый, с золотой инкрустацией, ему раньше подарил В. М. Чебриков. Так что президент СССР был хорошо вооружен. Один пистолет он хранил в сейфе и несколько раз давал мне подержать его, показывая, как надо заряжать оружие и целиться, другой, возможно, носил с собой.

Бакатин, с его тонким чувством изящного, подарил генсеку

мраморную голову, как он считал, поэта, правда ни на кого конкретно не похожего, видимо работы какого-то кладбищенского ваятеля. Горбачев, так и не найдя в мраморном шедевре сходства ни с одной известной ему личностью, велел отправить его на склад Управления делами ЦК КПСС. Далекие от подлинного искусства хозяйственники пытались оприходовать отвергнутый дар как голову Суворова в молодости, но у них этот номер не прошел. Во всяком случае, эту «поэму в камне» бережно хранили. Дальнейшую судьбу подарка не знаю.

В. А. Крючков, некоторые другие отправили свои подарки прямо на дачу генсека. Дары поступали от глав государств, посольств, ряда наших ведомств. Все это были личные подарки, так как общим от ЦК и Совета Безопасности была большая палехская шкатулка дивной работы с изображенным на верхней крышке Кремлем, о чем просил М. С. Горбачев.

Затем очередь поздравлять дошла до помощников и советников президента, которые нашли-таки много красивых слов, но лучшими по своей теплоте и оригинальности Михаил Сергеевич признал слова А. С. Черняева и Г. Х. Шахназарова и рассказывал об этом даже на заседании Совета Безопасности.

После речей, традиционных объятий, нередко с горячими поцелуями, каждая когорта поздравляющих направлялась в соседнюю комнату, где был накрыт большой стол и разносились напитки. Наполненные рюмки и фужеры вызвали новую волну вдохновения. Правда, далеко не у всех. Многие, пригубив рюмку, покидали этот зал, занятые своими непростыми делами. Этим по существу и завершилась официальная церемония чествования. М. С. Горбачев уехал на дачу. Никого из соратников он к себе не звал, и, думаю, никого из партийного и государственного руководства у него никогда и не бывало там. Несколько удивленные сухостью и не назойливостью проведенного «мероприятия», некоторые его сподвижники собрались в Кремле, выпили еще по рюмке и порассуждали, как это в правилах российской интеллигенции, о трудных временах.

Ново-огаревский тупик

Ново-огаревские посиделки, как их назвали журналисты, и тот процесс регулирования взаимоотношений бывших союзных и автономных республик, который начался в этой подмосковной резиденции, оставят след не только в отечественной истории. Они, безусловно, станут символом капитуляции центральной власти, развала государственности великой державы, символом разгорания этнических конфликтов, увековечив имя архитектора этого процесса — М. С. Горбачева.

Однако ново-огаревские посиделки явятся и спусковым крючком для многих неожиданных явлений в нашем обществе, последствия которых сегодня непредсказуемы. Юридическим оправданием этого должен был стать новый Союзный договор. Необходимость в таком документе назревала все больше по мере того, как постановления правительства СССР и указы президента игнорировались на местах. Давно возникший спор, чей закон и чья конституция приоритетнее, кончился тем, что республики избирательно выполняли решения центра, перестали в полном объеме отчислять налог в Госбанк СССР, ущемляли расположенные на их территории воинские части, ограничивали поставки дефицитной продукции.

Вместе с тем подготовка нового Союзного договора, по существу, не вызывалась острой *политической* необходимостью. Скорее всего, потребность в нем была следствием состояния разрушающейся экономики и реликтовой потребности в сложное время самоизолироваться, избавиться от ощущения, что тебя «объедают» соседи. Эта причина, кстати, являлась одной из важнейших и в росте националистических настроений, возникновении кровавых и этнических конфликтов, что подхлестывало центробежные силы в стране.

Надо сказать, этому во многом «помог» сам Горбачев. Решив однажды посетить Прибалтику, генсек прибыл в Таллинн и там, может быть, непроизвольно поддался на провокационные утверждения некоторой части озлобленной националистической интеллигенции, которая распространяла измышления о том, что русские их объедают. С упорством, достойным лучшего применения, генсек начал доказывать, что все совсем наоборот, что Россия кормит Эстонию. Видимо, провокаторам только этого и надо было. Теперь обиделись все слои общества Прибалтийской республики, и началось выяснение того, кто кого кормит. Полился поток грязи на русских. Горбачев мобилизовал тогда экономистов в поддержку своего утверждения. Он приводил

цифры, факты, расчеты межотраслевого и межреспубликанского балансов, и, чем больше он демонстрировал доказательств, тем упорнее становились его оппоненты. Да и какой народ согласится, чтобы его считали иждивенцем? И какой руководитель станет на этом настаивать? В общем, генсек проиграл, как говорится, по всем статьям, озлобился сам и еще больше разжег антирусские настроения среди эстонцев. Но так и не осознал этого.

— Я их фактами, расчетами к стенке припер. Понимаешь, они ведь непросвещенные, таких балансов в руках не держали. Вижу — задумались. Среди эстонских экономистов есть и люди разумные, понимают, что к чему. А остальные — так, дилетанты. Больше на горло давят, — делился Горбачев по возвращении в Москву своей, как он считал, убедительной победой.

Новый договор был следствием развала народного хозяйства, неэффективной внутренней политики, неспособности реализовать декларированные реформы. Но отсюда же вытекало и другое следствие — неспособность руководства страны осуществить намеченные меры, консолидировать силы общества.

Большинство трезвомыслящих людей всегда понимало, что самоизоляция в национальных квартирах может только усугубить социально-экономическое положение народов. Не раз звучали предостережения о том, что в одиночку не выжить. В одиночку можно только доломать то, что еще осталось. Но в период, когда заговорили политические амбиции руководителей, когда разжигались националистические настроения, людей трудно в чем-либо убедить разумными доводами. И чем больше захватывается плацдарм самостийными силами, тем больше усиливаются их аппетиты, и тогда, как иногда происходит с химической реакцией, процесс становится неуправляемым. Вслед за собственной армией и оборонной промышленностью возникает потребность «в своих» деньгах, границе, таможне, атрибутике и т. п.

Слабость центра, его неспособность руководить державой практически требовали раздачи полномочий более сильным местным лидерам. И в этом многие видели хоть какое-то спасение от гибели. Единственное, на что был еще способен президент СССР, это оставить за собой хотя бы некоторые полномочия, поддерживавшие сам институт президентской власти, и те символы, которые позволили бы сохранить ему лицо. Но чтобы выторговать это для центра, предстояло еще бороться, бороться всеми силами, всеми допустимыми средствами. Для проведения этого поединка и было избрано Ново-Огарево.

Что представляла эта загородная резиденция, почему была

выбрана именно она?

Ново-Огарево расположено километрах в 35 от Москвы. Эта огромная старинная усадьба размещается в сосновом бору на высоком берегу Москвы-реки. Некогда часть ее принадлежала российскому промышленнику и имела несколько великолепных строений. В глубине ее расположен особняк старой каменной постройки в готическом стиле. После революции здесь жили руководители партии и государства. Работники службы безопасности рассказывали, что когда-то это была дача Ворошилова, затем Хрущева, Черненко. В последние годы ее использовал М. С. Горбачев для «личных домашних» встреч с Р. Рейганом и другими политическими деятелями стран Запада.

Ближе к Успенскому шоссе размещается двухэтажный дом приемов, всего с одним кабинетом и спальней, с несколькими обеденными залами. На крытых и утепленных верандах также стоят огромные столы, где можно разместить 70–80 гостей. В этом доме приемов, в зале второго этажа, и было решено проводить заседания Совета Федерации по доработке проекта нового Союзного договора.

Почему же выбор пал именно на Ново-Огарево? Ведь добираться туда было неудобно. Глав республик привозили на автобусах, как экскурсантов, и так же отправляли в Москву. Но были и свои преимущества. Прежде всего, подготовка такого рода документов носила затяжной характер и часто заседания кончались за полночь и желающие могли там переночевать. Во-вторых, Ново-Огарево, по мнению организаторов, могло бы войти в историю и стать символом нового мышления, демократического подхода к формированию иного сообщества на осколках прежней империи. Ново-огаревский документ должен был напоминать кемп-дэвидское соглашение, которое и сегодня остается в памяти и «на слуху» мирового сообщества. В-третьих, дом приемов хотя и был не совсем удобен для заседаний, но располагал всем необходимым для их обеспечения, включая хорошую кухню, и многие наиболее сложные вопросы находили продвижение за обеденным столом. И. наконец, в-четвертых, Ново-Огарево располагалось недалеко от резиденции президента СССР, что, конечно, не так существенно, но все-таки позволяло ему быстро добираться «туда и обратно». Возможно, были и другие причины для загородной работы над проектом.

Еще в начале 1991 года была сформирована группа специалистов для подготовки проекта нового Союзного договора. Возглавляли ее вице-президент АН СССР, академик В. Н. Кудрявцев и два представителя президента — бывший первый секретарь Киевского обкома партии Г. И. Ревенко и Г. Х.

Шахназаров. Работа эта была длительная и кропотливая. К участию в ней приглашались экономисты, юристы, политологи из разных республик. Но представленный первоначальный вариант нуждался в политической проработке на высоком уровне. Возникала потребность обсудить проект с руководителями союзных и автономных республик и высказать принципиальные замечания. М. С. Горбачев решил собрать всех в загородной резиденции.

Надо сказать, важнее вопроса, чем сохранение нашего Союза, я в ту пору не знал. В конце 1990 года у меня состоялся откровенный разговор с М. С. Горбачевым о судьбе СССР. Возможности для обстоятельных бесед с президентом все больше сокращались. Он не любил говорить на неприятные для него темы и всячески уходил от «тяжелых» бесед. Но речь шла о слишком важном вопросе. Его я поднимал неоднократно. Ведь уже начиная с 1988 года все четче проступали глубокие трещины в нашем Отечестве, разрушающие Союз, вырисовывалась самостийность в некоторых республиках. Это была пора, когда едва уловимый холодок отчужденности только начинал витать в словах многих деятелей творческой интеллигенции, считавшей модным лягнуть центр и Россию, упрекнуть их в шовинистических настроениях. Давние украинские друзья мне говорили: пока суетятся представители Закавказья, Молдавии или Прибалтики, это не страшно. Страшно будет, если поднимет голову украинский национализм, полыхнет «самостийность», вот тогда настанет конец нашему единству. Откровенно говоря, такое мне не могло даже прийти в голову. Как могут украинские братья, связанные с Россией многими столетиями совместной дружбы и годами борьбы за общее дело, изменить нашему Союзу. В это я отказывался верить и понимал, как тяжело будет жить перемешавшимся народам, миллионам семей, где смешанные браки существовали так естественно и распространились столь широко.

В то время мысль о расколе России и Украины мной воспринималась как дикая и еретическая. Но, видимо, я не все знал о тайных действиях определенных сил, которые подталкивали страну к разъединению. Другое дело прибалты, которые всегда смотрели в лес и за море, особенно после того, как общими усилиями Советское государство отстроило им промышленное производство и инфраструктуру, прежде всего дороги.

И вот теперь я сидел в кабинете президента, и разговор зашел о будущем нашего Союза. Для себя я считал этот вопрос принципиальным, определяющим мое отношение к

сотрудничеству с президентом. М. С. Горбачев знал об этом моем «комплексе» и, может быть, потому ответил, как мне казалось, прямо:

— Советский Союз был и будет. Ты говоришь о тяжелых последствиях для экономики. Это так, но не видишь политическую и социальную катастрофу в случае распада государства. Речь идет не только о принадлежности заводов, но и территорий, пересмотре границ. У нас десятки миллионов русских, украинцев, белорусов живут за пределами своих национальных границ. Ты подумал, как быть им? Нельзя допустить великого переселения наций. А как быть, скажем, Литве, когда Клайпеда наша, ряд районов принадлежали полякам?

Президент перечисляет территории, из-за которых может возникнуть спор между республиками, краями и областями на Кавказе, в Средней Азии. Заканчивает он свой монолог на оптимистической ноте:

— Пока я президент СССР, разрушения Союза не допущу. Для этого и в Конституции СССР заложены механизмы, которые страхуют от скоропалительных решений. А теперь об экономике. Что они смогут сделать, не имея нефти, газа, вообще топливно-энергетических ресурсов? Перережь эту пуповину, сократи дотации, и они не выдержат и полугода. Ты ведь знаешь, я говорил об этом при поездке в Эстонию. Показал соотношение поставок продукции и кто у кого сидит на шее. Это ведь можно увидеть и на практике. Эстония, кстати, не единственная территория, прильнувшая к могучему телу России. Так что ты можешь быть спокоен.

— Я не против суверенитетов, но положение дел таково, что становится страшно, когда подумаешь, сколь тяжелы будут последствия разжигаемой кое-кем национальной неприязни. Не хотел бы участвовать в развале страны. Сомневаюсь и в возможности Цивилизованного развода»…

— О чем ты говоришь? Повторяю: Союз был, есть и будет. Тут я не отступлю…

Разговор закончился на раздраженной ноте. Президент едва сдерживал себя, и можно было ожидать срыва.

Он часто не сдерживался и мог бросить в лицо любые обвинения — в шовинизме, имперских замашках, а может быть, и в чем-то похуже.

Не уверен, говорил ли М. С. Горбачев тогда искренне или создавал флер, пытаясь прикрыть свои истинные намерения? Но он не мог не знать, что люди видели на деле сдачу президентом позицию за позицией, подталкивание к развалу государства. В

конце концов так и было сделано. Вопреки всем своим обещаниям, без референдума, с нарушением Конституции СССР республики Прибалтики «отстегнулись» от Союза, образовав прореху в экономике, обороне. Но главное в том, что остались беззащитными сотни тысяч русских, украинцев, белорусов, которых демократствующие лидеры прибалтов не считали за людей.

Между этим разговором и развалом Союза было еще одно событие — Вильнюс. В какой мере принимал участие в этой операции президент, мне не известно. Но то, что он был в курсе событий, очевидно. Почувствовав трудности у Б. Пуго, просил помочь Д. Язова, обращался по этому вопросу к Крючкову.

— Положиться на них нельзя. Ничего не могут сделать толком. Провалят любое дело, — жаловался он.

Именно в тот период он поручил ряду членов Совета Безопасности разработать меры по введению в соответствующих условиях чрезвычайного положения на отдельных территориях и в целом по стране. Была ли это подготовка к сохранению Союза или меры против развала центра, утраты своего президентского поста, — сказать трудно. Последнее больше похоже на правду, если участь последующие события. И вот теперь готовилось заседание, призванное определить судьбу Родины.

24 мая 1991 года. День был теплый, солнечный. Микроавтобусы с членами Совета из союзных и автономных республик уже прибыли, и руководители республик прохаживались по парковым аллеям в ожидании прибытия руководства. Представители России, Украины, Казахстана добирались своим персональным транспортом, вскоре подъехал и президент СССР. Все поднимаются в зал второго этажа. Зал сравнительно небольшой, но 50 человек за большим столом свободно размещаются. Здесь много хрустальных люстр, великолепная мебель, ковры. Но для работы не очень удобно. Плохая слышимость, низкие потолки, да и слишком рассеян свет. Все рассаживаются. М. С. Горбачев — за небольшим столом председателя в торце стола заседаний. Справа от него сидит А. И. Лукьянов, слева — В. С. Павлов, затем Б. Н. Ельцин, Н. Дементей, Н. Назарбаев и далее — по перечню республик в союзной Конституции. В конце стола размещаются руководители бывших автономных республик.

Заседание открывается. Президент СССР предлагает обсудить на нем вопросы, касающиеся названия нового Союзного договора, субъектов, подписывающих документы, принципов формирования нового Союза, устройства его высших органов, налогов и собственности. Это были важнейшие вопросы проекта Договора, и

вокруг них шел непрекращающийся спор на всех заседаниях Совета Федерации.

В проекте представленного документа предлагается назвать договор «0 Союзе суверенных социалистических республик». Это сохраняет аббревиатуру СССР. Намечается и впредь сохранять федеративное устройство, иметь необходимые центральные органы управления важнейшими отраслями экономики. М. С. Горбачев начинает обсуждение, говорит, что по поводу ряда принципиальных позиций поступили замечания и нужно найти подходы для решения вопросов и продвижения вперед. В этом обсуждении важна позиция России, поэтому все внимательно слушают замечания Б. Н. Ельцина. Он говорит о том, что нужно обстоятельное обсуждение проекта, но российское руководство стоит за Союз суверенных государств. Центр должен быть таким, каким захотят его видеть республики и что сочтут возможным передать для управления президенту СССР. Максимум полномочий следует делегировать на места. Подписывать Договор можно, определившись в вопросах собственности, налогов. Налог должен быть одноканальный, и необходимую сумму будет перечислять центру каждое суверенное государство. Для России важно, чтобы сначала был подписан подобный Договор республиками, составляющими федерацию.

Жесткую и близкую к российской позицию занимает Украина.

Собравшиеся хорошо понимают, что подписать Союзный договор не так-то просто. Руководители многих бывших автономий также выступают за подписание документа в качестве суверенного государства. И мнение их выражает Председатель Верховного Совета Татарии М. Ш. Шаймиев. Он настаивает на том, что идти на принятие документа следует при условии самостоятельного подписания договора республикой.

— Мне нравится, как защищается суверенитет России, — говорит он. — Но такие же процессы идут и в Татарстане, и мы не отступим от своего суверенитета. Если мы принцип не отстоим, то народ нас не поймет и возмутится. Есть и экономические вопросы. Почему химический и оборонный комплекс должен перейти под юрисдикцию России? Ряд отраслей следует подчинить напрямую центру…

Подобные заявления с первого заседания до предела раскалили обстановку. Разговор становится все более острым. Президент СССР предлагает поработать над проектом документа, сблизить позиции и продолжить обсуждение на следующем заседании.

Но прежде чем разъехаться, все собираются в банкетном зале. Членов Совета Федерации, всех присутствующих приглашают

отобедать. Столы накрыты в застекленных верандах. Официанты разносят блюда без особых деликатесов, но добротные и обильные. Желающие могли выпить водки или коньяку. В центре стола садится М. С. Горбачев, рядом руководители России и Украины, Белоруссии, союзного правительства и Верховного Совета СССР. Застолье обычно смягчало противоречия. Непримиримые стороны добрели или делали вид, что соглашаются в тех вопросах, по которым они были непримиримы в ходе заседания. Разговор все больше становился общим, с шутками и тостами. М. С. Горбачев часто пользовался такими перерывами в работе, приглашал обедать, когда накал страстей был особенно велик. Но, пожалуй, ему лишь казалось, что таким путем можно согласовать Союзный договор. Наступало новое заседание, и все возвращалось на «круги своя».

3 июня 1991 года вновь собирается Совет Федерации. Над документом работали, главным образом пытаясь уговорить тех или иных руководителей республик смягчить свои позиции. Но это не так просто. М. С. Горбачев предлагает «идти» по пунктам проекта договора, согласовывать позиции и подписывать каждую страницу. Такой метод работы вызывает возражения. Россияне настаивают на обсуждении принципиальных вопросов. Опять начинается согласование названия документа, суверенности республик, собственности. Из первой страницы текста договорились лишь по 2-му и 4-му пунктам. На заседании присутствуют около 40 руководителей республик, и каждый имеет свой взгляд на проблему, свой подход, свои требования. В принципиальных вопросах никто уступать не желает. Постоянно вспыхивают острые перепалки. Заседание завершается за полночь, так и не продвинувшись вперед.

17 июня 1991 года в 15. 00 все члены Совета Федерации вновь собрались в Ново-Огарево. Попытка обсуждать каждый отдельный пункт быстро срывается. Руководители бывших автономий возражают против ущемления их прав. Они считают себя суверенными республиками и просят так и относиться к ним при формулировании договора. «Иначе пусть девять союзных республик подписывают документ, а нам тут делать нечего», — говорит представитель Северной Осетии.

Чтобы утихомирить страсти, объявляется перерыв. И хотя после этого разговор пошел спокойнее, но принципиальных уступок не следует. Создается ситуация, при которой в стране вместо 15 союзных республик может возникнуть более 30 суверенных государств. Это беспокоит российское руководство, и на заседании то и дело вспыхивают перепалки. Договор, который подпишут все республики, входящие в Российскую Федерацию,

конечно, не устраивает ее руководство, и потому обсуждение проекта опять предлагается продолжить в другой день.

23 июля в 14. 00 вновь собирается Совет Федерации. У президента СССР настроение мрачное. Обстановка в стране продолжает ухудшаться, накал политических страстей крайне высок. В печати усиливается критика М. С. Горбачева. Теперь его критикуют не только слева, но и справа, не только противники, но и соратники. В газете «Советская Россия» опубликован документ «К народам России», подписанный группой видных политических и общественных деятелей. Они выступают против беспринципного курса Горбачева. Таких заявлений в печати появлялось достаточно много и прежде, но сейчас его подписали Ю. Бондарев и заместитель президента по Совету Обороны О. Бакланов, многие другие политические и общественные деятели.

Нервозность председательствующего передается и участникам заседания. Обсуждение вопроса о членстве в Союзе заняло два с половиной часа и дело вперед не продвинуло. Но самый главный вопрос, который сегодня должен быть решен, это о финансовых платежах центру. Б. Н. Ельцин настаивает на одноканальных фиксированных платежах, которые будет отчислять каждая республика. М. С. Горбачев считает, что налог следует собирать центру с каждого предприятия, регулируя долю его отчислений.

— Если мы этого не запишем в договоре, мне здесь делать нечего, — говорит М. С. Горбачев и начинает собирать свою папку.

Это заявление — его «домашняя заготовка», он придумал ее, чтобы надавить на участников заседания, напугать их своим уходом. Но Б. Н. Ельцина такая выходка не запугала.

— Не доводите нас до того, чтобы мы решили этот вопрос без вас, — говорит он.

М. С. Горбачев в смущении, он не знает, что делать. Уйти — смешно. Эта детская выходка большого политика никем не будет понята. Видимо, дома он подумал мало или не учел своего изменившегося положения. Возвращаться будет трудно, а то и невозможно. А это уже политический некроз. Секунды бегут, и зал замер. У генсека даже не остается времени возмутиться словами российского лидера. В последнее мгновение М. С. Горбачев не находит ничего лучшего, как объявить перерыв. Теперь все надежды на ужин.

На ужине достигнута договоренность: Ельцину, Лукьянову, Павлову, Дементею найти формулировку этого пункта договора.

Впереди еще много несогласованных вопросов и еще больше неясностей о судьбе нового Союза, его экономики, армии. Что

остается центру? Сможет ли он объединить то, что некогда было Советским Союзом? Уже сейчас ряд республик не участвует в обсуждении проекта договора и не будет его подписывать. И речь не только о Прибалтике, Молдавии или Грузии. Не готова была к подписанию договора Украина. О своей независимости все чаще и настойчивее говорили многие бывшие автономии России. На этом настаивали не только Татария, но и Башкирия, Якутия; подобные вопросы все настойчивее ставили представители Карелии, Чувашии, Чечено-Ингушетии. Дискуссии на эту тему велись в Бурятии, Туве, Горно-Алтайской республике. Многое было непонятно тем, кто стоял за единый Союз. Проект договора закреплял устройство страны, напоминающее уже не федерацию и даже не конфедерацию, а нечто аморфное и усеченное. Россия и Украина противились отчислению средств в союзный бюджет непосредственно предприятиями, а предлагали направлять суммы после объяснения центром цели финансирования, а это требовало предварительно раскрыть бюджет армии, КГБ, других ведомств. Большинство отраслей и производств, включая оборонные заводы, земли и недра, отходили в подчинение республик.

К середине августа из 15 бывших союзных республик подписать договор были готовы лишь 8. Остальные либо не хотели этого вообще, либо откладывали этот акт до лучших времен. Ряд бывших автономий России также не были готовы подписать договор.

В Кабинете министров бурлили страсти, на одном из заседаний высказывались даже сомнения в подписании такого документа, как отмечалось, «ведущего к расколу Союза», ликвидации государства. Аналогичные процессы разворачивались в Верховном Совете. А. И. Лукьянов возражал против подобной акции. Он видел в этом не только уничтожение верховной центральной власти, но и роспуск народных депутатов, ликвидацию всех парламентских структур. Беспокойство по поводу подписания договора высказывали и многие другие общественные организации, министерства и ведомства.

Это представляло, как считали специалисты, достаточно серьезную опасность всему прежнему Союзу, ибо подписание договора небольшим числом республик ликвидировало бы его как правовой субъект, ибо на политической арене появлялось совершенно новое образование. Те, кто не подписал договор, уже могли считать себя за пределами Союза, прежнего образования больше не было.

Информацию о содержании статей Союзного договора, основных его положений представители законодательной и исполнительной властей, средства массовой информации

черпали в основном из отрывочных данных, пересказов не очень компетентных людей. Работу по подготовке договора, коллизий вокруг него М. С. Горбачев старался держать в тайне. Этот документ он не доверял и мне. Только Ревенко, Шахназаров и еще два-три человека «колдовали» над его статьями. Подобная таинственность порождала различные слухи, будоражила умы членов правительства, депутатов, общественные организации. Но Горбачеву было что держать в секрете. Содержание договора, все больше расходящегося с волей народа, выраженной на референдуме, превосходило самые мрачные предсказания.

Такое развитие событий беспокоило те силы, которые были против развала Советского Союза, они видели за этим крах экономики, финансов, армии, всех других экономических, политических структур, распад общей культуры, обострение этнических отношений. И недопущение развития по такому сценарию было, насколько мне известно, единственной задачей тех, кто в августе 1991 года попытался остановить распад Отечества, предостеречь общество от возможных последствий этого акта, не допустить неоправданных жертв, которые могли последовать за распадом СССР. К сожалению, мрачные предсказания оправдались. Кровавые конфликты разгорались в различных районах бывшего Союза, началось вытеснение русских, белорусов, украинцев из других республик, распадались экономические связи, рассыпалась армия.

Нет такой партии, нет такого государства

…Сегодня суббота, банный день. Открывается окошечко, и надзиратель строгим голосом выкрикивает: Приготовиться к помывке». К помывке все давно готовы, собрано постельное белье, заготовлено мыло, теперь надо ждать, когда поведут. Через 10 минут звучит команда: «Выходи». Разные люди водят нас в баню. Одни равнодушно-отчужденно, другие по-человечески стараются помочь. Спускаемся в нижние этажи. Там баня, вернее, просто душ, четыре рожка вяло брызгают водой, которая бывает то горячей, то холодной, а то и просто перестает течь. «Через 20 минут быть готовыми», — завершает надзиратель. Моемся, стараясь успеть простирнуть и бельишко, да и помыться получше. В душе и предбаннике неопрятно, но главное — была бы горячая вода, так хочется чуть-чуть согреться. Через 20–30 минут нас ведут обратно. Крутую лестницу преодолеваю с трудом. В 7 часов вечера ужин, и скоро надо готовиться ко сну. Я боюсь ночей, когда остаешься один на один со своими думами и начинаешь заниматься «самокопанием». Память извлекает из своих тайников многие детали последних событий.

…Бывая в хорошем расположении духа, М. С. Горбачев негромко декламировал стихи, читал монологи из спектаклей.

— Я ведь в школьной самодеятельности участвовал. Пьесы ставили, роли большие исполнял, — признался он как-то.

Да, артистический дар у него был, как говорят, от Бога. Бывало, изобразит такое искреннее недоумение от услышанного, что оторопь берет: будто не по его поручению все делалось. Так что артист в нем не умер, не поблек…

— Маяковского любил, наизусть со сцены читал его стихи. Великий поэт великой эпохи…

В окружении «своей» команды обычно произносил одни и те же строки из поэмы «Владимир Ильич Ленин», многозначительно поглядывая при этом на присутствующих:

— «Партия — единственно, что мне не изменит…»

И партия действительно была верна ему. Изменил, предал и бросил КПСС ее лидер.

Не укладывается в голове, что партии, готовившейся отметить свое столетие, больше не существует. Потребовалось немного времени, чтобы ее дискредитировать, разложить морально и ликвидировать организационно. Никто еще месяц назад не мог бы предсказать, что КПСС, крупнейшая партия мира, на счету которой было семь десятилетий руководства огромной

страной, немало успехов, которую уважал народ, скончается столь скоропостижно.

После августовских событий М. С. Горбачев, напуганный происшедшим, быстро сложил с себя полномочия генсека и отмежевался от КПСС. Именно с его благословения и в его присутствии она была распущена и ликвидирована. Имей генсек больше мужества и хладнокровия, случившегося могло и не быть. Несмотря на все пертурбации, которые проделывались с КПСС, миллионы коммунистов были верны своему генсеку до последнего часа. Даже внутренне сомневаясь или открыто возмущаясь деятельностью лидера КПСС или, точнее, его бездеятельностью, партийные организации и комитеты были послушны, в большинстве своем поддерживая генсека даже в непонятных для них решениях. Хотя отчуждение было весьма заметно. И это чувствовал М. С. Горбачев.

В последнее время я видел, что Михаил Сергеевич начал побаиваться пленумов ЦК, встреч и откровенных бесед с руководителями партийных организаций. Члены ЦК, секретари обкомов и крайкомов КПСС, встречаясь с секретарями ЦК, работниками аппарата ЦК, все чаще высказывали свое недоумение.

— Что у вас происходит? — вопрошали они. — Почему аппарат перестал действовать? Мы потеряли связь с центром. Горбачев избегает встреч с нами, уходит от ответов о будущем партии, а главное — не решает вопросы, которые ставит жизнь.

Конечно, от влияния такого человека, как генсек, во многом зависит активность партии, рост ее авторитета.

Но ради справедливости надо сказать, что даже он вряд ли мог до основания развалить в столь короткий срок многомиллионную организацию, если бы сама партия не переживала серьезные трудности и не подошла к критическому состоянию.

Анализируя деятельность различных партийных структур, особенно руководящего звена, я все больше прихожу к выводу, что многие недуги КПСС были неизбежны. Причины тому, конечно, разные, но одной из существенных была интеллектуальная деградация лидеров, отсутствие любой конкуренции идей и практических программ социально-экономического и политического развития общества.

Потеря авторитета партии началась с утраты авторитета вождями верхнего эшелона партийного руководства. На смену В. И. Ленину, с его блестящими способностями теоретика, стратега и тактика политической борьбы, яростного и страстного полемиста, человека высокой культуры, пришел менее яркий и

подготовленный политический лидер. Но и Сталин, не обладая достоинствами трибуна, был достаточно хорошо теоретически подготовлен, начитан, обладал большим организаторским талантом. Однако он стал символом правового беспредела и тем самым нанес партии незаживающую, кровоточащую рану. С уходом его из жизни КПСС возвысила Хрущева, от природы одаренного, но теоретического и идеологического троешника, с низким уровнем культурного развития.

Мне приходилось видеть написанные рукой Сталина письма, статьи, постановления. Его правка на текстах многих документов была точна и позволяла видеть в нем тонкого политического деятеля и, кстати, хорошего стилиста, отлично владевшего русским языком. Пометки Сталина на страницах сотен книг его библиотеки говорили о том, что он много читал, знал работы не только марксистски подготовленных ученых, но и своих противников — философов, экономистов, историков. Приходилось видеть мне и резолюции Хрущева, к сожалению оставлявшие впечатление, что написаны они рукой не шибко грамотного человека, привыкшего совсем к другому труду. Правда, надо сказать, то, что он диктовал стенографисткам, было интересно, а слова сочны. Но для публикации многое не годилось. Мне приходилось править его стенограммы для публикации в газетах, и это было весьма мучительным делом.

Приход Брежнева не слишком улучшил впечатление об интеллектуальной мощи лидеров партии и государства.

Если будущие исследователи начнут искать в архивах оригиналы его автобиографических произведений «Малая земля», «Возрождение» или каких-то других речей или докладов, то боюсь, что это станет напрасной тратой времени. Его перо не касалось текстов, и не только документально-художественных. И это знали его соратники, члены партии, да, наверно, все общество. Ему многое прощалось за терпимость, незлобивый характер в последние годы жизни, наверное, искреннее желание дать народу, главным образом в лице его лучших, по мнению Брежнева, представителей, попользоваться благами социализма.

Ярким лучиком, блеснувшим на мгновение среди серого небосклона, стало появление Ю. В. Андропова. Он был одаренным, высокообразованным и интеллигентным человеком. Но пребывание его в должности генсека столь кратковременно, что сказать о нем более определенно весьма трудно. На смену ему пришел Черненко, который также оказался не в состоянии проявить себя с положительной стороны, внести вклад в интеллектуальный багаж партии. И, наконец, Горбачев, несомненно образованный, во всяком случае дважды

дипломированный человек. Конечно, он обладал большей культурой в широком смысле этого слова, чем, например, Брежнев и Черненко, но, как почти всякий представитель первого поколения интеллигенции, был носителем родовых традиций деревенского уклада жизни со всеми его достоинствами и пороками. Вершиной теоретического багажа стала подписанная его именем книга «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира». Возможно, есть еще что-то, хотя я знаю, что он никогда не писал сам что-либо от начала (с чистого листа) до конца.

Разумеется, оскудение интеллектуальной мощи генсеков в партии происходило на фоне общего «посерения» ареопага. Поэтому выбор Горбачева вполне отвечал уровню руководства. Хотя многие были значительно одареннее нового генсека, во всяком случае принципиальнее, последовательнее, не говоря уже о честности. Среди членов Политбюро, партийных руководителей, несомненно, были светлые головы. Но они, к сожалению, «не делали погоду».

Судьбе было угодно, чтобы не только этот недуг покарал партию. За долгие годы своего существования в ее среде велась борьба различных мнений. Сражения были с разными блоками и платформами, антипартийными группами, с оппортунистами, уклонистами, фракционерами и другими реальными и надуманными политическими противниками осуществлявшейся линии. Но никогда еще партии не приходилось бороться со своими высокопоставленными взяточниками, мздоимцами, корыстолюбцами. Это была новая страница в истории КПСС. Дурная болезнь нечистоплотности ослабляла и расшатывала иммунную систему партии, разрушала ее прочность. Ряд секретарей обкомов, крайкомов КПСС, членов ЦК оказался замешанным в различного рода махинациях. Преподношения дорогостоящих подарков, в том числе и генсекам, не считались предосудительными. Накануне праздников службы фельдсвязи сбивались с ног, разнося коробки, которые направлялись из южных регионов секретарям и членам Политбюро ЦК. Особенно это было распространено в период пребывания у власти Брежнева, позднее при Андропове эту практику старались поломать, но отголоски ее оставались еще долгое время. Только Е. К. Лигачев смог разрушить ее окончательно…….

О преподношении подарков знали многие. Тем более что делегатам партийных съездов также дарили «кое-что на память». При Брежневе это были телевизоры, часы, при Горбачеве — более скромные дары. Сдавать все презентованное в распоряжение партии и государства, наверное, считалось не очень подходящим

делом. Правда, это не касалось Ю. В. Андропова, который в отношении всякого рода даров вел себя, насколько мне известно, безукоризненно.

Несколько иначе дело обстояло у четы Горбачевых. Первое время какие-то подарки супругой сдавались в Го-хран, о чем писалось в газетах, а потом всякое упоминание об этом исчезло со страниц печати. Генсек все чаще стал получать огромные премии от различных фондов, на его банковский счет постоянно поступали доллары, другая валюта за книгу «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», за другие работы. Количество премий было столь велико, что за ними направлялись специальные эмиссары, и я не понимал, почему все полученное автоматически не отправлялось в бюджет государства и партии, за счет чего содержалась президентская чета. Но поступала не только валюта. Горбачеву присылались довольно весомые медали из золота, серебра, платины, а также коллекционные монеты из драгоценных металлов, которые, как мне говорил Н. Е. Кручина, в Гохран им не сдавались.

И уже совсем непонятной была для меня история со ста тысячами долларов, которые Горбачев вдруг получил от Ро Де У, руководителя Южной Кореи, с которой у нас не было никаких отношений и, если верить Горбачеву, быть не могло.

— Ни в коем случае не изменим принципиальную позицию по отношению к Южной Корее, — убеждал наших северокорейских друзей из КНДР генсек КПСС.

Возможно, недостаточно зная Горбачева, они верили ему, тем более нашу позицию официально подтвердил им и министр иностранных дел Э. Шеварднадзе, который не слишком верил своим заявлениям, а потому бросил в подтверждение последний козырь — самое дорогое, что у него было, — честное слово коммуниста. Такими словами партийцы высокой моральной закалки не разбрасываются. Тут ему можно было верить.

Но, видимо, Горбачев ничего не слышал о честном слове, потому что вдруг начались метаморфозы: сначала «нечаянная» встреча Горбачева с Ро Де У в Сан-Франциско, а затем и посещение южнокорейского острова, где его поджидал новый друг. Вернувшись в Москву, Горбачев пригласил меня и с чувством удовлетворения вынул из портфеля тугой запечатанный конверт, в котором, как он уверял, было сто тысяч долларов.

— Это Ро Де У дал, — без объяснений сказал он.

— Подумай, как истратить…

Мне и сегодня кажется невероятным, чтобы лидер Южной Кореи, с которой Советский Союз только налаживал отношения, мог при второй встрече с Горбачевым дать сто тысяч долларов

президенту сверхдержавы. Но Бог с ними, с южнокорейскими нравами. Как мог взять их Горбачев? Зачем? Но если уж взял, то почему сразу не внес в Госбанк СССР и почему полгода держал подготовленные мной и моим помощником документы о передаче этих денег детской больнице в Брянске, сказав, что надо подумать, как получше истратить наличность. Чего он ждал? И почему до сих пор никто не спросит, как и почему подобное произошло?

Все эти, мягко сказать, странности наводили на очень тревожные размышления. И дело даже не в предположениях. Факты неясностей в подарочных делах становились известны все более широкому кругу людей. Поступали письма с вопросами: на чьи средства строят президенту дачи, куда сдаются подарки, получаемые супругами, и чем мы за это одариваем других? В общем, слухи о подарках, валюте генсека-президента, его зарубежных и внутренних банковских счетах, гонорарах, дачах, квартирах довольно широко муссировались и не добавляли авторитета М. С. Горбачеву, а следовательно, его сподвижникам по партии. В поступающей почте все щекотливые вопросы вольно или невольно увязывались с нашими международными делами. Почему СССР как-то быстро и не всегда паритетно разоружался, выводил войска из стран бывшего Варшавского Договора, не очень заботясь о нашей собственности, других интересах страны?

В различных кругах общественности складывалось довольно прочное представление о нечистоплотности некоторых деятелей КПСС. И этого уже было достаточно, чтобы растерять авторитет бессребреников, который весьма прочно поддерживался до середины 60-х годов. Но были и другие причины, мешающие партии действительно стать движущей силой общества, выразителем чаяний народа.

Уже с середины 60-х годов деятельность КПСС все больше переставала отвечать потребностям времени, тем задачам, которые решало общество. Вспомним драматические страницы нашего Отечества. Партия была активной, целеустремленной и мощной силой, прежде всего в годы реальной борьбы за перемены в стране — в период борьбы с царизмом, гражданской войны, восстановления народного хозяйства, индустриализации в Советском Союзе. КПСС показала свою организационную и идеологическую мощь в период нападения на СССР фашистской Германии, в годы послевоенного строительства, обеспечения безопасности государства в условиях «холодной войны». В эти драматические моменты истории Родины партия пользовалась авторитетом, вела за собой массы и эффективно действовала там, где цели были благородны.

Как только наступали периоды спокойного развития, систематического действия управленческих структур, активность партии резко снижалась. И в эти моменты мы сталкивались, мне кажется, не случайно либо с ее самоедством и поддержанием всеобщего страха, как это было в 30-е годы, либо с усилением «холодной войны» и участием страны в международных конфликтах. Позднее в ситуации относительной стабильности во многих партийных организациях наступало время застоя. В этот новый период у руководства КПСС не было выработано четкой линии и мер активизации партийных организаций.

Относительно спокойная жизнь, возможность членам КПСС занять в обществе руководящие посты привлекали в ее ряды самых разных людей. Такое явление, конечно же, было. Но прежде всего хотел бы сказать, что КПСС как в первые годы своего существования, так и во все последующие времена была идейным убежищем для многих творческих работников, ученых, писателей — гордости отечественной мысли. В члены КПСС вступали известные всему миру физики и математики, конструкторы космических аппаратов и военачальники, писатели и журналисты, общественные деятели. По существу вся интеллектуальная элита состояла в партии. И никто не может сомневаться в том, что это был неискренний шаг столь уважаемых людей. Но не хочу оспаривать и того, что в ряды КПСС попадали случайные люди.

В 1986 году в КПСС состояло 19 миллионов человек — рекордное число за всю ее историю. Причем поток желающих вступить в партийные ряды неуклонно возрастал. Если между XXIV и XXV съездами в КПСС ежегодно принималось в среднем 520 тысяч человек, то между XXV и XXVI съездами эта цифра достигла 632 тысячи, а после XXVI съезда КПСС вступало более 660 тысяч человек ежегодно.

Это был невиданный прежде приток в партию советских людей, и, безусловно, подобный процесс и его последствия требовали осмысления. Однако глубокого анализа этого явления проведено, насколько мне известно, не было. Руководители организационно-партийного отдела ЦК КПСС, призванные анализировать состояние и специфику роста партийных рядов, видимо, не смогли обеспечить этой задачи. Они добросовестно следили за тем, чтобы в КПСС была соответствующей доля представителей рабочего класса, крестьянства, женщин, но упускали из поля зрения изменяющуюся структуру рабочей силы в стране, активное выдвижение на передний план научно-технической и творческой интеллигенции, которая по своему уровню подготовки и занятым ключевым позициям в экономике, науке и культуре играла все большую роль. Нельзя не сказать о

возрастном составе партии, особенно руководителей партийных организаций и комитетов. Я уже отмечал, что возраст многих из них приближался к 70 годам, а подчас и превосходил этот рубеж. Естественно, такие лидеры не могли работать энергично, не понимали новых веяний времени.

И здесь со стороны отдела не было должного контроля. Все это требовало очень серьезных выводов, как минимум, ставило вопрос о замене руководства организационно-партийным отделом ЦК КПСС, о быстром исправлении сложившегося положения.

Как-то зайдя вечером к Горбачеву, я услышал фразу, которая заставила меня задуматься.

— Иван Васильевич меняет профессию, — сказал он, вроде не адресуя эту фразу ко мне.

Я несколько мгновений молчал, соображая, относится ли это к названию комедийного фильма, или здесь кроется нечто другое, и наконец понял: в судьбе Ивана Васильевича Капитонова должно что-то измениться.

Это была загадочная фигура в нашей партии. Кто близко знал его, не удивлялись такому выбору Брежнева. Иван Васильевич был добр, послушен и на своем мнении не настаивал. Возглавляя отдел организационно-партийной работы, исполняя волю Политбюро, И. В. Капитонов фактически формировал партию и ее структуру, задавал тон и настрой всей работе КПСС. Если она стала такой, какой ее видели в последние годы, то этим мы обязаны не в малой мере Ивану Васильевичу. Под влиянием отдела, которым он руководил, сформировалась ее структура, произошло превращение многих партийных комитетов в жесткий механизм. Именно при Капитонове стали вводиться своеобразные квоты на прием в КПСС рабочих, крестьян, интеллигенции, формализовалась работа парторганизаций. Когда не было постоянного дела, то начиналась игра в работу.

Помню, перед одним из собраний в «Правде» позвонили из райкома КПСС и просили представить речи выступающих. В парткоме газеты и коллективе редакции, где царили старые традиции демократии, коммунисты были возмущены подобным требованием. Ю. Жуков, другие готовившиеся выступать представить речи наотрез отказались.

— Я никогда еще не говорил по-писаному, — заявил Ю. Жуков. — А потом я кандидат в члены ЦК. Что они хотят от меня? Да я еще не знаю, что скажу, ибо не слышал доклада.

В общем отпор был мощный и затея райкома провалилась. Но по другим позициям все шло по заданной схеме. В партию быстрее принимали шофера, уборщицу, чем, скажем, журналиста, ибо они попадали в графу рабочих. Таких несуразностей было

столь много, что это стало вызывать негодование коммунистов. Однако Капитонову многие лидеры были обязаны своим выдвижением и потому поддерживали его, а потом подобрали ему хорошую работу. Он был избран председателем Центральной ревизионной комиссии и благополучно дослужил свой срок в борьбе с нарушителями партийной и финансовой дисциплины. Опекал его и всегда поддерживал М. С. Горбачев.

Наверное, Иван Васильевич Капитонов и в самом деле был душевным человеком, который никого не обидел, не подсидел, не опорочил. Но нельзя не признать, что пополнение партии по формальным признакам происходило при нем. Он не мог не видеть, что это мина замедленного действия, которая способна взорвать партию. А если видел, то почему не поправил ошибки, не сказал о них во всеуслышание.

Мой старый знакомый по Академии общественных наук еще в 1966 году предсказал, к чему может привести выдвижение формалистов на высокие посты в партии.

Когда один из них приехал избираться в Ивановский обком, он был малоизвестным партийным работником, во всяком случае, для коммунистов области. Подчиняясь воле сверху, они избрали его первым секретарем, но внимательно смотрели, каков он, что может. А новичок не терял времени. Перед пленумом он пригласил секретарей и заведующих отделами областного комитета и сказал, что надо готовить его выступление. Просил отметить роль первого лица партии в переменах в стране, своевременность решений пленумов ЦК и, конечно, шире использовать местный материал.

Когда речь была готова, он внимательно ее прочитал и, сделав ряд несущественных поправок, одобрил. Потом, глядя светлыми и ясными, выражавшими обаяние глазами, тихо спросил авторов документов:

— А где ответы на вопросы?

Теперь пришла очередь удивляться ивановцам.

— А какие ответы, — недоумевали они, — еще и вопросов никто не задал.

Докладчик улыбнулся добрейшей улыбкой и сказал:

— Но ведь актив волнуют многие проблемы жизни. Вот на эти вопросы и нужно дать ответ.

Когда пленум обкома закончился, в его кулуарах партийные секретари удовлетворенно хмыкали:

— А ничего, человек-то толковый. Опыт чувствуется. Ну, доклад ему, конечно, помогли написать. Но как он лихо и грамотно ответил на вопросы. Этот потянет.

И верно, такие тянули и даже получали повышение.

…И вот Иван Васильевич менял профессию. Место его заняли сначала Лигачев, а затем Разумовский — старые друзья Горбачева, его единомышленники. Егор Кузьмич был особого склада человек, хваткий и весьма работоспособный. Он с одинаковой энергией проводил в жизнь решения и идеи, в правильности которых был убежден. Но не обладал гибкостью и подчас подставлял свой авторитет под критику. Г. П. Разумовский был более мягкий и даже нерешительный человек. Увидев, что партия находится в непонятном для него положении, попросил отставки и вскоре ушел с партийной работы. Это соответствовало и настроениям М. С. Горбачева.

Однако смена лидеров, занимающихся организационно-партийной работой, только создавала предпосылки для исправления кадровой политики в партии. Конкретных перемен можно было ожидать не скоро. Кроме того, среди членов КПСС бытовало мнение о деградации ряда лидеров партии, серьезном подрыве их авторитета в народе, а в последние годы росло недоверие и к Горбачеву.

Разумеется, причина была не только в порочном подходе к формированию КПСС. Организационно-партийный отдел ЦК лишь намечал структуру КПСС, узловые ее пункты. Конкретная, содержательная сторона дела оставалась за местными руководителями. С учетом своих интересов они подбирали такую «дружину», которая прежде всего помогла бы им устоять на очередных партийных выборах. Вопросы идейности, честности, бескомпромиссности все чаще отодвигались на второй план. И люди видели это. Они возмущались, что нередко недостойные работники вдруг выходили «в начальники». И как следствие — падение авторитета ряда партийных организаций. О многих коммунистах складывалось недоброе мнение.

Конечно, такой вывод нельзя распространить на всю партию, но то, что на местах не очень-то заботились о качественном составе рядов КПСС, было достаточно очевидным.

Подобные процессы в партии были замечены. Например, на эту тему не раз писал в печати Л. А. Оников, консультант идеологического отдела ЦК. Еще больше им было подготовлено докладных записок, по крайней мере трем генсекам ЦК, но от него отмахивались, и он стучался, по существу, в накрепко закрытые двери.

Я неоднократно докладывал записки консультанта идеологического отдела ЦК КПСС генсеку. Если вначале Горбачев, знавший Оникова еще как первый секретарь крайкома партии, прочитывал их, то в последующем, увидев подпись, не читая, адресовывал их оргпартотделу ЦК. Но и это в конце концов ему

надоело. Иногда спрашивал:

— Все о том же пишет? У него иная-то работа есть или только навязчивые идеи?

Работы у Оникова, конечно, было, как говорят, невпроворот, но и вопросы, которые он затрагивал, не последней значимости.

— Мы с ним в принципе расходимся, — объяснил как-то Горбачев. — Он предлагает, как исправить испорченное, а я хочу ликвидировать причины этого брака.

Дальше намеков генсек, правда, не шел. Раскрывать свои идеи не желал или не считал нужным откровенничать со мной.

Разумеется, дело по формированию партии не являлось, да и не могло являться только плодом работы отдела, возглавляемого Капитоновым. За всеми процессами стояли Брежнев и Суслов, а в конечном итоге Секретариат и Политбюро ЦК. Может быть, игрой в цифры и удалось кого-то убаюкать, но то, что формализм нанес партии непоправимый урон, очевидно. Отчуждение наиболее творческой части общества от КПСС, прилив в нее не верящих в идеалы, но энергичных людей не только дезорганизовали, но и разложили партийные ряды. Все чаще становились известны факты аморального поведения, взяточничества, платы за вступление в КПСС, продажи партийных билетов, что особенно было распространено в Закавказье. Некогда небольшая, но монолитная партия, известная своими лидерами и прогрессивными идеями всему миру, разрослась до ненормальных размеров, отяжелела, приобрела трудно излечимые болезни.

Партийные комитеты, их лидеры во многих районах и областях имели абсолютную власть, нередко подменяя советские, хозяйственные органы и общественные организации. Они отрывались от нужд и забот партийных организаций, коммунистов, копировали центр и, конечно, не могли объяснить, почему больной Брежнев продолжает руководить страной, а его престарелые соратники занимаются такими важными отраслями, как экономика, промышленность, наука, культура, находящимися в кризисном состоянии. Многие местные руководители просто не располагали должной информацией.

Была и еще одна причина, которая с каждым годом увеличивала трещину между рядовыми членами КПСС и руководителями. Я имею в виду различного рода привилегии. О них в той или иной мере знали все. Это раздражало людей, вбивало мощный клин в отношения между разными слоями партии и в конце концов привело к тому, что коммунисты потребовали объяснить, кто что имеет и на чьи деньги. Постановка вопроса была справедливой, но опытное руководство

партии постаралось направить всю критику на мелких партийных, хозяйственных, советских чиновников. Если проанализировать работу всех депутатских комиссий по привилегиям, то станет совершенно очевидным, что высшие эшелоны руководства не были затронуты проверками. Что касается аппарата ЦК, то многих его работников, кроме партийной дисциплины, удерживала возможность пользоваться спецполиклиникой, санаторным лечением. Иначе наиболее квалифицированные сотрудники — доктора, кандидаты наук — вряд ли протирали бы чиновничьи кресла, тем более что оклады последнее время были невысокие.

Осенью 1985 года М. С. Горбачеву было доложено о продолжающемся застое в выдвижении новых секретарей парткомов. Длительное сидение их на одном месте привело к тому, что провинциальные лидеры примирились с существующим положением дел, не терпели критики в свой адрес и сурово наказывали строптивых. Письма на эту тему приходили в ЦК сотнями. Идея Н. С. Хрущева о периодической замене руководящих партийных работников, перемещении их на новые места через каждые два — четыре года была осуждена Л. И. Брежневым. Н. С. Хрущева тогда критиковали за нарушение стабильности в кадровой работе, за кадровую чехарду и до того перестарались, что перемещение секретарей райкомов и обкомов практически прекратилось.

Люди десятилетиями сидели в теплых привычных креслах, что привело к кадровому застою. А главное, к тому, что перестали заботиться о смене. Многие руководители подбирали себе угодников, людей явно слабых, но послушных. И потому, когда все-таки происходили перемены, найти заметную фигуру на освободившееся место стало чрезвычайно трудно. Тогда и стали всплывать слабенькие личности, не оставившие следа в деятельности партийных комитетов. Из области в область кочевали «варяги». Может быть, они и не были намного сильнее местных кадров, но по крайней мере об этом мало кто знал.

Недовольство руководством и его кадровой политикой на всех этажах партийной иерархии усиливало напряженность, ослабляло партию, превращало ее в окаменевшую структуру с неэффективными методами работы. Конечно, такое положение складывалось не везде, но постепенно распространялось на все большее число районов.

Падение интеллектуального уровня руководителей многих партийных комитетов в областях и краях сопровождалось негативными изменениями на самых высоких этажах партии, включая Политбюро и Секретариат ЦК, в те годы определявшие внутреннюю и внешнюю политику страны. В силу известных

факторов руководство партии оказалось не в состоянии принять меры, необходимые для перевода нашей экономики на новые более эффективные пути развития. К этому не были готовы многие из членов Политбюро и правительства.

Для всякого политического деятеля, поставившего перед собой амбициозные цели, очень важно заранее продумать не только то, как подняться на вершину власти, но и как вовремя достойно оставить должность, не понеся морального и физического урона, избежать ненависти народа, оголтелой критики некогда обожавших его средств массовой информации. Для россиян соблюдение этого принципа особенно важно: ни один наш вождь не ушел со своего поста неопороченным. И чтобы избежать судьбы предшественников, важно вовремя уйти со своего поста, преодолев натиск сопротивляющегося окружения, которое печется не столько о судьбе лидера, сколько о личном благополучии. Конечно, совершить такой поступок способен только сильный и мужественный человек, здраво оценивающий свои силы.

К сожалению, возрастные изменения подкрадываются незаметно и начинается с того, что лидер перестает ощущать свои реальные возможности. Если бы у Брежнева хватило сил уйти от дел в 1972 году или в 1976 году, он, возможно, мог бы остаться в памяти народа как один из руководителей, принесших благо обществу. Увы, этого не случилось. Ни он сам, ни его соратники не покинули высоких постов и продолжали править государством, хотя это и выглядело подчас трагикомично. На XXVI съезде партии А. П. Кирилленко, перешагнувший семидесятилетний возраст, зачитывая список кандидатов в члены ЦК, так забавно произносил их фамилии, что многотысячный зал сначала замер, а потом с трудом сдерживал смех. А. П. Кирилленко уже плохо понимал происходящее и был неспособен оценить ситуацию, хотя внешне выглядел вполне здоровым человеком.

И если уж речь зашла об интеллектуальных способностях стареющих лидеров, то никак нельзя не сказать о помощниках, тех, кто не просто помогал в технических делах, но часто являлся генератором идей. Фраза «короля играет свита» родилась не на пустом месте и не без оснований. За годы работы в ЦК КПСС, аппарате президента СССР мне пришлось встречаться со многими помощниками членов Политбюро, зампредов Совмина СССР. Это были разные люди по возрасту, уровню подготовки, творческим возможностям, но большинство из них отличалось беззаветным отношением к своим обязанностям, преданностью делу. Всегда оставаясь в тени, они в значительной мере несли груз ответственности за многие концепции, озвученные в докладах их

шефами. Я хорошо знал помощников Н. С. Хрущева, которые много сделали для того, чтобы перевести эмоциональные трибунные речи первого секретаря ЦК в удобоваримые тексты. Они писали немало записок Хрущева в Президиум ЦК, писем, адресованных партии, вели другую серьезную работу по анализу обстановки в стране. Хотя работать рядом с Никитой Сергеевичем было непросто.

Как бы кто ни относился к помощникам Л. И. Брежнева, но практически все они честно исполняли свой долг. То же самое я могу сказать про помощников Ю. В. Андропова, К. У. Черненко, про большинство помощников, советников и консультантов М. С. Горбачева, про многих других работников аппарата, секретарей ЦК, членов Политбюро, руководителей правительства. В основном это были люди с повышенной ответственностью за дело, за судьбу решений ЦК и правительства, за судьбу страны. Думаю, что такое отношение, существовавшее прежде, осталось и теперь. Мне пришлось быть свидетелем не одной смены власти, и было очень обидно, когда новые лидеры свою неприязнь к своим предшественникам переносили и на их помощников. Помню, как изгнанный с работы В. С. Лебедев, помощник Хрущева, потрясенный несправедливостью, через несколько месяцев умер в больнице. Почти так же безжалостно поступали со многими другими работниками секретариатов, отделов ЦК КПСС. Видимо, это стало у нас каким-то обычаем — сводить счёты с умершими руководителями и их окружением.

М. С. Горбачев приложил немало сил, чтобы обновить состав партийного руководства. Это была правильная мера. Но беда состояла в том, что Горбачев, кроме Ставрополья, не знал других регионов, не видел в деле партийных и хозяйственных организаторов большей части страны. Он слишком мало проработал в центре, да и занимался преимущественно одной, хотя и важной проблемой. Поэтому его выбор своих соратников не всегда был удачным. Критикуя Ельцина за частую замену кадров, Горбачев сам шел уже по третьему или четвертому кругу замен, причем в тех органах, состав которых должен быть стабильным. На XXVIII съезде партии он еще раз обновил практически весь состав Политбюро. Однако и этот подбор происходил не во всем на деловой основе. В Политбюро и Секретариат вошли многие из прежних знакомых Горбачева по комсомолу. И те, кто приглянулся лично ему. Заместителем генсека был избран В. А. Ивашко. Добрый, хороший человек, но в силу резкой перемены в своей судьбе, тяжелой болезни, так и не сумевший показать свои дарования, раскрыть возможности политического лидера. Страдал он и одним недостатком —

работа преподавателя наложила на него специфические особенности. Забываясь, читал нравоучения, держал вступительные речи, что было необычно, да и не нужно для ведущего Секретариат ЦК.

О. С. Шенин возглавил кадровое направление в работе ЦК. Он представитель молодого поколения, хороший организатор, трудолюбивый, честный, принципиальный человек с твердым характером и богатым опытом практической деятельности. Но ни в партии, ни среди членов ЦК, не говоря уже о широких слоях населения, О. С. Шенин еще не был достаточно известен. Он только набирал силу и опыт, проявлял свои организаторские способности. Таковым был и Б. К. Пуго, старый знакомый Горбачева по комсомолу, человек образованный, интеллигентный, искренний и честный, но опять же малоизвестный среди широких партийных, особенно российских, кругов. Заметной фигурой мог бы стать А. С. Дзасохов, возглавивший идеологическую работу в КПСС. Горбачев знал его также по годам юности. А. С: Дзасохов — гибкий политик, знаток международных отношений, компанейский человек — не имел опыта идеологической работы и, к своей чести, не скрывал этого. По этой или иной причине, но как политический деятель он в то время не состоялся.

То же самое происходило с П. К. Лучинским. Мне казалось, он просто не представлял, как в условиях перестройки или того, во что она выродилась, подступиться к делам по руководству печатью, где уже существовали свои неофициальные авторитеты, которые направляли всю деятельность средств массовой информации. Все это П. К. Лучинский очень переживал, но сделать то, что требовали от него большинство членов ЦК, не мог. В то же время опытный редактор и журналист Г. В. Семенова занималась женским движением в партии, а также общественными организациями. Она стала членом Политбюро ЦК в одночасье. На Пленуме в перерыве Горбачев пригласил ее и сказал, что имеет намерение выдвинуть Семенову в состав Политбюро ЦК. Галина Владимировна удивилась и не скрывала, что толком не представляет, что значит быть членом Политбюро и какие у нее обязанности. Впрочем, были случаи и почище, когда перед заседанием Пленума не успевали с кем-то вообще поговорить о новом назначении, а для членов ЦК это было сюрпризом.

Весьма колоритной фигурой в Политбюро был Е. С. Строев, человек основательный, целеустремленный и весьма эрудированный. Он не был оратором-трибуном, но хорошо знал сельскохозяйственное производство, жизнь крестьян изнутри и

потому добивался простыми методами хорошего результата. Приходится только жалеть, что не он в 1978 году возглавил аграрные дела в ЦК КПСС, а в пору горбачевской разрухи поправлять положение в сельском хозяйстве было крайне трудно. Его скромность и доброжелательность, высокая порядочность привлекали к нему людей, и он умело формировал команду, способную улучшить дело в самые сложные годы.

На XXVIII съезде КПСС, состоявшемся после него Пленуме в состав Политбюро как бы автоматически вошли и первые секретари ЦК компартий союзных республик. Подобное уравнение всех вряд ли понравилось руководителям таких республик, как Казахстан, Узбекистан, Украина, а тот факт, что Эстония была представлена в Политбюро даже двумя представителями, сделал его совсем бутафорским. Первые секретари в некоторых республиках так часто менялись, что было неясно, будут ли они участвовать в работе следующего Пленума ЦК Политбюро. Не сомневаюсь, что избирались на высшие партийные должности в республиках достойные люди, но многие из них не были готовы решать не только важнейшие государственные, но и чисто партийные задачи. Часто новых членов Политбюро ЦК от республик не знали работники аппарата ЦК, а те не ведали толком о структуре высшего партийного органа. Учитывая, что Горбачев еще и запретил частые междугородные телефонные разговоры, связь центра с местами все более ослаблялась.

Таковы были последствия нового курса, осуществляя который генсек не только избавился от ряда авторитетных и опытных фигур в Политбюро, но и смог собрать, как он говорил, команду своих искренних сторонников. Несомненно, среди этой плеяды были талантливые и принципиальные люди, которые в сложившихся условиях сколько было в их силах честно тянули тяжелый груз, лежащий на партии. Но нельзя не признать и того, что многие из них не имели достаточного опыта, политического кругозора, способности быстро разобраться в сложившейся обстановке. Дело усугублялось и тем, что подобные замены проведены были на всех ступенях партийного руководства. Массовый приход новых людей, только еще вникающих в свои обязанности, снизил общий уровень руководства партийными организациями, а неумелая расстановка сил усугубила некомпетентность ряда руководителей, способствовала утрате их авторитета в партии и народе. И все это было грубейшим просчетом генсека.

Неудачей в работе ЦК КПСС нужно признать и то, что на высокие посты выдвигались деятели, недостаточно известные в

обществе. Мудрость Ленина заключалась в том, что он подбирал блестящих соратников, яркие личности, не отказавшись даже от тех, кто в период, предшествующий Октябрю 1917 года, не был согласен со стратегией ЦК партии. Зиновьев, Каменев, Троцкий, Бухарин, другие руководители были разными по характеру и способностям, но безусловно одаренными, известными в партии и стране. Вывод «на высокую орбиту» новых политических деятелей, видимо, следовало бы осуществлять постепенно, помогая им освоиться, содействовать завоеванию авторитета.

Говоря о просчетах генсека, его опрометчивых шагах, непродуманных решениях, я все-таки исхожу из того, что ошибки, совершаемые Горбачевым, делались в силу особенностей его характера, симпатий и антипатий к тому или иному партийному, хозяйственному или государственному руководителю. Но поручиться в том, что это не были действия преднамеренные, осознанно направленные на подрыв партии и государства, я бы не смог. Рассказывая о том, как Горбачев на XXVIII съезде партии единолично формировал состав ЦК КПСС, его Политбюро, а затем и правительство, мне хотелось, кроме всего прочего, показать, сколь велики были полномочия архитектора перестройки и какой беспомощной выглядела наша страна, оказавшаяся фактически во власти одного человека. Об этом никак нельзя забывать, подводя итоги деятельности, может быть, самой могущественной партии мира.

К этому следует добавить, что подбор кадров, особенно в высшее руководство, нередко осуществлялся по приятельским отношениям или по принципу землячества, личной преданности. Здесь крылась и кроется наиболее серьезная ошибка многих политических лидеров.

И, наконец, еще один вывод, который можно сделать из опыта работы руководящих органов партии за последние годы. Не должно делаться так, чтобы авторитет уходящего втаптывали в грязь. Чем больше генсек и его сподвижники пытались унизить своих предшественников, а нередко и соратников, тем больше пачкались сами. Во всем нужна мера. Впрочем, я не настаиваю на своих выводах, ибо мой опыт знакомства с работой Политбюро и Секретариата ЦК не охватывает всей многосторонней деятельности руководства КПСС. Но те наблюдения, которые я сделал, в целом, к сожалению, подтвердились жизнью.

Сколь бы ни были справедливы слова о пороках в подборе кадров в высшие партийные и государственные структуры, видимо, наиболее глубокая причина ослабления партии, появления в ее руководстве авантюристов состояла в том, что КПСС, общество исчерпали и, по существу, утратили ту великую

общенациональную идею, которая помогла не только совершить революцию в 1917 году, но и сплотить народ, выстоять в тяжелых условиях реконструкции народного хозяйства, добиться высоких темпов развития экономики, одержать победу над гитлеровской Германией и превратиться в супердержаву. Мир признал великие победы Советского Союза, занявшего место, которое достойно нашего великого народа. Ни одна сколь-нибудь значимая международная акция практически не решалась без гласного или негласного одобрения ее Советским Союзом.

Коммунистические идеалы с триумфом прошли по всему миру, вдохновив народы многих государств на борьбу за лучшее будущее. Они оказали значительное влияние на теоретические концепции противников. Прагматики буржуазного мира смогли извлечь из них много ценного для себя и применить на практике то, к чему стремились социалистические государства. Но эта великая идея, рожденная полтора века назад, в середине 60-х годов начала «каменеть». Сознательно или по тупости наши идеологи вопреки требованиям времени долго и не без успеха превращали ее в догму, яростно выступая за первозданную чистоту и непорочность мыслей классиков.

Это понимали представители компартий западных стран, которые каждодневно сталкивались с жизнью и видели устарелость, косность многих постулатов исповедуемого нами догматического марксизма. Они стремились приспособить великую идею к реалиям быстротекущей жизни. Но еврокоммунизм яростно осуждался КПСС. Наши идеологические броненосцы не только не позволяли творчески развивать марксизм в Советском Союзе, но и препятствовали этому в западных странах, нередко идя на раскол компартий.

Научно-техническая революция существенно меняла обстановку, требовала новых продуктивных концепций, способных объединить массы, но КПСС, убаюкиваемая идеологическими идолами во главе с Н. А. Сусловым и Б. Н. Пономаревым, не была готова к обновлению идей коммунистического движения в преображающемся мире. Оставшись на прежних позициях, партия тем самым утратила свое стратегическое преимущество в познании мирового общественного развития, потеряла инициативу, вяло и догматически сопротивлялась натиску западной пропаганды. Идеологическое пространство стало заполняться смесью разнородных идей многих экономических и философских школ, суррогатами концепций, заимствованных из буржуазной политологии. К чему привели на деле попытки использовать эту теоретическую мешанину в условиях нашей страны, уже известно.

Речь сейчас не об этом.

Исчерпав созидательные идеи, объединяющие массы на определенном этапе развития советского общества, партия не смогла теоретически перевооружиться. Приход Горбачева, не осознавшего сложившегося положения и не способного выдвинуть новые продуктивные идеи, объединяющие людей, привел к окончательной утрате партией ее места как лидера общества. Более того, генсек ускорил ее падение. Несущий ответственность за судьбу миллионов честных коммунистов, которые верили ему, избрали своим партийным лидером, он первым отрекся от КПСС, предал……. *и* трусливо, бросил……ее, объявив об этом публично, всенародно. Пусть этим событиям и такому поступку даст оценку история. Каким бы ни было будущее страны, а я надеюсь — социалистическим и демократическим, люди никогда не одобрят поступка, когда лидеры бросают в тяжелый час партию. Это похоже на поступок капитана, покинувшего тонущее судно раньше других, или генерала, первым сбежавшего с поля боя даже впереди всех армейских трусов.

Последние действия генсека были, видимо, продиктованы чувством самосохранения. Но их нельзя назвать неожиданными. Генсек не был в состоянии сплотить членов ЦК и повести партию в конструктивном направлении. Он оказался в изоляции, сумев поссориться практически со всеми, кто имел свою позицию. Горбачев понимал, что дни его как генсека сочтены. Ни состав ЦК, ни настроения в партии его больше не устраивали. В конце июня, как рассказывал Михаил Сергеевич, у него состоялась беседа с А. Н. Яковлевым, на которой обсуждался вопрос о выделении из партии леводемократического крыла и включения его в Движение за демократические реформы, которое со временем должно было трансформироваться в новую самостоятельную партию. По существу, речь шла о переходе части КПСС на иные рельсы и фактически о ее расколе.

В этом не было ничего удивительного. Не справившись с обязанностями лидера той партии, в которой он вырос, М. С. Горбачев готов был довольствоваться ее частью. И то, что генсек не заявлял об этом открыто, не прибавляет ему уважения. Тайная, закулисная игра и не могла принести ничего хорошего. Как только М. С. Горбачев в августе 1991 года отказался от поддержки КПСС, то через четыре месяца он лишился всего — президентской власти, какого-либо политического влияния и превратился в пенсионера с возможностью, как у большинства западных пенсионеров, попутешествовать, посмотреть мир и рассказывать всем о былом величии Советского Союза и о своей роли в его развале.

По мере утраты авторитета партии разрушалось и государство, его экономика. Появившиеся трудности во взаимосвязях промышленных предприятий выросли до катастрофических, забастовочное движение шахтеров приостановило развитие металлургии, ряда других производств, в том числе значительной части машиностроения. Уже в 1991 году валовой национальный продукт упал больше чем на 10 процентов, сократился национальный доход, падала производительность труда. Все это происходило на фоне возрастающих трудностей в сфере финансов, при росте себестоимости продукции, числа безработных и занятых неполный рабочий день. Нахлынувшая волна экономических и финансовых трудностей объективно заставляла многие республики превращаться в автаркии, отгораживаясь от соседей разнообразными таможенными и прочими барьерами.

Знал ли М. С. Горбачев о катастрофическом положении с нашей экономикой, знал ли он, что общество находится на грани взрыва, а государство — развала? Да, знал. Более того, он сам говорил о тягчайших трудностях, возникших в стране, но при этом не предлагал адекватных мер для выхода страны из кризиса, а главное — не предпринимал практически никаких эффективных действий. Обо всем этом свидетельствует хотя бы его выступление на встрече с секретарями обкомов и крайкомов РКП, которая состоялась в начале апреля 1991 года. Секретари российских обкомов и крайкомов собрались в Мраморном зале ЦК КПСС на 5-м этаже. На этой встрече были подведены итоги работы партии, которая осуществлялась на состоявшемся Съезде народных депутатов РСФСР. Вместе с тем М. С. Горбачев остановился и на положении в стране.

Начну с состояния народного хозяйства, говорил он. Экономика находится на грани катастрофы. Главная причина — распад хозяйственных связей, массовый переход к бартерным отношениям. То, что формировалось десятилетия и даже столетия, сегодня распадается в считанные недели. Производство в промышленности и сельском хозяйстве падает. Соглашения и обязательства не выполняются. Многие предприятия вообще не заключают договоры по кооперативным поставкам. От этого страдает производство экспортных товаров, сокращается поступление валюты.

Большое внимание генсек уделил положению в аграрном секторе народного хозяйства, которое, по его словам, остается драматическим. Михаил Сергеевич говорил о положении в деревне с особой озабоченностью. Этот вопрос серьезно беспокоил секретарей партийных комитетов потому, что они

знали, к чему может привести нехватка продовольствия. Но картина была безрадостной. Урожай зрел меньший, чем в предшествующем году, в уборке его не могли принять участие промышленные предприятия, воинские части, студенчество. Поэтому нужно было изыскивать все возможности, чтобы не потерять выращенное. Страна и так теряла до трети биологического урожая, и превышать эту долю было крайне опасно.

Генсек говорил о недопустимости остановки промышленности:

— В этот хаос вклинились забастовки, особенно серьезно сказывается падение добычи угля. Из-за этого сокращается выпуск кокса, падает производство металла и ряда других важнейших продуктов. Комиссия В. Х. Догужиева работает над программой регулирования экономического положения. Если возникнут препятствия, мы не остановимся перед введением чрезвычайных и жестких мер. Прошу их поддержать.

Такая обстановка сложилась не только из-за экономических трудностей. Оппозиция разжигает страсти, стараясь раскачать общество, но с пожаром можно и не справиться. Конечно, апрельское повышение цен ударило по многим слоям общества, но мы должны пройти через все трудности.

Особенно сложное положение с финансами. Со стороны союзных республик начались деструктивные действия. Россия перестала отчислять деньги в союзный банк. Если так будет продолжаться, арестуем их счета и снимем с работы министра финансов РСФСР.

Давая такую характеристику состояния экономики и положения в стране, президент позднее не принял никаких действенных мер. Предчувствуя это, большинство выступавших секретарей обкомов и крайкомов партии настаивали на экстренных действиях.

Достаточно заниматься говорильней, звучало в их выступлениях. Мы вашими словами сыты по горло. Нужны конкретные и действенные меры по исправлению положения. Просим вас исполнять свои обязанности президента.

М. С. Горбачев слабо защищался и перебрасывал, как говорится, мяч на половину поля местных руководителей.

— Действовать должны вы, — отвечал он. — Почему рассчитываете только на центр? Работайте, никто вам не мешает.

Это были традиционные слова, которые М. С. Горбачев говорил всем местным руководителям.

Правительство уже было не в состоянии решать все важнейшие хозяйственные проблемы. Реальная власть все в

большей мере переходила к республикам. В них бурно развивался процесс суверенизации, избрания своих президентов. Принимались решения, отражающие интересы только «своих» республик, игнорировались постановления Кабинета министров СССР и указы президента СССР. В стране развернулась активная борьба с центром. Пытаясь обособиться, защитить свой суверенитет, руководители республик все реже приходят к взаимопониманию. Сокращается поступление налогов в союзный бюджет. Министр финансов СССР докладывает, что на середину 1991 года в бюджет не поступило 50 млрд рублей. Российская Федерация свой бюджет не представила вообще. Эмиссия за полгода достигла 28 млрд рублей. Все держится на резервах государства, его запасах золота, других драгоценных металлов и камней. Выхода из этого тупика без принятия решительных мер уже не было. Экономисты подготовили предложения по переходу к рынку за 300–500 дней, но президент ни на что так и не решился. Он, по существу, уже давно плыл «по воле волн», все более погружаясь в пучину сам и увлекая за собой огромное государство. Когда-то В. И. Ленин на утверждение о том, что в России нет такой силы и нет такой партии, которая возглавила бы преобразования в стране, ответил решительными словами: «Есть такая партия». И такая партия коммунистов тогда стала серьезной и авторитетной силой. Она взяла на себя груз ответственности за преобразования в стране.

Но в сентябре 1991 года можно было определенно сказать, что на одной шестой части Земли больше нет такой партии, нет и единого великого государства. Начиная с марта 1985 года волею небольшой группы лиц и больших интриг в огромной стране появился лидер, который профессионально обманул свое окружение, членов ЦК, поднявших его на высокий пост, и сладкоголосо заговорил многие миллионы советских людей.

Март 1985 года останется в истории как начало новой великой смуты, борьбы темных сил, безвластия, надругательства над народными святынями, как начало расчленения нашей великой Родины. Настало смутное время. Пока безмолвствует народ.

Итоги перестройки: успех или поражение?

Кажется, и мой час настал. Вот уже несколько дней не могу подняться с нар. Врачи сидят около меня, стараясь по возможности помочь в условиях камеры. Их многочисленные докладные начальству с просьбой о переводе меня в больницу действия не имеют, на доклад начальника СИЗО прокуратуре с той же просьбой ответа нет. Ни Степанкову, ни Лисову не до меня. Они, как Ильф и Петров, увлеченно пишут бестселлер под скромным названием «Кремлевский заговор». Из-за их литературной занятости можно и ноги протянуть. Впрочем, так и не дождавшись ответа, начальство СИЗО на свой страх и риск отправляет меня в 20-ю городскую больницу. Там Всесоюзный центр портальной гипертензии и лучшие в стране специалисты по зашиванию вен и лечению сопутствующих болезней. Оперироваться страшно не хочется, и я оттягиваю эту процедуру. Но через несколько дней меня на каталке срочно везут в операционную.

Какая-то московская газета не без злорадства сообщила, что я при смерти и Господь Бог уже позвал меня к себе. Но как сказал один веселый человек, слухи о моей смерти несколько преувеличены. У Господа Бога, видимо, мой характер — любит все откладывать на потом. Правда, не без помощи великолепных хирургов Центра портальной гипертензии. Вытащили меня «оттуда», выходили врачи, сестры, все, кто мог помочь. Значит, допишу я последние страницы книги.

11 марта 1985 года М. С. Горбачев был избран генеральным секретарем Коммунистической партии Советского Союза. В тот пасмурный и прохладный день начала весны он поднялся на олимп политической и государственной власти одного из самых могущественных и влиятельных государств мира. Ему было тогда 54 года и девять дней от роду. Позади — стремительное и крутое восхождение к вершинам власти, впереди — бескрайнее поле деятельности, на котором можно «вырастить» все, на что способен, лишь бы плоды творчества пошли на пользу народу. Не было в нашей стране за последние десятилетия лидера, которого бы так ждали люди и встретили с таким доверием и надеждой. Не было генсека, который бы так очаровал их своей внешностью, умением выглядеть обаятельным, откровенным и велеречивым.

До своего ухода на пенсию он проработал немногим более

шести лет. И покинул пост генсека-президента, лишившись уважения большинства народа, авторитета и власти. Точнее, он был отправлен в отставку за ненадобностью, развалив государство, бросив партию, которая привела его к власти. Минувшие с тех пор шесть лет он продолжает считать триумфальным рассветом, озарившим великую страну, но в истории они останутся трагическими годами распада Советского Союза, краха экономики, обнищания и унижения народа. В США приход Горбачева к власти, последствия его правления считают победой Запада в холодной войне над «империей зла», у нас — национальной катастрофой, дезинтеграцией республик и экономик, необратимыми утратами в науке, культуре, потерей многих духовных ценностей общества, началом братоубийственного кровопролития, нищеты и голода.

Так как же все-таки оценить горбачевские годы перестройки? Думаю, исчерпывающий ответ на эти вопросы даст время. Сегодня же можно говорить только о том, что уже достаточно очевидно.

Прежде всего надо отметить, что перестройка принесла как некоторые позитивные результаты, особенно в первые месяцы прихода М. С. Горбачева к власти, так и серьезные негативные последствия. Положительным итогом ее можно считать обстоятельный анализ состояния нашего общества, причин тяжелого положения в области экономики, финансов, социального положения людей. Этот анализ мог составить основу для выработки политического курса, но он им не стал из-за импровизаций в деятельности генсека. К позитивным тенденциям можно отнести и постановку вопросов демократизации общества, реформы политической системы, гласности, снижения международной напряженности, гонки вооружений.

Однако судить о политике и деятельности лидера государства нельзя по его добрым побуждениям или отдельным эпизодам. Либо есть эффективный политический курс и его положительные результаты, либо их нет. В данном случае шесть лет в истории страны стали временем утраченных возможностей и расставания с иллюзиями и мифами, началом смуты. Практически ни одна мера в сфере экономики, ни одна попытка обеспечить рост производства и благосостояния людей не дали устойчивого позитивного результата. А это в значительной степени обесценило и намечавшиеся меры по демократизации общества.

Импульсивность и непоследовательность в выработке политики перестройки, ее удручающее некомпетентное воплощение в практику только осложнило ситуацию, обострив противоречия в развитии общества.

Одно из первых действий команды Горбачева, как отмечалось, состояло в том, чтобы дать обстоятельный анализ социально-экономического состояния в стране на середину 80-х годов. Это было безусловно правильным решением, позволявшим глубже понять сложившуюся в стране обстановку, сделать объективные выводы и наметить пути выхода из тупиковой ситуации, в которой общество находилось в последние годы. Необходимость изучения дел в экономике, финансах, науке, культуре, образовании диктовалась и тем, что официальная статистика нередко «подыгрывала» прежнему руководству и часто представляла картину в розовом цвете.

Такой анализ был осуществлен группой специалистов и ученых аппарата ЦК КПСС, ряда крупных научно-исследовательских институтов, Академии наук СССР, органов статистики. Для обобщения материалов были привлечены академики А. Г. Аганбегян, А. И. Анчишкин, С. С. Шаталин, В. П. Можин, С. А. Ситарян, ответственные работники Госплана и некоторых других правительственных и партийных учреждений. Выводы аналитической записки, представленной генсеку, свидетельствовали о том, что страна находится на грани кризиса в сфере производства, серьезного социального напряжения. Такое положение создалось в силу того, что прежнее руководство страны недостаточно уделяло внимания социально-экономическим и технологическим проблемам, своевременно не предприняло мер, которые были необходимы для исправления положения.

Казалось бы, из этого анализа следовало извлечь все возможное для выработки концепции осуществления радикальных реформ во всех сферах жизни. Однако выводы были сделаны конъюнктурные, идеологически ориентированные и не совсем правильные. Документ использовался главным образом как орудие политической расправы с прошлым руководством. Аналитическая записка была превращена в свидетельство некомпетентности Л. И. Брежнева, старого состава Политбюро ЦК и Совета Министров СССР. Разумеется, об этом можно было говорить, но нельзя превращать серьезный аналитический документ, полученные факты в пращу, средство сведения счетов или унижения своих предшественников. Это самое малое, что можно было извлечь из представленного документа.

Обстоятельная картина состояния общества позволяла выработать систему мер по исправлению положения, составить прогноз развития экономики, создать теоретическую концепцию перестройки в стране, и прежде всего радикальных экономических реформ. М. С. Горбачев сделать этого не смог, что

явилось самой серьезной причиной шараханий в политике и экономике, печального, а в ряде случаев и трагического исхода намечавшихся реформ. Более того, он не ознакомил с анализом сложившегося положения политическое руководство, предпочтя лишь кое-что «открыть» в своих выступлениях.

Не обосновав генеральных тенденций перехода общества на новые рельсы, не обозначив первоочередные и последующие этапы движения по пути коренных преобразований, генсек оказался не в состоянии решить даже частные вопросы, выдвигавшиеся жизнью, преодолеть сравнительно небольшие препятствия. Однако причины неудач он видел не в своих ошибках, а в неспособности других действовать эффективно. В результате началась постоянная смена кадров всех уровней — глав правительств, хозяйственных, советских, партийных руководителей. За шесть лет сменились весь состав членов Политбюро ЦК, три премьер-министра, практически все члены Президиума Совмина и министры правительства. Верховным Советом СССР руководили за эти годы три лидера — Громыко, Горбачев, Лукьянов. Вся эта кадровая чехарда явилась крупнейшей ошибкой лидера, которая имела трагические последствия для нашего народа и государства.

Движение в сторону демократизации и гласности дало возможность народу высказать свое истинное отношение к состоянию дел в стране, политике партии, во всеуслышание заявить о неприятии монополии на идеи развития общества. Все это всколыхнуло страну, позволило многим энергичным и предприимчивым людям выйти на передний план общественной жизни. Ликвидация монополии партии на власть создала условия на равных соревноваться многим политическим течениям за умы и интересы народа. Эти процессы, несомненно, следовало бы оценить положительно, если бы для них были созданы соответствующие предпосылки, если бы культура нашего общества, демократические традиции имели более глубокие корни и смогли заблокировать экстремизм некоторых лидеров, части населения. Открыв возможности для демократического процесса, следовало бы поворачивать его в позитивное русло, использовать для созидательных целей, сплочения общества, повышения правовой и общей культуры людей. Это был, видимо, наиболее рациональный путь развития страны в условиях перестройки. Однако демократизацию, на мой взгляд, использовали для конфронтации, раскола страны, противоборства различных политических сил и сведения личных счетов.

Кстати, вожди послегорбачевского периода совершали ту же

ошибку, что и архитектор перестройки, направив все силы и средства, в том числе деятельность печати, радио, телевидения, иных государственных институтов, не на созидательные цели, а на ниспровержение своих политических предшественников. Их от Горбачева отличало только то, что генсек физически не разрушал памятники вождям прошлого, хотя и очень жалел, что ему своевременно не удалось предотвратить установку бюста Черненко на его могиле.

К чему это привело — известно. Прежде всего наиболее организованная сила общества, партия, в значительной своей мере включавшая представителей интеллигенции, рабочих, крестьян, военно-технической элиты, была дискредитирована за ошибки прошлых ее руководителей и изолирована от современных созидательных процессов, хотя многие ее прошлые лидеры и сегодня возглавляют курс на реформы. КПСС, начавшая перестройку, единственная организованная сила, способная наименее болезненно довести начатое до намеченных целей, была, по существу, выведена из всех созидательных процессов. И это было сделано не без старания генерального секретаря ЦК.

То же самое произошло и с армией. Психическая атака на нее началась уже на первом Съезде народных депутатов СССР и продолжалась в течение четырех лет. Это привело к тому, что людей в военной форме нередко физически и морально оскорбляли, над ними издевались, были даже случаи избиения военнослужащих, в том числе офицеров. В обстановке унижения и оскорбления защитников страны Главнокомандующий Вооруженными Силами Советского Союза, президент СССР не выполнил своего прямого долга — не защитил армию. Более того, он страшился армии, не верил ей и приложил немало стараний, чтобы ослабить ее и лишить авторитета. То же произошло и с органами КГБ, с работниками которого он не пожелал даже встретиться.

Очень скоро М. С. Горбачев также утратил свое влияние на интеллигенцию — на писателей, журналистов, ученых. Поняв ограниченность идей, а главное — беспомощность действий генсека, его навязчивое желание постоянно выступать на собраниях и совещаниях, по телевидению, публиковать различные статьи и книги в стране и за рубежом, творческая интеллигенция покидала ряды его сторонников, превращалась в индифферентную силу или пополняла ряды его ярых противников.

Когда же ухудшение жизни затронуло широкие массы населения — рабочих, крестьян, пенсионеров, Горбачев потерял поддержку в широких народных массах. Советское общество

легко отторгло его, несмотря на то что многие первые шаги лидера были широко поддержаны, легли в основу последующих преобразований в Советском Союзе. И если бы не поддержка Запада, памятующего о том, что Горбачевым было бескорыстно сделано для Европы и Америки в различных областях политики и экономики, он давно бы оказался в полной изоляции.

Наиболее злободневным и актуальным вопросом последних десятилетий для советских людей был вопрос о мире. Ради этого люди шли на многие жертвы. Они хотели мира, но этот мир должен был наступить на основе паритетного разоружения. КПСС, выдвинув на XXVII съезде концепцию взаимозависимого и во многом целостного мира, программу нового мышления в отношениях между государствами, и прежде всего среди членов ядерного клуба, призвала мировое сообщество к разоружению. Безусловно, такая доктрина имела притягательную силу. Однако реализовать ее в полной мере было возможно, как утверждали военные, лишь идя на взаимные уступки.

Но в начале 90-х годов процесс сокращения вооруженных сил в Советском Союзе потерял всякое реальное значение, ибо вслед за развалом государства стала распадаться армия, система противовоздушной обороны, силы стратегической авиации и военно-морского флота.

Вывод воинских частей из стран бывшего Варшавского Договора привел к тому, что появились не защищенные участки территорий от средств массового поражения. К этому следует добавить и развал дисциплины в частях Советской Армии. Значительный урон армии нанесли массовое дезертирство, отзыв вновь образованными государствами военнослужащих своих национальностей, создание собственных армий в государствах СНГ. Таким образом, новое мышление в мировой политике вместе с другими мерами по перестройке, имея благие цели, привели к развалу военно-оборонительного комплекса страны. Это позволило президенту США Дж. Бушу сказать о победе, которую одержала Америка в «холод-ной войне».

Но сказать о победе в «холодной войне» — значит проявить большую деликатность. Это был разгром дезорганизованных частей СССР, моральное поражение некогда могущественной державы. И такой разгром был достигнут не военно-технической мощью США. Он стал результатом внутренней капитуляции тех сил, которые были противниками существующего строя в нашей стране.

Новые социально-экономические реформы, задуманные с добрыми намерениями, не учитывали реальную ситуацию в обществе, не были осмыслены теоретически и обеспечены

организационно. Не случайно вопрос о переходе к рыночным отношениям серьезно возник только в 1989–1990 годах в виде концепции перехода к новой системе отношений за фантастически короткий срок. Эта программа была похожа на китайский «болыной скачок» с известным всем результатом.

М. С. Горбачев не понял, что на гигантской территории от Буга до Курил, от Таймыра до Кушки нельзя быстро переплавить в едином рыночном котле психологию десятков народов, не считаясь с особенностями и традициями людей, унаследовавших древнюю культуру своих предков. Опыт перепрыгивания через этапы и формации, имевший печальные последствия в ряде стран в новейший период истории, мало чему научил генсека. Задуманный эксперимент над нашей Родиной привел совсем не к тем результатам, которых ждали, как чуда, Советский Союз распался. Но и за несбывшиеся чудеса приходится расплачиваться. Речь только идет о цене платы: будут ли это страдания народа, голод и нищета, финансовая кабала поколений, или дело дойдет до межнациональных конфликтов и крови.

К сожалению, резкое ухудшение состояния экономики, неспособность центра во главе с президентом СССР управлять происходящими в стране процессами дали дополнительный толчок сепаратистским настроениям, выделению республик в самостоятельные государства, разворачиванию межнациональных конфликтов. Пламя этнической неприязни, а то и резни заполыхало на Кавказе, в Средней Азии, Молдавии. Стали напряженными отношения во многих других республиках и крупных регионах России. Некогда монолитное государство, выдержавшее все трудности второй мировой войны, оккупацию значительной части СССР, послевоенную разруху, теперь распадалось на мелкие части.

Последствия этого самые драматические. Огромные массы русскоязычного населения вынуждены покидать районы Средней Азии и Кавказа, Молдавии и Прибалтики. Ухудшилось положение немецкого населения, живущего в разных республиках. Из Армении уезжают азербайджанцы, проживавшие там столетиями, а Азербайджан в поисках лучшей доли покидают десятки тысяч армян. Трудно представить то горе, которое пришло в семьи сотен тысяч людей. Сегодня кровь ни в чем не повинных людей льется, уже не вызывая прежней остроты реакции. Люди привыкают к смерти детей и стариков, замкнувшись в своем горе, оцепенев от ужаса возможной гражданской войны.

Таким образом, действия М. С. Горбачева привели к краху единого государства, сокращению производства продукции, росту

преступности, ухудшению жизни народа, снижению рождаемости. Таков результат, который столь высоко оценивают на Западе и болезненно переживают сограждане бывшего Советского Союза. Перестройка советского общества, проводившаяся М. С. Горбачевым неграмотно и нерешительно, а потом и преданная им, стала трагедией миллионов. Сегодня люди мало думают о культуре и прогрессе человечества. Сейчас они борются за сохранение популяции, примитивное выживание.

Как же могло случиться, что благие намерения перестройки на деле обернулись крушением и разорением страны, развалом производительных сил общества, деградацией науки, культуры, образования, кровавыми столкновениями?

Вижу одну из главных причин этого прежде всего в воззрениях и характере М. С. Горбачева, в его нерешительности, приверженности тем постулатам, которые были заложены в него с молодых лет. По существу, генсек был и остается продуктом своего времени, тех структур, которые взрастили и двинули его к вершинам власти. С одной стороны, он видел несуразности существующего порядка и стремился внести изменения в жизнь общества. С другой, он — приверженец старых схем и подходов. Сколько бы ни говорил Горбачев о демократизации и гласности, но его «альтер эго» оставался хитрый и коварный прототип не Сталина и не Брежнева даже, а всего лишь их жалкой тени — Суслова. Да и то в обедненном варианте.

И к этому выводу приводит анализ его действий. М. С. Горбачев ратовал за демократию и упрекал в сталинизме своих соратников, но практически единовластно правил партией и страной, решал судьбы людей, единолично определял состав членов ЦК и Политбюро, первых секретарей ЦК компартий республик, обкомов и крайкомов, проявляя при этом свои пристрастия, симпатии и антипатии. Он говорил о коллективности принятия решений, соблюдении принципов консенсуса, но единовластно принимал или выпускал важнейшие государственные постановления, одергивал несогласных с ним и убирал со своего пути конкурентов. Генсек-президент выступал за расширение гласности, но утаивал не только от народа и партии, но и от своих соратников важнейшую информацию о деяниях Политбюро в прошлом, угрожал смещением с постов редакторам, публиковавшим в своих газетах что-то неугодное ему, а кое-кого и заменил за непослушание. Генсек-президент вел переговоры с зарубежными политическими деятелями, но не информировал об их результатах членов Совета Безопасности и Верховный Совет. Он провозглашал независимость правоохранительных органов, но давал указания Генеральному прокурору, как вести то или иное

дело. М. С. Горбачев требовал покончить с административно-командными методами управления, но крепко держался за министерства и комитеты, определяя всю политику по хозяйственным вопросам из центра. На словах он провозглашал принципы передачи власти на места, но в своих руках сосредоточил необъятную власть, являясь генеральным секретарем ЦК КПСС, возглавляя могущественную многомиллионную партию, был президентом СССР, главой государства, вел заседания Кабинета министров, по существу подмяв премьера, являлся Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР, Председателем Совета Обороны, непосредственным и единственным куратором КГБ, министерств обороны, внутренних и иностранных дел, военно-промышленной комиссии.

На словах М. С. Горбачев был поборником принципа сокращения аппарата управления, а на деле расширял вокруг себя чиновничью челядь, мощно и эффективно использовал ее возможности в борьбе с политическими противниками. Он считал себя олицетворением порядочности и законности, но не гнушался никакими методами, чтобы все знать о своих политических противниках, соратниках и окружении, контролировать их действия. Выступал за скромность в быту и слыл противником привилегий, сохранив для себя весь набор бесплатных и льготных благ, которые существовали во времена застоя.

Этот дуализм поведения М. С. Горбачева беспределен. Не потому ли перестройка продвигалась через силу, зигзагами, с отступлениями и, по существу, была обречена на поражение. Крутые перемены в жизни общества нельзя проводить под руководством колеблющихся и не уверенных в себе лидеров.

В периоды глобальных социальных перемен лидерами достойны быть лишь те, кто знает, что хочет, может довести начатое до конца. Жизнь — это не театральная сцена, хотя и в спектакле не годится роль полководца доверять травести. Иначе — беда.

Никак не выходит из головы письмо, направленное Горбачеву, судя по всему, уже пожилой женщиной, вынужденной оставить дом вместе с дочерью и внучкой и бежать из Средней Азии, где десятилетиями трудились их предки, где остались могилы близких им людей.

Что же сделал ты с нашей страной, красивенький мальчик Миша, писала она Горбачеву, что натворил ты по злому ли умыслу или желая прослыть реформатором? Ответь нам, горемычным, гонимым ветром, как перекати-поле, по просторам страны, где не за что зацепиться среди ожесточенных повсюду

людей. Ответь нам, как жить дальше потерявшим все — друзей, имущество, жилье. Куда прибьет нас волна житейского океана, выживем ли мы, уже сегодня вынужденные просить подаяние для трехлетней внучки и себя? Ответь нам, если осталась еще совесть, зачем понадобилось тебе, чтобы люди пролили столько слез и крови, лишил спокойствия и уверенности в завтрашнем дне. Ответь, что будет с нами. А мы, наши дети и внуки всегда будем помнить тебя, твоих детей и внуков за ту милость, что сотворил ты для нас и всего народа…

Подобные письма шли десятками в адрес президента СССР, ЦК КПСС. И читать их было больно и страшно: гонимые и лишенные всего люди, распадающаяся страна, деградирующая экономика, разваливающаяся армия, кровь и слезы сражающихся народов, столетиями живущих в мире, — все это требовало остановить беду, предотвратить худшее.

И люди, облеченные властью, не желая ничего, кроме благополучия народу и мира своей стране, не из-за властолюбия, а боясь новой крови, пытались в августе 1991 года предотвратить неумолимо надвигающуюся трагедию. Но они не стали применять жестокие методы, считая, что жизнь людей дороже всех перестроек, и не пошли против воли народа.

…Более 70 лет назад на заре советской власти английский писатель Герберт Уэллс увидел Россию во мгле. Истории свойственно повторяться. Вновь мгла туманит просторы великой страны, вновь льется кровь, страдают люди. Возродится ли наша держава при жизни нынешнего поколения? Трудно сказать сегодня. Время расставит все по своим местам и даст оценку всему, что произошло в XX веке. В веке величайших войн и революций, побед и поражений, в веке реализации грандиозных идей и крушения мифов, гениальных открытий в науке, блестящих достижений культуры и массового уничтожения людей.

XX век завершается смутой и кровавой трагедией на огромных евразийских просторах. Наступит ли здесь успокоение, или это лишь прелюдия к новым потрясениям? Время покажет.

Три года спустя (Вместо послесловия)

Минуло три с лишним года. Свалившаяся как перезрелый плод власть упала к ногам молодой демократии. И вот результат — три года триумфа свободы — буйство митингов, демонстраций, расстрелов, бомбежек и ракетных ударов по россиянам. Все атрибуты и аргументы нашей демократии в действии.

Смотрю на лица современных лидеров и радуюсь — молодые ухоженные лица, светлые, невинные взоры. Нет, это не прежние корыстолюбцы, а совсем новые. Правда, среди них просвечивают и старые знакомые. Но они ничуть не портят общего впечатления, не выпадают из стройных рядов власти, уверенно шагая в ногу с молодой порослью. Как трогательно все-таки подобное единение душ, интересов, взглядов.

Хожу по городу и не узнаю Москвы. Другие названия улиц, станций метро, разноязыкие и многоцветные вывески, сверкающая реклама и бесконечная череда магазинов, меняльных контор, банков, киосков, «мерседесов», «джипов». И кругом торговцы. Кажется, вся Москва вышла на улицу торговать. Продают все — джинсы и ботинки, телевизоры и квартиры, коллективы со своими объемами работ и двухместные ванны. Вот молодые в кожанках парни развешивают импортные тряпки, таскают коробки с пивом, водкой, конфетами, торгуют оптом и в розницу. Старуха в длинной вязаной кофте продает электрическую лампочку, щеколду от двери и бутылку с какой-то цветной жидкостью. Старый солдат держит в дрожащих руках пряжку ремня, орден Красной Звезды, какие-то медали. Его-то за что унизили? На веку этого солдата не только кровавая битва, но и нелегкая пора восстановления порушенного. Это перед ним и такими, как он, все мы в неоплатном долгу. И отстояли страну, и восстановили ее, дали и хлеб, и образование тем, кто их обесчестил сейчас нищетой.

А рядом экзотические витрины продовольственных магазинов и зашторенные окна валютных супермаркетов. Взгляд, скользя по витринам, переходит от восторга к восторгу, немеют люди от обилия продуктов и ярких упаковок. Михаил Сергеевич, отец продовольственной программы, где вы? Оказывается, не наращивать продуктивность полей и ферм надо было, а совсем наоборот. Сейчас сельскохозяйственное производство падает, а посмотрите какие прилавки! Даже киви есть, как сказал один из апостолов демократии. А это, видимо, вершина изобилия и пресыщенности. Теперь острят: капитализм — это власть

демократов плюс кивизация и бананизация всей страны. Правда, киви товар не слишком ходовой. За штуку величиной чуть больше куриного яйца просят цену батона. Народ предпочитает почему-то хлеб. Да и за другими «красотами» не слишком давится в очередях. Больше смотрит.

Но есть кто и смотреть себе не позволяет. Люди ходят как тени по темным улицам города, неопрятного, неприбранного. Обреченность какая-то в этой хмурой толпе, чувство утраты и растерянности. В грязных и мрачных переходах идет своя жизнь. Пожилой мужчина играет на баяне мелодии военной поры. Еще молодая женщина с двумя маленькими детьми сидит на холодном цементном полу перед банкой с несколькими мелкими купюрами, взглядом прося помочь. Время от времени укрывает мерзнущих детей полами своего легкого пальтишка. Мальчик постарше безучастно смотрит сухими бездонными глазами на мелькающие ноги спешащих людей, оживляясь и поглядывая на мать, когда в банку кидают смятую сторублевку. Беженцы. Откуда их гонит ветер ненависти, где прибьются эти никому не нужные люди?

…Переполненная пригородная электричка. Раскрасневшиеся лица мужчин и женщин в одинаковых куртках и вязаных шапочках. Они сидят на скамьях, в проходах на огромных тюках и баулах, которыми забит весь вагон. Пьют воду и пиво из жестянок и что-то жуют, ругаются, смеются, считают деньги. Челноки — современные коробейники. Двигатель торговли и свидетельство крушения рынка отечественных товаров. У окна играют в карты неопределенного возраста полутрезвые мужчины. Грязно ругаются. С краю женщина в пальто из далекого прошлого, девочки-школьницы с прозрачными лицами, ловящие слова челноков, старик селянин в резиновых сапогах и в фуражке и внук в треухе с мешком не проданных на рынке не то яблок, не то картофеля и торчащим безменом.

Двинулась Россия. Смотрю на вокзально-вагонную суету и давку и вспоминаю послевоенные годы. Тогда разоренная, обессиленная страна тоже пришла в движение. Люди возвращались из эвакуации, фронтовики разъезжались по домам, пепелищам, горожане ехали в деревни менять вещи, трофейное барахло на хлеб, картофель. Вот и теперь разруха вздыбила страну, подняла в дорогу народ. С чего бы? Вроде ведь собственники вокруг, каждый получил ваучер — часть национального богатства. Но, видно, так ловко разделено оно, что от нищеты не уберегло. Общество равных возможностей и всеобщего благоденствия не получилось. Демократизация и закончилась так, как должна была закончиться,

— перераспределением собственности в пользу сильного. Да Бог с ней, с собственностью. Не было ее, жили небогато, но и не бедствовали, достоинства не теряли. Строили много жилья, больниц, школ, детских садов.

Кончилась прежняя жизнь. Что теперь за государство образовалось на просторах России — не поймешь. Но та гремучая смесь полуфеодального, полугосударственного капитализма, который удалось сляпать последователям Горбачева, все острее обнаруживает свой глубочайший кризис, полную неспособность к саморазвитию. Кажется, энергия реформ, энергия наступления уже исчерпана, не дав положительного результата, началась позиционная война с народом: отрыты окопы полного профиля, демократы готовятся к обороне по всем правилам военного искусства. Создаются новые спецчасти, тренируются мускулы ОМОНа, демонстрируется сила. Но чем больше выстрелов, тем слабее власть. Иногда думаю: правительство, видимо, и готово бы вернуться в 1991 год, чтобы начать многое с чистого листа, да поздно. Поезд ушел. Сейчас не только расширенное воспроизводство невозможно, но и простое не получается. Основные отрасли экономики проваливаются все глубже в бездну.

Не стало больше великой страны с названием Советский Союз. А значит, нет, да боюсь и не будет супердержавы России. Ракеты и ядерные заряды еще есть, а мощи государства уже не видно. Замирают многие крупнейшие заводы и фабрики — гиганты индустрии. Разваливается село, забивается скот, сокращаются посевы. Утрачено и великое достижение социалистического строя — общественные фонды потребления, ценимые не только нами, но и всем миром, перенявшим многое из достигнутого в СССР.

И все крушится не ради структурной перестройки, а вследствие развала системы управления, кооперативных связей, снижения профессионализма руководителей, рабочих, подавшихся в челноки и палатки. Нельзя единый народно-хозяйственный комплекс страны, создаваемый столетиями, расчленить в одночасье и считать, что это позволяет всем лучше жить. Порушенное не склеить.

От многих иллюзий избавили нас демократы, развалив народное хозяйство. Но не только экономику мы теряем. Мы теряем себя. Прежде чем остановились шахты, прокатные станы, домны, разрушилась, эрозировала духовная мощь народа. Обесценены все его идеалы, выдернут стержень, который держал человека и общество, делал его сильным, могучим и великим во все времена. Из душ и памяти россиян вытравляется понятие Родины, патриотизма, уничтожается самое великое богатство

народа — совестливость, способность светить, согревать своей духовностью мир, мыслить великими категориями и масштабами. То, что стала страна терять пять — семь лет назад, завершается упадком культуры, презрением науки, нравственным разложением общества, его расслоением. И плоды этой политики вызревают в самых низменных и темных глубинах человеческой души. Это — глухота чувств, алчность и дикое, кровавое озверение. Жизнь человека потеряла всякую ценность. Он уничтожается физически, травится духовно, морится голодом, погибает от болезней. Россия тает, тает ее интеллектуальная сила, генетический фонд великого народа. И самая потрясающая черта соотечественников — страшное безмолвие, накопление ненависти, которая может выплеснуться в одночасье в виде большого бессмысленного и всеуничтожающего бунта.

Минуло три года, и новые факты дополняют картину предательства Горбачевым интересов Родины.

Что позволило ему начиная с 1989 года достаточно энергично, хотя и не всегда последовательно поворачивать партию, управленческую машину, всю страну не столько к реформированию общества, сколько к развалу экономики союзного государства, расколу КПСС?

Время приподнимает покровы, развязывает языки. Сейчас можно с большей уверенностью говорить о причинах и предпосылках происшедшей трагедии. В чем они? Прежде всего в поддержке перемен, породившей уверенность лидера в своей безнаказанности. Уже в 1986 году генсек довольно прочно овладел общественным мнением, получил широкую поддержку различных слоев общества в осуществлении реформ. Не меньшее, а пожалуй, и большее значение имело завоевание им поддержки в руководящих кругах ведущих западных стран. Встречи Горбачева с Рейганом и Бушем в Рейкьявике, Вашингтоне, на Мальте, в Москве, информирование этих лидеров о своих целях и намерениях привели к тому, что Запад сделал ставку на Горбачева, развернул беспрецедентную пропаганду в пользу его личности и осуществляемых им реформ. Комплиментарность не насторожила Горбачева, а вдохновила. Он получил поддержку и среди части недовольной своим положением отечественной элиты, особенно остро чувствующей веяния Запада.

Все это создало предпосылки для поворота в горбачевской политике. Был ли осознан этот поворот членами Политбюро р Секретариата ЦК? Думаю, да, во всяком случае, многими. Но никто никогда не поставил принципиально вопрос о конечной цели перестройки. Возможно, это происходило потому, что в работе этих органов была нарушена коллегиальность, принцип

общего согласия. Горбачев настаивал на своем и принимал решения даже тогда, когда не получал поддержки других членов Политбюро. Вообще процедура принятия постановлений, сама обстановка на заседаниях нуждались в совершенствовании. В последние годы был утрачен творческий, товарищеский подход к обсуждавшимся проблемам. Все заметнее проявлялись конфликты и противоречия между Рыжковым и Лигачевым, Лигачевым и Яковлевым, Рыжковым и Медведевым. Такая обстановка явно вредила делу, но никто из руководителей не захотел обсуждать сложившуюся ситуацию.

Стоило ли говорить в этом случае о несогласии с курсом Горбачева? Самое большее, что могли сделать члены Политбюро при несогласии, — это промолчать. Попытки, например, Рыжкова возражать против каких-то необдуманных решений тотчас натыкались на отбойные речи Медведева, всегда готового отстаивать линию Горбачева независимо от того, была ли она правильна или ошибочна. Во всяком случае, за все время участия в работе Политбюро и Секретариата ЦК я не слышал, чтобы кто-то пытался выяснить, куда ведет партию и страну генсек, хотя между собой такие разговоры велись.

Только сейчас стало очевидным, что Михаил Сергеевич давно вынашивал идею раскола партии, выделения из нее социал-демократического крыла. Рост неприятия обществом и партией многих идей перестройки, негативного отношения к генсеку заставил его торопиться. Намерения расколоть КПСС объясняют многие действия генсека. Он объективно был заинтересован в расчленении страны и, следовательно, в формировании небольших и ослабленных отрядов партии в республиках. Это относится и к дискредитации коммунистов, когда пресса возложила на них ответственность за все реальные и мнимые ошибки в прошлом.

Мог ли Горбачев считать раскол КПСС неизбежным? Наверное, мог. Но в этом случае он был обязан как человек, претендующий на порядочность, всенародно сказать о своей позиции, мотивировать ее и либо убедить коммунистов в необходимости перемен, либо сложить с себя на съезде полномочия генсека. Ни того, ни другого Горбачев не сделал, предпочтя тайные, подрывные методы разрушения КПСС и СССР. Более того, вероятно, кроме А. Н. Яковлева, А. С. Черняева и Г. Х. Шахназарова, о его намерениях не знал никто, в том числе и те сподвижники по Совету Безопасности, которым, по словам генсека, он доверял больше всего: Попытки оправдать это двуличие и ложь нежеланием травмировать членов партии выглядят сегодня не просто ханжески. Это рецидивы и неизжитые

методы прошлого мышления. Это не ложь во спасение. Это откровенное предательство, а если говорить о каком-то спасении, то только собственном. К сожалению, такие факты становятся очевидными спустя годы.

Четыре года назад несколько членов Совета Безопасности СССР доложили М. С. Горбачеву, что может произойти со страной, если выбранный им курс разрушения государства будет продолжен. Были даны оценки различных сторон жизни общества — от экономики до положения в армии, от настроений в партии и народе до анализа сепаратистских действий в республиках и областях. Вывод был тогда однозначный — следует встать на реалистический путь, остановить распад страны, ее народного хозяйства, обеспечить единство интересов всех регионов СССР. Если этого не сделать, то произойдет катастрофа. И попытка предотвратить ее была сделана.

Сейчас многие стараются не вспоминать об Обращении к народу ГКЧП, о поставленных им целях и задачах, рассматривая выступление высших руководителей страны в августе 1991 года как желание возвратить страну в прошлое. Столь очевидная ложь была, возможно, нужна тем, кому надо было захватить и упрочить власть. Но за эту ложь многие продолжают цепляться и ныне. О том, что подобные утверждения надуманны, говорит хотя бы то, что люди, обвиняемые в желании чуть ли не реставрировать сталинизм, не только одними из первых поставили вопрос о реформировании общества, но и начали осуществлять меры по улучшению дел в стране, отстаиванию принципов гласности и подлинной демократии, использованию эффективных методов хозяйственного регулирования. И делалось это еще в то время, когда иные нынешние демократы не только не понимали, но и плохо выговаривали новые слова, если судить по их публичным выступлениям того времени.

Члены конституционного органа — Совета Безопасности, вошедшие затем в ГКЧП, осознавали последствия того, что собирался сотворить со страной Горбачев и некоторые руководители союзных республик, а потому в своем Обращении к народу выступили против развала Советского Союза и попрания воли людей, высказавшихся на референдуме за единство страны. Они заявили, что поддерживают курс реформ, в том числе с использованием рыночных механизмов, дальнейшую демократизацию общества, но возражают против ликвидации оправдавших себя принципов хозяйствования и завоеваний трудящихся в социальной сфере. Они выступали за дальнейшие перестройку системы управления государством, сокращение армии и вооружений, но считали возможным осуществить все это

без спешки, неоправданных уступок. Они выступали за вывод войск из государств бывшего социалистического содружества, но не на условиях бегства, которые были продиктованы нашей стране странами НАТО.

В Обращении к народу говорилось и о других постепенных преобразованиях в стране. Возможно, для пресечения развала государства нужны были более весомые аргументы. Но даже если сомневаться в правильности принятых решений, несомненно одно: людей, решивших вывести на прямую наводку танки и стрелять в своих соотечественников, как я понимаю, в ГКЧП не было. Зато они нашлись в октябре 1993 года, и сколько бы ни оправдывали свой страшный шаг той роковой осени, он навсегда останется кровавой страницей нашей истории, и, кажется, не единственной.

notes

Примечания

1

Шик — видный чехословацкий экономист, проповедовавший принципы развития социалистической экономики с применением рыночных методов развития.

2

Нэнси Рейган при участии Уильяма Новака — Мой черед: (Воспоминания)/ Иностранная литература. 1991. № 9. С. 203–204.

3

Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. 1987. Т. 1. С. 382–383.

4

Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 5. С. 386.

Там же. Т. 3. С. 181.

Горбачева Р. М. Я надеюсь… М. , 1991. С. 23.